

Е. В. Сундуева

ЗВУКИ И ОБРАЗЫ

фоносемантическое исследование
лексем с корневыми согласными *[r/m]*
в монгольских языках

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Е. В. Сундуева

Звуки и образы:
фоносемантическое исследование лексем
с корневыми согласными *[r/m]*
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Улан-Удэ

Издательство Бурятского научного центра СО РАН

2011

УДК 81'37(=512.36)
ББК 81.2(5Мо)
С 898

Ответственный редактор

д-р филол. наук, проф., академик МАН ВШ
Л. В. Шулдунова

Рецензенты

д-р филол. наук *Л. Д. Шагдаров*
канд. филол. наук *Д. Ш. Харанутова*
канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*

Сундуева Е. В.

С898 Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными *[r/m]* в монгольских языках: Монография. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2011. – 344 с.

ISBN 978-5-7925-0307-6

В монографии устанавливается связь значений слов с акустико-артикуляционными характеристиками корневых согласных *[r/m]*.

Рассчитана на широкий круг специалистов в области монголоведения, фоносемантики, этимологии, психолингвистики.

УДК 81'37(=512.36)
ББК 81.2(5Мо)

ISBN 978-5-7925-0307-6

© Е. В. Сундуева, 2011
© ИМБТ СО РАН, 2011
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2011

Введение

Современной лингвистике с ее антропоцентрической направленностью характерно стремление по возможности более полно и адекватно интерпретировать процесс языкового отражения представлений человека, формирующихся в зависимости от типа перцептуального канала получения информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы языковой репрезентации перцептивной информации как результата первичной ступени познания мира, а также недостаточной степенью изученности языковых единиц, отражающих такую сферу деятельности человека, как физическое восприятие.

В соответствии с многообразием и разнохарактерностью чувственно воспринимаемых объектов и реалий мира рассматриваемый в данной работе материал основан на классификации основных каналов получения сенсорной информации или отдельных органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. С помощью данных 5 модулей перцепции человек воспринимает объекты и явления, попадающие в область его когниции, а затем отображает свое восприятие мира в языке путем комбинирования звуков, способного к дифференциации смыслов.

Работа выполнена в русле комплексного подхода к языку и непосредственно связана с развивающейся лингвистической дисциплиной – фоносемантикой, появившейся на стыке фонетики, семантики и лексикологии. Теоретическое и практическое обоснование проблем звуковой изобразительности является чрезвычайно важным как для самой науки, так и для повышения ее статуса в ряду других лингвистических дисциплин.

В настоящей работе мы придерживаемся синестетической теории происхождения звукосимволизма (С. Ньюэн, М. Бенгли, Е. Вейрон, М. С. Майрон, Ф. Кайнц), в основе которой лежат физические свойства звуков. Важнейшими компонентами психофизиологической основы звукосимволизма, как известно, являются синестезия (от греч. *συναίσθησις* ‘одновременное ощущение, совместное чувство’) и кине-

мика (от греч. *κίνημα* ‘движение’). Под синестезией традиционно понимается феномен восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. К кинемам относятся мимические движения, обозначающие физиологические процессы в полостях рта и носа, мимические подражания неакустическим объектам и др.

Исследование базируется на изобразительной системе языка, представленной звукоподражательной и образной подсистемами. Их единицы обладают существенной и относительно устойчивой фонетически мотивированной связью между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именованного. Данный лексический пласт обладает рядом признаков: экспрессивность и конкретность семантики, фонетическая гипервариативность, стилистическая ограниченность и особый набор словообразовательных формантов, из которых, в первую очередь, следует отметить глагольный суффикс *-ayı* и адъективный суффикс *-yar*, являющиеся самыми надежными «свидетелями» образного происхождения производящей основы.

В данной работе предпринята попытка спроецировать сетку признаков образных корней с «прозрачной» семантикой на признаки так называемой базовой лексики, включающей обозначения природных явлений, элементов флоры и фауны, номенклатуру частей тела, числительные 1-го десятка, глаголы, передающие элементарные действия, и др. Подобный подход открывает широкие перспективы для изысканий в области этимологии, психолингвистики и лексической семантики монгольских языков. Предлагаемая работа, надеемся, позволит не только прикоснуться к истокам существующих лексических значений, но и выявить некоторые закономерности в лексической организации языка.

Материалом для исследования послужили различные лексикографические источники: двуязычные, этимологические и толковые словари и пр. В работе также использовались диалектологические и фольклорные материалы, экспедиционные записи. Формы старописьменного монгольского языка приводятся в соответствии со словарями О. М. Ковалевского и Ф. Лессинга со ссылками. Формы, не имеющие ссылок, а также формы халха-монгольского языка приведены в соответствии с «Большим академическим монгольско-русским словарем»

[2001–2002]. Рефлексы из бурятского, калмыцкого языков и языка ойратов Синьцзяна без ссылок приводятся на основе «Бурятско-русского словаря» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2006, 2008], «Калмыцко-русского словаря» под ред. К. М. Муниева [1977] и «Словаря языка ойратов Синьцзяна» Б. Х. Годаевой [2001]. Данные по ордосскому и южно-монгольским языкам берутся из «Etymological dictionary of Altaic languages» С. А. Старостина, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака (при содействии И. Грунтова и В. Глумова) [2003] со ссылками. Рассматриваемая лексика дается в орфографии источников.

Среднемонгольские формы выбраны как из восточно-, так и западно-среднемонгольских памятников: *Тайная история монголов* (сер. XIII в.); китайско-монгольский словарь *Хуаи шуй* Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.); арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб* (XIV в.), арабско-монгольский словарь *Китāб Хилият ал-Инсāн ва Халбат ал Лисāн* Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.); арабско-персидско-турецко-монгольский словарь *Шамиль ўл-Луғат* (кон. XV – нач. XVI в.); монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь *Китāб Маджмӯ’ Гарджумāн Туркӣ ва ’Аджамӣ ва Муғалӣ ва Фāрсӣ* Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.). Преклассические монгольские формы даны по изданию Д. Тумуртоого [2006].

Так как в монголистике праформами принято считать наиболее архаичные формы слов старописьменного монгольского языка, то в данной работе в основном мы будем оперировать ими. В целях выявления типологически сходных мотивационных признаков нами привлекается лексика других алтайских языков с корневыми согласными [r/m], однако проведение фоносемантических исследований на материале тюркских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков, несомненно, поможет выявить как специфические для отдельного языка, так и общие генеральные линии воплощения перцептивной информации.

Следует признать, что не все лексемы с корневыми согласными [r/m] поддаются точной этимологизации, что объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Тем не менее исследование демонстрирует очевидную тенденцию полевого структурирования значений, объединенных общим элементом – фоносемантической доминантой.

Глава I

Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными [r/m]

Данная глава посвящена исследованию морфологической структуры общемонгольских лексем с корневыми согласными [r/m], установлению фонетической структуры ядра первичных корневых морфем, выявлению словообразовательных типов, действовавших на ранних этапах эволюции монгольских языков. Определение древних продуктивных словообразовательных моделей позволит вычленить первообразные основы общемонгольского характера.

Проблема структуры корня интересует монголоведов и алтаистов с разных точек зрения: историко-генетической, этимологической, фонетической, семантической и др., поскольку в корнях, выступающих в качестве важнейших составных элементов устройства языка, заложено концептуальное ядро слова. Ряд алтаистов утверждает о первичности двухзнаковых корней, т. е. корней типа $C+V$, другие считают, что только корень $C+V+C$ является типом древнейшей структуры корня. Третьи выделяют разные структуры корня: от самых простых до более сложных.

В работе нами рассмотрены следующие типы корней:

1. $V+C_D$ (*ar-a-l*, *er-e*, *or-u-ngya*, *um-ai*);
2. $C_{un}+V+C_D$ (*ber-e-ge*, *sür-e-g*, *nam*);
3. $V+C_D+C_{aus}$ (*örb-e-lge*, *ert-e-ger*, *amč-i-γar*);
4. $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$ (*sorm-u-su*, *sarb-a-ljǎ*, *bamb-ai*).

В рассмотренных типах корней фигурирует от 1 до 3 составляющих консонантов:

– согласный-доминанта (C_D) – носитель генерального признака. В звукоподражательных словах он передает основной характер звучания. В доминанте образных слов закодирована базовая информация о денотате: его форме, размере, цвете, свойствах поверхности, динамических состояниях, психологических и иных характеристиках и пр.

Он может занимать позицию в ауслaute корня (типы 1 и 2), либо в инлауте (типы 3 и 4)¹;

– анлаутный согласный (C_{un}) в звукоподражательных словах индицирует начальную фазу развития звука. В образных словах может либо смягчать, либо усиливать степень проявления генерального признака;

– ауслатный согласный (C_{aus}) в ономотопах моделирует конечную фазу звучания², согласные $[s]$, $[d]$ могут указывать на моментальность совершения действия. Вносит дополнительный оттенок в семантическую структуру образного корня. Например, согласные $[b]$, $[l]$, $[m]$, $[n]$ вносят оттенок смягчения признака, $[\check{c}]$, $[j]$, $[s]$ – шуршания, шероховатости и др.

Следует отметить, что в монгольских языках представлены и другие типы корней. Например, корень, состоящий из одного только консонанта (C_D) $*j$, в лексеме п.-мо. *ǰ-ö-gei* [Less., p. 1074], мо. *зөгий*, бур. *зүгы*, калм. *зөг*, ойр. *зөг* ‘пчела, шершень’, образованной с помощью форманта *-gei* от корня *ǰ*, представляющим собой звукоподражание (*ǰ-ǰ-ǰ*). Кроме того, можно отметить функционирование изобразительных корней с дифтонгами, долгими гласными: (C_{un})+ V_{diph} + C_D + (C_{aus}) (например, п.-мо. *qaib-a-γar* ‘мерно покачивающийся’); C_{un} + V + V + C_D (п.-мо. *γoul* ‘река; долина’, *qour-a* ‘яд, отрава’) и долготными комплексами (C_{un})+ V + C_i + V + C_D + (C_{aus}) , где C_i – интервокальный согласный $[γ/g]$ либо $[y]$.

Удлинение звукоподражательного или образного корня в ряде случаев могло быть обусловлено стремлением передать длительность звучания, интенсивность проявления признака. Например, ср. параллельное функционирование корней $*ber(b)$ и $*beger$ в п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’ и п.-мо. *begere-*, мо. *бэ-эрэ-*, бур. *бээрэ-*, калм. *беер-* ‘зябнуть, мерзнуть’; корней $*kör(k)$ и $*köger$ в бур. *хүрхэ* и *хөөргэ* ‘кузнечные меха; горн’. Часто удлинение вокалической составляющей корня происходило уже на более позд-

---

¹ Выделяя в тюркских языках тип звукоподражательных слов типа CVCC, авторы СИГТЯ называют данный компонент вторым согласным в конечном сочетании [1988, с. 518].

² Ср. мо. *tülk-e-* и рус. *толк-ать*, *бульк-ать*, *с-молк-ать*, *чирк-ать* и др.

ней стадии развития языков: п.-мо. *sümeg* [Kow., p. 1430], мо. *сүмгэр* и *сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете)’; п.-мо. *ötüger*, бур. *үмэгэр* и *үүмэгэр* ‘суженный, сжатый’. Однако данный тип корней, несомненно, требует особого рассмотрения в связи с необходимостью установления номинационного потенциала согласных [y/g] в качестве доминант. Дальнейшие исследования позволяют выявить другие типы корней.

В качестве доминант в данной работе выступают согласные [r] и [m], выбор которых обусловлен тем, что именно с их помощью в монгольских языках реализуется диада «мужской (эр) ↔ женский (эм)», представляющая собой фундаментальную оппозиционную пару, которая занимает важное место в ряду представлений, отображающих модель мира. Кроме того, они формируют такие базовые оппозиции, как «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «яркий ↔ тусклый», «кислый ↔ сладкий», «шершавый ↔ пушистый», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный».

Приведем акустико-артикуляционные признаки указанных согласных, поскольку именно они положены в основу номинации рассматриваемых в данной работе лексем. Ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант [r] артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью. «Кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха, образуя одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. В отличие от русского какуминального *p* бурятский *r* произносится при почти полной апикальной настройке и слабом подъеме кончика языка. Эта особенность артикуляции *r* обуславливает меньшую вибрантность, иногда он становится просто щелевым. В позиции между гласными или в сочетании с другими сонантными и слабыми согласными звук *r* произносится с участием голоса, является сонантным в полной смысле, т. е. при произнесении его голос преобладает над очень слабым шумом» [Бураев, 1987, с. 50].

Известно, что в алтайских языках согласный [r] является одним из звуков, не встречающихся в позиции корневой инициали. Относительно этого Б. Я. Владимирцов пишет: «В монг.-письм. и в халхаском *r* никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с *r*, но эти слова являются лишь транскрипцией иноязычных форм. Как в монг.-письм., так и

халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с *r*, в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за *r*; если за начальным *r* следуют узкие гласные *i*, *u*, то в качестве эпентетического гласного является гласный средний *e* или *o*» [Владимирцов, 1929, с. 366]. Также можно утверждать, что для согласного [*r*] неприемлема недоминантная позиция в ауслауте корня.

Носовой, билабиальный сонант [*m*] образуется «смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость рта. Губы при этом напрягаются очень слабо. При произнесении носовых звуков раскрытие смычки дает очень слабый взрыв» [Бураев, 1987, с. 42]. Данный согласный, напротив, обладает способностью выступать во всех 3 позициях корня. Помимо главной он не теряет своей изобразительности и в других позициях, беря на себя функцию смягчения признака, выраженного доминантой.

Как отмечает Л. Д. Шагдаров, фонетический состав подражательного слова в значительной мере определяется воспроизводимым звучанием, потому в них появляются звуки, выходящие из существующей системы языка. Этой же причиной объясняется и тот факт, что в начале звукоподражательного слова встречаются звуки, акустически производящие сходные впечатления с началом исходного звучания: взрывные (смычные) согласные *n*, *m*, *ɖ* встречаются преимущественно в словах, подражающих сильным звукам, при этом *n*, *ɳ* соответствуют шмякающим звучаниям, *m*, *ɖ* и *n*, *l* – сухим, резким звучаниям твердых предметов [1962, с. 51].

По замечанию В. И. Цинциус, та или иная реконструкция непременно должна учитывать «характер консонантного анлаута как результат развития, который связан с изменениями праязыковых системных отношений» [1984, с. 17, 20]. Для доказательства наличия в прошлом в монгольских языках анлаутного $*h < *p < *φ$ Г. Рамстедт, помимо сравнительно-исторических фонетических реконструкций, учитывал, что в глоссариях арабских (и персидских) авторов XIII–XIV вв. ряд монгольских слов с начальным гласным имеет в анлауте знак *h* [Ramstedt, 1916, p. 1–10].

В исследовании П. Пеллио содержится около сотни среднемонгольских (XIII–XIV вв.) форм с инициальным $*h < *p < *φ$, который

исчез в большинстве современных монгольских языков и оставил следы лишь в монгорском в виде *f* и дагурском *O~χ* [Pelliot, 1925, p. 193–263]. Кроме того, рефлексы *h- частично сохраняются в дунсянском, баоаньском и желто-уйгурском языках.

Ауслатный согласный образных корней в тюркских языках Н. И. Ашмарин называет отличителями, Л. Н. Харитонов – структурными элементами, М. Сахарова – суффиксами [Шагдаров, 1962, с. 24–25].

Ц. Б. Цыдендамбаев выделяет в бурятских кинемато-изобразительных словах 2 основы: первичную и вторичную. Первичная состоит из 2 слогов, из которых второй может быть более или менее регулярным. Приведем выделяемые автором «наиболее распространенные и характерные вторые слоги-суффиксы»: *-ба* (*ааба-ааба, арба-арба*), *-га* (*анга-анга, ханга-ханга*), *-да* (*гада-гада, ёдо-ёдо*), *-йа* (*дая-дая, ьоё-ьоё*), *-жа* (*унжа-унжа*), *-за* (*бэгзэ-бэгзэ, үрзэ-үрзэ*), *-ла* (*яла-яла*), *-ма* (*аама-аама*), *-на* (*марна-марна*), *-ра* (*ира-ира, дэрэ-дэрэ*), *-са* (*алса-алса*), *-та* (*занта-занта*), *-ха* (*гунха-гунха*), *-ша* (*урша-урша*) [1958, с. 137–138].

Как видно из примеров, в некоторых из них к согласным, формирующим «слоги-суффиксы», отнесены доминанты: *ааба-ааба* ‘еле-еле, неуверенно и неустойчиво (о ходьбе)’, *ёдо-ёдо* (о движении чего-л. острого и длинного), *яла-яла* (о мерцании и блеске), *аама-аама* ‘открывая и закрывая рот (жевать)’, *ира-ира* ‘кишмя (кишеть), во множестве мелькать’, являющиеся фундаментом для формирования значения в корне.

Вторичная основа кинемато-изобразительных слов, по ценному замечанию исследователя, регулярно образуется на базе первичной основы с помощью суффикса *-га*, гласный звук которого часто выпадает (*арбаг-арбаг//арбага-арбага, ёлог-ёлог//ёлого-ёлого*) [Там же, с. 139].

Анализируя структуру изобразительных слов, Л. Д. Шагдаров также приходит к заключению, что «второй слог образных корней в бурятском языке (**дар-са, *дар-да, *тар-ха, *тар-ша*) <...> в известном смысле может быть признан за аффикс, хотя никакого определенного обобщенного значения он не вносит, выполняя, очевидно, функцию образования основы образного слова для дальнейшего образования от них различных глагольных форм и прилагательных при помощи специальных суффиксов» [1962, с. 101–102]. Тем не менее

автор выделяет в бурятском языке сложные форманты *-шагана* (в *таршагана-* ‘трещать’), *-жагана* (в *тубжэжээнэ-* ‘топотать’) [Шагдаров, 1962, с. 75], в нашей же работе аффрикаты в подобных примерах рассматриваются в составе корня (*tarč-i-gina-*, *tübʃ-i-gine-*).

Подобной точки зрения на ауслautный согласный корня в нанайском языке придерживается Н. Б. Киле, отмечающий, что «в структуре корневых слов интерес представляют конечные звуки: согласные *к, с, х, п, р, р-р, нг, нг-нг, л, л-л, м, м-м* <...>. При сопоставлении корневых слов обнаруживается, что их конечные звуки имеют свою, особую, значимость» [1973, с. 41]. В. А. Аврорин также отмечает, что «конечные согласные *к, л, р* некоторых образных слов, возможно, представляют собой омертвевшие суффиксы» и приходит к ценному выводу о том, что, «судя по общим особенностям, семантики этих слов, их конечные согласные имели своим назначением подчеркивать моментальность, мимолетность, точечность признака действия» [1961, с. 220]. Структура корня, включающая ауслautный согласный, расширяет диапазон привлекаемых к анализу лексических единиц и дает возможность выявить протокорни в монгольских языках. Следует отметить, что смягчение согласных в целом влечет за собой смягчение признака.

Таким образом, ядерные изобразительные значения складываются из семантического потенциала максимально 3 консонантных компонентов корня³. Очевидно, что позиции анлаутного и ауслautного консонантов менее значимы, чем позиция доминанты. Наблюдаются случаи, когда один и тот же тип согласных как в анлауте, так и в ауслaute служит для передачи одного значения. Так, от корней **irʃirš ↔ *sir* образованы п.-мо. *irʃ-i-gir* ‘шершавый, грубый’ и п.-мо. *sirügün* ‘шероховатый; жесткий’; от **örs/örʃ ↔ *jör* – п.-мо. *örisüldü-* ‘соперничать, оспаривать’ и *jörildü-* ‘противоречить, пререкаться’.

Доминанта, по сути, представляет собой инвариант, допускающий вариативность других консонантных элементов корня и практически свободную вокалическую вариативность. Исследование вока-

---

³ В русском языке допустимо наличие до 5 консонантов в корне, например, *шкварк-и, шкворч-ать* и др.

лических чередований в образных корнях показывает, что они не обладают способностью кардинально менять семантику, заданную консонантным составом корней.

Один из первых исследователей звуковой изобразительности Н. И. Ашмарин отмечает: «Различные степени огубления соответствуют той или иной степени аффекта, определяемой характером представления о напряженности и силе изображаемого процесса. Так, например, мимема *хам* подражает лаю маленькой, а *хом* – лаю большой собаки, *лат* – подражает сильному шлепанию, а *лет* – очень слабому, как нежному» [1928, с. 10]. Ц. Б. Цыдендамбаев также подтверждает, что «в звукоизобразительных словах наблюдается тенденция к дифференцированию смыслоразличительной роли гласных звуков. Если посредством основы с гласным *a* обозначается более открытый или звонкий звук, то употребление основы с *э* и, тем более, с *у* связано с изображением приглушенных, притупленных звуковых впечатлений: ср. *тас-тас* и *тус-тус*. С другой стороны, гласный *a* употребляется в тех случаях, когда передаются более сильные или резкие звуки, тогда как гласный *э* имеется в основе при обозначении более слабых и мягких звуков: ср. *хаб-хаб* и *хэб-хэб* [1958, с. 146].

По наблюдениям Л. Д. Шагдарова, «гласный *a* обычно встречается в словах, подражающих сильным, громким звучаниям больших предметов, *o* – четким, ясным звучаниям маленьких предметов, *y* – выражает глухое звучание <...> *и*, *я* – сильные и высокие по тону звучания» [1962, с. 53, 55]. Относительно вариативности гласных в образных корнях автор отмечает, что «слова, в которых чередуются только начальные согласные или согласные в середине слова, более близки по значению, чем слова, имеющие одинаковый состав согласных, но отличающиеся гласными первых слогов: если первые употребляются для обозначения свойств одних и тех же предметов, то вторые, создавая свой собственный ряд, могут характеризовать разные предметы действительности» [Там же, с. 112]. Таким образом, символизация размера денотата зависит от степени открытости полости рта и позиции языка.

Известно, что в монгольских языках, как и в других языках мира, на границе морфем допускаются не все звукосочетания. В связи с этим в процессе образования производного слова соединяющиеся морфы стремятся к взаимному приспособлению. Так, в корневых

морфемах «в ряде случаев наблюдается появление гласного, который не является наследником какого-либо прежнего гласного, но является вставочным: *emǖs-* ‘одевать’, *urus-* ‘течь’» [Владимирцов, 1929, с. 347]. Однако наиболее характерна для эпентетических гласных позиция на морфемном шве. Также нами не рассматривается в составе корня конечный гласный, возникший в результате парагоги, т. е. эпентезы, имеющей место на конце слова в целях облегчения произношения на стыке слов. Например, в *em-e* ‘женщина’ выделен корень *em типа V+C_D.

Таким образом, корневая звукоподражательная морфема представляет собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения. Комбинирование звуков в конечном итоге приводит к дифференциации смыслов, что подтверждает возможность ментального разложения звука в своеобразный артикуляционный спектр.

Мысль о разложимости корня на более мелкие единицы не раз высказывалась учеными. Так, Б. Л. Уорф рассматривал начальный звукокомплекс в качестве «корневого ядра» [Whorf, 1956, p. 133]. Дж. В. Смизерс, проведя этимологическое исследование идеофонов в английском языке, выделил отдельные начальные фонемы и консонантные группы, выполняющие определенные семантические функции [Smithers, 1954, p. 86]. Х. Марчанд называет начальные фонемы и консонантные группы «символами», способными порождать новые наименования [Marchand, 1959, p. 153–154].

В отечественном языкознании В. В. Левицкий предпринял исследование символических свойств начальных звукокомплексов, в результате пришел к выводу о том, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений» [1983, с. 14].

А. Б. Михалев выделяет в английском и французском языках консонантные бифоны, т. е. контактное сочетание 2 звуков, обладающее в содержательном плане определенной системой значений со звукоизобразительным ядром и развивающейся из него периферией. В отличие от бифона морфемотип представляет собой абстрактную категорию с формальной структурой C₁VC₂, получающей определенную семантическую интерпретацию в зависимости от фонематического заполнения позиций C₁ и C₂. План содержания морфемотипа так же,

как и консонантного бифона, имеет вид поля, составленного ядром звукоизобразительных значений и сетью связанных с ними периферийных значений [Михалев, 1995, с. 122]⁴. Следует отметить, что консонантные бифоны не встречаются в начальной позиции слов монгольских языков, поскольку сочетание 2 согласных в данной позиции для них недопустимо.

Таким образом, отражая глубокую семантическую эволюцию, корни позволяют последовательно реконструировать прамонгольскую картину языкового состояния. В работе выявлено 588 корней 4 типов, из них 75 % приходится на корни с доминантой [r]. Наряду с изобразительной лексикой было проанализировано 760 единиц с затемненной этимологией (рис. 1).

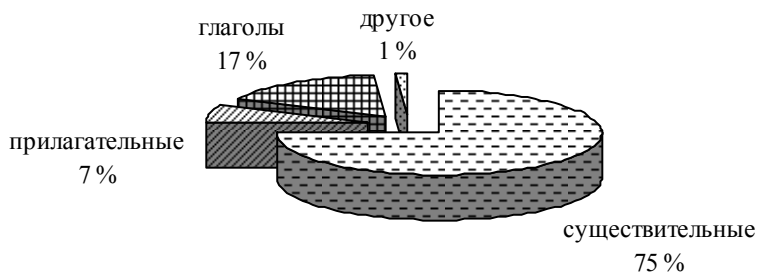

Рис. 1. Соотношение частей речи

Как видно из рис. 1, большинство лексем составляют имена существительные, на 2-м месте – глаголы, на 3-м – имена прилагательные. На долю числительных, наречий и превербов отводится 1 %.

Более 36 % корней способны самостоятельно передавать конкретное предметное значение, около 6 % из них могут оформляться конечной согласной [n]. Фонетическая структура этих существительных может либо полностью совпадать с таковой корня, либо дополняться конечным гласным, возникшим в результате эпентезы согласно законам морфонологии. Например, *ǰer* ‘оружие’ [Kow., p. 2324],

⁴ Также для обозначения начальных сочетаний согласных используются термины *фонестема* [Householder, 1931, p. 84], *кластер* [Wescott, 1987, p. 67–72].

ir ‘лезвие, острие’ [Kow., p. 318]; *ĉar* ‘верхний слой снега’ [Там же, p. 2026]; п.-мо. *šoru* ‘вертел’ [Там же, p. 1542]; п.-мо. *ĉembe* [Там же, p. 2120] и др.

Очевидно, эти существительные появились в языке как наиболее характерные «воплощители» передаваемого ими образа. Получив статус полнозначных языковых единиц, они формируют свои словообразовательные гнезда посредством аффиксов, отличных от тех, что «обслуживают» изобразительные корни. Заднеязычный *[ng]* пишется на конце слов с яркой образной семантикой (*ĉurbang* ‘птенец’; *dorbung* ‘курильница’; *körĵeng* ‘спрессованный навоз’; *orbung* ‘корень, стебель’; *serteng* ‘позвоночный отросток’), составляющих 2 % от общего количества существительных, в то время как в словах с *[n]* на конце образная семантика зачастую бывает уже затемнена (*yurban* ‘три’, *morin* ‘лошадь’, *müren* ‘река’ и др.).

Известно, что образные слова в прошлом активно участвовали в процессе становления антропонимической системы монгольских народов, формируя обширную категорию дескриптивных личных имен⁵. Благодаря своей образной семантике, эти основы обладают способностью как без изменений переходить в разряд антропонимов, так и принимать различные антропоформанты. Подобные именованья содержат меткую, точную и яркую характеристику внешности человека, его характера, поведения и т. д.: *Морхо* (о человеке с большим носом), *Пана* (о косматом, лохматом), *Пирна* (о курносом), *Тарха* (о малорослом), *Занта* (о большеголовом), *Галба* (о полном человеке). Здесь уже не предметы, а люди становятся «воплощителями» образа. Очень ценно замечание А. Г. Митрошкиной о том, что «имена данного типа восходят к такому состоянию лексики монгольских языков, когда существовали самостоятельные корнесловы типа *морхо*, *халха*, затем ставшие связанными в системе имен прилагательных. В таком случае, может быть, имя *Морхо* и подобные ему донесли до нас корнесловы, вышедшие из употребления в апеллятивной лексике» [1995, с. 154].

Основная часть субстантивных форм (64 %) оформляется первичными словообразовательными формантами. Большинство из них

---

⁵ Бесценным свидетельством этого являются современные бурятские фамилии, большое количество которых восходит к личным именам с образной семантикой.

относится к мертвым, ныне непродуктивным аффиксам, представляющим собой особый интерес как наиболее архаические пережитки грамматического строя данных языков. Наиболее продуктивными из них следует признать аффиксы *-γ-a/-y-a/-yu*, на долю которых приходится 7 % производных (*araγa* ‘клык’; *baraγ-a* ‘очертание’; *beriy-e* ‘посох’; *boruγa* ‘дождь’; *gürege* ‘шейная артерия’; *ǰaraγa* ‘ёж’; *ǰiruγa* ‘иноходь’; *keriy-e* ‘ворона’; *miraya* ‘страсть’; *qarbaγa* ‘малек’; *ǰarbaγu* ‘запястье’; *qataγu* ‘лишай’; *qariyu* ‘ответ’ и др.).

Далее следует формант *-sun*, присоединяющийся к 4 % основ (*burγasu* ‘ива’; *ǰumǰasu* ‘выступ’; *görügesü(n)* ‘зверье; антилопа’; *örgeşün* ‘шип’; *qoryusun* ‘помет’; *sormusu(n)* ‘ресницы’ и т. д.), о котором В. И. Рассадин пишет следующее: «Поскольку показатель *-sun* вводил слова в класс имен существительных и являлся их типичным окончанием, по сути дела их маркером, то, естественно, он прибавлялся в ту эпоху, когда у него был «расцвет», к словам, заимствованным из других языков, а также и собственным непродуктивным и производным именным словам, подкрепляя и утверждая их субстантивность» [2008, с. 149].

Анализ рассматриваемого в работе лексического материала позволил выявить словообразовательные форманты существительных, которые разделены нами на 3 условные группы:

- «группа *-day*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [*y*] и формирующая 21 % субстантивов;
- «группа *-dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на дифтонг. На их долю приходится 11 %;
- прочие аффиксы, включая сложные форманты, делящие между собой оставшиеся 19 %.

Группа *-day*

1) *-γ(a)*: *arǰaγ* ‘можжевельник казахский’, *burǰaγ* ‘семя’, *ǰerig* ‘войско’, *ǰimeg* ‘украшение’, *domuγ* ‘легенда’, *kereg* ‘дело’, *nimbeg* ‘лимон’, *omuγ* ‘гордость; род’, *surγaγ* ‘жердь’, *bömbüge* ‘мяч’, *bortuγu* ‘маленькое деревянное ведро’, *ǰimüge(n)* ‘мозг (в костях)’, *örmüge* ‘рогожа’, *qombuγ-a* ‘мешок, стягиваемый ремнем’, *tarbaγ-a* ‘тарбаган’;

2) *-day*⁶: *jürmedeg* ‘тонкие обрезки чего-н.’, *kürbedeg* ‘овчина’, *samaldaγ* ‘ноздри’, *sarmidaγ* ‘летний сухой помет’, *sirdeg* ‘стеганный тюфяк’, *saridaγ* ‘голец’, *temdeg* ‘метка’, *umadaγ* ‘лобковая кость’;

3) *-naγ, ngγ-a*: *arangγ-a* ‘помост’, *ergineg* ‘шкаф для посуды’, *kemneg* ‘утроба’, *qorkinaγ* ‘горошек’, *sarkinaγ* ‘соты пчелиные’, *orungγ-a* ‘хоругвь; вид антилопы’;

4) *-laγ, -lγ-a*: **berteleg* ‘волчонок’, *bömbülig* ‘шар’, *durbaliγ* ‘тимофеевка степная’, *erslig* ‘единорог’, *ǰarliγ* ‘приказ’, *jürǰilig* ‘апельсин’, *tarlay* ‘кислец’, *darbalya* ‘парус’;

5) *-čay*: *borγučuγ* ‘шишка’, *darčuy* ‘флажок’, *kirumčay* ‘ливер’, *siračay* ‘высокий девясил’;

6) *-maγ*: *arγamaγ* ‘скакун’, *barimaγ* ‘воловик’, *marǰimaγ* ‘чечевица’;

7) *-saγ, -sγ-a*: *sarimsaγ* ‘чеснок’, *keresge* ‘решетка вокруг чего-либо’, *qurisay-a* ‘ягнячья шкурка’;

8) *-raγ, -rγ-a*: *namurγ-a* ‘роса’, *urturiγ* ‘долгота’, *ürgerig* ‘широта’, *qomurγ-a* ‘круг, сомкнутый охотниками’.

Группа *-dai*

9) *-ai*: *arbai* ‘ячмень’, *bambai* ‘валерьяна; хомут; щит’, *bembe* ‘тесто’, *čirai* ‘лицо’, *orui* ‘вершина’, *sambai* ‘усы, борода’, *sarmai* ‘летний сухой помет’, *sembei* ‘тонкий хадак’, *tumbai* ‘трехлетняя корова’, *umai* ‘утроба’;

10) *-qai*: *berbekei* ‘бабка (у лошади)’, *bömbükei* ‘пузырчатка’, *čarčaqai* ‘саранча’, *čuruqai* ‘щука’, *erbekei* ‘бабочка’, *ǰiraγaqai* ‘мальки’, *merbegekei* ‘перговая моль’;

11) *-γai*: *burčayai* ‘стручок’, *ǰirmaγai* ‘рыбья икра’, *qarčayai* ‘ястреб’;

12) *-dai*: *barbadai* ‘большой палец’, *barmadai* ‘тигровый питон’, *čorbudai* ‘славка рыжая’, *oryudai* ‘женьшень’;

13) *-čai*: *kiruγučai* ‘маленький ястреб’, *qariγačai* ‘ласточка’;

14) *-mai*: *qormui* ‘подол’, *Marqamai* ‘с большим носом’ (антр.);

15) *-rai*: *ambarai* ‘бот. ягнячья почки’, *qomburai* ‘род игры в бабки, косточки’;

---

⁶ Последовательность аффиксов дается в соответствии со степенью их продуктивности.

16) *-nai: Tarqanai* ‘приземистый’ (антр.);

17) *-bai*⁷: *duranbai* ‘подзорная труба’.

Прочие аффиксы

18) *-r: amar* ‘спокойствие’, *amsar* ‘отверстие’, *bambar* ‘тигренок’, *ĵatur* ‘ягоды шиповника’, *qampar* ‘глиняная чашка’, *samur* ‘орех’, *tamir* ‘сила’, *ĵamar* ‘цинкенит’;

19) *-l: arĵal* ‘кизяк’, *dergel* ‘высокогорный тур’, *gürbel* ‘ящерица’, *ĵorĵul* ‘лосенок’, *orgil* ‘пик’, *qambil* ‘крупка’, *qorĵal* ‘помет’, *simuĵul* ‘насекомое’;

20) *-lĵi(n): aralĵi* ‘липарит’, *arbaĵalĵi* ‘паук’, *borulĵin* ‘береза-ерник’, *maralĵin* ‘ковер’, *qaralĵi* ‘бекас’, *qorĵulĵin* ‘свинец’, *qurĵalĵi* ‘полевичка малая’, *sarbalĵi* ‘дикое просо’, *seregelĵi* ‘вилка для плодов’, *siralĵi* ‘бурьян’, *sirĵulĵi(n)* ‘муравей’, *tarbalĵi* ‘ястреб’, *terelĵi* ‘багульник’, *tümetĵi* ‘спаржа клубеньковая’;

21) *-ĵana: arĵaĵan-a* ‘кузиния’, *burĵaĵan-a* ‘соя желтая’, *bürilĵene* ‘калина’, *burĵan-a* ‘вид акации’, *deresügen-e* ‘соломинка’, *ĵergene* ‘хвойник’, *ĵimisgen-e* ‘ягода, ягоды’, *ĵirgen-e* ‘ревень’, *ürĵene* ‘терн, терновник’;

22) *-lĵiĵan-a: arbaĵalĵiĵan-a* ‘стрекоза’, *borulĵiĵan-a* ‘курильский чай’, *bürilĵegene* ‘калина’, *gürelĵegene-e* ‘сверчок’, *kerelĵegene* ‘полевая мышь’, *temelĵigene* ‘стрекоза’;

23) *-ĵĉi(n): etegĉin* ‘самка’, *eregĉin* ‘самец’, *keregĉin* ‘самка косули’, *saraĵĉin* ‘столбик’, *sarbaĵĉin* ‘обезьяна’, *bertegĉin* ‘щенок (медведя, волка)’.

Каждый из оставшихся формантов образует менее 1 % субстантивных лексем: *-mĵi* (*arĵamĵi* ‘веревка’, *neremĵi* ‘имя’, *orumĵi* ‘хижина’); *-m* (*qurim* ‘пир’, *serĵim* ‘подношение’); *-lang* (*arkilang* ‘муравьиный лев’, *ĉömüleng* ‘яблоко с пятью косточками’, *ersleng* ‘львица’);

---

⁷ Корни с другими доминантами также присоединяют суффикс *-lai: degdegülei* ‘прыгунчик’, *qongqulai* ‘лакуна, полость, впадина’ и др.

-bči (*darabči, derebči* ‘шпора’, *ǰürükebči* ‘бурундук’, *sarabči* ‘сетка для глаз’); *-či* (*sarbači* ‘женский головной убор’; *serbečin* ‘обезьяна’; *urtučī* ‘глиняный сосуд с узкой шейкой’); *-uu* (*ǰiruu* ‘бороздоплодник уклоняющийся’, *ǰümbüü* ‘вострец лесистый’, *qoruu* ‘бельмо’); *-rǰan-a* (*marčirǰan-a* ‘постенница’); *-tǰan-a* (*sarkitǰan-a* ‘полевка обыкновенная’); *-rsi* (*bambursi* ‘медвежонок’, *bombursi* ‘шерстяная ткань’); *-ruu* (*omuruu* ‘ключица’; *amarau* ‘прыщи во рту’; *qomquruu* ‘перхоть’); *-nabčī⁸* (*sirqunabči* ‘чулки’); *-mar* (*ǰirgemer* ‘жаворонок’); *-tal* (*örübtül* ‘рашпиль’).

Безусловно, приведенный перечень формантов будет дополнен и скорректирован после исследования лексических пластов с другими корневыми доминантами. Следует отметить, что суффиксы, бытовавшие в письменном языке, хотя и претерпели известные изменения, связанные с фонетическими процессами, но все же в основных чертах сохранились в живых монгольских языках. Форманты первой группы в ряде случаев подвергаются процессу усечения с конца: *нахидаг* → *нахид*, *саримсаг* → *саримс*, *сараанаг* → *сараана* и пр. В бурятском языке в указанных формантах происходит видоизменение: мо. *-даг*//бур. *-дха*; мо. *-цаг*//бур. *-сга*.

Лингвистами, занимавшимися аффиксальным словообразованием монгольских языков [Орловская, 1961; Дондуков, 1964, 1993; Будаев, 1978; Болд, 1986; Рорре, 1981 и др.], как правило, большая часть рассмотренных выше аффиксов выделялась среди отглагольных и отыменных формантов (*-хай*, *-дай*, *-сай*, *-саг*, *-маг*, *-лжин*, *-гана* и др.), при этом выбирались лишь те примеры, производящая основа которых активно функционирует в современных монгольских языках в качестве самостоятельной словоформы.

В тюркологической литературе по этимологии словообразовательные форманты, в том числе оканчивающиеся на *-q*, как правило, наделяются теми или иными узкими специализированными значениями, развившимися в них на более поздней ступени развития языков. Так, «суффикс *-таq* выступает в качестве словообразовательного аффикса для образования от глаголов имен со значением орудия дей-

---

⁸ Сложный аффикс возник в результате слияния формантов *-нау* и *-bči*.

ствия и рядом других значений, например, *кармак* ‘удочка’, *токмак* ‘колотушка’ и др. <...> аффикс *-daq*, *-däk* известен в значении места, признака» [Севортян, 1966, с. 303, 304] и пр. Однако, на наш взгляд, прав Л. Н. Харитонов, утверждающий, что аффиксальные элементы образных слов «не являются обычными словообразовательными аффиксами, выражающими одно определенное понятие, а выполняют чисто формальную, словообразующую функцию» [1954, с. 220].

Т. А. Бертагаев отмечает, что в бурятском языке суффикс *-сog*, *-саг*, как и в монгольском *-цog*, *-цаг*, объясняется некоторыми монголистами как суффикс, придающий слову уменьшительное и презрительно-уничижительное значение. Сам же автор считает, что значение этого суффикса едва ли можно свести только к уменьшительности и уничижительности. «Эти значения, хотя и присутствуют в нем, однако выступают не так выпукло, они несколько завуалированы и невыразительны. Так, слово *довцог* ‘бугор, холмик, пригорок, курган’ по сравнению со словом *дов* ‘бугор, холмик, кочка’ не содержит оттенка уменьшительности. Более того, оно называет предметы большие по размерам (высоте), чем предметы, обозначаемые словом *дов*» [1974а, с. 212].

Обширный пласт личных имен с аффиксами «группы *-dai*» свидетельствует в пользу того, что они все же служили для передачи уменьшительно-ласкательного оттенка экспрессии. В настоящее время из них активно функционируют лишь *-dai* и *-qai*. В целом необходимо заметить, что большая часть формантов имеет ограничения на тип основ, к которым они могут присоединяться. Свыше 60 % рассмотренных суффиксов действуют только в сфере слов с яркой образной семантикой.

Выявленные первичные форманты, на наш взгляд, в большинстве случаев свидетельствуют о том, что слова, образованные с их помощью, относятся к исконно-монгольскому лексическому фонду. Это подтверждают и наблюдения К. А. Новиковой: «<...> одним из аргументов в пользу исконности <...> является то, что среди производных встречаются слова с архаичными, ныне непродуктивными или ограниченно продуктивными аффиксами, которые не образуют производных от заимствованных слов» [1979, с. 71].

Таким образом, определение структуры монгольского корня, несомненно, продиктовано исследованием словообразовательных фор-

мантов, в результате «отсечения» которых извлекается информация о том, каким должен быть корень слова. При этом зачастую возникает трудность разграничения морфов в словах с аффиксами первой и второй групп. Например, согласный *[m]* в старописьменном монгольском *sarmai* ‘летний сухой помет’ можно расценить и как ауслуатный согласный корня, и как консонантную составляющую суффикса. В таких случаях значимым представляется наличие однокоренных слов: такие формы, как *sarmiday* – id., *sarmayčïn* ‘обезьяна, мартышка’, *sarmii-* ‘становиться тонким и хрупким; разметаться руками, ногами’, п.-мо. *sarmayi-* ‘облезать’, позволяют говорить о функционировании корня *sarm, соответственно *-ai* – аффикс.

Как известно, образные основы весьма продуктивны в сфере адъективной деривации. Наиболее продуктивным аффиксом образования образных прилагательных является *-yar*, который присоединяется к 94 % корней с образной семантикой⁹. Известна версия Г. Рамстедта, согласно которой «в монгольских языках прилагательные на *-gir*, а позднее также и *-gar* следует понимать как имена на *-r-* от глаголов на *-gi*; это *-gi-* в интервокальной позиции развилось в *-ji-*, а возникшие таким путем типы глаголов, выражающих состояние, на более позднем этапе развития языка характеризует в исходе основы *-aji-* (*-eyi-*), *-iji-*, *-uyi-*, нынешнее *-ai-*, *-i-*» [Рамстедт, 1957, с. 178].

Ц. Б. Цыдендамбаев выделяет в прилагательных на *-gar* суффикс *-p*, присоединяющийся к вторичной основе кинемато-изобразительных слов, т. е. *барбагар* < *барбага* + *-p* [1958, с. 149].

Следует отметить, что при анализе субстантивных и адъективных производных с образной семантикой исследователи сталкивались с вопросом: что же является их производящей основой – сама образная основа либо глагольная основа, оформленная аффиксом *-ai*. Так, У.-Ж. Ш. Дондуков производит прилагательные на *-gar* от образных глаголов на *-ai* [1964]. Однако мы придерживаемся точки зрения Г. Д. Санжеева, отмечающего, что наличие многочисленных образных глаголов с суффиксов *-ai* и прилагательных с суффиксом *-gar* «позволяет некоторым авторам формулировать сравнительно легкое пра-

---

⁹ В связи с этим в работе образные корни даются в оформлении данного форманта. В случае отсутствия прилагательного на *-yar* приводится глагольная форма с суффиксом *-ayi*.

вило о том, что глагольные основы образуются также посредством суффиксов *-ай* и *-гана* от основы имен прилагательных, теряющих при этом конечный слог *-гар*, например, *папагана-* от *папагар*. Это правило, будучи удобным в методическом отношении, не является, конечно, правильным по существу, ибо с таким же основанием можно утверждать, что прилагательные образуются посредством суффикса *-гар* от глагольных основ, теряющих при этом свой конечный *-й*, например, *папагар* от *папай-*» [Грамматика, 1962, с. 182–183].

С ним солидарна М. Н. Орловская: «<...> прилагательные с суффиксом *-гар* образуются от омертвелых корней, образующих также особый разряд глаголов на *-ай* (*-ий*, *-уй*, *-ой*) и обозначают отрицательные свойства или качества, а также форму, объем, размер, представляемые образно» [1961, с. 90].

Также словообразовательной активностью обладают форманты *-yai*, *-γ*, *-r*, *-ng*. Большинство производных с этим формантом *-r* параллельно функционирует в языке с прилагательными на *-γar*: *gil-jir//giljiger* ‘кривой’, *makir//makiyar* ‘изогнутый’, *tebker//tebkeger* ‘квадратный’. Лишь некоторые производные с *-γar* вышли из употребления: *dolir*, *kilar* ‘кривой, косой’ (нет прилагательных *doliyar*, *kilayar*). Однако в некоторых случаях за производными с аффиксами *-γar* и *-r* закрепляются разные оттенки значения: *dongquyar* ‘большоголовый; высокий и неудобный’, *dongqur* ‘имеющий головной убор большого размера’. Ряд производных имеет пары, оформленные аффиксами *-γ* и *-γar*: *köbküg//köbkügür* ‘пушистый, пышный’ и др.

В результате анализа прилагательных с затемненной образной семантикой, имеющих корневые доминанты *[r/m]*, было выявлено, что 30 % из них функционируют «в чистом виде»: *erke* ‘избалованный’, *qurča* ‘острый’, *urtu* ‘длинный’, *ori* ‘одинокий’, *tomu* ‘большой’, *sira* ‘желтый’, *qara* ‘черный’, *boru* ‘серый’, *yerü* ‘обыкновенный’, *börtü* ‘пестрый’, *berke* ‘искусный; тяжелый’, *şoru* ‘соленый на вкус’, *ümüki* ‘вонючий»; 22 % имеют показатель *-n*: *mergen* ‘мудрый; меткий’, *örgeñ* ‘широкий’, *türgeñ* ‘быстрый’, *qurdun* ‘быстрый’, *taryan* ‘жирный, тучный’, *nimgeñ* ‘тонкий’.

На долю прилагательных с суффиксом *-γu* приходится 11 %: *irayü* ‘благозвучный’, *çirayü* ‘тугой’, *türügüü* ‘передовой’, *çerbegüü* ‘далекий, удаленный’, *serigün* ‘прохладный’, *qarayü* ‘жадный’. В некоторой

степени продуктивны суффиксы: *-γ* (14 %): *soruy* ‘короткий’, *oruy* ‘серый’, *turay* ‘большой’, *tarčiy* ‘неурожайный’, *qoriy* ‘чувствительный’, *arqay* ‘сильный’, *kireg* ‘скупой’ и *-ai* (10 %): *narmai* ‘просторный’, *qomqai* ‘жадный’, *šambai* ‘крепкий, плотный’, *üümükei* ‘зловонный’. И, наконец, ряд формантов имеет от 1 до 3 производных: *-l* (*qamiyal* ‘тучный’, *sarayul* ‘светлый’, *erügül* ‘трезвый’); *-m* (*bardam* ‘чванливый’); *-ngkei* (*yerüngkei* ‘общий’; *qarangyui* ‘темный’); *-deg* (*eremdeg* ‘одноглазый’). Как видно, среди перечисленных аффиксов встречаются те же представители, что и в среде субстантивных формантов, что, несомненно, свидетельствует об известном синкретизме семантики словообразовательных суффиксов в монгольском языке.

В области глагольной деривации ведущую роль играет формант *-ayi*, который образует глаголы состояния (в 90 % случаев) и «используется для обозначения того, что предмет обладает внешним видом (имеет форму), выраженным производящей основой, или находится в стадии становления образа» [Шагдаров, 1962, с. 113].

Среди выявленных в работе глаголов значительная часть (70 %) непроизводна, т. е. не имеет словообразовательных формантов: *ere-* ‘воспалиться’, *örü-* ‘ставить в ряд’, *daru-* ‘давить’, *ǰiru-* ‘рисовать’, *soru-* ‘сосать’, *tari-* ‘сеять’, *čomi-* ‘стоговать сено’, *tama-* ‘вить веревку’ и др. Следует отметить, что среди глаголов с яркой образной семантикой также встречаются подобные образования: *γuyibi-* ‘колебаться, качаться’, *geke-* ‘кивать головой’, *gilbi-* ‘ярко блестеть, сверкать’, *mata-* ‘сгибать, выгибать’, *tuyibi-* ‘шататься, качаться’, *qayibi-* ‘шатать; плавать (о водяных птицах)’ и др.

Кроме того, встречаются глагольные пары, в которых производящая основа либо оформлена формантом *-ayi*, либо нет. Анализ подобных пар показал, что значение и степень продуктивности производных глаголов в некоторых из них могут быть абсолютно идентичными: *гунхай-* ‘быть обворожительным’//*гунха-* ‘быть грациозным’, *далий-* ‘кривиться’//*дали-* ‘изгибаться’, *унжий-* ‘висеть, повиснуть’//*унжи-* ‘отвисать, нависать’. Однако зачастую второй глагол из пары обладает более развитой семантикой: *дохий-* ‘становиться согнутым’//*дохи-* ‘кивать, давать знак (рукой); дирижировать’ и др.

9 % рассмотренных в работе корневых морфем функционирует в оформлении суффиксов *-ra/-la* (*čimala-* ‘хотеть большего’, *ǰemle-* ‘об-

винять; журить’, *imere-* ‘сучить нитки’, *čomčura-* ‘пригибаться’, *ümürü-* ‘стягивать’, *nemür-* ‘накинуть на себя’); 5 % – суффикса *-ya/-ya* (*qariya-* ‘ругать’, *irüge-* ‘благословлять’, *tamsiya-* ‘чавкать’, *oriya-* ‘обвертывать’).

Наибольший интерес представляют оставшиеся 16 % глаголов, в составе которых представлены согласные [k/γ/g]: *qamki-* ‘прикрывать’, *čimki-* ‘щипать’, *ümkü-* ‘откусывать’, *ǰirke-* ‘брезговать’, *yorgi-* ‘хвастаться’, *marγu-* ‘спорить’, *šarγa-* ‘противиться’, *kirγa-* ‘резать’, *sirge-* ‘испаряться’, *šörge-* ‘тереться’, *mörgü-* ‘молиться; бодать’, *berge-* ‘стесняться’, *ǰirγa-* ‘благоденствовать; гаснуть’, *ergi-* ‘кружиться’.

Возникает вопрос относительно статуса указанных согласных: либо они представляют собой служебные глаголы *ki-* ‘делать’, *ge-* ‘говорить’ (как в морфологически более прозрачных идеофонах *tas ge-* ‘хлопнуть, шелкнуть’, *angγas ki-* ‘разевать пасть’), либо они входят в состав корневой морфемы, моделируя конечную фазу, отголосок звучания. Сопоставление данных примеров с корнями схожей фонетической структуры в русском языке: *мельк-ать*, *щёлк-ать*, *морг-ать*, *порх-ать* заставляет склониться ко второму варианту решения.

Возможно, указанные вспомогательные глаголы развились именно из этих ауслатных согласных-«отголосков», постепенно приобретая способность функционировать самостоятельно. В таком случае можно предположить, что глаголы типа *qamki-* ‘прикрывать’ стали превращаться в аналитические конструкции: *qam ki-* ‘сделать *хам*’.

Следует отметить, что символическое значение согласных в аффиксах не затрагивалось в данной работе, целью которой было изучение корневых доминант [r/m]. Однако не вызывает сомнения тот факт, что звуковой состав аффиксальных морфем также содержит звуко-символический потенциал. В качестве наиболее яркого примера можно привести формант *-lǰ*, в котором плавный [l] передает плавный, спокойный характер протекания действия, аффриката [ǰ] – напряженный, в совокупности же они передают идею прерывистократного действия. Именно поэтому он в основном образует названия насекомых и растений. Звукоизобразительный потенциал звуков в составе словообразовательных, словоизменяющих и формообразовательных аффиксов, безусловно, представляет собой интереснейший материал для исследования.

Глава II

Вербализация слухового восприятия

Семантическая классификация класса изобразительных слов в алтайских языках предпринималась разными исследователями, хотя необходимо отметить, что в основном в центре их внимания находились структурно-морфологические и синтаксические особенности данной категории слов. Так, по мнению Д. В. Бубриха, действительное содержание в изобразительных словах складывается на основе слухового, зрительного либо осязательного восприятия [1948, с. 93]. Т. И. Петрова выделяет среди образных слов в нанайском языке слова, выражающие образные представления: 1) о внешнем виде предмета в состоянии покоя или движения; 2) о душевном состоянии; 3) о каком-либо явлении природы. «Словом, они картинно передают слуховые, зрительные, осязательные и другие впечатления» [1948, с. 522–523].

Л. Н. Харитонов делит корни образных слов на следующие типы: 1) корни звукоподражательного происхождения; 2) корни звуко-мимического происхождения. В звукоподражательных корнях образное значение возникает по связи с представлением того или иного звучания с физическими свойствами звучащего предмета. К корням звуко-мимического происхождения автор относит корни, возникающие как произвольные звукоиспускания при различном укладе органов речи и обозначающие главным образом мимику, мину лица [1954, с. 219–220].

По классификации Л. Д. Шагдарова, звукоподражательный корень может быть подражанием звукам и шумам природы, крикам птиц, зверей, животных; звукам, сопровождающим разнообразную деятельность человека <...>. Образные слова подразделяются на следующие группы: 1) образные слова, обозначающие представления о внешнем виде предмета и его образ в движении; 2) образные слова, передающие цвето-световые впечатления; 3) образные слова, выражающие внутренние ощущения и душевное состояние человека; 4) образные слова, выражающие моментальное действие [1962, с. 467, 140].

В. И. Рассадин делит изобразительные слова по способу восприятия на следующие категории: 1) изобразительные слова слухового восприятия, или звукоподражательные; 2) изобразительные слова зрительного восприятия, или образные; 3) изобразительные слова сенсорного (чувственного) восприятия; 4) слова зрительного восприятия действия [2008, с. 15]. Таким образом, большинством исследователей выделяется слуховое, зрительное и осязательное восприятие. Кроме того, есть группы слов, передающие световые явления и внутреннее состояние человека.

Данная глава посвящена анализу системы ономастических слов с корневыми согласными $[r/m]$ в монгольских языках. Звуковая оболочка звукоподражательных слов формируется на основе акустических свойств природных звуков, хотя известно, что наборы фонетических средств для передачи одного и того же звучания в разных языках не совпадают.

Различные варианты классификации звукоподражательной лексики в целом сводимы к 2 основным направлениям: по общим структурным элементам и акустическим качествам звуков (А. Фрелих, Х. Марчанд, С. В. Воронин, О. А. Казакевич и др.); по источникам звуков (А. М. Газов-Гинзберг, Н. И. Ашмарин, Н. М. Юсифов и др.). Мы не будем обращаться к данным акустики и психоакустики, поскольку, по замечанию А. Вежбицкой, научные данные из смежных областей «ценны в учебнике по физике, но когда их повторяют в лингвистических статьях и представляют как ответ на вопросы о значении, они только затуманивают дело и мешают реальному пониманию того, что имеют в виду люди, когда используют данные слова» [1996, с. 234]. Хотя, безусловно, нейрофизиологические основы восприятия по праву могут считаться и важными, и интересными.

Нами выделено 4 лексико-семантические группы, отражающие общие типологические черты звукоизобразительной лексики монгольских языков:

- звуки живой природы (крики, голоса, звуки млекопитающих, птиц, насекомых);
- звуки человека (звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа);
- звуки неживой природы (звуки природных стихий – воды, воздуха, огня, земли, издаваемые без антропогенного воздействия, в том числе звуки осадков, состояния атмосферы и др.);

– смешанный тип (в качестве источника звука могут выступать как животные, человек, природа, так и различные работающие механизмы).

Следует отметить, что подобное выделение носит достаточно условный характер, поскольку данные группы представляют собой диффузные структуры.

2.1. Звукоподражательные возможности согласного [r]

Рассматриваемый ртовый, переднеязычный, дрожащий сонант [r] обладает чрезвычайно широкими звукоподражательными возможностями в изображении как длительных, так и кратковременных дрожащих шумов, благодаря колебательным движениям языка в момент артикуляции звука. По утверждению С. В. Воронина, данный согласный в корне ономатопов «всегда, без каких-либо исключений звукоизобразительно валентно и неизменно выполняет звукоизобразительную функцию отражения так называемого чистого диссонанса – дрожания, дробного звучания, серии быстрых ударов. <...> Индонезийский корневой *r* более чем в 1/3 случаев (37 %) выполняет единственно эту функцию: *ker(e)tap* ‘звук с силой захлопываемой двери; звук выстрела, взрыва’, *derap* ‘треск суставов, звук винтовочного выстрела’ и др.» [1982, с. 115].

ЛСП «Животный мир»

Ономатопы, передающие рычание, рев животных, восходят к корням **ar/ir/or/ur/kir/kür/yar/bar/bor*: п.-мо. *arkira*- ‘лаять’ [Kow., р. 163], мо. *архир*-, бур. *архира*-, ойр. *аркир*- ‘рычать, ворчать; огрызаться; упрямитесь’; пкл.-мо. *irkira*- [Tum., р. 418], ср.-мо. *firqira*- ‘реветь’ [МА, с. 169], п.-мо. *irkire*- ‘ворчать, лаять’ [Kow., р. 326], бур. *эрхир*- ‘рычать’, ойр. *иркире*- ‘рычать, ворчать (о собаке)’; п.-мо. *orkira*- ‘мычать, рычать, реветь’ [Там же, р. 473], бур. *орхир*- ‘рычать, реветь (о животных)’, п.-мо. *ord* [Там же, р. 465], мо. *орд* – о реве тигра, бур. *ур-ар гэ*- ‘ворчать (о собаке)’. В других алтайских языках встречаются ономатопы: кир., алт. *ырқыра*-, каз., ног., тат., башк. *ырылда*- ‘рычать, ворчать (о собаке)’ [ЭСТЯ, 1975, с. 664]; ма. *ор* ‘рев (тигра)’, эвенк. *орĕ*- ‘рычать (о медведе)’ [ССТМЯ, 1977, с. 23].

С анлаутными согласными функционируют следующие онома-топы: ср.-мо. *kürkire-* [МА, с. 230], пкл.-мо. *kürkire-* [Тум., р. 460], п.-мо. *kürkire-* [Kow., р. 2653], мо. *хүрхрэ-* ‘рычать, реветь (о зверях)’, бур. *хэрхир-*, дунс. *хэрили-* ‘ворчать, рычать, урчать (о собаке)’¹⁰, п.-мо. *qurd* [Less., р. 988], мо. *хурд-хард* служит для выражения звука нападения собаки; бур. *хир-хир хуса-* ‘лаять’, мо. *хиар хир* – о крике хищных зверей; п.-мо. *yarki-*, мо. *ярхий-* ‘рычать’, бур. *яржагана-* ‘скалить зубы (о собаке)’. Корни **čar/čor/yor* передают подражание лаю, тьяканью щенка, маленькой собачки: мо. *цар цар гэ-, чор-чор гэ-*, бур. *яр-яр, ёр-ёр хуса-*. Согласный [b] представлен в анлауте ойр. *баржигна-* ‘издавать грозный рев (о тигре)’, п.-мо. *borɣu-*, мо. *борго-* ‘упорно лаять’, бур. *боро-* ‘гавкать, набрасываться с лаем’. Ср. як. *бардырђаа-* ‘рывать’, *орулаа-* ‘хрипло реветь, рывать’; ма. *кур сэмэ* ‘рыча (о тиграх и других зверях, отзывающихся друг другу)’, нан. *хэр-р* – о рычании [ССТМЯ, 1975, с. 438].

Корни **qar/qor/kür/bor/bür* могут характеризовать звуки, издаваемые другими домашними животными: п.-мо. *borkira-*, мо. *борхиро-*, бур. *бүрхир-* ‘реветь, мычать (о быках)’, бур. *борхор-* ‘реветь (о верблюжонке)’, п.-мо. *qorǰigina-* [Less., р. 970], *qorčigina-*, мо. *хоржигно-*, *хорчигно-*; бур. *хориогоно-*, калм. *хоржҗн-*, ойр. *хоржигна-* ‘хрюкать; мурлыкать’; п.-мо. *kürǰigine-*, мо. *хүржигнэ-*, бур. *хэршэгэнэ-* ‘мурлыкать’; п.-мо. *qur-qar*, мо. *хур-хар гэ-*, бур. *хур-хар гэ-* ‘хрюкать’.

Ср. эвенк. *мор-* ‘реветь, рычать (о звере)’, *мурэкэ* ‘самка дикого оленя; корова’; ороц. *мура-*, ульч. *мура-*, орок. *мура-*, ма. *мура-* ‘кричать; реветь, рычать’, нан. *морало-* ‘закричать, раскричаться’; эвен. *ниргъ-* ‘блеять (о диком баране); хоркать (об олене); рычать’ [ССТМЯ, 1975, с. 546–547, 599], сол. *ш’иркирā-* ‘хрюкать’ [ССТМЯ, 1977, с. 426]. Как видно, в анлауте тунгусо-маньчжурских форм представлены согласные [m/n], которые не характерны для зоофонов со значением ‘реветь, рычать’ в монгольских языках.

Значения ‘грызть; громко жевать (о жвачных животных)’ в монгольских языках реализуются с помощью корней **mer/ker-*: п.-мо. *tere-* [Less., р. 536], мо. *мэр-*, бур. *мэрэ-*, калм. *мер-*, ойр. *мере-*

¹⁰ Мо. **хэр* соответствует рус. **рык-*: *рык-ать, рыч-ать, рык-нуть, рык-ивать*.

‘грызть, раскусывать зубами что-л.’; бур. *хэр-хэр ногоо зулгаа*- ‘звучно срывать траву (о скоте)’, баргуз. *хэрэ*- ‘грызть’, мо. *хэрэлд*- ‘грызться (о собаках)’¹¹. Интересную версию происхождения лексемы предлагает Ц. Хасбаатар. Согласно его мнению, глагол *mere*- ‘грызть’ появился в монгольских языках в результате исторического процесса выпадения начальной гласной из *ötere*- ‘отрывать, отламываться’, поскольку «‘грызть’ значит ‘отрывать мясо от кости» [1999, с. 87–88].

Ср. як. *кэрбээ*-, алт. *керт*-, хак. *керт*- ‘грызть (о грызунах)’ [ЭС-ТЯ, 1997, с. 54], эвенк. *киргэ*-, эвен. *қиргъ*-, ульч. *киркичу*-, нан. *кэркиэли*- ~ *кэркэли*- ‘грызть (о мышах, крысах)’; ороч. *кэр-кэр* ‘с хрустом (грызть кость; дерево)’ [ССТМЯ, 1975, с. 398, 453], ма. *фурги*- ‘грызть (о мышах, крысах)’ [ССТМЯ, 1977, с. 303], а также нан. *карох-карох* ‘хрустеть на зубах (об овощах, фруктах)’; *кэрус-кэрус* ‘хрупнуть, хрустеть при выжевывании сена, овса (о лошадях, коровах)’ [Киле, 1972, с. 107, 126].

По всей вероятности, звукоподражания со значением ‘грызть’ стали основой для номинации некоторых представителей рода грызунов: п.-мо. *keretü* [Kow., p. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрмэн*, калм. *кермн*, ойр. *кермен* ‘белка’; п.-мо. *kerelǰegene* ‘полевая мышь; землеройка’ [Там же, p. 2508], мо. *хэрэлзгэнэ* ‘полевая мышь; полевка’; бао. *харта* ‘крот’, п.-мо. *qarqa*, мо. *харх* ‘крыса’, бур. *харха* ‘крот; крыса’. По мнению Б. Хабтагаевой, последняя лексема образована с помощью суффикса *-ха* от прилагательного *хар* ‘черный’ [Khabtagaeva, 2001, p. 136]. В п.-мо. *sarkityan-a*, мо. *сархитгана [оготно]* ‘полевка обыкновенная’ корень **sark*, скорее всего, также воспроизводит звуки, издаваемые мышами, поскольку образные значения корня ‘разинутый; пористый’ не применимы к внешнему виду данного представителя отряда грызунов.

---

¹¹ Русский глагол *грызть* также содержит корневой кластер [gr] и восходит к праслав. форме, от которой также произошли: ст.-слав. *грызѣ*, укр. *гризти*, болг. *гриза*, сербохорв. *гризем*, *гриѣти*, словенск. *grizem*, *gristi*, чешск. *hryzu*, *hryzt*, словацк. *hrýzt*, польск. *gryść*, в.-луж. *hryzac*, н.-луж. *gryzas*. Родственно лит. *gráužiu*, *gráužti*, латышск. *grauzt* [Фасмер, 1964, с. 466].

Б. И. Татаринцев допускает сопоставление тув. диал. *мерге* ‘горная пищуха (грызун)’ с мо. *мэр-* ‘грызть, раскусывать зубами’ [2008, с. 113]. Подобные названия подтверждают то, что «среди многочисленных воспринимаемых стимулов, идущих от животного, человек ищет яркий признак, который характеризовал бы животное в наиболее типичной форме, имея способность помечать его и вызывать в памяти» [Михалев, 1995, с. 49].

Звуки, издаваемые птицами, передаются посредством корней: **ǰir/čor/šür/qar/qur/γur/dor*. Глагол п.-мо. *qarkira-*, мо. *хархир-* ‘кричать’ без труда угадывается в п.-мо. *qarkira* ‘журавль пепельного цвета’ [Kow., p. 850], мо. *хархираа* ‘серая цапля’, поскольку эти птицы обладают резким, хриплым и каркающим криком. Турк. диал., тур., узб. *қарқара*, кир. *қарқыра*, уйг. *қақира* ‘цапля; журавль; название большой птицы, страус’ Д. Х. Базарова также относит к словам звукоподражательного происхождения, с чем соглашается Л. С. Левитская [ЭСТЯ, 1997, с. 307]. Ма. *қаралǰа* ‘черная цапля’, орок. *куру ~ ккуруэ* ‘журавль’ [ССТМЯ, 1975, с. 379, 399], возможно, также восходят к ономотопам.

Для именованя вороны в монгольских языках используется корень **ker-*: ср.-мо. *keri’ē* [MA, с. 220], *kere’e* [SH], пкл.-мо. *kerege:*, *keriy-e* [Tum., p. 445], п.-мо. *keriy-e* [Kow., p. 2513], мо. *хэрээ*, бур. *хурээ*, калм. *керэ*, ойр. *керээ*, орд. *kerē*, даг. *xerē*, ж.-уйг. *kərī*, мнгр. *kərē* [EDAL, p. 691] ‘ворона’, хотя в современных языках карканье вороны передается звукоочетанием *гуаг-гуаг*, *гуага-гуага*. В общетюрк. *қарға*, представляющем собой родовое название птиц семейства вороновых (вороны, галки, грача), многие исследователи признают звукоподражательное происхождение [ЭСТЯ, 1997, с. 304]. В Алтайском словаре Пмонг. *kerije и Птюрк. *KArğa даются вместе, при этом подкрепляясь параллелями: Птунг. *kori ‘мифическая птица (медиатор)’, Пяп. *kara-su* ‘ворона’, Пкор. **kār-* ‘ворона, галка’ [EDAL, p. 691].

П.-мо. *qur [γurγuul]* [Kow., p. 950], мо. *хур [γургуул]*, бур. *хура*, калм. *хур* ‘тетерев’; п.-мо. *čorkiruu*, мо. *цорхируу(н)* ‘рябчик’ связаны с тем, что голос токующего тетерева или рябчика представляет собой звучное переливное бормотание, несколько напоминающее усиленное воркование: п.-мо. *čorkiralǰa-*, мо. *цорхиролзо-* ‘токовать, особым криком подзывать самку’. Г. Рамстедт сравнивал кир. *qur* с мо. *qora*, *qoru*

и тунг. *horokı* ‘глухарь’. По предположению Л. С. Левитской, в тюркские языки *қур* ‘тетерев; куропатка; глухарь’ попало из монгольских, о чем косвенно свидетельствует ареальный характер *қур* в тюркских языках. Д. Х. Базарова возводит *қур* к звукоподражательной основе *қур*, выделяемой в узб. *қурилла-* ‘клокотать, курлыкать’ [ЭСТЯ, 2000, с. 155–156].

В Алтайском словаре Пмонг. **kur* сопоставляется с Птунг. **Kürekte* ‘дятел’ и Птюрк. **Körtük* ‘вальдшнеп; индюк; тетерев’ [EDAL, р. 707]. В тунгусо-маньчжурских языках также представлены: эвенк. *пуртакан* ‘глухарь (маленький)’; *horokı* ‘тетерев, глухарь; боровая птица вообще’, эвен. *horики* ‘глухарь, тетерев; рябчик’, нег. *хојохї* ‘глухарь, тетерев (самец)’, ороч. *поро*, ульч. *поро*, орок. *поро*, ма. *қорки* ‘глухарь, тетерев’; эвенк. *һурки*, нег. *хујки* [**һурки*] ‘тетерка, глухарь (самка)’, ороч. *окина* [**һоркина*] ‘рябчик (черный)’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 334, 353]¹².

Звукоподражательное происхождение имеет название другой птицы отряда куриных: ср.-мо. *xurqa’ul* [НУ, р. 14], п.-мо. *kiryuul*, *yuryuul* ‘горная курица; фазан’ [Kow., р. 2552, 1039], мо. *гургуул*, калм. *һуһул*, ойр. *һуһуул*, орд. *GurGül*, даг. *xorgöl*, бао. *golGor*, мнгр. *čirGū*, *GurGul* [EDAL, р. 542] ‘фазан’. Бур. *гурга-* ‘щебетать (о птицах)’ «угадывается» в п.-мо. *yuryaldai*, мо. *гургалдай*, ойр. *һуһуулдаа* ‘соловей’, бур. *гургалдай* ‘болотный соловей; редк. соловей’. Ср. кбалк. *gerge* ‘жаворонок’; ульч. *урғума*, нан. диал. *орғума*, ма. *улхума* ‘фазан’ [ССТМЯ, 1977, с. 283].

Корень **jir* передает писк цыплят, чирикание, пение, свист птиц: п.-мо. *јар јар*, *јир јир* ‘щебетание птичек’ [Kow., р. 2300, 2358], мо. *жир* *жиргэ-*, *жар* *жур хий-* ‘щебетать, журчать’, бур. *жэр-р-жэр-р* – о пении жаворонка; мо. *жирхрэ-* ‘щебетать, чирикать’; п.-мо. *јирги-*, мо. *жиргэ-*, бур. *жэргэ-*, калм. *жирг-* ‘чирикать, щебетать, разливаясь’. Отсюда п.-мо. *јirgemer* [*biljuuqai*] [Less., р. 1060], мо. *жиргэмэл* ‘пташка, пичужка; птенец’, бур. *жиргэмэл* ‘жаворонок’. Ср. ма. *Јар Јир* – о чирикании, *Јар Ји чичикэ* ‘чижик’, *Ја Јирган* ‘стриж, ласточка’

---

¹² Среди приводимых тунгусо-маньчжурских и тюркских соответствий могут встречаться заимствования.

[ССТМЯ, 1975, с. 253], ороч. *сирэ* ‘соловей’; эвенк. *тирги-* ‘трещать (о птицах)’, *тигивкӀ* ‘голубь (лесной)’; нег. *чири* ‘козодой (ночная птица)’ [ССТМЯ, 1977, с. 97, 187, 399]. Возможно ономотопическое происхождение тюрк. орнитонима *серче* ‘воробей; какая-то птица; синица’, для которого А. В. Дыбо восстанавливает праформу *sErçä [ЭСТЯ, 2003, с. 268].

П.-мо. *šürkei*, мо. *шүрхий*, бур. *шүрхы* ‘чирок (утка)’ так же, как и рус. *чирок* можно связать «как звукоподражательное с *чирикать*» [Фасмер, 1973, с. 366]. Лексема сопоставляется авторами Алтайского словаря с т.-ма. и тюрк. формами с анлаутным [t]: Птунг. *tarmī ‘вид утки’; Птюрк. *Arakaj ‘бекас; ястреб; вид жаворонка; утка-кречетка; коростель; крохаль’ [EDAL, р. 1405–1406]. Участие данного согласного в образовании орнитофонов отмечено в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: п.-мо. *torlu-*, мо. *торло-*, калм. *торл-*, ойр. *торла-* ‘петь, чирикать, щебетать (о птицах)’; сол. *тᠶᠷᠭᠦ* ‘гоготать (о гусях)’, эвен. *т᠋ᠪᠷᠦ* ‘петь, щебетать, ворковать (о птицах)’, нег. *тᠶᠷᠭᠦ* ‘ворковать (о голубях)’. Корень *dorʃ, прослеживающийся в бур. *доржогоно-* ‘чирикать (о воробьях)’, дал баргуз. *доржоохой* ‘воробей’.

Корни **čar/čer/čir/čor/čir/tar/dar* служат для подражания стрекоту некоторых насекомых (кузнечиков, цикад, саранчи и др.): п.-мо. *čir-čir*, мо. *чар-чар гэ-*, мо. *цар цар гэ-*; п.-мо. *čer čer ki-*, мо. *цэр-цэр хий-*, бур. *сэр-сэр гэ-*; п.-мо. *čirkire-* [Kow., р. 2221, 2370], мо. *жирхрэ* ‘стрекотать’; п.-мо. *tarčigina-*, мо. *тарчигна-*, бур. *таршагана-* ‘трещать, стрекотать’; п.-мо. *čorgi-* ‘жужжать’. Ср. тур. *žyržyr* – о стрекотании кузнечика [СИГТЯ, 1988, с. 518], ма. *сар сар сэмэ* ‘жужжа (о насекомых)’ [ССТМЯ, 1977, с. 65].

От данных корней образованы следующие названия насекомых: п.-мо. *čarča* [Kow., р. 1681, 2115], мо. *царцаа(н)*, кяхт. *сарсаа*, ойр. *царцаа*, орд. *žarčā*, даг. *čārčān*, бао. *žāGžāG*, ж.-уйг. *čarčaGī*, мнгр. *čāržāG* [EDAL, р. 1214] ‘хлебная кобылка, род саранчи’; п.-мо. *čar-čaqai* [Kow., р. 2113], мо. *царцаахай*, калм. *царцаха*, ойр. *царцаахаа* ‘саранча’; п.-мо. *čirkirege*, мо. *жирхрээ* ‘цикада’, ойр. *жиргерээ* ‘саранча’; п.-мо. *tarča* ‘саранча’ [Less., р. 715], бур. *таршаа*, баргуз. *таршааг* ‘кузнечик, кобылка’, бур. зап. *даржагануур* ‘саранча’.

Пмонг. *čarča имеет надежные алтайские параллели имитативно-го происхождения: Птюрк. *sarınçga ‘саранча’, Пкор. *čānčará ‘стрекоза’ и Пяп. *sunsu-musi ‘вид сверчка’. Авторы EDAL не исключают заимствованный из монгольских языков характер единичной формы ма. *чачарақу* ‘саранча’ [р. 1213–1214], в то время как ма. *Жаргима* ‘кузнечик’ [ССТМЯ, 1975, с. 252], ма. *сарпа* ‘стрекоза, кобылка травяная’ [ССТМЯ, 1977, с. 66] представляются автохтонными терминами. Л. С. Левитская, учитывая распространение в разных языках семантической модели ‘прыгающий’ < ‘кузнечик, саранча’, склонна произвести тюрк. *сарычга* от глагола *сачыр-* ‘прыгать’ [ЭСТЯ, 2003, с. 227].

Таким образом, зоофоны в монгольских языках реализуются посредством следующих корней (табл. 1).

Таблица 1

Типы корней, формирующих ЛСП «Животный мир»

C _{un} /V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
<i>ø</i>	<i>ar, ark</i>	–	<i>irk</i>	<i>ur, ork ord</i>	–
<i>y</i>	<i>yark, yarĵ</i>	–	–	<i>yor</i>	–
<i>ĵ</i>	<i>ĵar</i>	–	<i>ĵir, ĵirk</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čar, čarč</i>	<i>čer</i>	<i>čir</i>	<i>čor, čork</i>	–
<i>š</i>	–	–	–	–	<i>šürk</i>
<i>s</i>	–	–	–	–	–
<i>q/k</i>	<i>qar, qarq, qard</i>	<i>ker, kerm</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qur, qurd qorĵ, qorč</i>	<i>kürk, kürĵ</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	<i>γurγ</i>	–
<i>d</i>	–	–	–	<i>dorĵ</i>	–
<i>t</i>	<i>tarč</i>	–	–	<i>tor</i>	–
<i>b</i>	<i>barĵ</i>	–	–	<i>bor, borq</i>	<i>bürk</i>
<i>p</i>	–	–	–	–	–
<i>m</i>	–	<i>mer</i>	–	–	–
<i>n</i>	–	–	–	–	–

Как видно из табл. 1, при свободном вокалическом чередовании в анлауте чаще встречаются согласные [q/k/γ/g] – 34 %, [ĵč/š/y] – 31,

[b] – 10, [t/d] – 7, [m] – 2 %. По частотности в ауслатной позиции также первое место отводится [q/k/γ/g] – 32 %, [ʃ/ç] – 20, [d] – 3 и [m] – 1 %. При этом 40 % корней данного поля функционируют без ауслата, 16 % – без анлаута.

ЛСП «Человек»

Как уже отмечалось, антропофоны рассмотрены нами с 2 позиций: звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа. К первым относятся так называемые интракинемы, под которыми С. В. Воронин понимает рефлекторные и «выразительные» движения, сопровождающие «внутренние» процессы в сфере сознания человека. Исследователь выделяет 36 типов фоноинтракинем, содержащих «звуковой (фонический) компонент, который, однако, в них вторичен, произведен; принципиальные особенности их определяются не им, а артикуляторным компонентом» [1982, с. 74].

Из выделенных автором типов фоноинтракинем доминанта [r] представлена в следующих:

– фыркanye: бур. *xur xap gə*-, п.-мо. *turgi*- [Less., p. 843], мо. *turgi*-, бур. *турья*- ‘фыркать’; п.-мо. *per per*, мо. *пэр пэр* ‘фр!’ (подражание звукам фыркanye), бур. *пэршэгэнэ*- ‘фыркать’; баргуз. разг. *пурсагад гə-пурсаганиш гə*- ‘умереть’ < ‘испустить дух/последний вздох *пур-р-с*’. Ср. каз. *мырс*- ‘фыркнуть, прыснуть (о смехе)’ [Кайдаров, 1986, с. 263]; ма. *турги*- ‘фыркать, храпеть’ [ССТМЯ, 1977, с. 186];

– храп: п.-мо. *qorčigina*-, *qorčigina*-, мо. *хоржигно*-, *хорчигно*-, бур. *хоршогоно*-, калм. *хоржңн*-, ойр. *хоржңина*-; п.-мо. *qurkira*- [Less., p. 990], мо. *хурхир*-, бур. *хорхир*-, *хурхир*-, калм. *хүркp*-, ойр. *хоркила*-, *сурхир*- ‘храпеть’. Ср. каз. *қор ете қалу*- ‘всхрапнуть, захрапеть’ [Кайдаров, 1986, с. 247]; эвенк. *корги*-, *қор сэмэ* ‘храпеть (во сне)’ [ССТМЯ, 1975, с. 415], эвенк. *эрким*-, эвен. *эркүкэн*- ‘дремать’ [ССТМЯ, 1977, с. 465];

– хрип: п.-мо. *bargi*-, мо. *барги*- ‘сипеть, хрипеть’; п.-мо. *kerčigine*-, мо. *хэржигнэ*-, бур. *хэршэгэнэ*- ‘хрипеть (о мокроте в груди)’; мо. *хурхар* ‘хрипение в горле’; п.-мо. *kirkira* ‘харкотина’ [Kow., p. 2550], *kirkire*-, мо. *хурхрэ*- ‘страдать хроническим бронхитом’; хорин. *хорхуруу* ‘круп’. Как известно, круп, иначе острый ларингит, или ларингот-

рахеит, сопровождается охрипlostью голоса, кашлем и одышкой¹³. К ономатопам также следует отнести ср.-мо. *čer* [МА, с. 132], п.-мо. *čer* [Kow., p. 2128], мо. *цэр*, бур. *сэр* [*мэнгир*], калм. *cer*, орд. *čir*, даг. *čire* ‘слизь, мокроты’ [EDAL, p. 434]. Ср. каз. *сыр* ‘хрип, хрипота’ [Кайдаров, 1986, с. 279];

– кашель: п.-мо. *ker ker ge-*, мо. *хэр хэр гэ* ‘кашлять’¹⁴. Ср. каз. *күрк-күрк жөтел-* ‘кашлять постоянно с хрипом’ [Там же, 1986, с. 233], як. *күрдүргээ-* ‘кашлять’; ма. *қорқон-қорқон сэмэ* ‘кха-кха (беспрерывный кашель)’ [ССТМЯ, 1975, с. 415];

– дыхание с присвистом: п.-мо. *sürkire-*, мо. *сүрхрэ-*, калм. *сүркp-*, ойр. *сүркиp-* ‘свистеть (о дыхании спящего человека)’; п.-мо. *šorkira-* [Less., p. 756], мо. *шорхиро-*, бур. *шорхир-* ‘неровно дышать, сопеть’. В основе названия болезни п.-мо. *süriy-e*, мо. *сүрьеэ* ‘туберкулез’ лежит звук дыхания больного человека, сопровождающийся присвистом: *сүp-сүp*;

– всасывание ртом жидкости: пкл.-мо. *soru-* [Tum., p. 551], п.-мо. *soru-* [Kow., p. 1413], мо. *cop-*, бур. *һоро-*, калм. *cop-*, ойр. *соро-*, орд. *soro-*, ж.-уйг. *soro-* [EDAL, p. 1275] ‘втягивать в себя; сосать’. Более прозрачно звукоподражательное начало в корне *šurd: бур. *шурд гэ тэр һоро-* ‘звучно потягивать’. Ср. ма. *ф’ор сэмэ* ‘хлебная, потягивая в себя’ [ССТМЯ, 1977, с. 301]. Дж. Клосон склонен видеть в монгольском соответствии тюркское заимствование: *со:p-* ‘сосать, высасывать, втягивать (всасывая)’, что подтверждается, по мнению Л. С. Левитской, достаточно ранней фиксацией *со:p* в тюркских памятниках и множеством производных [ЭСТЯ, 2003, с. 334]. Как отмечает С. В. Воронин, кинема всасывания ртом жидкости имеет значитель-

---

¹³ Второе значение бур. *хорхируу* ‘диарея’ сопоставимо с эвенк. *кори* ‘понос’ [ССТМЯ, 1975, с. 415]. П.-мо. *čür*, мо. *цүр* – звук, издаваемый при вздутии живота, п.-мо. *qurčigina-*, мо. *хурчигна-* ‘урчать’ коррелируют с «тур. *сүр* ‘иметь понос’, гаг. *сүр-* ‘расстраиваться (о кишечнике)’» [ЭСТЯ, 2003, с. 394].

¹⁴ П.-мо. *qaniya-*, мо. *ханиа-*, бур. *ханяа-*, калм. *ханя-*, ойр. *ханьяа-* ‘кашлять’ восходит к ономотопу **qan/qang*: п.-мо. *keng qang* – о кашле многих [Kow., p. 2447]. Согласный [k] представлен в рус. *кашлять*, польск. *kaszlać*, чешск. *kašlat*, эст. *kõhima*, лит. *kosėti*, англ. *cough*, [h] – в нем. *husten*, шведск. *hosta*, нид. *hoesten*.

ное сходство с артикуляцией в первую очередь таких звуков речи, как глухой свистящий или шипящий: в том и другом случае участвует передняя часть языка, которая соприкасается с небом по бокам, оставляя узкую щель посредине; может происходить также поднятие к небу средней части языка. Отсюда международность анлаута /s-/ в обозначениях всасывания. Ср. англ. *suck* ‘сосать, всасывать’, *sup* ‘отхлебывать; ужинать’ [Воронин, 1982, с. 91]. Губной открытый гласный [o] в алтайских языках отображает форму губ при всасывании воздуха или жидкости;

– плач, вой: п.-мо. *orila-* [Less., p. 619], мо. *орил-*, бур. *орил-* ‘плакать, рыдать’; п.-мо. *orkira-*, мо. *орхир-*, бур. *сорхир-*, калм. *оркр-*, ойр. *оркил-* ‘рыдать, реветь’; п.-мо. *iryala-* ‘рыдать, всхлипывать, плакать (от сильной боли, печали)’ [Kow., p. 320]. Т.-ма. формы: эвенк. *баркирā-*, сол. *баркирā-*, ма. *байқара-* ‘реветь, кричать’ рассматриваются как монголизмы [ССТМЯ, 1975, с. 75]; ср. орок. *нэрэгду-* ‘плакать, рыдать’, ма. *порпон нарпан сэмэ*, *фирфин фирф’ан*, *фирфун ф’арфин*, *фирфун фарфан* ‘плача, рыдая’ [ССТМЯ, 1977, с. 48];

– громкий крик: мо. *бар бар* ‘шум-гам (гул от множества голосов)’, бур. *ору-бархи* ‘крики-вопли’; п.-мо. *orila-*, мо. *орил-*, бур. *орил-* ‘кричать, орать’; п.-мо. *čirla-*, мо. *чарл-* ‘кричать, орать; визжать; вопить’, п.-мо. *čirkire-*, мо. *чирхр-* ‘орать’, п.-мо. *čor*, мо. *цор-цор хий-*, п.-мо. *čorgi-* ‘петь, кричать’ [Kow., p. 2221], мо. *цорги-* ‘устраивать гвалт, галдеж’; мо. *цур-цур хий-*, п.-мо. *čurkira-*, мо. *цурхир-* ‘кричать, галдеть’; п.-мо. *gürd*, мо. *гүрд хий-* ‘кричать без толку; горланить’; п.-мо. *kürkire-*, мо. *хүрхрэ-*, бур. *хүрхирэ-* ‘кричать’; п.-мо. *darbi-* ‘кричать; шуметь нестройно’ [Там же, p. 1680], мо. *дарви-* ‘кричать, орать’; бур. *дүрье-*, калм. *дүрг-*, ойр. *дүрге-* ‘создавать шум-гам’;

– ворчание: п.-мо. *γар γар ki-*, мо. *гар гар хий-*, бур. *хур хар гэ-* ‘ворчать, брюзжать’. Ср. ма. *гэр сэмэ* ‘болтовня’, *г’арг’ан сэмэ* ‘ворчливо, брюзжа’ [ССТМЯ, 1975, с. 180, 253];

– рвота: п.-мо. *ord*, мо. *орд* выражает звук, издаваемый при рвоте¹⁵. Ср. ма. *ор* – звук рвоты [ССТМЯ, 1977, с. 23].

---

¹⁵ П.-мо. *bögelji-*, мо. *бөөлжи-*, бур. *бөөлжэ-*, калм. *бөөлжэ-*, ойр. *бөөлжи-* ‘рвать, блевать’ также образован от звукоподражательного корня *böge с помощью аффикса *-lji*, передающего прерывисто-кратные действия.

Глаголы говорения, функционирующие в монгольских языках, рассмотрены нами в зависимости от фонетической структуры звукоподражательного корня, хотя, несомненно, изучение данной категории глаголов в функционально-семантическом, лингвокогнитивном, лингвокультурологическом аспектах представляет немалый интерес.

Звукоподражательная семантика глагола говорения, обозначающего однонаправленное действие, п.-мо. *yari-* [Less., p. 429], мо. *яри-*, бур. *яри-*, ойр. *йара-* ‘говорить, разговаривать, беседовать’ становится очевидной благодаря сопоставлению со следующими формами: калм. *яр-яр ги-* ‘переговариваться’, бур. *яр-яр дуугар-* ‘говорить неприятным голосом’, *ярд гэ-* ‘говорить пронзительно, крикливо’; п.-мо. *yargi-*, мо. *ярги-* ‘шуметь, галдеть; надоедать’; п.-мо. *yarki-*, мо. *ярхий-* ‘спорить, браниться, гневаться’; *ёрд-ёрд гэлдэ-* ‘говорить отрывисто и резко (о людях)’; п.-мо. *yorgi-*, мо. *ёрги-* ‘хвастаться, кичиться’. Как видно из примеров, первоначально корень *yar соотносился с резкими, неприятными звуками, издаваемыми людьми, затем стал обозначать речевую деятельность людей в целом¹⁶.

Пкл.-мо. *яр* [Tum., p. 424], п.-мо. *яр* ‘приказ, обнаружение’ [Kow., p. 2300], мо. *зар*, бур. *зар*, калм. *зар*, ойр. *зар* ‘объявление, извещение’, по утверждению Э. В. Севортыяна, является тюркомонгольско-маньчжурской формой: тюрк. *жар* ~ *йар* ~ *чар* ‘клич; извещение; крик, рев, плач’, принадлежит классу древнейших общетюркских лексических основ <...>. Односложная лексическая основа, или корень *жар*, звукоподражательного происхождения: ср. тур. *car-car* ‘болтун’ (восходящее к омофонному подражанию чириканию, щебету птиц), як. *сар* (имитирующее разные шумы, например, высекая огонь), ма. *яр* ‘крик (при работах и поднимании чего-л. артелью)’ [ЭСТЯ, 1989, с. 19–20].

К этому же корню восходят ср.-мо. *ярлиг* [МА, с. 203], пкл.-мо. *ярлиг* [Tum., p. 424], п.-мо. *ярлиг* [Kow., p. 2306], мо. *зарлиг*, бур. *зар-*

---

¹⁶ Ср. англ. *yerr* ‘издавать неприятный звук, крик’. Известно, что в русском языке зачастую иноязычную речь передают с помощью звукоподражания *гыр-гыр-гыр*. Слово *варвар* происходит от др.-греч. *βάρβαρος* ‘негреческий, иноземный’, которое, как известно, имеет звукоподражательное происхождение.

лиг ‘указ, приказ; повеление, веление, ярлык’; пкл.-мо. *ǰaray* [Tum., p. 424], п.-мо. *ǰaryu* ‘тяжба, процесс между истцом и ответчиком’ [Kow., p. 2305], мо. *зарга*, бур. *зарга*, калм. *зарь*, ойр. *зарьа* ‘жалоба, иск, тяжба; претензия, сетование’. Привлекают внимание парные образования калм. *зарь зэрг* ‘суд; жалоба; тяжба’, п.-мо. *kereg ǰariγ* ‘дела вообще; почтение, уважение, вежливость (оказываемая высшей особе); молебствие’ [Kow., p. 2301, 2510], мо. *хэрэг зарга* ‘судебные дела, тяжбы’, подтверждающие, на наш взгляд, тот факт, что в ср.-мо. *kereg* [ЛН], *kerek* [МА, с. 216], пкл.-мо. *kereg* [Tum., p. 444], п.-мо. *kereg* [Kow., p. 2509], мо. *хэрэг*, бур. *хэрэг*, калм. *керг*, ойр. *керег*, бао. *кэр* (~*кэрэһ*) ‘дело’ значение ‘дело как вопрос, просьба’ появилось раньше, чем ‘дело как занятие, деятельность’. Корень *ker здесь выступает как ономатоп, поскольку дело, как правило, зачастую бывает сопряжено с просьбой о чем-л. Ср. як. *көрдөһүү* ‘просьба, прошение, ходатайство, мольба’. Лексемой *хэрэг* в шаманизме обозначают «частный или семейный обряд жертвоприношения; общее название обрядов жертвоприношения» [Зомонов, 1998, с. 116].

Значения глагольной формы ср.-мо. *ǰaru-* [SH; NYt], *ǰaru-* [МА, с. 203], пкл.-мо. *ǰaru-* [Tum., p. 425], п.-мо. *ǰaru-* [Kow., p. 2303], мо. *зар-*, бур. *зара-*, калм. *зар-*, ойр. *зар-*, орд. *ǰaru-*, мог. *ǰру-*, даг. *ǰара-*, *ǰарэ-*, дунс. *ǰaru-*, бао. *ǰаре-*, ж.-уйг. *ǰар-*, мнгр. *ǰари-* [EDAL, p. 1544] ‘использовать для услуг; держать у себя на службе, распоряжаться’, по всей видимости, развились на основе ‘приказывать; кричать на кого-л.’ В EDAL глагол сопоставляется с Пяп. **dár-* ‘посылать; давать’ [p. 1544]. Ср. также эвенк. *сэр-*, эвен. *һэр-*, нег. *сэj-* [*сэр] ‘поручить, попросить что-л. сделать’ [ССТМЯ, 1977, с. 144].

Другое значение п.-мо. *ǰaru-*, мо. *зар-* ‘продавать’, контаминируя с п.-мо. *süre-*, мо. *сүр-* ‘торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)’, связано с традицией уличных торговцев голосом привлекать внимание к своему товару. С говорением также связаны другие глаголы с [ǰ] в анлауте: п.-мо. *ǰари-* ‘врать, говорить глупости, болтать; бранить без причины, ворчать по-пустому; докучать, надоедать’ [Kow., p. 2301], бур. *зари-* ‘лезть в ссору, придирааться к кому-л.’; *ǰorgilya-*

‘возвысить голос, громко вызывать’ [Kow., p. 2301, 2406], *зоргилго*- ‘кричать, орать’.

Звукоподражание **qar*, характеризующееся громкостью и грубостью, выделяется в п.-мо. *qariya-* [Там же, p. 842], мо. *xapaa-*, бур. *xar-paa-*, калм. *xapa-*, ойр. *xapaa-*, орд. *xarā-*, даг. *xarā-*, *karā-*, *harā-*, дунс. *qara-*, бао. *χəra-*, мнгр. *xarā-* [EDAL, p. 781] ‘сквернословить, ругаться, бранить; проклинать’, несмотря на то, что в первую очередь семантика глагола ассоциируется с прилагательным *qar-a* ‘черный’ (т. е. *xapaa-* ‘чернить, очернять’). В Алтайском словаре Пмонг. форма **karalija-* сопоставляется с Птунг. **xērī-* ‘кричать, звать’, Птюрк. **Karga-* ‘ругать, проклинать’ [Там же, p. 781–782]. Следует отметить, что Э. В. Севортыан допускает подражательное происхождение корня глагольных основ *garгы-*, *гарга-* [ЭСТЯ, 1997, с. 305]. В тунгусо-маньчжурских языках эти значения передаются с помощью корней с [ʃ] в анлауте: эвенк. *ǰарга-*, эвен. *ǰаргъ* ‘обзывать, оскорблять, бранить, ругаться; дразнить’; нан. *χороңқиа-* ‘бранить’ [ССТМЯ, 1975, с. 253, 472]. Ср. также башк. диал. *χармақла-* ‘приговаривать напевно’, турк. *сармақлаш-*, *сарнаш-* ‘перебраниваться, ссориться’ [ЭСТЯ, 2003, с. 225–226], ма. *чарки-* ‘петь врозь, говорить разными голосами’, *чарчан сэмэ ара-* ‘кричать, реветь (о женщине)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

В ряде звукоподражательных глаголов, передающих акустические параметры человеческой речи, прослеживается ассоциативная связь с рефлексивными звуками животных. Так, корень **bar* в глаголе пкл.-мо. *barkira-* [Тум., p. 316], п.-мо. *barkira-* [Kow., p. 1111], мо. *бархир-*, бур. *бархир-*, ойр. *баркил-*, изначально соотносившийся с ревом диких животных, в дальнейшем стал использоваться для подражания крикам, воплям людей: ‘кричать, орать, реветь, голосить’; п.-мо. *barda-* ‘беспрестанно говорить, болтать, не дать никому слова сказать’ [Там же, p. 1109]; як. *баргый-* ‘кричать громким, резким голосом, кипятишься от гнева; рывкать; лаять’, *боруоктас* ‘ссориться по пустякам’.

Подобные метафорические образования порождают значения речевой сферы ‘ругаться, браниться’: ср. бур. *ёр-ёр хуса-* ‘тявкать (о маленькой собачке) // ёр-ёр хараа- ‘огрызаться, браниться в ответ’. Варианты корня **ar* образовали п.-мо. *arkira-*, мо. *архир-*, бур. *архира-*, ойр. *аркир-* ‘рычать’ и п.-мо. *араџа-*, мо. *арџ-*, бур. *арса-* ‘противоре-

чить, спорить’, калм. *ару-* ‘торговаться’; п.-мо. *arsaldu-* [Kow., p. 160], мо. *арчалд-* ‘конфликтовать’. Ср. ма. *ар ар сэмэ-* о крике, шуме (во время ссоры) [ССТМЯ, 1975, с. 48], як. *ардырһаа* ‘шуметь, ворчать’.

Корень *jør в п.-мо. *jørildü-* [Kow., p. 2426], мо. *зөрөлд-* ‘противоречить, пререкаяться’ можно представить в виде **örs/örj/arj*, давших такие синонимы, как п.-мо. *örisüldü-*, мо. *өрсөлд-* ‘конкурировать, соперничать, оспаривать’, ойр. *өрце-* ‘спорить, возражать’. Ср. также сол. *Жир-*, ульч. *Жира-*, ма. *Журча-* ‘упрямиться, сопротивляться’, орок. *Жиркина* ‘упрямый’ [ССТМЯ, 1975, с. 277].

В основе ср.-мо. *kerelde-* [LH], *kereldü-* [МА, с. 216], п.-мо. *kerelde-* [Kow., p. 2508], мо. *хэрэлд-*, бур. *хэрэлдэ-*, калм. *керлд-* ‘ссориться; грызться’ с мягкорядным, открытым, негубным [e] лежит ономотоп *ker, воспроизводящий рычание, грызню собак. Согласно мнению ряда ученых, тюрк. *керши-* ‘ругаться, браниться’ представляет собой форму совместно-взаимного залога от общетюркских основ *гер* ~ *кер* ‘растягивать, распяливать’. Однако, как считает В. И. Рассадин, *керши-* ‘помогать натягивать’ и *керши-* ‘ссориться’ слишком далеки и несовместимы по семантике. По его мнению, гораздо плодотворнее в этимологическом аспекте сопоставление с мо. *kere в составе *kereldü-* ‘ссориться’, с тунг. *kerčeme* ‘сердитый, упрямый’ и с кор. *kelda, keda* ‘пререкаяться’. Н. Н. Поппе возводил тюрк. *keriš-* ‘спорить’ к некоему восстанавливаемому глаголу **kär-*, архетипом которого была форма *kärä. Этот гипотетический архетип Н. Н. Поппе считал общеалтайским [ЭСТЯ, 1997, с. 50–51].

Сема говорения прослеживается в производных от корней *γor и *ger: п.-мо. *γorila-*, *γoričila-* ‘просить о чем-л. неотступно; осведомляться о чем под рукой; выспрашивать, любопытствовать’ [Kow., p. 1039], мо. *горил-* ‘претендовать’; ср.-мо. *gerēs* [МА, с. 216], п.-мо. *geriyes* [Kow., p. 2513], мо. *гэрээс*, бур. *гэрээд үгэ*, калм. *герэсн*, ойр. *герэесе* ‘завет, завещание; последняя воля’; пкл.-мо. *gere*: [Tum., p. 405], п.-мо. *ger-e* ‘расписка; вексель’ [Kow., p. 2505], мо. *гэрээ(н)* ‘условие (в письменной форме), договор, пакт; контракт’. Ср.-мо. *gereči* [LH; IM], ср.-мо. *gere* [МА, с. 170], пкл.-мо. *gereči* [Tum., p. 405], п.-мо. *gerči* ‘свидетель; доносчик, докладчик’ [Kow., p. 2509], мо. *гэрч*, бур. *гэршэ*, калм. *герч*, ойр. *герчи*, орд. *gereči*, даг. *gerčün* [EDAL, p. 542] ‘свидетель; свидетельство, доказательство, подтвер-

ждение' можно интерпретировать как 'тот, кто дает показания, свидетельствует, т. е. говорит'. Форма сопоставляется с «Птюрк. *ger-tü 'верный, правда'» [EDAL, p. 542].

К глаголам речевого воздействия можно отнести ср.-мо. *eri-* 'расспрашивать' [IM], *eri-* [MA, с. 163], п.-мо. *iri-* 'вытребовать, истребовать; выпросить' [Kow., p. 255], п.-мо. *eri-* [Less., p. 326], бур. *эри-* 'требовать, просить', сопоставимый с эвен. *йрму-*, ульч. *ирэмэси-*, орок. *ирэмэ-* 'просить'; нан. *Жарбала-* 'просить кого-л.' [ССТМЯ, 1975, с. 328, 252]. Возможно, сема говорения заложена в эвенк. *урэ-* 'согласиться', эвен. *өрэ-* 'согласиться, обещать; поддакнуть' [ССТМЯ, 1977, с. 289].

Корень *gür со временем приобрел способность передавать содержание мысли: п.-мо. *gür*, мо. *гөр* 'несправедливое обвинение', п.-мо. *gürde-* [Kow., p. 2650], мо. *гөрд-*, бур. *гүрдэ-* 'оболгать, оклеветать, оговаривать, наговаривать на кого-л.', бур. *харда-* 'клеветать' (парн. *хардаха гүрдэхэ*) при наличии п.-мо. *kürge-* 'говорить вздор, болтать бестолково' [Kow., p. 2653]. Следует отметить, что К. М. Черемисов рассматривает значение *гүр* 'подвох, провокация, науськивание' как переносное от 'верша (из ивняка для ловли рыбы)', отсюда *гүрдэ-* 'ловить рыбу вершей; перен. клеветать' [БРС, 1973, с. 166]. Ср. тур. *гүр* 'высокий; громкий, громовой (о голосе)', аз. *гүр* 'звучный' [ЭСТЯ, 1980, с. 106]¹⁷; аз. *гүр тур* 'бесмыслица' [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *кэрэмй-* 'клеветать' [ССТМЯ, 1975, с. 454], ма. *шэри-*, *сэри-* 'клеветать, грозить' [ССТМЯ, 1977, с. 131, 145].

Согласный [m] в анлауте может характеризовать процесс устной речи, в частности, указывая на нечеткость артикуляции (п.-мо. *tar-tar ki-*, мо. *мар-мар хий-* 'мямлить; слегка поболтать'), а также на эмоции говорящих в речевом акте: п.-мо. *tar-tur ki-*, мо. *мар-мур хий-* 'немного поссориться, повздорить'; п.-мо. *мару-* [Less., p. 529], мо. *марга-*, калм. *марһ-*, ойр. *марһа-* 'спорить, дискутировать'. В бурятском языке развилось несколько иное значение *марга-* 'сомневаться, колебаться'. С помощью согласных [ʃ], [t] в анлауте реализуется схожее значение: п.-мо. *šаруа-*, мо. *шарга-* 'упорствовать, спорить;

---

¹⁷ Рус. диал. *горкотать* 'смеяться, гоготать', *гаркать* 'издавать зычный крик' [Фасмер, 1964, с. 441, 393].

противоречить'; мо. *тэрд торд хий-* 'браниться', мо. *тур тар хий-*, бур. *түр тар гэлдэ-* 'ссориться'.

В тунгусо-маньчжурских языках представлены следующие формы: ороц. *мари-* 'спорить', ульч. *морику* 'упрямый; вспыльчивый', ма. *мара-* 'упрямиться, сопротивляться' [ССТМЯ, 1975, с. 532]. В Алтайском словаре также даются Пяп. **mātuàp-* 'сомневаться' и Пкор. **mār-* 'отказываться (от ч.-л.), воздерживаться, не сметь' [EDAL, р. 904]. Распространенные в тюркских языках формы: алт. *маргы-ш-*, *маргаан*, хак. *марга*, *маргыс-*, шор. *маргаан* В. И. Рассадин относит к монгольским заимствованиям [1980, с. 21, 24, 25, 38, 39, 41, 45]. Б. И. Татаринцев, напротив, склоняется к версии, что монгольская основа типа *маруи-* может иметь тюркское происхождение, а формы вроде *марыш-* носят исконно тюркский характер. Автор предполагает родство данных форм с тюркскими основами, характеризующими живой вес, силу, усилия: як. *марай-* 'выпячиваться, силиться, тужиться', *баргар* 'полнотелый', *баргар-* 'расти, мужать; полнеть', хак. *парго~паргаа* 'крупный (о ребенке, детеныше)' [2008, с. 82].

В ср.-мо. *xiru'e-* [SH], *hirē-* [MA, с. 185], пкл.-мо. *irüge:-* [Tum., р. 419], п.-мо. *irüge-* [Kow., р. 323], мо. *ерөө-*, бур. *юрөө-*, калм. *йөрә-*, ойр. *йөрәэ-*, орд. *orō-*, даг. *hirbe-*, мнгр. *šurō-* [EDAL, р. 1144] 'желать блага, счастья, удачи, успехов, произносить благопожелание; произносить тост', несомненно, процессуальное значение 'говорить, произносить' является первичным по отношению к 'желать' (сема говорения эксплицитна в бур. *үрөө-* 'уговаривать плачущего ребенка'). Т. А. Бертагаев видит в бур. диал. *өрөөхө* 'восхвалять, возвышать' корень **ur* 'быть поднятым; возведенным, выдающимся', сопоставляя его с *ургах* 'расти', *урьгих* 'подниматься, клубиться (о дыме)' и др. [1974а, с. 306].

По предположению Б. Я. Владимирцова, лексемы *ёрөөл* 'благопожелание' и *ёр* 'знак, примета' восходят к одному этимону [1929, с. 295]. По мнению ряда монгольских исследователей, если лексема *ёр* обозначает предчувствие чего-л. (*муу ёр*, *муугаар ёрло-*, *муу ёртой*, *муу ёрын амьтан*), то *ёрөөл* рассматривается как вербализация этого предчувствия, предсказание чего-л. плохого или хорошего в будущем и считается однокоренной с *яруу* (*найраг*) [Отгонбаатар, 2010, т. 324].

Действительно, в п.-мо. *ирауи* [Kow., р. 319], мо. *яруу*, бур. *ирагуу*, орд. *iraGū* [EDAL, р. 591] 'благозвучный, гармоничный; чисто, ясно,

внятно, благозвучно (о речи) – также отчетливо прослеживается связь с голосом: *яруу өгүүл-* ‘говорить звучно, восхвалять, прославлять’, *яруу дуу* ‘приятный, благозвучный голос’. Ср. як. *дырэй* ‘заливаться чистым, глубоким голосом’, *чоргуйуу* ‘чистый, звучный голос, слышимый издали (о кукушке)’.

В Алтайском словаре к лексеме даны следующие параллели: Птунг. **ir-ke-* ‘петь, слагать стихи; кричать’, Птюрк. **ir* ‘песня’, Пяп. **ütä* ‘песня’, Пкор. **irp-* ‘петь, декламировать’. При этом авторы вслед за Г. Дерфером и А. М. Щербаком допускают, что монгольская форма может быть заимствованием из тюркских языков, приводя в качестве доказательства крх.-тюрк. *jırayu* ‘певец’ [EDAL, p. 591]. Относительно тюрк. *ıyr* ‘песня; эпическая поэма; стихи’ Г. Рамстедт высказал предположение о его ономатопеическом происхождении, сравнивая с *čir*, *žir*. Однако Л. С. Левитская указывает на проблематичность связи исходной формы *ыр* с *жир*, *чир* ‘щебетание птицы’, в то время как звукоподражание *ыр* означает ‘ворчание, предостерегающее рычание собаки’ [ЭСТЯ, 1989, с. 285].

Гласный [i] представлен в следующих ономатопах: п.-мо. *irya-* [Kow., p. 323], мо. *ypa-* ‘спорить, противиться’; п.-мо. *čirla-*, мо. *чарла-* ‘кричать, орать; визжать; реветь; взвизгивать; вопить’, п.-мо. *čirkire-*, мо. *чирхр-* ‘орать’. В баргузинском диалекте бурятского языка те же значения реализуются с помощью корня **nir(g)*: *ниргэ-* ‘кричать’, в то время как бур. лит. *нирд-нирд гэтэр альга тааша-* ‘громко аплодировать’, мо. *нир нар хий-* ‘грохотать, греметь’, калм. *нирг-* ‘шуметь, галдеть’. Ср. эвен. *нирънукән-* ‘рыдать, плакать навзрыд, реветь’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Значения подтверждают способность гласного [i] передавать звучание более высокого регистра, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звука: [i] – гласный высокого подъема, при произнесении которого язык значительно сближается с небом. Благопожелания, как правило, воспроизводимые перед большим количеством людей, произносятся громко, нараспев и с эмоциональным подъемом.

Корень **mer* прослеживается в лексемах: п.-мо. *merge*, мо. *мэргэ* ‘гадание, предсказание, ворожба’; п.-мо. *mergeči* [Less., p. 536], мо. *мэргэч* ‘гадатель, гадалка, ворожей; мудрец’; ср.-мо. *mergan* [НУ, p. 37; SH], пкл.-мо. *mergen* [Tum., p. 460], п.-мо. *mergen* ‘мудрый,

опытный, умный' [Kow., p. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen*, *teregen*, дунс. *mergen*, мнгр. *mergen*, *turgen* [EDAL, p. 918] 'мудрый, прозорливый'. Та же сема реализуется в корне *yer: ср.-мо. *yerge kibe siba 'ūnlā* 'гадал на птицах (т. е. гадал по полету птиц)' [MA, с. 391].

По мнению Г. Дерфера, значение 'способный, мудрый' продиктовано значением 'способный в стрельбе' [Doerfer, 1963, p. 498]. Однако на исходный момент развития значения может пролить свет более «прозрачная» лексема: п.-мо. *irügeči*, мо. *ерөөч* 'гадатель, предсказатель', которая образована от рассматривавшегося выше корня *ir. В корнях **ir/mer* лексем *irügeči* 'прорицатель' и *mergen* 'мудрый; мудрец' в первую очередь заложена сема говорения, вещания¹⁸. В тюркских языках распространен глагол *йор-* 'толковать сон; гадать, предсказывать', «старейшим значением которого, по мнению Дж. Клосона и С. Калужински, является 'развязывать, отвязывать', из которого развились метафорические значения» [цит. по: ЭСТЯ, 1989, с. 223–224].

Гласный [e] в п.-мо. *merge* 'ворожба', *mergen* 'мудрый', возможно, передает идею чего-л. слабого, неконкретного, неясно выраженного, о чем свидетельствует мо. *мэр-сэр* 'чуть-чуть, едва-едва' [Kow., p. 2018], калм. *мер-мер* 'еле-еле, кое-как (о слабом звуке, свете)'. В. Л. Цымбурский приходит к выводу, что «базисная семантика «неустойчивой, зыбкой тьмы или дрожащего света», «сгущенной воздушной среды, часто разлагающейся на подвижные дискретные частицы, размывающие образы предметов» становится источником для развития значений «обмана, темной силы, колдовства, миража, явления призраков», ср. рус. диал. *морокун* 'знаток, жулик, отгадчик, колдун', *мороковать* 'ведать, смыслить; жульничать, колдовать, ворожить'» [Цымбурский, эл. рес., с. 4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что корни **ir/mer*, образующие лексемы со значением 'гадать, ворожить', в древности являлись ономатопами, передававшими устную речь.

В тунгусо-маньчжурских языках корни *ᠵар/ᠵᠢр/һир/ир* также образуют обширные гнезда глаголов устной речи: эвенк. *ᠵара-*, ма. *ᠵари-*

---

¹⁸ Ср. рус. *вещун/вещунья* от *вещать* 'прорицать, предсказывать' < 'говорить торжественно, непререкаемо, внушительно' < 'сказывать, говорить'.

‘петь (гимны, молитвы), вторить; подражать (в пении)’, эвен. *Жарамқан-*, ороч. *Жарали-*, ульч. *Жара-*, нан. *Жарали-* ‘отозваться; заговорить’; ороч. *Жэри-*, ульч. *Жэру-*, орок. *дэри-* ‘хвастаться’, нан. *Жэри-* ‘распространять слухи’; ма. *иргэбу-* ‘петь песнь’, эвенк. *иркихин-* ‘закричать высоким голосом’, *иржэмэуэн* ‘ворчливый’, эвен. *иржэ-* ‘делать выговор, замечание’, эвен. *иркэ-* ‘кричать; визжать; аукать’; ма. *лор сэмэ* ‘без умолку, болтливо’ [ССТМЯ, 1975, с. 252, 285, 326–328, 505], эвенк. *хиру-* ‘обругать’, *хирул-* ‘говорить (о шамане)’, сол. *иругэ* ‘произносить благопожелание’, эвен. *хиргэ-* ‘помолиться, попросить (у бога) счастья, удачи’, *хиргэт-* ‘шептать молитву; обращаться с напутственной речью; желать счастья; заклинать’, нег. *хирэ* ‘просить себе счастья, удачи’, ма. *фиру-* ‘заклинать, молить духов о счастье; благословлять’ [ССТМЯ, 1977, с. 327–328].

Следует отметить, что ма. *Жари-* ‘петь (гимны, молитвы); воспевать’ в Тунгусо-маньчжурском словаре сопоставляется с п.-мо. *Жайран*, мо. *зайран* ‘шаман’ [ССТМЯ, 1975, с. 252]. В. И. Рассадин поддерживает точку зрения Сэчэнчогту о связи мо. *Жайарин* ‘шаман; прорицатель, гадатель на лопатке; гений хранитель, передающий повеление неба’ с тюрк. *ягрын* ‘лопатка’. Перспективность этой гипотезы автор связывает с бытованием в тюркских языках слов *ярынчы*, *чарынчы*, *ягрынчы* ‘прорицатель, гадатель на лопатке’ [2007, с. 66]. Т. А. Бертагаев связывает бур. *заарин* с глагольной основой *заа-* ‘показывать, указывать’: «*заа-ри-н* значит ‘склонный показывать, указывать по велению (указу) высшего божества – неба’, так как *заарин* нередко становятся после смерти приближенными тэнгэринов – сынов неба» [1974, с. 415]. На наш взгляд, приведенные примеры позволяют считать возможной предложенную авторами Тунгусо-маньчжурского словаря связь лексем ма. *Жари-* ‘петь молитвы’ и п.-мо. *Жайранг* ‘шаман’, где дифтонг в корне *Жайр может указывать на нечеткость артикуляции, размытость семантики высказывания.

Известно, что процесс называния окружающих предметов или призыва окружающих людей неизбежно связан с голосом: ‘звать кого-л.’ значит ‘голосом просить откликнуться или приблизиться’, ‘называть что-л.’ значит ‘произносить название’. В связи с тем что вокативная функция является одной из основных функций имени в любой

культуре, на наш взгляд, допустимо, что ср.-мо. *nere* [SH; HYt], *neren* [IM], *nerē* [MA, с. 248], пкл.-мо. *ner-e*, *nerē* [Тум., р. 480], п.-мо. *ner-e* [Kow., р. 641], мо. *нэр*, бур. *нэрэ*, калм. *нерн*, ойр. *нер*, орд. *nerē*, мог. *nera*, *nira*, даг. *ner*, *nerē*, дунс. *niere*, бао. *nerē*, *nare*, ж.-уйг. *nerē*, мнгр. *nerē* [EDAL, р. 973] ‘имя, название, наименование’ также представляет собой древний оноματοп, характеризующий коммуникативную сторону речи.

В бурятском языке зафиксирован синоним *нэрэмжэ* ‘название, именование’, который в халха-монгольском языке встречается только в связанной форме п.-мо. *neremjiti* [Less., р. 576], мо. *нэрэмжит*, бур. *нэрэмжэтэ* ‘имени’. Среди глагольных форм, образованных от данного ономатопа, функционируют 2: пкл.-мо. *nerēyi:d-* [Тум., р. 480], п.-мо. *nerēyid-*, мо. *нэрийд-*, калм. *нерэд-*, ойр. *нерээд-* ‘именовать, называть’; п.-мо. *nerle-*, мо. *нэрлэ-*, бур. *нэрлэ-*, калм. *нерл-*, ойр. *нереле-* ‘звать по имени; называть’.

В тунгусо-маньчжурских языках данная сема реализуется с помощью корня с инициальным [g]: эвенк. *гэрбй* ‘имя, прозвище, кличка; название’, *гэрбй-* ‘назвать, наименовать’, сол. *гэрбй* ‘имя’, эвен. *гэрбь* ‘имя; наименование’, *гэрбэт-* ‘назвать, прозвать; окликать’, нан. *гэрбу* ‘имя, кличка; название’ [ССТМЯ, 1975, с. 180]. Заслуживают внимания параллели, данные в Алтайском словаре: Пяп. **nar-* ‘возвещать, приказывать’, Пкор. **(n)ir(h)-* ‘имя; сказать’ [EDAL, р. 973], а также эвен. *нирълън* ‘лепет’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Связь лексемы ‘имя’ с глаголами говорения прослеживается и в тюркских языках. Так, по предположению Э. В. Севортыяна, к тюрк. *a:t~am* ‘имя; наименование’ имеет отношение *at* ‘зов, клич, призыв’ и образованный от него глагол *ata-* ‘звать, кричать’. Г. Вамбери сравнил *aj*, *ej*, *at*, *ät* ‘говорить, сказать’ с уйг. *at* ‘крик, призыв’, чаг. *at* ‘имя’ [ЭСТЯ, 1975, с. 198–199].

Корень **nur* передает монотонность речи: п.-мо. *nursi-*, мо. *нурши-* ‘надоедать однообразной и повторяющейся речью; прилипать, привязываться с разговорами’, однако п.-мо. *nurm-a*, мо. *нурма* имеет значение ‘ссоры’. Ср. эвенк. *нурав-* ‘лаять на зверя на ходу, не давая охотнику его догнать (о собаке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 613], эвенк. *нэрү-* ‘надоедать (повторя одно и то же)’ [ССТМЯ, 1977, с. 370].

С помощью гласных [u/ü] в корне также передается достаточно высокая степень громкости речи: ср.-мо. *uri-* [HY, р. 34], *uri-* [MA,

с. 366], пкл.-мо. *uri-* [Tum., p. 606], п.-мо. *uri-* ‘звать, приглашать, призывать; читать молитву’ [Kow., p. 440]; мо. *ури-* ‘приглашать; громко читать, объявлять во всеулышание’, бур. *ури-*, калм. *ур-*, орд. *uri-*, даг. *ori-*, бао. *ure-*, мнгр. *uri-* [EDAL, p. 1062] ‘звать к себе, приглашать’. Данная семантика контаминирует с п.-мо. *qura-* [Kow., p. 952], мо. *хура-*, бур. *хура-*, калм. *хур-*, ойр. *хура-* ‘собираться, накапливаться; сходитьсь, съезжаться’ < ‘быть созданными’. В ср.-мо. *xurimla* ‘приглашение, пир’ [IM], п.-мо. *qurim* ‘пир, пиршество, празднество’ [Kow., p. 955], мо. *хурим*, бур. *хурим*, калм. *хурм*, ойр. *хурем*, дунс. *һурун* ‘свадьба; пир, званый (курсив наш. – Е. С.) обед’ также первичной выглядит сема ‘приглашение’.

П.-мо. *süre-*, мо. *сур-* ‘торговать, громко выкрикивая (о разносчиках)’ совпадает с ма. *супа-* ‘кричать, звать, зазывать покупателей’, *супэ-* ‘кричать, орать, шуметь’ [ССТМЯ, 1977, с. 129, 131]. Корни **sor/sur* дали п.-мо. *sur*, мо. *суп* ‘ворожба’, п.-мо. *sori-* ‘испытывать; узнавать; гадать’, *soriya* ‘гадание по правилам императора Фу-си’, *sorumu* ‘гадатель, гадальщик’ [Kow., p. 1412], мо. *сопи-* ‘пробовать; предугадывать, ворожить, гадать’¹⁹; п.-мо. *suray* [Там же, p. 1411], мо. *супаг*, бур. *һураг* ‘весть, известие, слух’. В бурятском языке *һураг* чередуется с производным от корня **jár*, не имеющим самостоятельного значения: *һураг жараггүй* ‘ни слуху ни духу; безвестно, бесследно’. Возможно, к звукоподражанию восходит и глагол обращения к собеседнику: ср.-мо. *sur-* [LH], пкл.-мо. *sur-* [Tum., p. 555–556], п.-мо. *sura-*, мо. *сур-*, бур. *һура-*, калм. *сур-*, ойр. *супа-* ‘спрашивать, осведомляться, усиленно просить’, ойр. *супаг* ‘вопрос’.

Для тюрк. *сop-* ~ *со:pa-* ‘спрашивать; просить’ «Г. Дерфер восстанавливает пратюркскую форму **sörä-*, которая в современных тюркских языках дала *sor-*, а в монгольском – *sura-*. По мнению Дж. Клосона, монгольская форма была вновь заимствована в тюркские языки: *so:r-* → мо. *sori-*, *sora-* → тюрк. Кроме того, Г. Дерфер выделяет контаминированные формы: *sur-* монгольская форма с тюркским вокализмом и *sora-* имеет тюркский вокализм, но с конеч-

¹⁹ В бур. *һопи-*, калм. *сop-*, ойр. *сopе-*, орд. *sori-* [EDAL, p. 1310] сохранилось только переносное значение ‘делать пробу, устраивать тренировку, испытывать (лошадей)’.

ным *-a*. <...> М. Рясянен вслед за Г. Рамстедтом считает тюрк. *sur-*, *sura-*, *sor-*, *sōra-* и мо. *suru-*, *sura-* прародственными. По мнению С. Калужиньски, нельзя решить, относятся ли они к тюркскому или монгольскому наследию» [ЭСТЯ, 2003, с. 329–330].

В тюркских языках распространена субстантивная форма *сарын* ‘слышимый голос, звук; мотив, напев; заунывная песня; песня’. Л. С. Левитская склонна отождествить каз. *сар* с *зар*, восходящему к ир. *zār* ‘плач, рыдание, стенание’. От *сарын* при помощи аффикса *-a* образован глагол *сарна-* ‘петь; заунывно тянуть; стенать’ [ЭСТЯ, 2003, с. 225].

К глаголам говорения, по всей видимости, относятся формы, образованные от ономатопа **dur-*: ср.-мо. *turat-* ‘упомаять’ [ИМ], пкл.-мо. *durad-* [Тум., р. 373], п.-мо. *durad-* ‘помнить; беседовать; мыслить’ [Kow., р. 1883], мо. *дурд-*, бур. *дурда-* ‘обмолвиться, упоминать; вспоминать; указывать; оговаривать’; п.-мо. *duras-*, мо. *дурс-* ‘вспоминать (и говорить) о чем-л.’, бур. *дурса-* ‘упоминать; поименно перечислять’. Выявляя основное значение глагола *дурда-* ‘помнить, вспоминать’, А. Б. Лиджиев связывает его с п.-мо. *duran* ‘охота, желание; воля; вождеделение’ [2009, с. 259].

В бурятском шаманизме термин *дурдалга* используется для обозначения обрядового призывания небожителей и духов, состоящего из обращения к ним, упоминания их собственного имени и эпитетов, поэтизированного прославления их подвигов и, наконец, просьбы содействовать молящемуся человеку в чем-л. (спасении, ниспослании благ, удачи и т. д.) [Зомонов, 1998, с. 42]. Корни с [d] в анлауте также могут характеризовать темп речи: бур. *доржогоно-*, *ёржогоно-* ‘тараторить, зубоскалить’, калм. *дар-дар* передает непрерывную болтовню.

Тюрк. *дарыл-*, *тарын-* ‘бранить, делать выговор; возмущаться; порицать, выговаривать; спорить, пререкаться’ М. Рясянен возводил к имени *tār*, *dār* ‘узкий’ [Räs., р. 463a]. Э. В. Севортян считает более вероятной связь с оморфной глагольно-именной парой **tap* ~ **tap-*: *tap* ‘сердитый, раздраженный’, *taru-* ‘сердиться’, *даргын* ‘рассерженный, гневный’ [ЭСТЯ, 1980, с. 190]. Ср. также аз. *дырдыр* ‘болтовня’ [СИГТЯ, 1988, с. 518], тур. *dirdir* ‘галдеж; болтовня’, *dirdir et-* ‘болтать без умолку’, *dir-dir-dir söylenme* ‘ye ‘ворчать что-то себе под нос’ [Илиуф, эл. рес., с. 8].

В тунгусо-маньчжурских языках представлены глаголы: ульч. *дурж*-, нан. *дурги*-, ма. *дукж*и- ‘шуметь, кричать, громко говорить’ [ССТМЯ, 1975, с. 225]; ма. *таруда*- ‘говорить наобум, болтать вздор’; эвенк. *турэ*- ‘ругать (детей за шалости)’, *турэл*- ‘заговорить; ругать’, *турэлдй*- ‘отвечать; обещать’, сол. *түрэ*- ‘говорить; издавать звуки; кричать; звенеть’, эвен. *төрэ*- ‘говорить; петь’, нег. *түжэ*- ‘фольк. говорить; бранить’, ороч. *турпин* ‘рассказ (как один из видов устного народного творчества)’ [ССТМЯ, 1977, с. 189, 222]. Последняя форма коррелирует с п.-мо. *türe*-, мо. *түрэ*- ‘подхватывать протяжную песню’, п.-мо. *türelge*, мо. *түрлэг* ‘куплет протяжной песни’; бур. *түүрээ*- (*юрөө*-) ‘фольк. говорить речитативом; рассказывать, клянясь и напевая’.

Итак, антропофоны обеих категорий в монгольских языках реализуются с помощью следующих корней (табл. 2).

Таблица 2

Типы корней, формирующих ЛСП «Человек»

C _{un} /V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
<i>ø</i>	<i>arč</i>	<i>er</i>	<i>ir, irk</i>	<i>or, ur, ord</i>	<i>örs</i>
<i>y</i>	<i>yar, yark, yard</i>	<i>yer</i>	–	<i>yor, yorq, yorj, yord</i>	–
<i>ĵ</i>	<i>ĵar</i>	–	–	<i>ĵorg</i>	<i>ĵör</i>
<i>č</i>	–	<i>čer</i>	<i>čir, čirk</i>	<i>čor, čur, čurk</i>	<i>čür</i>
<i>š</i>	<i>šar, šarq</i>	–	–	<i>šork</i>	–
<i>s</i>	–	–	–	<i>sor, sur</i>	<i>sür, sürk</i>
<i>q/k</i>	<i>qar</i>	<i>ker, kerj</i>	<i>kirk</i>	<i>qork, qorj, qorč</i>	<i>kür, kürk, kürj</i>
<i>γ/g</i>	<i>γar</i>	<i>ger</i>	–	–	<i>gür, gürd</i>
<i>d</i>	–	–	–	<i>dur, dorj</i>	<i>dür</i>
<i>t</i>	<i>tar, tarč</i>	<i>terd</i>	–	<i>tur, tord</i>	<i>tür</i>
<i>b</i>	<i>bar, bark, bard</i>	–	–	–	–
<i>p</i>	–	<i>per, perč</i>	–	<i>purs</i>	–
<i>m</i>	<i>mar, mary</i>	<i>mer</i>	–	<i>mur</i>	–
<i>n</i>	–	<i>ner</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurm</i>	–

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что наиболее активное участие в формировании данного пласта ономатопопов принимают анлаутные $[j\check{c}/\check{s}/s/y]$ – 34 %, $[q/k/\gamma/g]$ – 20 %. Менее активны $[t/d]$ – 13 %, $[b/p]$ – 9 %, на долю инициальных $[m]$ и $[n]$ приходится по 6 %. В ауслaute по-прежнему высока доля согласных $[q/k/\gamma/g]$ – 24 %, $[d]$ – 10, $[j\check{c}]$ – 8, $[s]$ – 3, $[m]$ – 2 %. Без ауслauta представлено 53 % корней, без анлаута – 11 %.

Семантический анализ рассмотренных глаголов показал, что корневой согласный $[r]$ служит для проявления следующих параметров: высокая степень громкости (*кричать, орать, петь, приказывать*); высокий темп речи (*тараторить*); нечеткость артикуляции (*ворчать, мямить*) и др. Помимо аппроксимированного он также служит и для прямого отражения дрожащего элемента артикуляции: бур. *шарья-* ‘дребезжать, дрожать (о голосе)’, п.-мо. *tarsi-*, мо. *тарии-* ‘дребезжать, пустить петуха’.

Такой дифференциальный признак, как громкость речи, обусловил тяготение эмоционально-оценочного компонента в глаголах в сторону отрицательной оценки: ‘ругать; ссориться, ругаться; спорить; конкурировать’. Ряд рассмотренных глаголов демонстрирует эксплицитную связь с субъектами метафоры – животными как производителями звука (*хэрэлд-*, *арцалд-*, *өрсөлд-*), однако мы не можем утверждать, что все рассматриваемые глаголы в монгольских языках не являются исконно глаголами говорения.

Ономатопы, характеризующие коммуникативную сторону речи, служат для образования глаголов обращения к собеседнику, названия, речевого воздействия. Сема говорения заложена в лексемах со значениями ‘объявлять’, ‘приглашать’, ‘завещать’, ‘гадать, ворожить’, ‘клеветать, наговаривать’ и др. В целом нет сомнения, что глаголы речевой сферы представляют собой сложное лексико-семантическое поле, которое членится на группы и подгруппы, отражающие дробную дифференциацию устного коммуникативно-речевого процесса.

ЛСП «Неживая природа»

Звуковая оболочка рассматриваемой ниже категории слов диктуется акустическими свойствами звуков, издаваемых водой: бурления, журчания, плеска, кипения: п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *орьё-* ‘взви-

ваться; бить ключом; вскипеть’; мо. *хар хар гэ*-, бур. *харья*- ‘бурлить (о течении быстрой и мелкой речки)’; бур. *хорьё*- ‘журчать, шуметь; бурлить’, *хурье*- ‘клокотать’; п.-мо. *qorǰigina*-, *qorčigina*-, мо. *хоржигно*-, *хорчигно*-; бур. *хоршоогоно*-, калм. *хоржџн*-, ойр. *хоржџицна*- ‘журчать’; п.-мо. *kürkire*-, мо. *хүрхрэ*- ‘реветь; шуметь’; п.-мо. *γor-γor ki*-, мо. *гор-гор хий*-, бур. *горьё*-, *горхир*-, *горхол*-, ойр. *һоржџицна*- ‘течь беспрерывно, сильной струей (о ручье); журчать’.

От указанных звукоподражательных глаголов образован ряд гидрографических терминов, обозначающих характер течения: п.-мо. *kürkir-e* [Kow., p. 2653], мо. *хүрхрээ* ‘водопад’; п.-мо. *γorigun*, *γoriga* [Там же, p. 1038], мо. *горхи(н)*, бур. *горхо(н)*, калм. *һорьк*, ойр. *һорха* ‘ручей, речка; небольшой водный поток’²⁰; п.-мо. *qaraǰı*, *qaraǰa* [Там же, p. 836], мо. *харз*, бур. *харза* ‘отмель, быстрина; незамерзающая вода на быстрине; полынья’; п.-мо. *qargı*, *qariγ*, мо. *харги*, *хариг*, бур. *харья* ‘быстрина, быстрое течение; пережат (на реке)’. Относительно последней формы Э. М. Мурзаев отмечает, что «устойчивость этого термина поразительна: тув. *харга* ‘каменистая река’, як. *харгы* ‘быстрина; мелкое место на реке’; эвенк. *харги* ‘мелководный’, эвен. *карго* ‘пережат; мель на реке’, ма. *харги* ‘быстрина’. На севере европейской части России *карга* – мель, коса с острыми, выступающими камнями, нагромождениями валунов; плотное каменистое дно озера или реки. На Онеге – мелкое место на реке, озере» [1984, с. 260].

П.-мо. *dargı*- [Kow., p. 1682], мо. *дарги*- ‘бурлить, клокотать (о быстротекущей воде)’; п.-мо. *dürge*-, мо. *дүргэ*- ‘вращаться (о водовороте)’ дали п.-мо. *dargil* ‘быстрое и шумное течение, поток’ [Там же, p. 1682], мо. *даргиа* ‘стремнина’; п.-мо. *targil* [Там же, p. 1777], мо. *таргил* ‘быстрина, стремнина’; п.-мо. *borgiy-a* [Less., p. 121], мо. *боргио*, калм. *боржџ* ‘быстрина, быстрое течение, порог (на реке)’.

---

²⁰ Прозрачна корреляция корней *ǰir/čir/ǰur/čur, передающих журчание, с корнем рус. *журч*-ать, созвучному *ǰur, метатеза согласных в котором дает *ruǰruč > «рус. *руч*-ей, укр. *ручай*, болг. *ручей*, *ручай*, др.-рус. *ручаи*, *ручи*, чешск. *ručej*, словацк. *ručaj*, *ručej*, польск. *ruszaj*, в.-луж. *ručej*. Связано с болг. *руквам*, *рукна* ‘вытекаю, бью струей’, сербохорв. *преручити* ‘перелить, пересыпать’, мор. *ручат* ‘струиться» [Фасмер, 1971, с. 524].

Инициальные согласные [s/š/jč] в монгольских языках также служат для передачи журчания, плеска: п.-мо. *ĵir-ĵir* ‘клокотание ключа’ [Kow., p. 2358], ср.-мо. *šarkira-* [MA, с. 331], п.-мо. *šargiya-*, мо. *шаргиа-*, бур. *шарья-* ‘шуметь (о реке)’; п.-мо. *šorĵgina-*, *šorčigina-*, мо. *шоржигно-*, *шорчигно-*, бур. *шорьё-*, калм. *шоржңн-*, ойр. *шоржңиңна-*, бур. *шорхир-*; бур. *шуршагана-*, *шурья-* ‘шуметь, журчать (о воде)’; п.-мо. *sarki-*, мо. *сархий-* ‘срр! (звукоподражание плеску, журчанию)’; бур. *һарья-* ‘с шумом течь (или высыпаться)’, *сарса-* ‘забрызгивать’, бур. *сорьё-* ‘бить (фонтаном)’; ср.-мо. *sürči-* [MA, с. 99], пкл.-мо. *sürči-* [Tum., p. 557], п.-мо. *sürči-* [Kow., p. 1435], мо. *сүрчи-*, бур. *сүршиэ-* ‘окроплять, опрыскивать’, бао. *чур-* ‘литься’; п.-мо. *usuniyar čarda-* ‘спрыснуть водой’ [Там же, p. 2114]. Ср. тюрк. *сарқ-* ‘капать; течь тонкой струей, сочиться’; каз. *сар* – подражание звуку переливающейся, проточной воды: *сар ету* ‘выливаться с шумом’, *сарқыра-* ‘шуметь (о быстрой речке)’ [Кайдаров, 1986, с. 272].

Мягкорядный вариант *serĵ представлен в словоформе п.-мо. *ser-ĵit*, мо. *сэржим*, бур. *сэржэм*, функционирующей в качестве общего названия некоторых жидкостей – водки, спирта, молока, чая, которыми совершается подношение для задабривания духов. По всей вероятности, корень *serĵ воспроизводит звук разлетающихся брызг: *срр!* Ср. тюрк. *серп-* ‘выплескивать; брызгать, кропить, опрыскивать’ [ЭС-ТЯ, 2003, с. 264].

Анализ семантики рассмотренных корней позволяет с осторожностью предположить, что корень *urs (который можно также представить в виде *sur) в глаголе ср.-мо. *oros-* [LH], *urus-* [MA, с. 368], пкл.-мо. *urus-* [Tum., p. 608], п.-мо. *urus-* [Kow., p. 454], мо. *урса-*, бур. *урда-*, калм. *урс-*, ойр. *урас-*, орд. *urus-*, даг. *orsu-*, дунс. *usuru-*, *urusu-*, ж.-уйг. *urus-*, *urusu-*, *usuru-*, мнгр. *urosə-* [EDAL, p. 1063] ‘течь, протекать’ также имеет звукоподражательное происхождение²¹. В Алтайском словаре глагол сопоставляется с Птюрк. *örs, *örsen* ‘река, русло реки; течь’ [Там же, p. 1063].

²¹ Примечательно участие сонанта [r] в корне каждого слова: мо. *горхи жир жир хоржигнон урсана* ‘досл. ручеек, журча жир-жир, течет’.

Корни с [b/p] в анлауте обозначают бульканье, кипение: п.-мо. *bur bur* [Kow., p. 1212], мо. *бар бур* ‘буль-буль, булькая’; п.-мо. *borgi-*, мо. *борги-* ‘сильно вскипеть’; бур. *бүрэ-*, калм. *бүр-* ‘сбивать простоквашу’; бур. *парья-* ‘сильно кипеть’; п.-мо. *porčigina-*, мо. *порчигно-*, *пурчигна-*, бур. *поршогоно-*, *пуришагана-* ‘клокотать, шумно бурлить’, бур. *пүрье-* ‘бултыхнуться’. В нашем материале зафиксирована единичная форма с анлаутным согласным [n]: п.-мо. *nurgi-*, мо. *нурги-* ‘медленно кипеть на слабом огне’.

В тюркских языках встречаются следующие звукоподражательные формы: тур. *şorşor* – о шуме текущей воды [СИГТЯ, 1988, с. 518], як. *күрүлээ-* ‘бурлить, клокотать’, *өрө оргуй-* ‘кипеть, клокотать’, *бардырђаа-* ‘бурлить, клокотать’, *барылђан* ‘сильное течение, стремнина’, *борулā-* ‘журчат (о речке)’; *буру*, *бурулђан* ‘быстрина воды’, *бурулуї-* ‘течь, описывая круги (о воде быстро текущей воды)’; *дьара* ‘мелководье’, *чырылаа-* ‘журчат приглушенно’; башк. *қаран*, алт. *қаранты*, ног. *қарашык*, тув. *хара:лча*, шор. *каралчы*, як. *харалд'ык* ‘полынья, незамерзающий родник’. «В. В. Радлов производил тел. *қаранты* из *қара* ‘черный’. Хак. *харачы* и шор. *каралчы* М. Ряснян относит к монгольским заимствованиям» [ЭСТЯ, 1997, с. 298].

Широко представлены лексемы с идентичными значениями в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *арба*, эвен. *арбати*, нан. *арба* ‘отмель; пережат’; эвенк. *бургй-* ‘журчат’; эвенк. *бурук*, *бурукун* ‘водоворот’; орок. *горги* ‘водоворот’, эвенк. *гурукā* ‘плес’; *дарги-*, *јаргида-* ‘журчат’, ма. *јар*, *јор*, *јур сэмэ* ‘тонкой струей, ручьем’; орок. *јурул'эни* ‘водопад, пороги’; эвен. *курэлән* ‘журчат’; эвенк. *хургику*, нан. *хорпō* ‘водоворот’; нан. *хэри*, ма. *хэрин* ‘пороги (на реке)’; нан. *лур* ‘ручьем, струей’, *лурги-* ‘струиться’; эвен. *нирълән* ‘журчание’, *н'ирги* ‘пережат (на реке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 49, 50, 111, 114, 161, 174, 199, 343, 348, 351, 436, 471, 472, 482, 512, 599, 639], эвенк. *сарги-* ‘журчат’, нан. *сарги-* ‘шум, плеск (от массы рыб)’; ма. *сар сир сэмэ* ‘плещась’; ульч. *сар-р*, нан. *соар-соар* ‘с шумом, с всплеском’; *соролто-* ‘бить фонтаном (о крови)’; эвенк. *турā-* ‘лить; втекать, выливать’, *тураку* ‘водопад’; *уригдэн* ‘заводь; плес; полынья; стрежень’; ма. *фурги-* ‘плескаться, клубиться (о воде)’; эвенк. *һорол'жоккун*, сол. *орг'ел* ‘водоворот’; эвенк. *һиркэ* ‘ручеек (после дождя)’; *чир сэмэ* ‘просачиваясь, струясь (между камнями)’; ульч. *чор'й-* ‘струиться, стекать’,

ма. *чор сэмэ* ‘ключом, фонтаном’, нан. *наму чорони* ‘морская пучина’ [ССТМЯ, 1977, с. 65, 66, 67, 113, 218, 284, 303, 327, 334, 400, 409].

Для передачи звуков дождя в монгольских языках используются корни **ǰir/sir/nur/bar*: ойр. *ǰиркелең* ‘мелкий, накрапывающий (о дожде)’, п.-мо. *sir sir oru-* ‘мелкий дождь идет’ [Kow., p. 1517], калм. *шурл-* ‘падать мельчайшими крупинками’; п.-мо. *nurgi-* [Там же, p. 697], мо. *нурги-* ‘моросить, идти (о дожде)’; ойр. *барǰиңна-* ‘идти с шумом (о проливном дожде)’. Ср. каз. *сіркіреу, бүрік* ‘моросить’; эвен. *нирълън* ‘шум (от дождя о листья)’; ма. *нурху-* ‘не прерывать, делать что-л. непрерывно’ [ССТМЯ, 1975, с. 599, 613], орок. *нурѣ* ‘моросить (о дожде)’, *нурој* ‘дождь мелкий’; нан. *сарги-* ‘шуметь (о дожде)’, ма. *сурсан сурсан* ‘морося’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 65, 66, 130].

Легкий шелест, шорох дождя слышен в ср.-мо. *qura* [HY; SH], *qura* [IM], *qura* [MA, с. 310], *qora* [LH], пкл.-мо. *qur-a* [Tum., p. 536], п.-мо. *qura* [Kow., p. 951], мо. *хур*, бур. *хура*, калм. *хур*, ойр. *хур*, орд. *xura*, даг. *xuar*, дунс. *Gura*, бао. *Gura, Gora*, ж.-уйг. *xura*, мнгр. *xurā* [EDAL, p. 747] ‘атмосферные осадки, дождь’. Ср. як. *курулаа-* ‘глухо шуметь (о дожде)’; нан. *хур-хур* ‘шум (о падающем дожде)’ [ССТМЯ, 1975, с. 437].

Звуки дующего ветра передаются с помощью корней **kür/sür/ser/sur/ǰer/ǰir*. Сильный ветер «слышен» в бур. *хүрье-* ‘сильно дуть’, *хүрилөөн* ‘вихрь’; калм. *хуралһ-* ‘вихриться, крутить’; бур. *һүрье-* ‘дуть, продувать насквозь, сквозить’; п.-мо. *sürkire-* [Kow., p. 1438], мо. *сүрхрэ-*, калм. *сүркр-* ‘шуметь, выть’; п.-мо. *šürkire-*, мо. *шүрхир-* ‘сильно дуть’; бур. *шур-шар*, калм. *шур-шур* – звук, выражающий шум ветра при быстрой езде рысью. Ср. эвен. *кургилан* ‘ветер переменный’, эвенк. *кургэкүйн*, эвен. *кур* ‘сильный ветер, буря’, *кургэ-* ‘гудеть, греметь’, *курълдън-* ‘бушевать (о ветре)’, *курэлән-* ‘выть, стонать (о ветре)’ [ССТМЯ, 1975, с. 436], эвенк. *һарпалкан* ‘вихрь’ [ССТМЯ, 1977, с. 317].

Легкие дуновения ветерка заложены в производных от корней **ser/ǰir*: п.-мо. *sere-*, мо. *сэр-* ‘слегка дуть, веять’, бур. *сэрье-* ‘дуть’; п.-мо. *serǰigine-*, мо. *сэржигнэ-*, бур. *һэршэгэнэ-*, калм. *серǰиңн-* ‘свистеть, шуметь’; мо. *ǰир ǰир салхил*²². Анализ форм демонстрирует

---

²² Ср. англ. *birr* ‘сильный ветер; производить дрожащий звук; быстро двигаться с таким звуком’.

доминирующее положение гласной [u] при передаче сильных порывов ветра, которое можно отнести к категории лингвистических универсалий. Ср. участие данного звука в передаче «завывания» ветра не только в монгольских языках: п.-мо. *üliye-*, мо. *үлээ-*, бур. *үлээ-*; рус. *дуть*, англ. *blow*, фр. *souffler* и др.

Для озвучивания огня используются следующие ономотопы: калм. *napd* – подражание треску огня, ойр. *napd-napd ge-* ‘вспыхивать (об огне)’; п.-мо. *sirčigine-*, п.-мо. *шурчигнэ-* ‘трещать (о горящем полене)’; п.-мо. *čird ki-*, мо. *чирд хий-* ‘вспыхивать (об искре)’, п.-мо. *dürbigine-* ‘шум пламени; трещать’ [Kow., p. 1951]. Типологическое сходство для п.-мо. *kür*, мо. *хур хар*, передающего треск огня, наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк., нег. *кур-кур*, ороц. *хур*, ма. *хур хур* – о треске вспыхивающего пламени, ульч. *курж* ‘трещать, гудеть (при горении)’ [ССТМЯ, 1975, с. 435].

Наконец, среди звуков неживой природы лишь один корень *nur связан с землей: п.-мо. *nura-* [Kow., p. 695], мо. *нур-*, бур. *нура-*, калм. *нур-*, дунс. *нура-* ‘обваливаться, обрушиваться; оползать’; п.-мо. *nur-a* ‘берег, подмытый водой, обрушившийся берег’ [Там же], ср. п.-мо. *nurgi-*, мо. *нурги-* ‘тихо гудеть’. Возможно, к ономотопу восходит тюрк. *қорум* ‘мелкие камни, образующиеся от разрушения скалы; щебень, галька; обвал камней; обломки скал; скала, валун, холм, высота; насыпь на крутых склонах, по которым проходят лишь козы’. В ЭСТЯ предполагается, что *қорум* – производное с аффиксом *-м*, образованное от глагольной основы **қор-*, представленной в турк. диал. *қор-* ‘обваливаться, обрушиваться’, турк. *қорул-* ‘осыпаться (о песке)’ [ЭСТЯ, 2000, с. 79].

Таким образом, таблица корней, передающих натурофоны, выглядит следующим образом (табл. 3).

В данной сфере ономотопов в начальной позиции представлены согласные [ʃč/š/s] – 40 %, [b/p] – 25, [q/k/γ] – 23 %. Низка активность согласных [d/t] – 6 %, [n] – 2 %. В ауслaute на первой позиции расположились аффрикаты [ʃč] – 27 %, далее следуют [q/k/γ/g] – 15, [d] – 4 %. Без финальной согласной реализуют свои значения 54 % корней данной лексико-семантической группы, без инициальной согласной – лишь 4 %.

Типы корней, формирующих ЛСП «Неживая природа»

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
<i>ø</i>	–	–	–	<i>or, ur</i>	–
<i>y</i>	–	–	–	–	–
<i>ĵ</i>	–	–	<i>ĵir, ĵirk</i>	–	–
<i>č</i>	<i>čar</i>	–	<i>čird</i>	–	–
<i>š</i>	<i>šar, šark,</i> <i>šarĵ</i>	–	<i>sir</i>	<i>šor, šur,</i> <i>šorq,</i> <i>šorĵ, šurč</i>	<i>šürk</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarč</i>	<i>ser, serĵ</i>	–	<i>sor</i>	<i>sürk, sürč</i>
<i>q/k</i>	<i>qar, qarq,</i> <i>qarĵ</i>	–	–	<i>qor, qur,</i> <i>qorĵ, qorč</i>	<i>kür, kürk</i>
<i>γ/g</i>	–	–	–	<i>γor, γork,</i> <i>γorĵ</i>	–
<i>d</i>	<i>dar</i>	–	–	–	<i>dür</i>
<i>t</i>	<i>tar</i>	–	–	–	–
<i>b</i>	<i>bar, barĵ</i>	–	–	<i>bor, bur,</i> <i>burĵ</i>	<i>bür</i>
<i>p</i>	<i>par, pard</i>	–	<i>pirč</i>	<i>por, pur,</i> <i>porč, purč</i>	<i>pür, pürd</i>
<i>m</i>	–	–	–	–	–
<i>n</i>	–	–	–	<i>nur</i>	–

Смешанный тип

Здесь рассматриваются производные от корней, воспроизводящих звуки, издаваемые в определенных обстоятельствах объектами или непосредственно возникающие в результате воздействия человека на какие-нибудь предметы. Как отмечалось выше, основным признаком, передаваемым звуком [*r*], является дрожание, чистый диссонанс: бур. *дар-дар гэ-*, *дарагана-*; п.-мо. *darĵigina-*, *derĵigine-*, мо. *даржигна-*, *дэржигнэ-*, бур. *даржагана-*, *яржагана-*, калм. *дарџиңн-*, ойр. *дарџиңна-*; п.-мо. *dargi-*, *dorgi-* [Kow., p. 1897], мо. *дарги-*, *дорги-* ‘дребезжать, дрожать; звенеть, трещать, хрустеть’; п.-мо. *darči-*, мо. *дарчи-*, бур. *дүрхирэ-* ‘стучать, шуметь, топать’; бур. *дорьбо-* ‘тря-

стись, содрогаться’; бур. *дорхогоно-* ‘шуршать, хрустеть (о шкуре, коже)’; п.-мо. *durĵigina-*, мо. *дуржигна-*; п.-мо. *dürge-*, мо. *дүргэ-*, бур. *дурья-* ‘дрожать, дребезжать, трещать; шуметь; трепетать’.

В других языках алтайской общности: як. *дарбий-дирбий* ‘громко стучать, шуметь, греметь’, *доргуй* ‘дрожать, трястись, сотрясаться’, *дырэй* ‘звенеть’; узб. *dirdir* ‘дрожь’ [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *дэрги-* ‘вздвогнуть; качнуть головой’, *дэриң-* ‘покачиваться (на ходу)’, сол. *дэрбэл-* ‘качать’, ульч. *дэрĵи-* ‘трястись’, нан. *дэрги-* ~ *Ĵэрги-* ‘дрожать, трясись (о санях, телеге и т. п.)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237]²³. Как отмечает С. В. Воронин, «очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха, такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы, и отсюда – фонема [r] в составе обозначающих их ономатопов» [1982, с. 55].

Переднеязычный глухой смычный [t] представлен в анлауте ономатопов: п.-мо. *tarčigina-*, мо. *тарчигна-*, бур. *таршагана-*, калм. *таржџн-*, ойр. *таржџиңна-* ‘дребезжать, трещать, стучать, шелестеть’; бур. *тэршэгэнэ-* ‘шумно шевелиться, с шумом биться, барахтаться’; п.-мо. *tor-tor*, мо. *тор-тор* ‘шепот, шум (выражение звука от бега мышей)’; п.-мо. *torčigina-* [Kow., p. 1897], *türčigine-*, мо. *торчигно-*, *түрчигнэ-*, бур. *торшогоно-*, *түршэгэнэ-*, калм. *торжџн-*, ойр. *торжџиңна-*, *түржџиңне-* ‘раздаваться (о топоте, грохоте, треске); скакать с цокотом копыт (о многих)’; бур. *тарья-*, *турье-* ‘шуметь, грохотать’. Ср. ульч. *тарĵи-*, нан. *тарги-* ‘трещать, тарыхтеть’; нег. *тэрги-* ‘трещать (о льде); дребезжать (о стекле)’; ма. *тэртэн тартан* ‘трясаясь (о дрожании тела от слабости после болезни)’ [ССТМЯ, 1977, с. 168, 238, 239].

Глаголы со значением ‘колыхаться’, соотносимым с легкими, плоскими предметами (флаги, паруса, элементы одежды и пр.), обра-

---

²³ Слав. *drъgati, словенск. *drgati* ‘дрожать’, чешск. диал. *drgat* ‘трясти’, польск. *drygać* ‘дергаться, подпрыгивать’, *drgać* ‘дрожать’, рус. *дрыгамь* ‘трясти, подергивать отдельными частями туловища или всем туловищем’, *дрогнуть* ‘прийти в смятение; задрожать (о звуке)’, сербохорв. *дрхтати* ‘трястись от страха’, болг. *дрыготка* ‘дрожь, трепет’, укр. *дръžати* ‘звучать, дрожать, трепетать’. В балтийских языках: литовск. *drugųs* ‘лихорадка; бабочка’, латышск. *drudzis* ‘перемежающаяся лихорадка’, др.-пруссск. *drosis* ‘тростник’ [Цымбурский, эл. рес., с. 12–13].

зуются с помощью корней **dur/der/qor/sar/nar/ner*. Пкл.-мо. *darbalĵa-* [Tum., p. 362], п.-мо. *darbalĵa-, darbulĵa-* ‘развеваться’ [Kow., p. 1680]; п.-мо. *durba-*, мо. *дурв-*; п.-мо. *derbe-*, мо. *дэрв-*, бур. *дэрбэгэнэ-*, ойр. *дерве-*; п.-мо. *qorulĵu-*, мо. *хоролз-* ‘развеваться по ветру; развевать, трепать ветром’ обусловлены звуками *дэр-дэр, хор-хор*, издаваемыми при колыхании чего-л. на ветру. В бурятском языке известны формы бур. *нэрбэгэр*, баргуз. *һархигар* ‘обвислый, свисающий; лохматый и растрепанный’, *һарбагар* ‘растрепанный (о волосах)’, *һарлагар* ‘лохматый, кудлатый’, *нарбагар* ‘длинный и широкий (об одежде)’, *нар-малза-* ‘развеваться на ветру’.

Ср. ма. *дэргиишэ-, дэркиишэ-* ‘развеваться, взвиваться (о флаге)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237]; нан. *нэр-нэр гудэнэси*, ма. *фэјңгэ* ‘старый, ветхий’; нан. *сарба-сарба бй*, ма. *сарбахун* ‘растрепанный (о волосах)’ [ССТМЯ, 1977, с. 48, 65], нан. *лэр-р* ‘мелко трястись, колыхаться на ветру’ [Киле, 1972, с. 135], Пяп. **dúr-* ‘качать(ся), махать’ [EDAL, p. 472].

Среди субстантивов, возникших на основе данного типа звукоподражаний, следует отметить: п.-мо. *darbalĵa, darbulĵa* ‘парус; флаг; флюгер’ [Kow., p. 1680], ойр. *дарвуул* ‘парус’; п.-мо. *darĉuу* ‘лоскутки ткани с изображением священных слов, вывешиваемые на шестиках’ [Там же, p. 1682], мо. *дарцаг*, бур. *дарсаг, даржаг, даржаа*, ойр. *дарцаг* ‘флажок; вымпел, флаг; буддийский флажок с молитвами и священными изображениями’²⁴. Суффикс *-ngуа* в п.-мо. *oringуа* [Там же, p. 449], мо. *оронго*, калм. *орһ* ‘хоругвь, знамя’ указывает на то, что лексема относится к пласту древнейшей изобразительной лексики. Семантика лексемы позволяет сопоставить корень *or с корнем *qor в п.-мо. *qorulĵu-* ‘развеваться по ветру’.

Признак ‘растрепанный, лохматый’, на наш взгляд, наблюдается п.-мо. *sarkinay* [Там же, p. 1338], мо. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* ‘книжка

---

²⁴ Считается, что нид. *vlag*, нем. *Flagge*, англ. *flag*, польск. *flaga*, чешск. *vľajka*, рус. *флаг*, равно как и п.-мо. *tüg*, мо. *түг*, также восходят к ониматопам. Ср. англ. *flap* ‘взмахивать, хлопать (о крыльях, флаге); что-л. прикрепленное за один конец и развевающееся по ветру; звук, производимый развевающимся флагом’ [Воронин, 1982, с. 61]; бур. *түг-түг ээ-* ‘сильно стучать; биться (о сердце)’, п.-мо. *tügsi-* ‘трепетать, дрожать’ [Kow., p. 1934].

(часть желудка жвачных животных)’. Известно, что книжка в разрезе состоит из множества тончайших пластин, которые напоминают страницы книги, за что данный анатомический орган и получил русское название. Значение ‘книжка’ манифестируется тур. диал. *sarqanaq*, тув. *sarqыйак*, хак. *sarxынжах*. Як. *таңқычах*, эвенк. *sarгина* рассматриваются как заимствования из монгольских языков. Относительно этимологии термина авторы ЭСТЯ допускают, что *sarkin – рефлексивная форма *sark-* ‘капать’, так как из книжки жидкая пища стекает в сычуг [2003, с. 220]. Более близкой нам кажется версия Дж. Клосона, который производит *sarknyuk* от *sark-* ‘висеть, свисать’ [Сл., р. 849].

Большое количество корней с доминантой [r], зачастую в сопровождении расширителя [d], содержит семы ‘быстрый, мгновенный, внезапный’. Так, п.-мо. *terd*, *tord*, *türd*, мо. *тэрд*, *торд*, *түрд*, бур. *тэрд*, *түрд* передают звук от треска, легкого удара, бега, стремительного прыжка, моментального разрыва чего-л. и т. д. Корню п.-мо. *tür*, мо. *түр тор* [яв-] свойственна передача звука быстрой походки, в ойр. *түрээн* ‘торопливый топот’ произошло наложение друг на друга звука топота *түр-түр* и скорости действия. Оттенок быстротечности заложен в п.-мо. *tür*, мо. *түр*, бур. *түр*, ойр. *түр* ‘на миг, на короткое время; временный, короткий’.

Отсюда ср.-мо. *turgen* [НУ, р. 52], *türgen* [МА, с. 359], пкл.-мо. *türgen* [Тум., р. 596], п.-мо. *türgen* [Kow., р. 1953], мо. *түргэн*, бур. *түргэн*, калм. *түргн*, ойр. *түрген*, орд. *turgen*, даг. *turegun*, ж.-уйг. *turgen* [EDAL, р. 1448] ‘быстрый, скорый’; пкл.-мо. *terigü:(n)* [Тум., р. 582], п.-мо. *türügüü* [Less., р. 856], мо. *түрүү*, бур. *түрүү*, калм. *түрүн* ‘опередивший, передовой; глава’; п.-мо. *dürbe-* [Там же, р. 281], мо. *дүрвэ-* ‘бросаться наутек, удирать’. Ауслатунный [d] представлен в ср.-мо. *qurdun* [IM], пкл.-мо. *qurdun* [Тум., р. 537], п.-мо. *qurdun* [Kow., р. 970], мо. *хурдан*, бур. *хурдан*, калм. *хурдн*, ойр. *хурдан*, бао. *җордоң* ‘быстрый, скорый’. В. И. Цинциус сопоставляет мо. *qurdun* с ма. формой *ордон* ‘проворный, ловкий (при езде на лошади)’, в которой «начальный гласный свидетельствует об утерянном анлатунном *k» [1984, с. 117]. Ср. нан. *кур/курс* ‘моментально развернувшись, повернувшись на 180°» [Киле, 1972, с. 121]. О фонетически близком ономастике Л. Д. Шагдаров пишет: «В определенных контек-

стах слово *шурд* не столько подражает звуку, сколько обозначает стремительность, легкость, быстроту действия» [Шагдаров, 1962, с. 62].

Шум, шорох крыльев при взлете, полете птицы передается с помощью корней *der/dür/ter/per/pür/sar/čir*: п.-мо. *der der*, мо. *дэр дэр* ‘трр! фпр!’; п.-мо. *dürdki*- [Less. 281], мо. *дүрд хий*- ‘вдруг взлететь (об испуганных и птицах)’; п.-мо. *per per, pür*, мо. *нэр нэр, нүр*, бур. *нур* ‘фпр!’; п.-мо. *pürki*-, мо. *нүрхий*- ‘взметнуться, взлететь’²⁵; бур. *har-har* *ниидэ*-, мо. *чирд гэ*- ‘вспорхнуть’.

Ср. як. *тырыбынай* ‘трепетать, биться (о птичке)’, *тырын-тырын* ‘взмах крыльев’; в тунгусо-маньчжурских языках: нан. *пир-р/нэр-р* ‘шумно взлетая (о птице)’ [Киле, 1972, с. 146], эвенк. ма. *к’ор сэмэ* ‘с шумом (о внезапном вспархивании больших птиц)’; нан. *хур-хур* ‘шум (о крыльях птиц при полете)’ [ССТМЯ, 1975, с. 416, 437], эвенк. *перпуки* ‘перепелка (с шумом вспорхнувшая)’, *нэрпэгэрэ*-, *нэрэ* ‘с шумом вылетать’, ма. *нар нар сэмэ* ‘порх!’; ма. *сар сир сэмэ* ‘пророчно, мигом, вдруг’; *чурхо*, *чурхун* ‘полет, перелет (птицы с одного места на другое); счетное слово для перелетов птиц; быстро, мигом’ [ССТМЯ, 1977, с. 48, 66, 417].

К моментальным, неакустическим действиям можно отнести моргание глаз: п.-мо. *ирта*-, *ирте*- [Kow., p. 324, 325], мо. *ирмэ*-, калм. *ирм*-, ойр. *ирме*- ‘моргать, подмигивать’. Сонант [r] представлен в эвен. *муръм*- ‘моргать’²⁶ [ССТМЯ, 1975, с. 560], эвенк. *саримй*-, эвен. *харъм*- ‘мигать’; эвенк. *хурим*-, эвен. *хуръм*- ‘моргать; шуриться’ [ССТМЯ, 1977, с. 66, 352].

Корни, начинающиеся на [s/š/č], в целом передают шарканье, шорох, скрип, треск, звон, хруст, шелест, шипение: мо. *сар сар хий*-, бур. *сар-сар гэ*-, калм. *сар-сар гу*-; мо. *сарчигна*-, бур. *харшагана*-, калм. *саржәнн*-, ойр. *саржџиңна*-, калм. *шаржәнн*-, ойр. *шаржџиңна*-, п.-мо. *šarjġina*-, мо. *шаржигна*-; п.-мо. *šarčigina*-, *sirčigine*-, мо. *шарчигна*-, *ширчигнэ*-, бур. *шаршагана*-; п.-мо. *šarbigina*-, мо. *шарвигна*-;

---

²⁵ Ср. рус. вс-*порх*-нуть, *порх*-ать, разг. за-*пурх*-аться.

²⁶ Рус. *моргать*, укр. *моргати*, бел. *моргаць*, польск. *mrugać* ‘моргать, мигать’ М. Фасмер сближает с лит. *murgai*, лтш. *mūrgi* ‘видения, грезы’, лит. *mirgėi* ‘мерцать’, *mārgas* ‘пестрый’, *marguotī* ‘переливаться’, др.-исл. *myrkr* ‘темный’ [1967, с. 652].

бур. *шарья-*, калм. *шарг-*, мо. *шур хий-*; бур. *шуришагана-*, калм. *шуржџн-*; п.-мо. *čargi-* [Kow., p. 2115], мо. *царгу-*; п.-мо. *čirčigina-*, мо. *чарчигна-*; п.-мо. *irjigine-*, мо. *иржгэнэ-*. Ономатопами в прошлом являются глаголы п.-мо. *sire-*, *čire-* [Там же, p. 1523, 2189], мо. *чирэ-*, бур. *шэрэ-*, калм. *чир-*, ойр. *чир-* ‘тащить, волочить’, п.-мо. *türki-* [Там же, p. 1954], мо. *түрхэ-*, бур. *түрхи-*, калм. *түрк-* ‘смазывать; натирать’. Тюрк. *сүр--сүрм-* ‘тянуть, тащить, волочить’ «в ряде источников сопоставляется с *сүр-* ‘тереть’» [ЭСТЯ, 2003, с. 392].

Ярко выражено звукоподражательное начало в *sira-* [LH; IM; MA, с. 335], п.-мо. *sira-* [Less., p. 714], мо. *шар-*, бур. *шара-*, калм. *шар-*, ойр. *шар-*, орд. *šara-*, дунс. *šəra-*, мнгр. *širā-* [EDAL, p. 1326] ‘жарить, печь’; пкл.-мо. *sirgi-* [Tum., p. 565], п.-мо. *sirge-* [Kow., p. 1534], мо. *ширгэ-*, бур. *ширгэ-* ‘испаряться, высыхать’ < ‘издавать шипение, звук *ш-р-р*’. Согласно EDAL, этимология Пмонг. **sira-* ‘жарить’, Птунг. **čere* (восстановленной на основе эвенк. *чэрэ-* ‘печься около огня’) и Пкор. **sār-m-* ‘варить’ достоверна, несмотря на слабое проявление в тунгусо-маньчжурских языках [p. 1326–1327].

Глаголы п.-мо. *šörge-* [Kow., p. 1534], мо. *шөргө-*, бур. *шүргөө-* ‘чесать, тереть обо что-л. (о скоте)’; п.-мо. *šürge-*, мо. *шүргэ-* ‘касаться, задевать что-л.’, калм. *шүрг-*, ойр. *шүрге-* ‘тереть; сметать; слегка задеть’ сопоставимы с «<...> ма. *хирхү-* ‘тереться, чесаться о дерево (о скоте)’» [ССТМЯ, 1977, с. 324]. В Алтайском словаре дан показательный ряд праформ: Пмонг. **sürči-* ‘тереть, втирать’, Птунг. **šürü-* (**šurü-*) ‘раздирать (когтями); точить; сдирать (кожу, мясо); нож для вырезания орнамента’, Птюрк. **sür(-t)-* ‘тереть, мазать’, Пяп. **sür-* ‘тереть, точить, полировать’ и Пкор. **sürh-* ‘полировать’ [EDAL, p. 1341].

Идентичные значения реализуются в ма. *бир сэмэ-* ‘волоча, таща по земле (о подоле платья)’, ульч. *Жор-р* ‘шурша (при задевании дна лодки о каменистое дно)’, *Жори* ‘галька’²⁷ [ССТМЯ, 1975, с. 85, 265], ма. *сар-сар сэмэ, сэрсэн сарсан сэмэ*, эвенк. *сир шар сэмэ* ‘шелестя (о листьях при слабом ветре)’; эвенк. *хирэ-* ‘дрожать’; ма. *чарцана-* ‘подернуться льдом; замерзнуть (тонкими полосками)’, эвенк. *чарчā-*

---

²⁷ Данное значение в монгольских языках реализуется с помощью корня с дифтонгом: п.-мо. *qayir*, мо. *хайр*, бур. *хайр* ‘галька; мелкий камень; отмель’.

‘подморозить (после сырости)’ [ССТМЯ, 1977, с. 66, 95, 96, 146, 328, 385]. Звук шипения передается с помощью тур. *şır* – о шипении на сковородке [СИГТЯ, 1988, с. 518]; эвенк. *ларгй̄* ‘закипать (о жире на сковороде)’; *лирэ* ‘зашипеть (о жире на сковороде)’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 500], ма. *чар чир* ‘трещина (о кипящем при жарении масле)’, эвенк. *чирги* ‘шипеть (о масле на сковороде, змее)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385, 399].

Благодаря своим звукоподражательным возможностям, корень *čar стал основой для возникновения ряда лексем, связанных со скрипом снега: п.-мо. *čar* [Kow., p. 2026], мо. *цар*, калм. *цар*, ойр. *цар* ‘наст, оледенелая поверхность снега’; п.-мо. *čarγa*, *čirγa* [Там же, p. 2113], *čarγu*, мо. *чарга*, *царга*, бур. *шарга*, ойр. *чирга* ‘сани; санки, салазки’²⁸; п.-мо. *čirγ-a*, *čargi*, мо. *чарга*, *царги*, бур. *сарья* ‘колея; след (животных); протоптанная по снегу, затвердевшая дорога’. Ср. Птюрк. *čar- ‘пороша; туман’ (башк. *sar* ‘следы животных на снегу’) [EDAL, p. 424]. П.-мо. *čirγa* < *tirγa* ‘сани, нарты’ Б. Я. Владимирцов сближает с уйг. *tar-t*, кир. *map-m*, чув. *тур-т* ‘тащить’ [1929, с. 146].

Корень *šark дал п.-мо. *šarki*, мо. *шархи* ‘унты, ичиги’, бур. *шархи* ‘башмаки, чирки, поршни’ < ‘то, что издает шарканье’ (ср. рус. *шарк-ать*), а также образное прилагательное: п.-мо. *šarkiyar*, бур. *шархигар* ‘плохой, худой (чаще об обуви); куцый, невзрачный’. По мнению В. И. Рассадина, бур. *шархи* может быть адаптацией тюрк. *чарык* ‘чарыки, поршни’, либо рус. *чирки* ‘род легкой кожаной обуви’ < тюрк. *чарык* [2007, с. 97].

На основе п.-мо. *sir-sir ge-*, бур. *шар-шар гэ* ‘скрипеть под ногами’ становится эксплицитна звукоподражательная основа лексемы ср.-мо. *sira’u* [HY, p. 2], *sira’ai* [SH], *sirū* [IM], *sirū*, *sira’u* [MA, с. 336], пкл.-мо. *siryai* [Tum., p. 566], п.-мо. *sirui* [Kow., p. 1526], *siraγu*, *siryua(i)*, *sirui* [Less., p. 719], мо. *шорой*, *шорoo*, бур. *шорой*, калм. *шора*, ойр. *шорaa*, орд. *šorō*, даг. *sirō*, *sirtal*, дунс. *šaura*, бао. *sira*, *širu*, ж.-уйг. *šarū*, мнгр. *širū* [EDAL, p. 1269] ‘земля, почва; пыль, песок, сор’ < ‘то, что скрипит под ногами’. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *сирүүй̄* ‘песок; галька; отмель (на реке)’, сол. *ш’ирукта* ‘песок’, нег. *суйун* ‘песок’, ороч. *сирү* ‘песок’, ульч. *сирү* ‘песок; галь-

²⁸ Ср. Пяп. *səri ‘сани’ [EDAL, p. 1299].

ка; гравий’ [ССТМЯ, 1977, с. 96]. Сопоставление тюрк. **sa:ɾ* ‘болото, грязь’ с т.-ма. и мо. формами заставляет И. Г. Добродомова в качестве первоосновы тюркского термина выделить значение ‘неплодородная земля’, которое было конкретизировано в качестве обозначения болота на тюркской почве [СИГТЯ, 2001, с. 93].

На основе восприятия звона возникли следующие лексемы: п.-мо. *čargil* ‘музыкальные палочки’ [Kow., р. 2116], мо. *царгил* ‘кастаньеты; ксилофон’; п.-мо. *šarginaɣ*, мо. *шаргинаг* ‘металлические бляхи на лагах, узде, платье; побрякушки’, калм. *шарка* ‘бубенцы’. Ср. эвенк. *гиргивча-* ‘звенеть (о металлических подвесках)’ [ССТМЯ, 1975, с. 155], ма. *чарки* ‘кастаньеты (деревянные)’, *чарки-* ‘бряцать (о каменных и др. привесках)’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

Корни *čar/čir/čir* передают звук чирканья, росчерка: ср.-мо. *čiru* [MA, с. 207], пкл.-мо. *čiru* [Tum., р. 431], п.-мо. *čiru*²⁹ [Kow., р. 2359], мо. *зур-*, бур. *зура-*, калм. *зур-*, ойр. *зура-*, орд. *čiru-*, даг. *čir̄-*, *čori-*, мнгр. *čiri-* [EDAL, р. 1013] ‘рисовать, чертить’, ср. рус. *чиркнуть* (*спичкой*), *черкнуть* (*нару строк*). В других языках: Птюрк. **čir-* ‘чертить’ [Там же, р. 435]; тюрк. *дырма-~дырмала-~дырна-* ‘царапать, скрести; боронить; сгребать в одну кучу’ [ЭСТЯ, 1980, с. 345]; эвенк. *čirta-*, *čir̄-*, сол. *čir̄-*, ма. *čir̄-~čir̄-* [**čir̄gu-*] ‘чертить, проводить линию, рисовать тушью’; сол. *нируһан* ‘рисунок’, нег. *нижуит-*, *нију-* [**ниру-*], нан. *н’иру-* ‘писать; рисовать’, ма. *ниру-* ‘рисовать; чертить’, *нируган* ‘рисунок, картина’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 278, 600], эвенк. *чарги-* ‘зажечься (о спичке)’, ма. *чарги-* ‘зажигать, пускать фейерверк’; эвенк. *чирчй-* ‘сцарапать, содрать кожу’ [ССТМЯ, 1977, с. 385, 400].

Среди производных следует отметить пкл.-мо. *čaruqai* [Tum., р. 431], п.-мо. *čaruqai* [Kow., р. 2359], мо. *зурхай* ‘черта, линия’; п.-мо. *čirege*, мо. *жирээ* ‘полоса; рейка’; п.-мо. *čaraɣa* [Там же, р. 2112], мо. *цараа*, бур. *сараа*, калм. *царан*, ойр. *цараан*, *царга* ‘след, черта’; п.-мо. *čariɣ*, мо. *цариг* ‘колея’. В целом, по замечанию А. Б. Михалева,

---

²⁹ Ср. корень *ris // *čir* в рус. *рисовать*, укр. *писувати*, польск. *rysować* и др.

семантический переход ‘резать’ → ‘царапать’ → ‘чертить’ → ‘рисовать’ хорошо известен этимологам в различных языках [Михалев, 1995, с. 64].

Словосочетание мо. *гахайн жирээ* ‘полоса у кабана’ позволяет предположить, что животные, обозначаемые лексемами п.-мо. *ǰiruq-a*, мо. *зорх* ‘барсук (самец)’; ср.-мо. *dorqan* [LH], п.-мо. *dorɣu*, *dorɣuu* [Kow., p. 1892], мо. *дорго*, бур. *доргон* ‘барсук’; п.-мо. *ǰirke*, мо. *жирх*, бур. *жэрхи*, калм. *ǰирх* ‘бурундук’, названы по наличию полос на теле. У барсука, как известно, от носа к ушам через глаза тянутся 2 широкие черные полосы, а отличительным признаком бурундуков являются 5 темных полосок вдоль спины. Ср. в тунгусо-маньчжурских языках: «эвенк. *урикэ* ‘суслик; сурок’, ороц. *урикэ* ‘нерпа (черная с белыми полосами)’» [ССТМЯ, 1977, с. 285].

Вызывает интерес форма п.-мо. *ǰirükebči/ǰirükebči* [Kow., p. 2424], мо. *зурхэвч* ‘бурундук’, которой суффикс *-bči* не придает характерное значение ‘футляра или прикрытия для предмета, выраженного в производящей основе’. Согласно мнению А. А. Бурыкина, мо. суффикс *-bči* не только обнаруживает параллели с регулярными фонетическими соответствиями в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках, но и восходит к самостоятельному слову *юнь//хун-ть* ‘завязывать, стягивать’, сохранившемуся в нивхском языке [2000, с. 19]. Растения п.-мо. *ǰirgen-e*, мо. *жиргэн* ‘ревень’; п.-мо. *ǰiruu*, мо. *жируу* ‘бороздоплодник уклоняющийся’, вероятно, названы так благодаря бороздкам на прямых и толстых стеблях.

Аффриката [ǰ] в анлауте также участвует в передаче следующих значений: ср.-мо. *ǰur-* [MA, с. 211], п.-мо. *ǰoru-*, мо. *зор-*, бур. *зоро-*, калм. *зор-*, ойр. *зор-* ‘строгать, обстругивать; царапать’ (ср. рус. *царапан-ать*); п.-мо. *ǰerme-*, мо. *зэрм-* ‘сдирать кожу (с дерева)’; п.-мо. *ǰirme-*, мо. *зүрм-* ‘размельчать, раздроблять’. Отметим субстантивы п.-мо. *ǰir* ‘стружки, оскребки, лоскутки’ [Kow., p. 2401], п.-мо. *ǰirm-e*, мо. *зүрэм*; п.-мо. *ǰirmedeg*, мо. *зүрэмдэг* ‘тонкие обрезки чего-н.’, бур. *зүрмэ* ‘фарш (из печени, легких и жира брюшины, которым начиняют тонкие кишки)’; бур. диал. *зүр мяхан* ‘мясо, выдающееся по

лоской'. В тюркских языках представлены формы *йө:рме~жөргөм~йөргәмәч* 'вид бараньей колбасы'. М. Рясянен обратил внимание на генетическую связь *Jörgämäč, Jörgöm* и *Jörme* с глаголом *Jörgä-* 'обвивать'. Реальность такой связи Э. В. Севортыян подтверждает як. *сөрүө* < *йөрүг 'коврик, сплетенный из конского волоса', тат. диал. *жүрмә* 'плеть, плетка' [ЭСТЯ, 1989, с. 236].

Обращение к алтайскому материалу дает Птюрок. **čert-* 'обрезать (края), делать зарубки; щелкать' [EDAL, p. 435], общетюрк. *сүр-*, *сүрт-* 'тереть; строгать (рубанком, фуганком); скоблить; смазывать; вычеркнуть' [ЭСТЯ, 2003, с. 392]; эвенк. *ирэнчй-* 'строгать, скоблить', эвен. *эрэнчин* 'рубанок', нег. *эрэнчивун* 'скобель (для дерева)', орок. *ирэнчу* 'струг (для обработки дерева)', орок. *ирэнчинэ* 'рубанок' [ССТМЯ, 1975, с. 329], ма. *тэрги-* 'прилаживать, пригонять (железный наконечник к стреле); подстругивать (древко)'; эвен. *эргь-* 'строгать' [Там же, 1977, с. 238, 462].

Резкий звук *яр-р*, издаваемый при рассекании, разрыве, заложен в глаголе п.-мо. *ира-* 'разрезать на пласты, раскраивать; надсекать' [Kow., p. 318], мо. *яр-* 'разрезать, резать ножом; раздвигать'; мо. *яр хий-* 'трескаться, лопаться', бао. *джарэ-* 'резать'. Ср. тюрк. *йа:р- ~ йар- ~ жар- ~ чар-* 'рассекать, раскалывать, отделять, разрывать', *йир-* 'порвать, расколоть; рассекать' [ЭСТЯ, 1989, с. 203].

По аналогии с глаголом *ира-* ср.-мо. *ür-* 'сдирать' [МА, с. 104], п.-мо. *ури-, үрү-* 'разламывать; разбивать на части' [Kow., p. 451], мо. *ур-, бур. ури-* 'разорвать, изодрать³⁰; царапать; кусать'; п.-мо. *üre-* [Там же, p. 586], мо. *үрэ-, бур. үрэ-* 'тереть; обтачивать', калм. *үр-, ойр. үре-* 'чесать, трепать (шерсть)' также можно отнести к звукоизобразительной сфере, так как они представляют собой действия, непременно сопровождаемые звукорядом: (*х*)*ур-р, х-р-р*. П.-мо. *örübtül* 'терпуг, скребок' [Там же, p. 582], мо. *өрөвтөл, бур. үрөптэр* 'рашпиль', по всей видимости, мотивировано звукоподражанием. Ср. нан. *кур-кур хосақтачи-, күрэ-күрэ та-* 'царапать' [ССТМЯ, 1975, с. 437], эвенк. *хургу-* 'дробить; молот, растереть (камнем)'; *урган-* 'изорвать'

---

³⁰ Ср. рус. *драть, дергать, дробить*, англ. *draw* 'тянуть, вырывать', греч. *dero* 'драть', *drepo* 'отламывать, отрезать', авест. *dar* 'отдирать, разрывать' [Илиуф, эл. рес., с. 8].

ся (об одежде); *чари-* ‘порвать’; *чури-* ‘раздирать (когтями)’; ма. *эрэ-* ‘драть бересту’ [ССТМЯ, 1977, с. 283, 385, 416, 466].

Согласные [q/k] представлены в анлауте следующих глаголов: п.-мо. *qargi-*, мо. *харги-* ‘скрипеть, скрежетать’; п.-мо. *qarjǰina-*, мо. *харжигна-*, калм. *харжҗн-*, ойр. *харжҗиҗна-* ‘стучать, брэнчать’; п.-мо. *qarčigina-*, мо. *харчигна-*, бур. *харшагана-* ‘скрежетать зубами, хрустеть; трещать (о чем-л. металлическом)’; п.-мо. *qara-* [Kow., p. 844], мо. *хар-* ‘строгать, скоблить, скрести’; п.-мо. *kerčigine-* ‘скрипеть’ [Less., p. 451]; ср.-мо. *kürkire-* [MA, с. 220], п.-мо. *kür kür* ‘перекаты грома’ [Kow., p. 2636], мо. *хурчигнэ-* ‘продолжительно грохотать’, бур. *хур хур гэ-, хуршэгэнэ-* ‘хрустеть’. Ср. эвенк. *қаруми-* ‘шуршать’, *қарумалима* ‘санки (детские)’ [ССТМЯ, 1975, с. 382].

В п.-мо. *kerči-* [Kow., p. 2518], мо. *хэрчи-*, бур. *хэршэ-*, калм. *керч-*, ойр. *керчи-*, даг. *kereci-* [MD, p. 182] ‘резать, нарезать, мелко рубить, сечь’ заложен звук *хэр-хэр*, сопровождающий процесс работы ножом. Глагол сопоставим с тюрк. *керт-* ‘делать зарубку, метку; надсекать, нарезать; рубить, отрубать’ [ЭСТЯ, 1997, с. 54], эвенк. *кэрчи-* ‘крошить, резать на куски’, *кэрчимэ* ‘мясо (сушеное, мелко раскрошенное, залитое жиром)’, орок. ульч. *кэрчу-*, орок. *кэрэн-*, ма. *кэрки-*, *кэрчи-* ‘крошить, резать на куски’ [ССТМЯ, 1975, с. 453].

Распространенное в тюркских языках обозначение плотничьего орудия *керки* ‘топор, топорик; мотыга; кинжал; нож для рубки соломы и клевера’ К. Менгес производит это слово от глагола *kärt-* ‘делать надрезы’ [ЭСТЯ, 1997, с. 52]. Лабиализованные корни дали эвенк. *һоро-* ‘толочь’, *һорчо-* ‘крошить мясо для сушки’; эвенк. *һуру-*, эвен. *һуруң-*, нан. *пори-*, ма. *фуру-* ‘крошить, дробить, толочь; молоть’ [ССТМЯ, 1977, с. 333, 354].

Более высокий звук реализуется посредством гласного [i] в п.-мо. *kira-*, мо. *хяр-* ‘крошить, мелко резать’, бур. *хирма-* ‘чистить скребком; резать’; ср.-мо. *qirya-* [MA, с. 298], п.-мо. *kirya-* [Kow., p. 2551], мо. *хярга-*, бур. *хирга-*, калм. *кирв-*, ойр. *кирве-*, *кирһе-* ‘стричь (ножницами)’. Ср. яп. *киру* ‘резать узкое’ и *кару* ‘резать широкое; стричь’. Ср.-мо. *kirö:* [IM; MA, с. 219], п.-мо. *kirüge* [Kow., p. 2550], мо. *хөрөө(н)*, бур. *хюрөө*, дунс. *чірэу* ‘пила’ < ‘нечто, издающее звук *хир-хир*’. Лексема отчетливо коррелирует с «нан., ульч. *сиро*, орок. *сҗро*, эвенк. *ирэүэ* и др. ‘подпилоч, напильник’; бараб. *kirä*, леб. *kirä*, сой. *хирэ* ‘пила’» [Цинциус, 1984, с. 92].

Наиболее тесная связь со звукоподражательным глаголом наблюдается в п.-мо. *kirümčay*, мо. *хярамцаг* ‘замороженные внутренности, завернутые в рубец, ливер (кушанье)’, бур. *хирмаса* ‘ливер (при осеннем забое скота легкие, печень, кишки и мясо заворачивались в брюшину и замороженные в таком виде использовались для питания зимой)’. В современном баргузинском говоре слово *хирмаса* утратило значение «сложного» блюда и стало обозначать просто нарезанные и сваренные кусочки мяса.

Тюрк. *қырқ-* ‘стричь; брить; резать; истреблять’ большинство ученых сближают с мо. *хирга-* [ЭСТЯ, 2000, с. 238]. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *гир-*, эвен. *гир-*, нег. *гуй-* ‘вырезать, кроить’ [ССТМЯ, 1975, с. 153], эвенк. *кирга-*, ма. *қарғи-* ‘стричь, брить; разрезать’ рассматриваются как монголизмы [Там же, с. 398]. Выбор корня *kir в п.-мо. *kiram* ‘заразительная болезнь; эпидемия’ [Kow., p. 2547], мо. *хярам* ‘поветрие, эпидемия, повальная болезнь (большей частью о скоте)’, по всей видимости, можно сопоставить с рус. *зараза*, которое восходит к корню **раз-*ить, т. е. ‘губить’. С п.-мо. *kiram* семантически связана другая лексема: п.-мо. *уарҕа*, мо. *ярга* ‘убой, бойня, резня’, которая, согласно мнению В. И. Рассадина, заимствована из тюркских языков: *jar-* ‘раскалывать’ [2007, с. 130].

Корни **kör/körj*/*kir*, передающие скрип снега, земли, шорох листьев под ногами, дали следующие лексемы: п.-мо. *körüsü* [Kow., p. 2641], мо. *хәрс*, бур. *хурьһэн* ‘почва, грунт, земля’; п.-мо. *köre-* [Там же, р. 2645], мо. *хөр-*, бур. *хүрэ-*, калм. *көр-*, ойр. *көр-* ‘охлаждаться, остывать’ < ‘издавать звук *хөр-хөр*’ (*мөс хөрөв* ‘лед образовался; заледенело’); п.-мо. *körmeg* [Там же, р. 2651], мо. *хөрмөг* ‘слой опавших листьев на почве’; п.-мо. *kür* [Там же, р. 2636], мо. *хөр*, бур. *хүр* ‘уплотнившийся сугроб; оледеневший снег на траве’. Тюрк. *күрт* ~ *көртүк* ~ *күртүн* ‘сугроб; снежная глыба, скатившаяся с горы; свежесвыпавший снег’ Л. С. Левитская считает производным от глагола **көрү-* > *күрү-* ‘сгребать/сметать (о ветре)’, ср. рус. *сугроб* ← *сгребать* ← *гребти* [ЭСТЯ, 1997, с. 150].

В п.-мо. *kiray-a*, *kiray(u)(n)*, *kiruyun* [Kow., p. 2546], мо. *хяруу*, бур. *хюруу* ‘иней’; п.-мо. *kiramay*, *kirmay* [Там же, р. 2546], мо. *хярмаг*, бур. *хирмаг*, орд. *kirmaG*, даг. *kiarəmsən* ‘пороша, небольшой снег’ также

заложен звук снега, скрипящего под ногами³¹. С последней формой тесно связана тюрк. *қырнақ* ‘первый (тонкий/легкий/мелкий) снег; осенние сильные заморозки; тонкая пленка на поверхности воды’ [ЭСТЯ, 2000, с. 242]. Б. И. Татаринцев считает, что *қырнақ*, скорее, отглагольное, чем отыменное образование, и что ближе к истине те, кто связывает его с основой *кыр-* ‘крошить, измельчать’, однако аффикс *-нақ* сомнителен по своей форме. По предположению исследователя, согласный *n* составляет часть глагольной основы, являясь показателем интенсива (*кырбак* < *кырп-ак) [2004, с. 415]. По мнению В. И. Рассадина, п.-мо. *кiрауи* заимствовано из др.-тюрк. *qıraуи* ‘иной’ [2007, с. 47]. В тунгусо-маньчжурских языках эвенк. *курер-* ‘намерзнуть (о льде на окне)’, *курулкэ* ‘сугроб, намет (снега после пурги)’ [ССТМЯ, 1975, с. 436, 437], эвен. *хору-* ‘выпасть (о первом снеге); покрыться снегом’, *хорун* ‘снегопад’ [ССТМЯ, 1977, с. 334].

Согласный [n] встречается в анлауте мо. *нир-нар хий-*, *нирдхий-* ‘оглушить’, *нярхий-* ‘грохнуть (от разбитой посуды и др.)’; п.-мо. *нирге-*, мо. *ниргэ-* ‘сверкать, ударять (о молнии); громить’; п.-мо. *нирге-*, мо. *ниргэ-*, *нир хий-*, бур. *нарья-*, *нэрье-*, *нэрхир-*, *нирхир-* ‘гремять, гроыхать, трещать’, п.-мо. *нирги-*, мо. *нирги-* ‘тихо гудеть; писать плавно’; як. *n’ir-n’ir* – о грохоте грома [СИГТЯ, 1988, с. 518], эвенк. *нирги-* ‘гремять, шуметь’ [ССТМЯ, 1975, с. 599].

Билабиальный [b] в анлауте дал п.-мо. *буруйи*, мо. *бургуй*, бур. *бургы*, калм. *бурпу*, ойр. *бурпуу* ‘сверло, бурав’ от звукоподражания *бур-р*. В тунгусо-маньчжурских языках звук сверления передается с помощью корней **mur/šur/pur/per/er*: эвенк. *мурупчанэ* ‘сверло’, орок. *муруку* ‘винт’ [Там же, с. 560], эвенк. *пурул-* ‘сверлить’, *пурупчāнэ* ‘сверло’; *нэриун* ‘дрель для сверления’; ма. *шуру-* ‘точить, обтачивать (на токарном станке)’; эвен. *эрэһэ* ‘сверло, бурав’, ма. *эрувэдэ-* ‘сверлить’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 430, 467]. П.-мо. *būriy-e* [Kow., р. 1257], мо. *бүрээ*, бур. *бүрээ*, калм. *бүрэ*, ойр. *бүрээ* ‘труба, рожок, горн’ Э. В. Севортян сопоставляет с калм. *bör* – звукоподражание (о гремящих звуках), *bör-bör ge-* ‘гремять; рычать’. Автор также придерживается версии о звукоподражательном происхождении тюрк.

³¹ Хотя п.-мо. *kirmaула-* ‘снег идет при свете солнца’ [Kow., р. 2546] также позволяет предположить номинацию на основе зрительного восприятия сияющих на солнце снежинок.

бору, *borqu*, буру, *burqu* ‘дудка; свисток из ивовой ветки’, ссылаясь вслед за Б. Лауфером, А. Зайончковским на тур. *byr*, *pyr* ‘гудение’ [ЭСТЯ, 1978, с. 195].

И, наконец, корни с анлаутной [p] служат для обозначения хлоппанья, шлепанья, бульканья, чавканья, шарканья (о шагах грузного человека), треска мотоцикла, глохнущего мотора, писка и верещания: п.-мо. *parĵigina-*, мо. *паржигна-* ‘трещать, греметь’; п.-мо. *parčigina-*, мо. *парчигна-*, бур. *паршагана-*, ойр. *парчицна-*; п.-мо. *pirĵigine-*, мо. *пиржигнэ-* ‘хрустеть’, бур. *пиршагана-*, *пирья-*; п.-мо. *pürdki-*, мо. *пүрдхий-* ‘шипеть при тушении огня водой’.

Рассмотренная категория ономатопов представлена следующими корневыми морфемами (табл. 4).

Таблица 4

Виды корней, формирующих смешанный тип ономатопов

C _{un} /V	a	e	i	o/u	ö/ü
1	2	3	4	5	6
<i>o</i>	–	–	<i>ir, irĵ</i>	<i>or</i>	<i>ür, örb, örm</i>
<i>y</i>	<i>Yar, yarĵ</i>	–	–	–	–
<i>ĵ</i>	–	<i>ĵerm</i>	<i>ĵir, ĵirk</i>	<i>ĵor</i>	<i>ĵürm</i>
<i>č</i>	<i>čar, čark, Čard, čarm</i>	–	<i>čir, čirk, čirč</i>	–	–
<i>š</i>	<i>šar, šark, šarĵ, šarč, šarb</i>	–	<i>sir, sirk</i>	<i>šur, šurĵ, šurč</i>	<i>šör</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarč</i>	–	–	<i>sor, sorč</i>	–
<i>q/k</i>	<i>qar, qarĵ, qarč</i>	<i>kerč</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qor, qurd</i>	<i>kör, kür, kürk, kürd</i>
<i>ɣ/g</i>	–	–	–	–	–
<i>d</i>	<i>dar, darĵ, darč, dars, darb</i>	<i>der, derĵ, derb</i>	–	<i>dor, dorq, durĵ, durb</i>	<i>dör, dür, dürk, dürd, dürb</i>
<i>t</i>	<i>tarĵ, tarč</i>	<i>ter, terč, terd, tert</i>	–	<i>tor, torĵ, torč, tord</i>	<i>tür, türč, türd</i>

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6
b	–	–	–	<i>bur</i>	<i>bür</i>
p	<i>par, parĵ, parč</i>	<i>per</i>	<i>pirĵ, pirč</i>	–	<i>pür, pürd</i>
m	–	–	–	–	–
n	<i>nar, narb, narm</i>	<i>ner, nerk, nerb</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurk</i>	<i>nürk</i>

Из таблицы 4 явствует, что данный тип ономастов обладает большим набором корней, реализующих широкий спектр значений. В позиции инициалы выходят на первый план согласные $[d/t]$ – 32 %, $[j\check{c}/\check{s}/s]$ – 27 %. Приблизительно одинаковы показатели $[q/k]$ – 12 %, $[n]$ – 10, $[b/p]$ – 9, наконец, $[y]$ – 2 %. В ауслауте главенствуют аффрикаты $[j\check{c}]$ – 28 %, далее следуют $[q/k]$ – 11, $[d/t]$ – 9, $[b]$ – 8, $[m]$ – 7 %. В рассмотренном материале зафиксировано 37 % корней без ауслаутного и 6 % – без анлаутного согласного. Следует отметить, что ономастические слова данной группы имеют стертый характер денотата, что в определенной мере обусловлено слабой степенью дифференциации шумов одного класса, имеющих различные акустические характеристики.

В целом наложение данных четырех таблиц, отображающих функционирование ономастов всех 4 лексико-семантических групп, дает следующую картину (табл. 5).

Таблица 5

Типы корней с доминантой $[r]$, действующих в звукоподражательной сфере

C_{un}/V	a	e	i	o/u	ö/ü
1	2	3	4	5	6
ø	<i>ar, ark, arč</i>	<i>er</i>	<i>ir, irk, irĵ</i>	<i>or, ur, ork, ord</i>	<i>ür, örs, örb, örm</i>
y	<i>yar, yark, yarĵ, yard</i>	<i>yer</i>	–	<i>yor, yorq, yorĵ, yord</i>	–
ĵ	<i>ĵar</i>	<i>ĵerm</i>	<i>ĵir, ĵirk</i>	<i>ĵor, ĵorg</i>	<i>ĵör, ĵürm</i>

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6
<i>č</i>	<i>čar, čark, čarč, čard, čarm</i>	<i>čer</i>	<i>čir, čirk, čirč, čird</i>	<i>čor, čur, čork, čurk</i>	<i>čür</i>
<i>š</i>	<i>šar, šark, šarj, šarč, šarb</i>	–	<i>sir, sirk</i>	<i>šork, šur, šurj, šurč</i>	<i>šör, šürk</i>
<i>s</i>	<i>sar, sarč</i>	<i>ser, serj</i>	–	<i>sor, sur, sorč</i>	<i>sürk, sürc</i>
<i>q/k</i>	<i>qar, qarq, qarj, qarč, qard</i>	<i>ker, kerj, kerč, kerm</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qor, qur, qorj, qorč, qurk, qurd</i>	<i>kör, kür, kürk, kürd, kürj, kürč</i>
<i>γ/g</i>	<i>γar</i>	<i>ger</i>	–	<i>γor, γork, γorj, γurγ</i>	<i>gür, gürd</i>
<i>d</i>	<i>dar, darj, darč, dars, darb</i>	<i>der, derj, derb</i>	–	<i>dor, dur, dorq, dorj, durj, durb</i>	<i>dör, dür, dürk, dürd, dürb</i>
<i>t</i>	<i>tar, tarj, tarč</i>	<i>ter, terč, terd, tert</i>	–	<i>tor, torj, torč, tord</i>	<i>tür, türč, türd</i>
<i>b</i>	<i>bar, bark, barj, bard</i>	–	–	<i>bor, bur, burq, burj</i>	<i>bür, бүрк</i>
<i>p</i>	<i>par, pard, parj, parč</i>	<i>per, perč</i>	<i>pirj, pirč</i>	<i>por, pur, porč, purč</i>	<i>pür</i>
<i>m</i>	<i>mar, marq</i>	<i>mer</i>	–	<i>mur</i>	–
<i>n</i>	<i>nar, narb, narm</i>	<i>ner, nerk, nerb</i>	<i>nir</i>	<i>nur, nurk, nurm</i>	<i>nürk</i>

Как видно, в сфере звукоподражания в монгольских языках представлены почти все возможные слоги с дрожащим сонантом [r] в позиции доминанты. При этом некоторые инициальные согласные имеют четкую привязанность к определенной лексико-семантической группе, о чем можно судить по данным таблицы 6.

Таблица 6

Продуктивность C_{un} в корнях с $C_D [r]$ (в %)

C_{un}	Животный мир	Человек	Неживая природа	Смешанный тип	Средний показатель
$\emptyset$	16	11	4	8	15
$\check{J}\check{c}/\check{s}/y$	31	34	40	27	28
$q/k/\gamma/g$	34	20	23	12	22
t/d	7	13	6	32	16
b/p	10	9	25	9	13
n	–	6	2	10	4
m	2	6	–	–	2

Таким образом, инициальные $[b/p]$ формируют большое количество натурофонов. Согласные $[d/t]$, $[n]$ характерны в основном для ономатопов смешанного типа, согласный $[m]$ встречается преимущественно в анлауте антропофонов.

В конечной позиции выступают, как правило, одни и те же согласные. Доминируют $[\check{J}\check{c}/\check{s}]$ – 22 %, с небольшим отрывом идут гуттуральные $[q/k/\gamma/g]$ – 20 %. Большая часть корней все же выступает без финального согласного – 46 %. Оставшиеся 12 % распределены между ауслутными $[d/t]$ – 7, $[m]$ – 3 и $[b]$ – 2 %.

2.2. Участие доминанты $[m]$ в формировании звуковой сферы

В отличие от согласного $[r]$ возможности согласного $[m]$ в сфере звукоподражания настолько ограничены, что Л. Д. Шагдаров отмечает: «...среди звукоподражательных корней [бурятского языка] нет корней с конечным m » [1962, с. 104]. Однако нам все же удалось установить несколько ономатопов с доминантой $[m]$, а также выявить ее участие в формировании поля нулевой фокации как средства вербализации молчания и тишины. В связи с тем что звукоподражательный материал с доминирующим согласным $[m]$ представлен в сравнительно небольшом объеме, мы сочли возможным не выделять в нем отдельные группы по источникам звуков.

Активное участие губ в артикуляции согласного $[m]$ обусловило появление в монгольских языках ряда антропофонов, в том числе ки-

нем, обозначающих звуковые физиологические процессы, производимые человеческим ртом во время приема пищи: п.-мо. *šam šam* [Kow., p. 1450], мо. *шам шам хий-* ‘чавкать; есть’ (ср. рус. *шам-кать, чмо-кать*), *шам хий-* ‘уплетать’, бур. *шам-шам жажал-* ‘жевать, шлепая губами’, *шамшар-* ‘причмокивать’; калм. *шам-шам гижэ ид-* ‘есть, чавкая’; п.-мо. *šimala-* ‘хотеть большего’ [Там же, p. 184], бур. *шамарла-* ‘не удовлетворяться тем, что есть (или что дают)’; п.-мо. *šatang*, мо. *цаман* ‘слишком разборчивый в еде; сытый, пресыщенный’; бур. *шомшор-* ‘прищелкивать, цокать (языком)’.

Ср. як. *чамыгыраа* от *чам* ‘звук при резком открывании и закрытии рта’; нег. *хамки-* ‘чавкать, жадно есть’; ма. *мамара-* ‘жадничать; требовать большего, лишнего’; эвенк. *чимңэ-*, сол. *ниңэ-*, эвен. *н'имңэ-*, нег. *нимңэ-*, ороц. *н'иммэ-*, орок. *нумгэ-* ‘проглотить’, нег. *нимңэли-* ‘глотать жадно, быстро’ [ССТМЯ, 1975, с. 461, 581, 595], нег. *чамули-* ‘съесть что-л. одному (не поделиться)’; ма. *чимкиша-* ‘чавкать’, *чимкишамэл'ан* ‘неохотно, без аппетита, чавкая есть’ [Там же, 1977, с. 386, 395].

Пкл.-мо. *sim, sime* [Tum., p. 562], п.-мо. *sim-e* [Kow., p. 1503], мо. *шим*, бур. *иэм*, калм. *шим*, ойр. *шиме*, орд. *sime*, мог. *simi*, даг. *sim, sime*, ж.-уйг. *šəme*, мнгр. *šime, šimēn* [EDAL, p. 1328] ‘сок; питательность; плодородие; жизненные силы; влага; упитанность’; ср.-мо. *simi-* [SH], *sime-* [MA, с. 333], п.-мо. *sime-* [Kow., p. 1505], мо. *шим-* ‘сосать, высасывать, обсасывать; лобзать’, бур. *шэмэ-*, калм. *шим-*, ойр. *шиме-*, орд. *sime-*, мог. *simi-*, даг. *sime-, simi-*, ж.-уйг. *šəme-*, мнгр. *šəme-, šətu-, šimū-* [EDAL, p. 1328] ‘высасывать сок; смаковать какой-л. напиток’ восходят к движению губами, условно воспроизводящемуся с помощью корня **sim*, обозначающего высасывание сока из чего-л. и причмокивание. Аналоги достаточно четко восстанавливаются в языках алтайской общности: Птунг. **sime-* ‘просачиваться, сосать’, Птюрк. **simū-, sūmū-* ‘сосать’, Пяп. *šim-* ‘впитываться, просачиваться’ [Там же].

К звукоподражательному корню **söm* следует возвести и п.-мо. *sömesü, sömüsün* ‘съестные припасы, пища; соус, похлебка, уха’ [Kow., p. 1430], мо. *сөмс* ‘отвар из овощей, злаков; жидкая похлебка

ка'³². Ср. в тюркских языках: *сүм-*, *сүмүр-* ‘глотать, жадно пить; потягивать (вино); тянуть, пить помаленьку; пить медленно, втягивая воду, цедя ее через зубы; хлебать; вылакать; съесть все сразу’ [ЭСТЯ, 2003, с. 380].

Функционирование ср.-мо. *čimegan* [НУ, р. 48; МА], п.-мо. *čimüge(n)* ‘мозг (в костях), мозговая трубка’ [Kow., р. 2170], мо. *чөмөг*, бур. *сэмгэ(н)*, калм. *чимгн*, орд. *čotogo*, даг. *simug*, *simehe*, *simäg*, дунс. *čimeGe*, ж.-уйг. *čeŋgän*, мнгр. *čimuge* [EDAL, р. 430] ‘костный мозг; костно-мозговая масса; трубчатые кости’ также обусловлено движением губ при высасывании костно-мозговой массы из трубчатой кости. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *симит-* ‘грызть, глотать (кость)’, сол. *ш’имэ-* ‘сосать’, эвен. *хумат-* ‘грызть, сосать (кость)’, ороч. *симичи-*, уд. *симиси-* ‘сосать’, ульч. *симинэ-*, орок. *сими-*, нан. *сими-*, ма. *сими-* ‘всосать, выпитать’; ма. *умэхэ* ‘кость (мозговая трубка верхней части передней ноги у животных, соединенная с лопаткой)’; эвен. *чѳмча-* ‘сосать, высасывать (кровь, мозг из костей)’; эвенк. *чумэ-*, *чумэмэ-* ‘сосать что-л.’, эвен. *чѳмэчин* ~ *чѳмэчен* ‘вымя’, ма. *чимику* ‘рожок (для кормления детей молоком)’, *чимилан* ‘рог охотничий’ [ССТМЯ, 1977, с. 87, 272, 394, 414]. А. В. Дыбо приводит Птюрк. форму **simgök* > **siŋök* ‘кость, костный мозг’ [СИГТЯ, 2001, с. 261].

Как отмечает С. В. Воронин, отрывание языка от неба (и постепенное образование щели) – после смычной стадии «сосущего» движения языка, с силой прижатого к небу, – обуславливает выбор аффрикаты (как фонемы со смычно-щелевой артикуляцией) в соответствующих звукоизображениях. Ср. англ. *munch* ‘жевать, чавкать’, индонез. *kercap* ‘чавканье, чмоканье’, селькуп. *сopp* – о чмокации [1982, с. 92].

Семантически близко п.-мо. *kemi* ‘кровяной мозг в костях; отверстие в кости с кровяным мозгом’ [Kow., р. 2483], мо. *хим*, *хэм* ‘губчатое вещество костей’, калм. *кем* ‘губчатая кость’, ойр. *кем* ‘костный мозг’. С данной лексемой, а также с ма. *kemi* ‘мозг, покрытый кровью’ обычно сопоставляют тюрк. лексему *кемик* ‘губчатое костное вещество; мягкие части костей; кость’, которая, по замечанию Л. С. Левит-

---

³² П.-мо. *šölii*, мо. *шөл*, бур. *шүлэн*, калм. *шөлн*, ойр. *шөлен* ‘суп, бульон’, равно как и англ. *soup* ‘суп’ также восходят к подражанию, передающему звук всасываемой губами жидкости.

ской, достаточно широко распространена в современных тюркских языках. Производящей основой тюрк. *кемик* Э. В. Севортыян считает глагол **кем-* ‘грызть, глотать’, восстанавливаемый из *гемир-* ‘глотать’ [ЭСТЯ, 1997, с. 36]. Для тунгусо-маньчжурских языков А. В. Дыбо восстанавливает праформу *хитНан < *хати-Нан* ‘костный мозг трубчатых костей’: эвенк. *умāн*, сол. *ӯмā*, эвен. *умън*, негид. *оман*, орох. *уман*, уд. *ума(н)*, ульч. *ҳома(н)*, орок. *хума(н)*, ма. *умђан* ‘костный мозг’ [СИГТЯ, 2001, с. 262].

Следует отметить, что в монгольских языках также представлен глагол ср.-мо. *ketile-* [МА, с. 215], п.-мо. *keteli-* [Kow., р. 2483], мо. *хэмлэ-*, *химлэ-*, бур. *химэл-* ‘глотать, обгладывать; щипать траву (о лошади)’, калм. *кемл-*, ойр. *кемле-* ‘грызть (семечки); грызть (о лошади)’; п.-мо. *ketki-* ‘кусать; грызть, хватать рылом’ [Там же, р. 2489], мо. *хэмх-* ‘ранить, наносить ранение (о животном), кусать, грызть’: яс *хэмх-* ‘грызть кость’, калм. *кемк-*, ойр. *кемке-* ‘кусать (о собаке)’.

Значение ср.-мо. *qotuqai* [МА, с. 301], п.-мо. *qotqai*, мо. *хомхой*, бур. *хомхой* ‘жадный, ненасытный’ также возникло на основе звукоподражания: ‘едящий, издавая звуки *хом-хом*’³³. Тат. *қўм*, тат. диал. *қўмсык*, башк. *қўмсыз*, *қўмхуз* ‘жадный’ Л. С. Левитская производит от глагола *қумсы-* ‘жадничать’ [ЭСТЯ, 2000, с. 147], который, очевидно, также имеет звукомимическое происхождение. Пкл.-мо. *qamki-* [Tum., р. 519], п.-мо. *qamki-* [Kow., р. 813], мо. *хамхи-*, ойр. *хамха-* ‘прикрывать; складывать; запахивать; смыкать, закрывать’ сопоставим с «Птунг. **kamp-* ‘складывать, сгибать; сжимать’, Пкор. **kām-* ‘закрывать (глаза)’» [EDAL, р. 641], як. *хам* ‘плотно, крепко, туго’.

Корень **tamš/tamt*, обозначающий причмокивание, чавканье, без труда восстанавливается в глаголах п.-мо. *tamsiya-* [Kow., р. 1646], мо. *тамшаа-*, бур. *тамшаа-*, калм. *тамшаа-*, ойр. *тамшаа-* ‘чавкать; производить губами и языком громкие, причмокивающие звуки’; п.-мо. *tamturi-*, мо. *тамтпу-* ‘пытаться съесть что-л., пробовать’. Ср. Птунг. **tami-* ‘чавкать; вдыхать; глотать (воздух, слюну)’, Пяп. **tāmias-* ‘пробовать’. По предположению Г. Дерфера, корень имеет ономато-пейческое происхождение (*onomatopoetisch-verdächtig*) [EDAL, р. 1397–1398].

---

³³ Ср. рус. разг. *хав-ать*, за-*хан-ать*, *хан-уга*.

Номинация в п.-мо. *tamaki* [Kow., p. 1644], мо. *тамхи(н)*, бур. *тамхи(н)*, калм. *тэмк*, ойр. *тэмке* ‘табак’, п.-мо. *damay-a*, мо. *дамга* ‘желтый нюхательный табак’ также, по всей вероятности, обусловлена причмокивающими звуками, сопровождающими процесс курения. В тюркских языках: каз. *темекі*, тат. *темеке*; в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *дамга*, сол. *даңга*, ороц. *дәмизи-дәмиси*, уд. *дами*, улч. *даңти*, нан. *дамахи* ‘табак’ [ССТМЯ, 1975, с. 195]; орок. *тума* ‘мундштук (для курительной трубки)’ [Там же, 1977, с. 414].

П.-мо. *emkü-, ümkü-* [Kow., p. 220, 540], мо. *үмхэ-*, бур. *үмхэ-*, калм. *омх-*, *үмк-*, ойр. *үмке-*, орд. *иңку-*, даг. *инку-*, *итку-*, мнгр. *иңквā-* ‘брать, класть в рот; держать во рту; куснуть, откусывать’ восходят к мимемам **ümk/emk*. Калм. глаголы *үмк-/үмг-* также имеют значение ‘кусать, покусать (о собаках)’. П.-мо. *ötü*, мо. *өм*, калм. *өм* функционирует в роли частицы, обозначающей что-л. оторванное от целого или процесс отделения части от целого: *өм цөм* ‘оторванный кусками, разбитый вдребезги’, *өм тат-* ‘отрывать куском; разорвать’, п.-мо. *čömele-*, *čötüle-* ‘срывать, отламывать, разбивать, разрушать’ [Там же, р. 2226]. Наиболее древним выглядит звукосемантическое значение в сложном глаголе мо. *өм хаз-* ‘откусывать зубами’, ойр. *шүдээрэн цөм хаза-* ‘прокусить зубами’.

В рамках тюрко-монгольской изоглоссы Пмонг. **emkü-* ‘глотать; кусать; жевать’ сопоставляется с Птюрк. *em-ig, *em-ček ‘грудь (женская); сосать; сосок’ [EDAL, p. 505–506]. Ср. также ма. *тумиҳа* ‘сосок’ [ССТМЯ, 1977, с. 213]. Как отмечает Э. В. Севортыан, этимологию тюрк. *ем-* такие исследователи, как Г. Рамстедт, Б. Коллиндер пытались объяснить подражанием движению рта [ЭСТЯ, 1974, с. 271].

Прозрачно звукомимическое происхождение п.-мо. *ötügelje-* ‘смеяться, высунув язык; осмеивать’ [Kow., p. 538], мо. *өмөлз-* ‘смеяться, хихикать, плакать, сжимая рот’; мо. *өмөс-өмөс* ‘беззвучно есть’, *өмхөсхий-* ‘внезапно беззвучно засмеяться’.

Известно, что в тунгусо-маньчжурских языках корень *im, артикуляция которого сопряжена с вытягиванием вперед и смыканием губ, служит для образования значения: эвенк. *ум-* ‘пить’, нег. *ом-*, ороц. *уми-*, уд. *уми-*, нан. *оми-*, ма. *оми-* ‘пить; курить’ [ССТМЯ, 1977, с. 266]. Г. Рамстедт отмечает, что в основе мо. *ии-* (<*ури) ‘пить’ и *umdān* ‘напиток’ лежит подражание движению губ [1955, с. 108]. К

ср.-мо. *undan* [SH], кл.-мо. *umda(n)* [Tum., p. 602], п.-мо. *umda(n)* ‘напиток; сусло, сладкий квас хлебный’ [Kow., p. 414], мо. *унд*, бур. *умда(н)*, *унда(н)*, калм. *ундн*, ойр. *умдан*, орд. *унда*, мог. *undō*, *ondān* ‘напиток, питье’; ср.-мо. *unda’ān* [MA, с. 364], *umdaan* [LH], кл.-мо. *umdaya:n* [Tum., p. 602], п.-мо. *umdayan* ‘питье’ [Kow., p. 414], мо. *ундаа* ‘кислое, молочное питье; напиток’; бао. *ндэга*, *ндэгу* ‘еда, пища’ [Тодаева, 1964, с. 145]. В Алтайском словаре также приводится Пкор. форма **ta-* ‘пить’, в которой произошло закономерное выпадение инициальной гласной. «Несмотря на мнение Г. Дерффера, В. Розицкого, монгольская форма (зафиксированная уже в «Тайной истории монголов») не может быть тунгусизмом» [EDAL, p. 1500].

Выделяя корень **um* ‘глотать воду, пить’ в бур. *ундан/умдан*, калм. *умср* ‘влажный, талый (о снеге)’, *умсрх* ‘увлажняться’, общемонг. *umba-* ‘плыть’, В. И. Рассадин приходит к выводу, что именно от этого корня образовано слово **umsun* ‘вода’ (т. е. ‘то, что пьют’), давшее в современных монгольских языках рефлексы: бур. *уһан*, мо. *ус*, калм. *усн*, дунс. *усу* ‘вода’ и т. п. На данном примере автор демонстрирует закон выпадения сонантов перед шумными согласными, действовавший достаточно интенсивно в прошлом (например, п.-мо. *mölsün* > мо. *мөс* ‘лед’, п.-мо. *toylsun* < зап.-бур. *мойһон* ‘черемуха’ и др.) и действующий ныне в ряде монгольских языков и диалектов. О реальности предположения архетипа **umsun* для называния воды в древнемонгольском языке свидетельствует на алтаистическом уровне наличие тунгусо-маньчжурской параллели в виде глагола *om-//um-* ‘пить’ [Рассадин, 2008, с. 166–167]. Л. В. Дмитриева также предполагает, что п.-мо. *usun* ‘вода’ восходит к той же основе, что и *uu-/уу-* ‘пить’ [1984, с. 165].

В качестве альтернативы можно также предположить и выпадение сонанта [r] в Пмонг. форме **ursun* ‘вода’ (> *usun*), которая коррелировала бы с глаголом *urus-* ‘течь’.

Корни **gem/ĵem/tam/dam* могут передавать различные оттенки высказывания: п.-мо. *gemere-* [Kow., p. 2483], бур. *гэмэр-* ‘ворчать, брюзжать, быть всегда недовольным’³⁴; п.-мо. *ĵemle-*, *ĵimle-* ‘обвинять

³⁴ Калм. *гемур* функционирует в переносном значении ‘душевное беспокойство, тревога’.

кого-л. в проступке; журить' [Kow., p. 2313], мо. *зэмлэ-*, бур. *зэмэл-*, калм. *земл-*, ойр. *земле-* 'порицать, осуждать, ругать (слегка)', п.-мо. *tat tum ögüle-* 'говорить вздор' [Там же, p. 1643], мо. *там тум яри-* 'плохо говорить'; п.-мо. *dam dum*, мо. *дам дум сонс-* 'улавливать лишь кое-что'; п.-мо. *tamala-* 'петь (о шаманах)' [Там же, p. 1644], мо. *тамла-* 'петь, напевать; говорить речитативом'; п.-мо. *damur üge* 'пустословие' [Там же, p. 1646], мо. *дамар* 'острословие; насмешка', калм. *дамар* 'уст. пустословие', *дамбрл-* 'высмеивать, подшучивать', *дамбрч* 'сатирик'³⁵.

Сема говорения заложена и в п.-мо. *demeyire-* [Там же, p. 1725], мо. *дэмийр-*, бур. *дэмыр-* 'бредить; болтать бессвязно; действовать безрассудно; говорить чепуху'³⁶, п.-мо. *dom* [Там же, p. 1860], мо. *дом*, бур. *дом*, калм. *дом*, ойр. *дом*, орд. *dom*, даг. *dom*, ж.-уйг. *dom* [EDAL, p. 888] 'заговор (от болезни); магия, магическое средство; знахарство' и ср.-мо. *domox(či)* [SH], п.-мо. *domuy* [Kow., p. 1863], мо. *домоғ*, бур. *домоғ*, калм. *домғ*, ойр. *домоғ*, даг. *domege*, ж.-уйг. *domog* [EDAL, p. 888] 'легенда, предание; миф; рассказ; история'.

Лексемы *dom* и *domuy* сопоставляются алтаистами с Птунг. **nim-ñā-* 'шаманить; сказка', Птюрк. **jom*, **jom(η)ak* 'рассказ, притча; счастье, доброе предзнаменование; слово; загадка' [Там же, p. 888–889]. В компоненте ср.-мо. *em* [LH; MA, с. 152], пкл.-мо. *em* [Tum., p. 385], п.-мо. *em* [Kow., p. 213], мо. *эм*, бур. *эм*, калм. *эм*, ойр. *эм*, бао. *мам* 'лекарство', образующем с *дом* парное слово (п.-мо. *em döm* [Там же, p. 213], мо. *эм дом* 'целебное средство, лекарство'), возможно, также заложена сема говорения, бормотания при заговоре болезни³⁷.

Как отмечает Л. С. Левитская, с тюрк. *қамчы* 'гадающий, вызывающий мертвых духов, шаман, волшебник, прорицатель, чрево веща-

---

³⁵ Однако в п.-мо. *tomurun* [Kow., p. 1864], мо. *томруун* реализуется противоположное значение 'отчетливый, ясный, определенный', *томруун үг* 'внятное слово, ясная речь', «ма. *томорхон* 'ясный, чистый (о выговоре, произношении слова)» [ССТМЯ, 1977, с. 196].

³⁶ Ср. баргуз. *тэмэгэнэ-* 'суетиться, мельтешить; делать необдуманные поступки'.

³⁷ Примечательна типологическая параллель: болг. *врач* 'знахарь, колдун', сербохорв. *врач* 'чародей, колдун, предсказатель, знахарь', *врачити* 'ворожить, гадать, предсказывать; лечить (знахарством)'.

тель' нередко сравнивают чув. *йумçă* 'ворожея, знахарь, знахарка'. Соответствие начальных *й ~ ç* подтверждается другими примерами и фонетически *йумçă ~ çамчы* вполне возможно, в связи с чем чув. *йум* можно признать закономерным соответствием *çam*. Семантика же *йум* (судя по парному слову *им-йум* 'лекарства' и *йумла-*, *им йумла-* 'лечить народными средствами, заклинаниями, заговорами') совпадает со значением турк. *йом* (в составе *ем-йом* 'лекарства'), тур. 'счастье, благополучие, добрая весть' [ЭСТЯ, 1997, с. 241]. Таким образом, можно предположить, что корневой согласный [m] служил для образования лексем со значением 'прорицатель', пройдя ступень звукоподражания.

В тунгусо-маньчжурских языках представлен широкий спектр звукоподражательных глаголов данного лексико-семантического поля: ма. *бэмбэрэ-* 'заговариваться, повторять одно и то же (от забывчивости, в старости)'; ульч. *гэмури-* 'бормотать, разговаривать с самим собой'; нег. *кэмбэ-* 'ворчать, брюзжать'; эвенк. *лэм̄ѵк* 'постоянно чем-то недовольный, жалующийся'; ма. *намси гисурэ-* 'молоть всякий вздор'; нег. *гэмутэ-*, орок. *гэмури-* 'шептать', нан. *ајактачими гэмури-* 'ворчать', *гэм-м* – о слабо уловимом гомоне³⁸ людей, *гэмури-* 'шептать, бормотать; разговаривать с самим с собой' [ССТМЯ, 1975, с. 125, 179, 447, 516, 582, 669], ульч. *самчу-* 'бормотать; бредить (во сне)'; эвенк. *шим̄ӯнам̄йт-*, нег. *симухат-*, орок. *сим̄ӯрӯғи*, *симутчи-*, нан. *симуэчи-* 'шептать; бормотать'; эвенк. *һумэт-*, эвен. *һумкэмэт-*, ороч. *сумэчи-*, уд. *сумэмэси-* 'шепаться, шушукаться'; эвенк. *тампа-* 'болтать вздор'; эвенк. *тимнэ-* 'ворчать; говорить про себя; бредить'; эвенк. *чомби-* 'болтать вздор; бубнить' [Там же, 1977, с. 60, 88, 126, 160, 182, 406].

Птюрк. **sīm-* 'говорить невнятно; шептать' восстанавливается на основе карах. *sumlī-*, турк. *sīm-sīm*, хак. *sīm* 'тишина'; тув. *sīmīran-*,

---

³⁸ Рус. *гомон*, согласно мнению М. Фасмера, заимствовано из германских языков: ср. др.-исл. *gaman* 'радость, веселье', англ. *game* 'игра' [1964, с. 436]. Рус. *гам*, *гаметь*, *гамить* 'шуметь' Э. Бернекер склонен считать звукоподражаниями, в то время как другие допускают здесь чередование гласных с *гомон* 'шум' [Там же, с. 390]. Относительно же лексемы *шум* такие авторы, как А. Г. Преображенский, Н. В. Горяев, А. Брюкнер считают, что исходным было звукоподражательное **ʒu-* [цит. по: Фасмер, 1973, с. 486].

тоф. *simira-*, чув. *səmpəltet-* ‘лопотать’ [EDAL, p. 1252], узб. *gumbur-gumbur* – о рокоте голосов [СИГТЯ, 1988, с. 518], каз. *гум* – подражание низкому баритону, басу, *гүмнілде-* ‘говорить громко (басом)’ [Кайдаров, 1986, с. 200]. От подражательной основы **сам/самыр* также образованы турк. *сам сам* ‘болтливый’, *самыр самыр* – подражание длительному бормотанию, *самра-* ‘бредить, болтать вздор’, тур. диал. *samra-* ‘бредить, болтать во сне’, *samirda-* ‘бредить; бессмысленно болтать; много говорить’ [ЭСТЯ, 2003, с. 226].

Лексический материал с доминантой [m] свидетельствует о том, что этот согласный также служит для образования поля нулевой фонации как репрезентации молчания и тишины. По всей видимости, это связано с тем, что сомкнутые губы по-своему символизируют отсутствие каких-либо звуков. Данный звук широко представлен в лексемах, номинирующих тишину, безмолвие, молчание, различной огласовки: п.-мо. *em ĵim* [Kow., p. 218], мо. *эм жим* ‘безмолвие, ничем не нарушаемая тишина’; п.-мо. *im ċim, im ĵim* [Там же, p. 312], мо. *им жим* ‘тихо, безмолвно, бесшумно’; п.-мо. *ĵimir*, мо. *жимэр* ‘тишь да гладь; без забот’; п.-мо. *dömtüger*, мо. *дөмгөр* ‘тихий, спокойный’; п.-мо. *nam güm* [Там же, p. 594], мо. *нам гүм*, бур. *нам, нэм*, калм. *нам*, ойр. *нам* ‘тихий, спокойный’; ср.-мо. *потиуан, потиуан* [МА, с. 245, 560], п.-мо. *потиуун*, мо. *намуун* ‘тихий, слабый, нежный’; пкл.-мо. *потиуан* [Тун., p. 486], п.-мо. *потиуан* [Kow., p. 690], мо. *номгон*, бур. *номгон*, калм. *номһн*, калм. *номхон* ‘смирный, спокойный’ и пр.

Пмонг. **notu-/neme-/nima-* ‘спокойный, кроткий, мягкий, нежный’ сопоставляется с Птунг. **ñute-/ñatal/ñet-* ‘теплый; мягкий; спокойный; слабый, расслабленный’ и Птюрк. *ĵim-ĵca-k ‘мягкий’. По предположению авторов Алтайского словаря, первоначальным значением должно было быть ‘мягкий, нежный (в целом и, в частности, о погоде, фруктах и пр.)’ [EDAL, p. 992–993]. Здесь мы имеем дело с соотносительностью артикуляторных характеристик согласного [m] с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата.

В тунгусо-маньчжурских языках распространены следующие лексемы с идентичной семантикой: нег. *хэмэ*, ороч. *хэмэ*, ульч. *хэмэ*, орок. *хэмэ*, нан. *хэм-хэм* ‘молча, тихо’; ма. *мими-* ‘зажимать рот; не говорить’; ороч. *мэмэ* ‘немой’, ма. *момоқори-* ‘безмолвно, молча’; эвенк. *Һэмүлэ* ‘молчать, сидеть молча’ [ССТМЯ, 1975, с. 481, 537,

567, 669], эвен. *омтāн*- ‘молчать’, эвенк. *симүлā*- ‘молчать’, нег. *симухин* ‘молчаливый’, уд. *сим-сим* ‘молча’, ульч. *сим очо*- ‘замолкнуть’, нан. *симчэкэ* ‘тишина’; эвенк. *сумкэт*-, нег. *сумэ́т*-, ульч. *сумэчи*- ‘таить, молчать, умалчивать о чем-л.’; эвенк. *тамурга*- ‘замолчать’ [ССТМЯ, 1977, с. 18, 88, 160]³⁹. В тюркских языках также функционируют корни *тым/дым* со значениями ‘умолкать, замолкать; безмолвно, молча; молчаливый, спокойный; осторожно, исподтишка’: ср. каз. *тым-тырыс* ‘безмолвие’, ккал. *тым-тырс* ‘тишина, пауза’ [ЭСТЯ, 1980, с. 340–341].

Как видно из значений примеров, фонема *[m]* в корне передает как отсутствие звуков, шумов, так и душевное спокойствие, умиротворение: п.-мо. *атар*, мо. *амар*, бур. *амар*, калм. *амр*, ойр. *амар* ‘спокойствие, благополучие’; пкл.-мо. *атуууланг* [Тум., р. 299], п.-мо. *атуууланг* [Kow., р. 108], мо. *амгалан*, бур. *амгалан*, калм. *амулн*, ойр. *амһалаң* ‘мир, покой; тишина, умиротворение’. Значение ‘спокойствие’ восстанавливается в идентичных корнях других алтайских языков: Птунг. **ām*- ‘спать, хотеть спать’, Птюрк. *ām*- ‘тихий, спокойный; любить, радоваться; вежливость; милый; быть спокойным’ [EDAL, р. 298–299].

Закономерно, что в ряде случаев сема ‘тишина’ влечет за собой ‘осторожность’: п.-мо. *дамдум* ‘нерешительно’ [Kow., р. 1649], п.-мо. *дам дум*, мо. *дам-дум* ‘с опаской’, бур. *дүмүү* ‘осторожный’; ср.-мо. *sem*, *sim* [SH], *sem* [IM], *sem* [MA, с. 320], пкл.-мо. *sem* [Тум., р. 550], п.-мо. *sem* [Kow., р. 1357], мо. *сэм*, калм. *цем*, ойр. *сем*, орд. *semēr*, дунс. *śīmtə*, бао. *somkənaŋ*, ж.-уйг. *semēr*, мнгр. *səmtugēr* [EDAL, р. 1516] ‘тихо, крадучись; бесшумно, тайно’.

Однако в значении некоторых слов все же проявляется сема ‘звук, шум’: ср.-мо. *čime’en* [HY], п.-мо. *imege čimege*, *čim-e* [Kow., р. 310, 2167], мо. *имээ*, *чимээ*, бур. *шэмээ*, калм. *чимэн*, орд. *čimē*, мнгр. *čimē* [EDAL, р. 1426] ‘шум, гул, крик; молва, слухи’. К форме *čimege* авторы EDAL приводят следующие алтайские параллели: Птунг. **tim*- ‘затишье (о погоде); притихнув, примолкнув; шевелить губами, ворчать; тишина (ночью в лесу)’; Птюрк. **Tiŋ(mi)* ‘звук; гово-

---

³⁹ Ср. функцию *[m]* в рус. имитативном корне **молк*: *с-молк-нуть*, *у-молк-нуть*, *молч-ать*.

речь; ворчать'; Пяп. **tàmár-* 'молчать'; Пкор. **tamîr-* 'закрывать рот, молчать' [EDAL, p. 1426–1427].

Ср. эвенк. *дэмбулкэ́н-* 'послышаться (о шуме реки)' [ССТМЯ, 1975, с. 234], эвенк. *чумри-* 'звучать, раздаваться (об эхо в воде)' [Там же, 1977, с. 414]. Функционирование в языке корней *ǰim 'тишина' и *ǰim* 'шум' подтверждает то, что сфера тишины как репрезентация отсутствия звуков связана как с отсутствием движения (покоем), так и с наличием слабо выраженных звуковых сигналов. Это, в свою очередь, свидетельствует о диффузном характере сферы тишины в пределах общей звуковой сферы и об отсутствии четких границ между звуком и его отсутствием в слуховом восприятии. Возможно, поэтому в эвенкийском языке 'тишина' репрезентируется с помощью корня *ǰer: *чэрүлэй* 'тишина, спокойствие, покой', *чэрүлэ́э* 'тихий, спокойный; тихо, бесшумно (о природе)' [Там же, с. 422]. Ср. рус. *звонящая тишина*.

Значения 'дышать' реализуются в следующих производных от корня-мимемы **am/ams*, передающей хватание воздуха ртом: ср.-мо. *hamis-* [MA, с. 181], пкл.-мо. *amis-* [Tum., p. 297], п.-мо. *amisa-*, мо. *амьса-*, даг. *amisa-*; бур. *амил-*, калм. *эмл-* 'дышать'; ср.-мо. *ami-* [LH], п.-мо. *ami-*, мо. *ама-* 'передохнуть, вздохнуть; успокаиваться, отдыхать; жить спокойно'; пкл.-мо. *amara-* [Tum., p. 297], п.-мо. *ама-*, *амара-* [Kow., p. 99], мо. *ама-*, *амра-*, бур. *амар-*, калм. *амр-*, ойр. *амра-*, дунс. *hamura-*, бао. *hamera-*, мнгр. *xamurā-* [EDAL, p. 298] 'передохнуть; вздохнуть, отдышаться'. В буддийской философии дыхание рассматривается как связующее звено между внутренним миром тишины и внешним миром активности.

По всей видимости, глагол ср.-мо. *unta-* [MA, с. 365], пкл.-мо. *umta-* [Tum., p. 602], п.-мо. *umta-* [Kow., p. 414], мо. *унта-*, бур. *унта-*, калм. *унт-*, ойр. *унта-* 'спать, уснуть' также сопряжен с образом сомкнутых губ во время сна: баргуз. *хум гэ-* 'вздремнуть', где **qum/um* передает спокойное, размеренное дыхание спящего человека. Б. И. Татаринцев приводит следующие формы, распространенные в тюркских языках: тув. *кум кылын-* 'дремать, вздремнуть', *кумна-* 'быть глухим, безразличным к происходящему', тоф. *һым кын-* 'немного вздремнуть', як. *кум* 'мгновенный сон; сон на одно мгновение', *кум гын-* 'недолго поспать', хак. *хым* 'кратковременный сон', *хым ит-* 'вздремнуть' [2004, с. 294].

Рассмотренные глаголы тесно взаимосвязаны с соматическими терминами, обозначающими внешние каналы поступления воздуха в организм человека, животного. Базовый соматический термин ср.-мо. *atan* [HY, p. 45; SH], *atan* [IM, p. 432], *atan* [MA, с. 99], пкл.-мо. *atan* [Tum., p. 296], п.-мо. *ama(n)* ‘рот, уста; нос птичий; рыло’ [Kow., p. 95], мо. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, ойр. *аман*, орд. *ата*, мог. *атап*, *атип*, даг. *ата*, дунс. *атап*, бао. *атап*, ж.-уйг. *атап*, мнгр. *ата* [EDAL, p. 296] ‘рот, уста; пасть, зев’ представляется мимемой, воплощающей зрительнообразное представление закрывающегося рта во время вдыхания воздуха: *[a]* передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, *[m]* – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

В монгольских языках также представлены производные от корня *sam: п.-мо. *samaldaγ*, мо. *самалдаг* ‘хрящевые пластинки, образующие носовые проходы’; п.-мо. *samsa* ‘хрящ в ноздрях’ [Kow., p. 1317], мо. *самсаа*, ойр. *самсаа*, орд. *samsā* [EDAL, p. 1317] ‘крылья носа; ноздри, ноздревой хрящ с обеих сторон носа’, сопоставляемые с «Птунг. **songi-* ‘нос; кончик носа; кольцо в носу’, Птюрк. **sum-* ‘нос’» [Там же], а также п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* ‘крылья носа’; бох. *амһааг*, *самааг* ‘жабры’.

Подобное «прочтение» семантики приведенных выше терминов делает возможным привлечение к данному семантическому ряду и термина ср.-мо. *qabar* [HY, p. 45; SH; MA, с. 285; LH], п.-мо. *qabar*, *qamar* [Kow., p. 804], мо. *хамар*, бур. *хамар*, калм. *хамр*, ойр. *хамар*, мог. *qabar*, даг. *qamar*, дунс. *qava*, бао. *xor*, ж.-уйг. *xawar*, мнгр. *xawar* [EDAL, p. 806] ‘нос’⁴⁰. Менее вероятно возникновение соматизма на основе зрительного восприятия его формы, хотя некоторые формы из других языков свидетельствуют в пользу данного вероятия: як. *хомпоһор*, *хомпорхои* ‘горбатый, выгнутый’, *хомпо мурун* ‘с высоким переносем’; нан. *қомб* ‘переносица’; ма. *қумчухун* ‘горбатый’, *қумчу-*

---

⁴⁰ Б. Я. Владимирцов пишет, что при чередовании согласных *[b]* и *[m]* формы с *[m]* оказываются более новыми, возникшими под влиянием монгольских живых говоров: *χabar* ~ *χamar* (~ *χambar*) ‘нос’, в дальнейшем также отмечая древнее чередование *[b]* и *[m]* [1929, с. 401]. Согласные *[b]* и *[m]*, относясь к категории смычных фонем, с точки зрения фоносемантики могут передавать идентичные признаки.

рэ- ‘сгорбиться’; нан. *кумурэ* ‘выпукло, бугристо’ [ССТМЯ, 1975, с. 409, 431, 447]. В EDAL форма сопоставляется с Птунг. *хоҥа- ‘нос; нос (лодки); переносица’; Птюрк. **K(i)аҥ-(i)р*- ‘нос; гнусавить; клюв, морда; пересохший (о носе); переносица’ [р. 806].

Таким образом, во всех лексемах со значениями ‘нос; рот’ выделяемая мимема **am/qam/sam* представляет собой имитацию дыхания. При этом согласный [s] в разных позициях создает «шумовой» компонент вдыхания/выдыхания воздуха через ноздри, жабры, в то время как [q] в анлауте предстает как наиболее органичный, «бесшумный» показатель начала звучания. Ту же линию семантического развития демонстрируют лексемы *хониоор*, *хушуу* со значением ‘морда, рыло’ (см. § 4.3.).

Эвен. форма *там*- ‘вдохнуть, втянуть в себя воздух’ [ССТМЯ, 1977, с. 158] позволяет выявить связь п.-мо. *tamir* [Kow., р. 1645], мо. *тамир*, бур. *тамир*, калм. *тамр* ‘сила; энергия, здоровье; крепость физическая’ со ср.-мо. *amin* [LH], пкл.-мо. *amin* [Тум., р. 297], п.-мо. *ami(n)* ‘дух, дыхание; жизненный дух, жизнь, живот, т.е. соединение всех чувств и органов’ [Kow., р. 101], мо. *амь (амин)*, бур. *амин*, калм. *амн*, ойр. *эмен*, орд. *ати*, даг. *ати*, дунс. *атин*, мнгр. *ати* [EDAL, р. 298] ‘жизнь, душа; сердце, дух’. Сол. *ами* ‘жизнь’ относится к заимствованиям из монгольских языков [ССТМЯ, 1975, с. 37].

Семантически близка к рассмотренным выше лексемам п.-мо. *sambaya* [Kow., р. 1317], мо. *самбаа* ‘сила, крепость; смелость, отвага’, в которой развился широкий спектр значений: ‘хладнокровие, самообладание; находчивость; подходящий момент’. Как отмечают авторы Алтайского словаря, «выдвигались различные версии о заимствованном характере данного слова: Г. Рамстедт – из неизвестного тибетского источника, Сухбаатар – от санскритского слова *sambhaga, связь с которым очень сомнительна». Сами авторы предполагают, что слово может быть исконно монгольским [EDAL, р. 1208]. Здесь мы наблюдаем закономерную, с точки зрения физиологии, семантическую цепочку: ‘дыхание’ → ‘сила’.

В данной главе мы также сочли возможным рассмотреть корни с согласным [m], передающие значение ‘трястись, колебаться’, поскольку вибрационная чувствительность, относящаяся к недостаточно изученным интермодальным видам чувствительности, связывает тактильно-моторную сферу со слуховой и в генетическом плане, по мнению

ряда психологов, является переходной формой от осязательных ощущений к слуховым. «Основное положение «слуховой» теории заключается в том, что тактильное восприятие звуковой вибрации понимается как диффузная звуковая чувствительность. Представители этой теории придерживаются той точки зрения, что тактильно-вибрационная чувствительность – этап развития слуха» [Рубинштейн, 2002, с. 197].

Физические свойства объекта ‘трясущийся, колышущийся’ реализуются в корнях **bamb/nam/namb*: п.-мо. *bambalǰayur*, мо. *бамбалзуур*, бур. *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’; п.-мо. *namalǰa-* [Kow., р. 616], мо. *намалз-* ‘колыхаться; пружинить’; п.-мо. *namira-*, мо. *намир-*, бур. *намир-*, ойр. *намар-* ‘развеваться, реять’. Ср. эвенк. *нуми-* ‘маячить’ [ССТМЯ, 1975, с. 610]. Сопоставление данных глаголов с рассмотренными выше п.-мо. *durba-*, *darbalǰa-*, *derbe-*, *qorulǰu-* ‘развеваться по ветру; крутить, трепать ветром’ позволяет выявить разницу в использовании данных глаголов: если в производных от корней с доминантой [r] отчетливо «слышится» звук развевающегося на ветру полотна (ср. рус. *ветер рвал паруса*), то в глаголах с корневым [m] описываемый процесс, очевидно, происходит более плавно и почти бесшумно (рус. *флаги реяли над площадью*).

Значения ‘колеблющийся, топкий’ эксплицитно в п.-мо. *namu* [Kow., р. 616], мо. *намаг*, бур. *намаг*, калм. *намаг*, ойр. *намаг* ‘болото, трясина, топь’. В Алтайском словаре к Пмонг. *namug ‘болото’ помимо Птунг. *lāmi ‘море, волна’ также дается Пяп. форма *nàti ‘волна’ [EDAL, р. 866–867]. Ср. эвен. *имълқан* ‘болото, топь, тундра’; ма. *қамбулǰа-* ‘трястись, колебаться (о болотистой почве под ногами)’; ма. *лумбурǰа-* ‘струиться (о воде); колыхаться (о трясине)’ [ССТМЯ, 1975, с. 312, 370], эвен. *омчиқ* ‘топь; трясина, болото’; ма. *сумбулǰа-* ‘трястись, колыхаться (о земле под ногами после растаявшего снега)’; эвен. *тэмбъу* ‘трясина, топь, болотистое место’, нан. *тэмбил-тэмбил бй* ‘зыбкий, колеблющийся’; уд. *чомпо-* ‘увязнуть (в болоте, грязи, снегу); проваливаться одной ногой под лед’ [Там же, 1977, с. 18, 125, 233, 406].

В п.-мо. *ǰатау*, *ǰату* ‘болотистое растение’ [Kow., р. 2292], мо. *замаг*, бур. *замаг*, калм. *замг*, ойр. *замаг*, орд. *ǰатаG*; мнгр. *ǰamburaG* [EDAL, р. 1534] ‘тина, водоросли’ также, возможно, заложен признак

‘нечто колышущееся (на воде), топкое’. Эвенк. *Ѓамак* ‘мох’ считается заимствованием из монгольских языков [ССТМЯ, 1975, с. 247]. В EDAL Пмонг. *Ѓатау сопоставляется с Птунг. *Ѓетки ‘название растения (болотного, которое любят олени и лоси); кормовище (олений и лосей), заводь, протока (куда приходят есть болотное растение и на водопой изюбра и другие животные)’, Птюрк. *Ѓат ‘соринка; мусор, плавающий по воде’ [р. 1534].

В фитонимах п.-мо. *Ѓатал* ‘водная чечевица’ [Kow., p. 2292], мо. *Ѓамал* ‘щитолистник болотный’; п.-мо. *Ѓамбауан-а*, мо. *замбагана* ‘болотноцветник’; п.-мо. *simarsu, simersü*, мо. *шамарс, шимэрс* ‘копечник альпийский’ также допустима мотивация, связанная с вибрационной чувствительностью, поскольку указанные растения произрастают по окраинам болот.

В монгольских языках корни с доминантой [m] также образуют глаголы, означающие движение по воде: п.-мо. *samura-* [Там же, р. 1316], мо. *самра-*, бур. *хамар-*, калм. *самр-*, ойр. *самар-* ‘плавать, плыть (на поверхности)’; бур. *тамар-* ‘плавать’; ср.-мо. *umba-* [МА, с. 364], п.-мо. *umba-, umbi-* ‘плыть по воде (без судна)’ [Kow., p. 414], мо. *умба-*, бур. *умба-*, даг. *хотрā-*, дунс. *umba-*, бао. *mba-*, ж.-уйг. *umba-, mbā-*, мнгр. *xumbā-* [EDAL, p. 1171] ‘брести по воде; плавать в воде, плыть по воде’; п.-мо. *šumba-*, мо. *шумба-*, ойр. *шумба-* ‘нырять; погружаться в воду’. Следует отметить, что для Пмонг. *humba-*, Птунг. **рот-* ‘оставить свежий след; подкрадываться; бродить; черпак’; Птюрк. **отаč-* ‘погружаться; черпак’ и Пяп. **рүт-* ‘ступать, топтать’ авторы EDAL выявляют единое значение ‘двигаться с трудом, через что-л. (воду, траву, снег и пр.)’ [р. 1171].

Ср.-мо. *laba* [IM], п.-мо. *патауа* [Less., p. 562], мо. *намаа*, бур. *намаа* ‘листва’, орд. *патā*, мог. *пōт*, даг. *lavā* [EDAL, p. 871] ‘лепесток’; п.-мо. *патq-а*, мо. *намх*, бур. *намжа* ‘полюнь’ созвучны бур. *намхи-хамхи* ‘нечто висящее, колыхающееся, увешанное’. Ср. также нег. *н'амкачйн* ‘лохмотья’; эвенк. *н'амулла*, эвен. *н'амълрль* ‘мох (кукушкин лен)’, нег. *н'амула*, ульч. *н'амулта*, орок. *намул'та*, нан. *н'амолта* ‘мох (болотный, употребляется для конопачения)’, ма. *н'амала* ‘мох (зеленый у корней деревьев и на камнях в сыром месте)’ [ССТМЯ, 1975, с. 632]. В п.-мо. *патуq-а*, мо. *намарга*, калм. *намрh*,

ойр. *намарһа* ‘роса’; п.-мо. *namiraγ-a*, мо. *намираа* ‘капля воды; вода, скопившаяся на листьях растений (после дождя)’ восстановим образ ‘нечто трепещущее (на листьях)’.

Признак ‘колышущийся’ тесно связан с ‘плавностью’: ср. *намалзан яв* ‘ходить плавно’, *намбагана* ‘ходить спокойно, важно’. Отсюда ряд значений ‘солидный, франтоватый’, характеризующих движения/походку человека: п.-мо. *nambaγar*, *γambaγar*, мо. *намбагар*, *гамбагар*, бур. *намбаа*, *гамбаа* ‘спокойный, пристойный, солидный’; п.-мо. *γambīγar*, мо. *гамбигар* ‘щеголеватый’; п.-мо. *ṣembeger*, *ṣetṣeger*, мо. *цэмбэгэр*, *цэмцэгэр*, бур. *сэмсэгэр*, калм. *цэмцхр*, ойр. *цемцегер* ‘опрятный; нарядный, франтоватый’. Ср. нег. *лэмби-лэмби* ‘раскачиваясь (о походке человека)’ [ССТМЯ, 1975, с. 516].

К собственно звукоподражаниям, на наш взгляд, восходит лексема ср.-мо. *suti* [IM], *sutin* [LH; MA, с. 327], пкл.-мо. *sutin* [Tum., р. 555], п.-мо. *sutin* [Kow., р. 1403], мо. *сум*, бур. *һомон*, калм. *сумн*, ойр. *суман*, дунс. *суму*, мог. *sote* [MD, р. 211] ‘пуля; патрон; гильза; стрела’. Корневая звукоподражательная морфема **sum* наглядно отображает последовательность дифференциальных признаков звучания отпущенной стрелы и делает возможным ментальное разложение данного звучания в своеобразный артикуляционный спектр. Известно, что пущенная стрела свистит, т. е. начинается звучание с согласного [s], далее переходя в гласный [u], раздающийся в момент расщепления воздуха оперением стрелы. И, наконец, согласный [m] моделирует распространение звуковой волны и символизирует стихание, а в дальнейшем полное исчезновение звука полета стрелы: мо. *сун хий* ‘свистеть, выть (о стреле, пуле, ветре); нестись, мчаться (о самолете, машине, всаднике и т. д.)’⁴¹. Ср. также эвенк. *чумри-*, *чуңри-* ‘звучать, раздаваться (об эхо в воде)’, *чумрин* ‘эхо в воде’ [ССТМЯ, 1977, с. 414].

Как отмечает С. В. Воронин, при передаче чисто шумовых континуантов, обозначающих собственно шум в его наиболее чистом виде, обязательное наличие хотя бы одного фрикативного (в анлауте либо в ауслауте) отнюдь не случайно. Глухой характер фрикативных обусловлен глухим, т. е. чисто шумовым характером изображаемого звучания. Ср. англ. *whistle* ‘свистеть’, *hiss* ‘шипеть; свистеть’, башк.

---

⁴¹ Фонетически и семантически близок англ. глагол *zoom* ‘взмыть, поднять вверх’.

suʃ ‘свист от быстрого движения’, индонез. *sit* ‘шипение, свист хлыста’ [Воронин, 1982, с. 52], а также хак. *суух-саах* – подражание свисту [СИГТЯ, 1988, с. 518], п.-мо. *isgere-*, мо. *исгэрэ-* ‘свистеть, присвистывать’.

Схожий мотив номинации, по всей видимости, действовал в п.-мо. *sümbü*, мо. *сүмбэ*, калм. *сүм* ‘шомпол’, а также в пкл.-мо. *tömtüge* [Tum., p. 589], п.-мо. *tömtüge* ‘алебарда, бердыш’ [Kow., p. 1924], мо. *төмөө* ‘уст. алебарда’, где [t] передает глухой звук удара. Тюрк. *сүмме-сүме* ‘шомпол; штык⁴²; бородок (кузнечный инструмент для пробивания отверстий в железе)’, по предположению М. Рясненна, имеет монгольское происхождение. Л. С. Левитская вслед за Г. Яррингом и К. Юдахиным относит тюрк. *сүмбэ*, *сүмбө* к иранским заимствованиям [ЭСТЯ, 2003, с. 380–381].

П.-мо. *čötm*, мо. *цөм*, бур. *сүм*, ойр. *цөм* сопровождает процесс пробивания (насквозь), соответствуя приставкам *про-*, *об-*, *из-*, *ис-*, *рас-*: бур. *сүм буу-* ‘обвалиться’, *сүм гэихэ-* ‘растоптывать’; п.-мо. *čötmüre-* [Kow., p. 2226], мо. *цөмрө-*, бур. *сүмэр-*, калм. *цөмр-* ‘проламываться, проваливаться’; п.-мо. *čötmüle-*, мо. *цөмлө-*, ойр. *цөмел-* ‘пробивать, протыкать’. Ср. эвенк. *умрэ-* ‘проваливаться (в снегу)’ [ССТМЯ, 1977, с. 268]. Корень *čötm в значении ‘проваливаться’ разложим на фоносемантические компоненты: [č] передает шорох, шелест земли, песка при обвале, [m] – тихий, постепенно исчезающий звук.

Среди зоофонов зафиксирован лишь один онома топ *sim, который наблюдается в ср.-мо. *simül* ‘муха’ [МА, с. 333], пкл.-мо. *simuyu:l* [Tum., p. 562], п.-мо. *simuyul* [Kow., p. 1503], мо. *шумуул* ‘комар, москит’, бур. *шумуул* ‘насекомое’. В качестве внешних параллелей А. В. Дыбо рассматривает тюрк. *siŋek ‘какое-то надоедливое насекомое; муха’, т.-ма. *sünke ‘жук’, допуская звукоподражательное происхождение: *siŋ* ‘звукоподр. о жужжании’ [СИГТЯ, 2001, с. 185–186].

Рассмотренные звукоподражательные корни с ведущим согласным [m] отражены в табл. 7.

---

⁴² Заметна звукоподражательная специфика фонетической структуры рус. *штык*, которая также проявляется в *тык-ать*, *про-тк-нуть* и др.

Таблица 7

Типы корней с доминантой [m], действующих в звуковой сфере

C_{un}/V	a	e	i	o/u	ö/ü
ø	<i>am</i>	<i>em, emk</i>	<i>im</i>	<i>umt, umd, umb</i>	<i>öm, ümk</i>
y	–	–	–	–	–
ĵ	<i>ĵam</i>	–	<i>ĵim</i>	–	–
č	<i>čam</i>	<i>čemb, čemč</i>	<i>čim</i>	–	<i>čöm</i>
š	<i>šam</i>		<i>šim</i>	<i>šom, šumb</i>	
s	<i>sam, samb</i>	<i>sem</i>	–	<i>sum</i>	<i>söm, süm, sümb</i>
q/k	<i>qam, qamk</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kim</i>	<i>qom, qum</i>	<i>köm</i>
γ/g	<i>γamb</i>	<i>gem</i>	–	–	<i>güm</i>
d	<i>dam, damĵ, damb</i>	<i>dem</i>	–	<i>dom, dum</i>	<i>döm</i>
t	<i>tam, tamk, tamš, tamt</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom</i>	<i>töm</i>
b	<i>bamb</i>	<i>bemb</i>	–	–	<i>böm</i>
p	–	–	–	–	–
n	<i>nam, namq, namĵ, namb</i>	–	–	<i>nom</i>	–

Доминанта [m] не принимает в анлауте звукоподражаний согласные [y], [p]. Как и в корнях с доминантой [r], высока доля корней с инициальными [ĵč/š/s] – 30 %, далее следуют [d/t] – 23, [q/k/γ/g] – 18, [n] – 8 и [b] – 6 %. В сравнении с r-корнями положение выглядит следующим образом (рис. 2, 3).

В ауслaute ведущая роль отводится согласному [b] – 16 %, [q/k/γ/g] присоединяются к 10 % корней, по 5 % составляют корни с финальными согласными [d/t] и [ĵč]. По-прежнему велика доля корней, выступающих без ауслата, – 58 %, без анлаута функционирует 15 % морфем. Как видно, по сравнению со звукоподражательными корнями с сонантом [r], корни с доминантой [m] присоединяют те же финальные согласные, за исключением [m]. Однако расстановка их «сил» несколько отличается (рис. 4, 5).

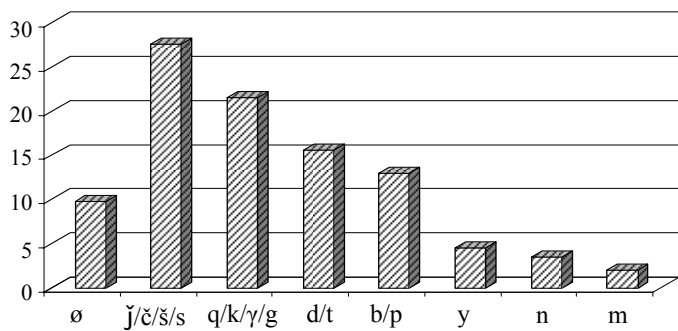

Рис. 2. $C_{ун}$ в корнях с $C_D [r]$

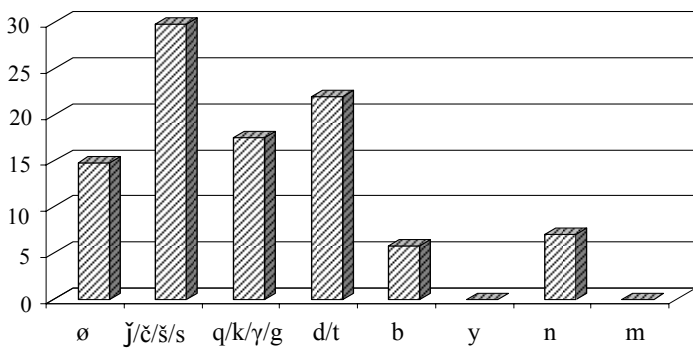

Рис. 3. $C_{ун}$ в корнях с $C_D [m]$

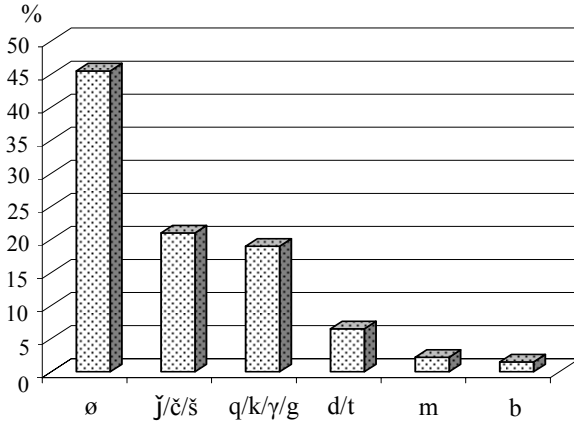

Рис. 4. C_{aus} в корнях с $C_D [r]$

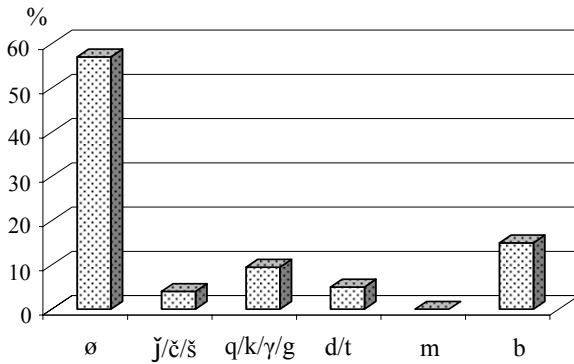

Рис. 5. C_{aus} в корнях с $C_D [m]$

Согласный $[m]$ в роли доминанты чаще сочетается с $[b]$ в ауслау-те, чем с аффрикатами $[j̣č]$. Следует отметить, что большинство звукоподражательных слов с дрожащим сонантом $[r]$ в корне обладает достаточно высокой степенью иконичности и легко поддается идентификации, что нельзя утверждать в отношении слов с доминантой $[m]$.

Таким образом, в монгольских языках представлены как «прозрачные» звукоподражания, которые ассоциируются с неким реальным звучанием, так и подражания, утратившие связи с изобразительной лексикой и допускающие лишь этимологическую реконструкцию. К последним относится ряд глаголов говорения с доминантой [r] и именных частей речи, в которых значение ‘тишина’ реализуется посредством доминанты [m].

Дифференциальными признаками звукоподражаний с доминантой [r] следует признать ‘громкий’, ‘резкий’, ‘грубый’, вызывающие неприятные ощущения. Согласному [m], напротив, присущи признаки ‘тихий’, ‘спокойный’, ‘нежный’, что обусловлено акустико-артикуляционными характеристиками звуков и представляет собой одну из языковых универсалий в сфере ониматопеической лексики.

Глава III

Интерпретация зрительного восприятия формы объектов

В данной главе выявляются ключевые моменты перехода от чисто акустических характеристик стимула к описаниям зрительного восприятия формы объекта. Известно, что при повторении звука возникает образный отклик, так как звук, благодаря ассоциации по смежности, связывается с ситуацией, когда он раздавался. Повторение звука, как правило, многократное, вне натуральной, характерной для него ситуации, благодаря механизму ассоциации, закрепляет ассоциативную связь между картиной, рисующейся в представлении индивида, и самим звуком.

Впервые на синестетический перенос «слух – зрение» в монгольском языкознании указал Л. Д. Шагдаров, выдвинувший предположение о том, что «развитие образной семантики в ономастических корнях происходит на основе представления того или иного звучания с физическими свойствами звучащего предмета (размеры, форма, вес и пр.). Предпосылкой такого развития в звукоподражательных корнях является ассоциация представлений. Восприятие того или иного звучания, изображаемого звуками нашей речи, сопровождается восприятием внешнего вида того предмета, который издает этот звук. Между образом звука и образом предмета, его издающим, образуется ассоциация, ввиду того, что восприятие звука и предмета происходит одновременно или же последовательно одно за другим. При воспроизведении образа звука воспроизводится и образ предмета, представление о предмете. Таким путем звукоподражательный комплекс связывается с образом предмета, благодаря чему в нем развивается образное значение» [1962, с. 131].

Изменение этимологии слова от его возникновения до настоящего времени, по мнению В. Н. Топорова, удобно представить как своего рода преобразование под влиянием воздействия различных «операторов». «Выяснив, какого типа преобразования осуществлялись в истории этого слова, и, определив последовательность действия «опе-

раторов», можно получить возможность для внутренней этимологической реконструкции. Под «операторами» же при этимологическом анализе полезно иметь в виду все те структурные изменения, которые отразились на судьбе данного слова (изменения в составе фонем или в их отношениях; введение или снятие некоторых ограничений, налагаемых на структуру слога; изменение словообразовательной модели; перераспределение в структуре семантических полей и т. д.)» [Топоров, 1960, с. 58]. В качестве «операторов» в истории монгольских слов, содержащих информацию о форме объекта, на наш взгляд, можно выделить моменты перехода от звукоподражаний к форме объекта.

3.1. Образные лексемы с доминантой [r]

Безусловно, не все ономатопы оказались в состоянии развить образ. Среди корней с доминирующим согласным [r] нами выявлено 5 ономатопов, на основе которых развилось 5 генеральных признаков (ГП):

– ономатоп *ar,⁴³ передающий рычание диких зверей, со временем начал порождать в сознании референтов образ острых, оскаленных, торчащих зубов и послужил основой для признака ‘торчащий, остроконечный’;

– ономатоп *kir, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором, ножницами, пилой), дал ряд лексем с ведущим признаком ‘ровный, прямой’;

– ономатоп *bur, передающий бурление, журчание воды, постепенно стал служить для вербализации признака ‘круглый; курчавый’;

– ономатоп *sar, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, породил признак ‘круглый, зияющий’;

– ономатоп *ter, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины, стал предпосылкой для развития признака ‘надутый, пузатый’.

Как видно, развитие зрительного образа на основе звукоподражания шло по линии выделения специфического сенсорного содержа-

---

⁴³ Из большого количества фонетических вариантов нами выбран корень, наиболее характерный для передачи указанного звучания.

ния, т. е. наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Именно эти звукоподражательные корни дали начало обширным семантическим корреляциям с незвуковыми номинативными единицами. По замечанию Е. С. Кубряковой, термин «восприятие» равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ» [1996, с. 17].

Под образами, или образными откликами, понимаются представления, возникающие в сознании при предъявлении того или иного слова. Они обладают такими признаками, как «высокая информационная емкость, многомерность, способность выступать в форме процесса и результата и разворачиваться на разных уровнях организации перцептивной системы» [Барабанщиков, 2000, с. 205].

В качестве основных составляющих внешнего вида объекта, как правило, рассматриваются форма, размер и цвет. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что значения ряда лексем с корневыми согласными [r/m], характеризующих размер, возникли на базе восприятия формы.

3.1.1. ГП ‘Нечто торчащее’

Среди выделенных нами генеральных признаков особо разнообразен по воплощению и продуктивен по семантическому развитию признак ‘торчащий’, который мы рассмотрели в 2 разных проявлениях: ‘остроконечный’ и ‘растопыренный’, внутри которых в дальнейшем развились признаки, отображающие длину и размер.

3.1.1.1. ‘Нечто остроконечное’

В связи с тем что генеральный признак согласного [r] ‘торчащий’ развился на основе образа торчащих зубов диких животных, сопровождаемого звуком их рычания, большое количество корней семантически связано с референтом ‘клыки; зубы’. Приведем перечень морфем, оформляющихся суффиксом *-yar*, в которых реализуется данный признак:

1. Тип $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arjayı-* ‘оскаливать зубы’ [Kow., p. 163], мо. *арзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзахар* ‘оскаленный’; п.-мо. *orsuyur*, мо. *орсгор* ‘выдающийся вперед, торчащий; кривой (о зубах)’, ойр. *орсаа-* ‘торчать’; ср.-мо. *irjai-* [МА, с. 198], пкл.-мо. *irjai:-* [Tum., p. 418], п.-мо. *irjai-* ‘разевать рот или пасть’ [Kow., p. 325], мо. *ярзгар*, бур. *урзагар*, *урһагар*, калм. *урзһр* ‘с оскаленными зубами’, ойр. *урзээ-* ‘обнажать зубы’; п.-мо. *irtayi-* ‘разинуть, полурасстворить рот’ [Там же, p. 324], мо. *яртгар* ‘высокомерный, надменный, с кислой миной’, калм. *иртң* ‘несмыкающийся (о рте, губах)’, ойр. *иртээ-* ‘скалить зубы, ухмыляться’.

В тюркских языках *ыржай-* ‘осклабиться; выступать; улыбаться’ рассматривается Э. В. Севортыном как производный глагол, образованный с помощью словообразовательного аф. *-жай* от основы **ыр ~ *ар* в образно-подражательном значении. Эти основы являются, по утверждению автора, общими для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В последних отмечаются следующие формы: эвенк. *ирзарга-* ‘скалить зубы (о собаке)’, нан. *ирза-ирза би* ‘лязг зубов волка’ [ЭСТЯ, 1974, с. 664].

2. Тип $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *yarabayar* [Less., p. 428], мо. *ярвагар*, бур. *урбагар* ‘высокомерный, с кислой миной’, калм. *ярва-* ‘корчить гримасу; быть надменным’; п.-мо. *marjai-*, мо. *марзай-* ‘расплываться в улыбке’, бур. *марзай-*, *шарзай-*, ойр. *марзаа-* ‘осклабиться; показывать белые зубы’; п.-мо. *dorsuyur* [Kow., p. 1894], мо. *дорсгор* ‘выдавшийся вперед, наружу (о зубах)’, калм. *дорсаа-* ‘выдаваться вперед’; бур. *мирзай-* ‘осклабиться, расплыться в улыбке’; *мирмай-* ‘искажаться (о лице)’, *бирбагар* ‘имеющий недовольный вид’; *биртагар* ‘гримасничающий; некрасивый (о лице)’, калм. *биртэ-*, ойр. *биртээ-* ‘печалиться, огорчаться’.

Признаки ‘раскрытый, разинутый’ реализуются в прилагательных пкл.-мо. *darbayar* [Tum., p. 362], п.-мо. *darbayar* [Less., p. 232], *larbayar*, мо. *дарвагар*, *ларвагар*, калм. *дарвһр*, ойр. *дарвахар*; бур. *зарбагар*, *зарпагар*, *зурбагар*. Данные значения, характеризующие

форму рта, по всей видимости, развились на основе образа ‘оскаленный’, о чем можно судить, исходя из значений бур. *жарбагар* ‘большой, с оскалом (о рте)’. В корне с мягкорядной вокалической огласовкой признак соотносится с иным референтом: мо. *дэрвэгэр*, бур. *дэрбэгэр*, калм. *дөрвһр* ‘широкий (об отверстии, верхе посуды)’; п.-мо. *derbeger* ‘имеющий широкою грудь; толстый сверху, а внизу тонкий’ [Kow., p. 1770].

От корня *čurb с основным значением ‘с широко раскрытым ртом’ образованы названия птенцов: п.-мо. *čurba* [Там же, p. 2221], мо. *сурав* ‘птенец (домашних и диких птиц); крупный птенец, выводок фазана и других птиц; оперяющийся птенец’; п.-мо. *čurbang*, мо. *цурван* ‘большой цыпленок, молодка’; п.-мо. *čurbay-a* [Там же], мо. *цурвага*, баргуз. *зурбаахай* ‘цыпленок, птенчик’. Тот же мотив номинации наблюдается в синониме п.-мо. *ангүагаи*, мо. *ангаахай* ‘птенец’. Известно, что птенцы, как и другие детеныши, отличаются относительно крупным клювом, широко раскрывая который, они дают о себе знать родителям. Бур. *сурба* функционирует лишь в переносном значении ‘ребенок; многодетный’.

В бур. *зурбагана-*, *зуртагана-* ‘городить чепуху; вести себя легкомысленно, кривляться’ так же, как и в мо. *марзгана-* ‘кривляться, дурачиться; быть упрямым, капризным, противным’ значения развились на основе образа ‘широко раскрывать, искривлять рот’. Признаки ‘крупный; грубый (о чертах лица)’ реализуются в п.-мо. *marliyar*, мо. *марлигар*, бур. *марзагар*, калм. *марзһр*; бур. *марьягар*, *мархигар*; бур. *зархагар* ‘с развитыми челюстями; скуластый’.

Кроме зубов, корни с доминантой [r] могут характеризовать форму ушей человека, лошади и других животных. Поскольку уши лошади имеют заостренную форму, можно предположить, что эти корни первоначально соотносились с очертаниями ушей животных, а впоследствии были перенесены на форму ушей человека. Признаки ‘торчащий, стоячий, острый; оттопыренный’ реализуются в прилагательных: п.-мо. *derdeger* [Less., p. 253], мо. *дэрдгэр*, калм. *дэрдһр*; п.-мо. *derĵigir*, мо. *дэржгэр*, бур. *дарбагар*, *дарбигар*, *дэржэгэр*, *дэрхэгэр*; п.-мо. *derčigir*, мо. *дэрчгэр*; п.-мо. *dermeger*, мо. *дэрэмгэр*; калм. *дөрчһр*, бур. *дэрсy-* ‘оттопыриваться’; п.-мо. *sartang* [Kow., p. 1337], п.-мо. *serteger*, мо. *сэртгэр*, бур. *һэртэгэр*, *һэрхэгэр*, калм. *сертһр*,

серкэ- ‘стоять торчком’, ойр. *serteger*; п.-мо. *ǰerteǰer*, мо. *зэртгэр*. В ряде прилагательных развивается значение ‘настороженный, пугливый, дикий’: п.-мо. *sortuǰur*, мо. *сортгор*, бур. *һүрмэгэр*, *һортогой*; ойр. *сорта-*, *сормаа-* ‘смотреть настороженно, приподняв уши’.

В тунгусо-маньчжурских языках: нан. *корбо-корбо* ‘наострить уши’; *лэrbэ-лэrbэ* ‘большой, оттопыренный (об ушах животных с тонкими ушными раковинами)’; *чэрэ-чэрэ* ‘сильно наостренные (об ушах животных)’ [Киле, 1972, с. 117, 134, 186], эвенк. *лэrbэмэ*, нег. *лэjбэ-лэjбэ* ‘торчком’, ульч. *лэлбэрэк* ‘насторожив уши’ [ССТМЯ, 1975, с. 518], эвенк. *чурпурāңчи-*, *чэrbэжэ* ‘насторожить уши’, а также як. *чөрбөi-* ‘удивляться; настораживать уши’ [ССТМЯ, 1977, с. 417, 421].

ЛСП «Животный мир»

Как известно, дикие животные делятся на 3 класса: плотоядные (лат. *Carnivore*), питающиеся преимущественно мясом; травоядные (*Herbivore*), питающиеся в основном растительной пищей, и всеядные (*Omnivore*) (в том числе человек), употребляющие в еду и то, и другое. По стратегии питания плотоядных животных можно также условно разбить на 2 класса – хищников и падальщиков, которые, однако, не взаимоисключающие [<http://ru.wikipedia.org>].

Плотоядные животные, как хищники, так и падальщики, в монгольских языках обозначаются лексемой п.-мо. *ariyatan* [Kow., p. 148], мо. *араатан*, бур. *араатан*, калм. *аратн*, ойр. *араатан* ‘имеющие клыки, клыкастые’, которая образована с помощью собирательного суффикса *-tan* от производящей основы *ariya*. Как видно, корень **ar* образует название именно того вида зубов конусовидной формы, на основе которого произошел перенос из слуховой модальности в зрительную: ср.-мо. *ara'a* [SH], *aratai* [HY, p. 10], *aral* [IM, p. 432], *ari'ā*, *nari'ā* (*hari'ā?*) [MA, с. 105, 246], пкл.-мо. *aray-a*, *araya* [Tum., p. 302], п.-мо. *araya* [Less., p. 47], мо. *араа*, бур. *араан*, калм. *аран*, ойр. *араан*, орд. *arā*, даг. *arā*, бао. *arэ*, ж.-уйг. *arā*, мнгр. *arā*, *rā* [EDAL, p. 316] ‘коренной зуб, клык; шестерня’, находящий параллели в других алтайских языках: Птунг. **(x)ar* ‘росток, клык; зубец инструмента; название цветка (лютик, пострел)’, Птюрк. **Ariḡ* ‘клык’ [Там же, p. 315–316]. Ср. также эвенк. *сурка* ‘клык животного’, эвен. *һурқъ* ‘клык; би-

вень (моржа)’ и др. [ССТМЯ, 1977, с. 130]. С данной лексемой фонетически и семантически сопоставимо п.-мо. *γarangγ-a*, мо. *гаранга*, орд. *араҕҒа* [EDAL, р. 316] ‘лишние зубы (у жеребят)’.

«Дикие животные (плотоядные)»

В данном разделе рассмотрены названия плотоядных животных, возникших на основе признака ‘острый, торчащий (о зубах)’, в которых наиболее близка связь между звукоподражанием (рык, рычание) и образом.

Ср.-мо. *arслан* [МА, с. 106], пкл.-мо. *arслан* [Тум., р. 306], п.-мо. *arsalan* ~ *arслан* [Kow., р. 159], мо. *арслан*, бур. *арсалан*, калм. *арслң*, ойр. *арсалаң* ‘лев’, бесспорно, относится к тюркизмам. Доказывая факт заимствования лексемы монгольскими языками из тюркских, Э. В. Севортян объясняет этимологию следующим образом: «*арслан* – название носителя процесса, образованное афф. *-лан* от *арс* – подражания рычанию диких зверей, лаю» [ЭСТЯ, 1974, с. 178]. А. В. Дыбо, считая сомнительной производность от *ars-* ‘скалить зубы’, допускает возможность производности от *arsal* ‘рыжий’ [СИГТЯ, 2001, с. 158]. П.-мо. *ersleng* ‘вид пятицветного льва’ [Kow., р. 256], *ersleng* ‘мифический пятицветный лев или животное, поедающее тигров’ [Less., р. 331], мо. *эрслэн* ‘львица’, ма. *эрсэлэн* ‘львица; миф. лев (с желто-желто-красной или желто-зеленой шерстью)’ [ССТМЯ, 1977, с. 465] представляет собой мягкорядный вариант лексемы *арслан* ‘лев’.

Примечательно название насекомого п.-мо. *arkilang*, мо. *архилан* ‘муравьиный лев’, семантическая и морфологическая структура которого напоминает *arслан* ‘лев’. Можно предположить, что данная лексема возникла от *арслан* на основе чередования ауслатных согласных [s/q], поскольку звукоподражательное происхождение лексемы, по всей видимости, исключено. Русское название ‘муравьиный лев’ дано в связи со своеобразным хищным образом жизни личинки насекомого, которое «сооружает в сухом песке воронку с осыпавшимися краями и, зарывшись в ее дно, подстерегает мелких насекомых. Жертва скользит вниз и попадает в цепкие, как капкан, челюсти личинок муравьиного льва» [<http://www.3planet.ru>].

Лексема, номинирующая тигра, в монгольских языках выражается с помощью корней типа *CVC* и *CVCC*: ср.-мо. *bars* [IM; LH], пкл.-мо. *bars* [Тум., р. 316], п.-мо. *bars* [Kow., р. 1109], *bars*, *bers*

[Less., p. 88, 100], мо. *бар*, *барс*, бур. *бар*, *барас*, калм. *барс*, ойр. *бар*, *барс*, дунс. *басы*, бао. *бас* ‘тигр, барс’. В тюркских языках *барс* в разных фонетических вариациях встречается в значениях ‘тигр; барс; пантера, леопард; рысь; лев; ягуар; хищное животное’. Большинство алтаистов склоняется к мысли, что это слово заимствовано из персидского языка: *pārs* ‘леопард; барс, пантера’ [ЭСТЯ, 1978, с. 69]. А. В. Дыбо относит термин к числу «бродячих слов» [СИГТЯ, 2001, с. 157]. Так же, как и *арслан*, он через образ ‘оскаленный’ может восходить к ономотопу (*бар-р!* (о рычании)).

П.-мо. *baraqai*, мо. *барай* ‘разновидность барса’ следует отнести к хронологически поздним образованиям. В лексеме п.-мо. *bartadai*, мо. *бармаадай* ‘питон тигровый’, очевидно, имела место вторичная номинация

от *барс* ‘тигр’, обусловленная окраской этой змеи, схожей с окраской тигра. Замена ауслатного глухого щелевого согласного [*s*] на носовой сонант [*m*] (**bars* → *barm*), вероятно, связана с необходимостью «смягчить» основу, номинирующую уже не хищное животное с острыми зубами, а гибкую, извивающуюся змею. В данном случае произошло отвлечение от формы объекта с дальнейшим выделением сходства цвета в качестве основы обобщения.

В Алтайском словаре восстанавливается Пмонг. форма **ber* ‘волчонок’ на основе следующих форм: ср.-мо. *borte čino* [SH], п.-мо. *beltereg*, *belterge* [Less., p. 98]; *berte činua*, *bortu* [Там же, p. 128]; мо. *бэлтэргэ*, бур. *бэлтэргэ*, калм. *белтргэ* ‘молодой волк’, ойр. *белтерге* ‘волчонок’. На алтайском уровне Пмонг. **ber* ‘волчонок’, по мнению составителей EDAL, сопоставима с Птунг. **birin* ‘самка хищника (медведя, тигра)’ и Птюрк. **börü* ‘волк’ [EDAL, p. 343–344].

Как отмечает Г. Рамстедт, «мо. **beltereg* представляет собой результат регулярной метатезы < **berteleg*. Мо. *bortu* (*berte*) *činua* переводится ‘сивый волк (имя легендарного предка Чингисхана)’ и *bortu* зафиксировано в [Less., p. 128] как ‘пегий, сивый, серый’, но в действительности он в основном используется с *činua* и, скорее всего, пер-

воначально восходит к тому же корню, что и *beltereg*» [Ramstedt, 1935, p. 42].

О. М. Ковалевским зафиксировано первоначальное значение лексемы п.-мо. *bertegčün* ‘щенок (медведя, волка)’, далее ‘детство⁴⁴; глупость, невежество’ [Kow., p. 1128], в котором восстанавливается тот же корень **bert*. Следует отметить, что в современных языках сохранились лишь ее переносные значения: мо. *бэртэгчин* ‘неразумный, глупый’, бур. *бэртэгшэн* ‘простой, обыкновенный; рядовой’, причины возникновения которых без значения ‘щенок’ было бы трудно выявить. В преклассическом монгольском языке лексема уже функционирует в качестве определения: *bertegčün amitan* ‘неразумные существа’ [Tum., p. 118], у Ф. Лессинга также дано переносное значение: *bertegčün* ‘глупость, невежество’ [Less., p. 100].

Тот факт, что лабиальный [b] встречается в анлауте *bars* ‘тигр’, *barkira-* ‘рычать’, мягкорядный [e] представлен в варианте Ф. Лессинга *bers* ‘тигр’, *ersleng* ‘львица’, позволяет с большой долей осторожности включить лексемы *beltereg* < **berteleg*, *bertegčün* в приводимый ряд хищных животных, номинация которых происходила на основе восприятия оскаленных клыков. Сема ‘молодой хищник’ эксплицируется и в п.-мо. *sirayıqa* [Kow., p. 1520], мо. *шурайх* ‘рысий щенок, рысенок’, образованном от корня **sir* и отличающимся неясностью морфологического состава. Предположительно, исходной была форма **siraqai*, в которой в дальнейшем дифтонг из состава форманта «переместился» на морфемный шов.

Тюркское название другого животного *syrtlan* ‘гиена’, не имеющее аналога в монгольских языках, А. В. Дыбо склонна возвести к основе *syrt* ‘щетина на спине’. Выделяя словообразовательный аффикс *-lan* в *arslan*, *syrtlan* и *kaplan* ‘большой хищник семейства кошачьих’, автор отмечает, что эти слова обладают затемненной производящей основой, относятся к раннеобщетюркским и «производят впечатление более поздних, возможно, табуистических наименований, словообразовательно затемненных в силу морфологической перестройки» [СИГТЯ, 2001, с. 158–159].

В монгольских языках корень **sert* придает производным следующие признаки: п.-мо. *serteger*, мо. *сэртгэр*, бур. *хэртэгэр*, калм.

---

⁴⁴ П.-мо. *bertegčün-ü čay* ‘малолетство’ [Kow., p. 1128].

сертхр, ойр. *сертегер* ‘выступающий, торчащий; оттопыренный’. Ср. п.-мо. *serteng*, мо. *сэртэн* ‘стоячий; позвоночный отросток’; тюрк. *syrt* ‘щетина на спине’ < ‘нечто жесткое, торчащее’. На холке гиен действительно растёт редкая грива, по которой могло быть названо животное. Хотя если придерживаться применимости рассматриваемого в данном разделе признака в номинации хищных животных, можно предположить, что эта категория падальщиков, равно как и «эвенк. *Жаргул*, ульч. *Жаргул* ‘шакал’, нан. *Жаргулу* ‘красный волк’, ма. *Жархө~Жарху*, *Жархун*, *Жарху н’хэ* ‘шакал, гиена» [ССТМЯ, 1975, с. 253], также могла быть названа по оскаленным зубам.

К данному семантическому полю логически следует отнести п.-мо. *irbis* [Kow., p. 324], мо. *ирвэс* ‘леопард; барс; пантера; пума’, исходя из признаков *irb ‘недовольно сморщившийся (о лице)’, *irʃ ‘оскаленный (о зубах)’. Однако не менее вероятной представляется точка зрения Т. А. Бертагаева, считавшего, что «*ирвис* ‘сибирский барс’ происходит от глагола *ирбэхэ* ‘мельтешить, мелькать, быстро двигаться» [1973, с. 177]. А. В. Дыбо склоняется к точке зрения Дж. Клосона о том, что формы современных тюркских языков типа *irbiz*, *irbis* ‘пантера, леопард’ являются «обратными заимствованиями из монгольского. Современные формы типа *ilbirs* <...> следствие контаминации *irbiš* и *jö:l-barš*» [СИГТЯ, 2001, с. 156–157].

Рассмотрим название другого хищного животного ср.-мо. *kirsa* [НУ, p. 10], п.-мо. *kirsa* [Kow., p. 2553], мо. *хярс*, калм. *кирс*, орд. *girsa* [EDAL, p. 651] ‘корсак; серая степная лисица’. В тюркских языках *қарсақ* ~ *қарсаң* имеет значения: ‘степная лисица; общее название для рыскающих зверей: волка, лисицы и т. д.; шакал; песец и др.’ «М. Ряснен полагал, что тюрк. *қарсақ*, мо. *kirsa* и ма. *kirsa* восходят к единой праформе. Дж. Клосон относил мо. *kirsa* к ранним заимствованиям из тюркского. В тунгусо-маньчжурских языках отмечены: эвенк. *кирса*, *кырса* ‘песец, ласка’, эвен. *кырса* ‘песец’, возводимые к як. *қырса* ‘песец’, которое, в свою очередь, рассматривается как монголизм. Ороч. *хаса*, ма. *кирса* ‘корсак’, уд. *ка^hи*, нан. *харсă* ‘куница’ сближаются как закономерные соответствия с мо. *кирса* и тюрк. *қарсақ*. Общий корневой элемент *қарс так и не объяснен» [ЭСТЯ, 1997, с. 313–314].

Допуская то, что названия рассмотренных выше хищных зверей через посредство образных корней восходят к ономотопам (*arslan* < *arkira-*, *bars* < *barkira-*), то логичным кажется возведение названий более мелких рыскающих хищников к звуко-символическому корню *kirs ‘оскаленный’, возникшему на базе звукоподражания: бур. *xup-xup хуса-* ‘лаять *xup-xup*’, мо. *хиар-хип* ‘крик хищных птиц и зверей’. Возможно, на определенном этапе развития языков корень *kirs также стал ассоциироваться с зубами мелких хищников. Вокалическая огласовка корней **ar/bar*, *bert, **ir/kir/sir* подтверждает выявленную Л. Д. Шагдаровым тенденцию «обозначать словами с гласными твердого ряда более значительное, большое по размеру, а словами мягкого ряда – слабое, малое» [1962, с. 112].

«Дикие и домашние животные (травоядные)»

Класс травоядных в монгольских языках обозначается лексемой п.-мо. *görügeten*, мо. *гөрөөтөн* ‘травоядные’, которая в паре с *араатан* ‘плотоядные’ образует сложное слово с собирательным значением *араатан гөрөөтөн* ‘звери’. Подобное использование лексемы существенно для выявления мотивирующего признака корня *gör. В контексте нашего исследования можно предположить, что корень *gör, передавая значение ‘нечто торчащее, остроконечное’, номинировал рога травоядных животных: антилопы, козы, косули и др. (У). Если *ariyatan* означает ‘обладающие клыками’, то *görügeten* можно интерпретировать как ‘обладающие рогами’⁴⁵.

Данное значение корней **gör/gur* контаминирует со значением корня **qur/qurč* в ср.-мо. *qurča* [HY, p. 54; SH; IM; MA, с. 311], пкл.-мо. *qurča* [Tum., p. 537], п.-мо. *qurča* [Kow., p. 972], мо. *хурца*, бур. *хурса*, калм. *хурца*, ойр. *хурца*, орд. *Gurča*, даг. *horčîn*, *korečîn*, ж.-уйг. *qurča*, мнгр. *хурца* [EDAL, p. 747] ‘острый, наточенный’. Пмонг. *qurča сопоставляется с Птунг. **kōri-* ‘вырезать, выдалбливать’, Птюрк. *Kurč ‘острый; твердый (о стали)’ [Там же], где процес-

---

⁴⁵ Привлекает внимание фонетическая близость корня *gör англ. *horn*, нем. *horn*, фр. *corne*, итал. *corno*, исп. *cuerno*, рус. *рог*. По замечанию Ж. М. Тамбиевой, «в древнеанглийском языке зафиксированы параллели названий рогатых животных со значением ‘рог’ (др.-англ. *raga* ‘косуля’)» [2003, с. 72].

суальное значение Птунг. формы, возможно, восходит к ономотопу. Семантически сопоставимы эвенк. *пурта* ‘нож’; коми *пурт*, удм. *пурт* ‘нож’; эвенк. *һурқан* ‘нож’; сол. *ш’урухă* ‘нож’ [ССТМЯ, 1977, с. 44, 327, 426].

Ср.-мо. *gore'e*, *gore'esun* [SH], *görēsün* ‘дикая коза’ [IM; MA, с. 172], пкл.-мо. *görüge:sün* [Tum., p. 408], п.-мо. *görügesü(n)* [Kow., p. 2644], мо. *гөрөөс*, орд. *gorǭs*, мог. *gor[ä]sun*, даг. *gurēs*, *gurēse*, ж.-уйг. *görösən*, мнгр. *korosə* [EDAL, p. 574] означает как общее, так и частное, причем развитие семантики, по всей видимости, шло от частного к общему: ‘зверье; дикое животное (преимущественно травоядное); антилопа’. В бур. *гүрөөһэн* ‘дикая коза, косуля’, калм. *гөрәсн* ‘антилопа-сайгак’ номинирует только частное, в то время как ойр. *гөрәәсен* – только общее ‘дикое животное’. Выглядит релевантной предложенная в Алтайском словаре в качестве параллели к Пмонг. *görüye Пкор. форма *kòráni* ‘олень, лось’. Менее вероятной кажется связь с Птунг. **gurta-/gurna-* ‘заяц; белка; горностай’ [Там же].

Согласно мнению В. И. Рассадина, *görügesün* ‘дикое животное; антилопа’ образовано с помощью суффикса *-sün* от именной основы *görüge* ‘охота, дичь’ [2008, с. 149].

Фонетические варианты **yur/ker/ger* дали п.-мо. *yura* [Kow., p. 1038], мо. *гур*, бур. *гуран*, калм. *һуран* ‘гуран, самец косули (в период, когда у него опадают рога)’; п.-мо. *keregčín* [Там же, p. 2513], мо. *хэрэгчин* ‘сайга-самка; самка косули’; п.-мо. *ger-e görügesün* ‘самец сайги; единорог’ [Там же, p. 2505], *kers* ‘единорог’ [Там же, p. 2514], мо. *хирс* ‘носорог’.

По сведениям Т. М. Михайлова, буряты называли медведя не его собственным именем, а другими, табуированными: *хара гүрөөһэн* ‘черная косуля’, *хаан хүн* ‘царь-человек’, *дахатай үбгэн* ‘старик в шубе’ [1980, с. 72]. В последних 2 эвфемизмах «нельзя не увидеть осколок древнейшего представления о том, что медведь – это человек, сородич» [Там же, с. 73]. Первое же название *хара гүрөөһэн*, по всей видимости, связано с тем, что косуля представляла собой один из наиболее выгодных объектов для охоты: «...мясо косули было хорошо в любое время года, потому что было вкусным и в сухом, и в свежем виде» [Жамбалова, 2004, с. 106]. А. Н. Кононов указывает на дополнительные значения слова *кара* в тюркских языках: большой,

крупный; главный, великий, могучий [Кононов, 1978, с. 161–164], которые в полной мере применимы к характеристике медведя.

Встречаются также следующие лексемы, номинирующие антилопу: п.-мо. *ǰür* ‘сайга, коза’ [Kow., р. 2424], мо. *зур*, калм. *зур*, ойр. *зур* ‘дикая коза, косуля’, бур. *зүрэ(н)* ‘сайга, антилопа’, п.-мо. *sürsü*, мо. *сүрс* ‘длиннохвостая антилопа (на вид похожая на собаку)’; п.-мо. *orungya, orungyi* ‘мелкая порода антилоп’ [Там же, р. 449], мо. *оронго*, бур. *оронго* ‘вид антилопы’. Оформление последнего названия специфическим аффиксом *-ngyi* позволяет выделить корень **or*, от которого образовано п.-мо. *orun [görügesü]* ‘олень у бурят’ [Там же], мо. *op*, бур. *opo* ‘северный олень’. Ср. Птунг. **oran* ‘олень’, Птюрк. **orga* ‘самка или детеныш марала’ [EDAL, р. 1063]. К корню **or* также восходит п.-мо. *oryui* [Kow., р. 451], *oryuibči*, мо. *оргой*, *оргойвч*, бур. *оргой* ‘шаманский шлем с железными рожками’. Ср. эвенк. *лэрбэкӀ* ‘шапка (шаманская, из ровдуги, с бахромой)’ [ССТМЯ, 1975, с. 518].

Аффриката [ʃ] представлена в анлауте следующих обозначений оленя: п.-мо. *ǰari* ‘дикий олень’ [Kow., р. 2301], мо. *зарь*, бур. *зари* ‘кастрированный северный олень (старше четырех лет)’; п.-мо. *ǰoryul* ‘однолетний лосий теленок’ [Там же, р. 2405], мо. *зоргол* ‘однолетний олень; лосенок; гривастый баран’, бур. *зоргол* ‘годовалый изюбр’. «Птунг. **nargu-* ‘молодой лось’, Пмонг. *ǰorgul* и Птюрк. **jargun* ‘вид дикого четвероногого’ образуют западную изоглоссу» [EDAL, р. 1006].

Корни **arq/erk/derk/serk* дали следующие наименования диких животных: п.-мо. *aryali* ‘аргали, каменный или дикий баран; горная или дикая овца’ [Kow., р. 153], мо. *аргали*, бур. *аргали*, калм. *арһл*, ойр. *арһаль*, *арһа*, орд. *argali* [EDAL, р. 1503] ‘самка архара, горного барана; архар, горный баран, дикий баран’; п.-мо. *ergel*, мо. *эргэл* ‘дикий горный баран’; п.-мо. *dergel*, мо. *дэргэл* ‘высокогорный тур’ также названы по торчащим рогам. Ср. п.-мо. *derleyi-*, мо. *дэрлий-* ‘торчать на высоте’; бур. *дарагар* ‘расставленный, растопыренный’. На связь между тюрк. *арқар* ‘архар’ и мо. *аргали*, ма. *арғали* указывал А. М. Щербак [1961, с. 117]. Кир., каз., ккалп., алт. *арқар* Э. В. Севор-тян определяет как глагольное имя на *-р* со значением названия при-

знака от *арқа-*: ср. кир. подр. глагол *арқай-* ‘торчать во все стороны’ (о рогах животного) [ЭСТЯ, 1974, с. 176].

Авторы EDAL на основе значения ‘самка (архара)’ сопоставляют Пмонг. **(h)argali* с Птунг. **oru-n* ‘невестка (жена сына)’, Птюрк. **urag-* ‘самка’, отмечая главным образом тюркско-тунгусский характер изоглоссы: «Если мо. *argali* имеет к ней отношение, то тюрк. **arkar* ‘горный баран’ можно считать древним монгольским заимствованием, что, впрочем, сомнительно». Связь мо. *argali* с **araya* ‘клык’ они считают народной этимологией [р. 1503].

Возможно, к данному семантическому полю следует отнести п.-мо. *serke* [Kow., р. 1374], мо. *сэрх*, бур. *hэpxэ*, калм. *серк*, ойр. *серке*, орд. *серхе*, даг. *selek, selke*, ж.-уйг. *serke* [EDAL, р. 1283] ‘кастрированный козел’. Тюрк. *серк* ‘козел’ Г. Ф. Благова считает несомненным монголизмом, хотя А. М. Щербак предполагает, что наименования многих домашних животных, в том числе козы/козла, могли быть тюркскими, поскольку они стали известны монголам через тюрков, и выделяет в качестве производящей глагольную основу *әрик-* ‘облегчиться, ослабеть’. По мнению Г. Ф. Благовой, наиболее корректной выглядит версия А. Н. Кононова, раскладывающего *сэркә* на *сэр* ~ *эр* ‘самец’ и *-кә* (уменьшительный аффикс) [ЭСТЯ, 2003, с. 263]. Однако указание на форму рогов животного четко прослеживается в производных от корня **sar-*: в п.-мо. *sarayi-*, мо. *сарай-* ‘торчать как вилы или рога’; бур. *һарагар* ‘растопыренный; широко расставленные, раздвинутые (о рогах)’.

В основе номинации п.-мо. *šar* [Kow., р. 1452], п.-мо. *шар*, бур. *сар*, калм. *цар*, ойр. *цар* ‘вол, кастрированный бык’; п.-мо. *sarlaγ*, мо. *сарлаг*, бур. *һарлаг*, калм. *сарлг* ‘сарлык, як’, возможно, также лежит признак ‘с торчащими рогами’. Ср. п.-мо. *serü* [Там же, р. 1373], мо. *сэрүү*, калм. *орһһ* ‘носорог’; п.-мо. *erslig*, мо. *эрслэг* ‘единорог желтый’; п.-мо. *urt-a*, мо. *урам*, бур. *урам* ‘охотничий рог; манок’.

Лексема п.-мо. *irge* ‘легченный баран’ [Там же, р. 326], мо. *иргэ*, бур. *эрье*, калм. *ирг*, ойр. *ирге* ‘кастрированный взрослый баран, валух’ имеет тюркские параллели: тур. диал. *ирк*, кбалк., кир., алт. *ирик*, тув. *ирт* ‘холощенный баран; четырехлетняя овца’ [ЭСТЯ, 1974, с. 377], а также заимствована в тунгусо-маньчжурские: сол. *иргэ* ‘кастрированный баран’, ма. *иргэ* ‘кастрированный’ [ССТМЯ, 1975, с. 326].

Таким образом, фоносемантический анализ названий диких хищников, а также диких и домашних травоядных позволил выявить дифференциальный признак ‘острый, торчащий’, выраженный фонемой [r] в корне, в первом случае соотносимый с клыками животных, а во втором – с их рогами/рогом.

«Птицы»

П.-мо. *saralʃin*, мо. *сараалж(ин)*, *саралж*, калм. *саралжн* выступает в качестве главного компонента в сложных названиях некоторых птиц: мо. *бутын сараалж*, бур. *бутын хараалжан* ‘кулик болотный’, мо. *ойн сараалж*, бур. *ойн хараалжан* ‘вальдшнеп’ и мо. *хадны сараалжин*, бур. *хадын хараалжан* ‘бекас горный’. Объединяет этих 3 представителей отряда ржанкообразных общий признак – очень длинный прямой тонкий клюв, который, очевидно, и стал основой для номинации. «Башк. *харылыын*, алт. *сыралд’ин*, шор. *сарачын* ‘бекас’ считаются заимствованиями из монгольских языков» [ЭСТЯ, 2003, с. 216].

Кроме того, эти же птицы обозначаются с помощью корней **ʃar/qar*: п.-мо. *ʃарау*, мо. *зараг* ‘кулик, бекас’; п.-мо. *qaralʃi*, мо. *хараалж* ‘бекас; дупель’. Баклан-рыболов (п.-мо. *qarasu*, мо. *харс*) обладает длинным клювом с острым крючком на конце и острыми режущими краями, который позволяет этой птице с легкостью ловить рыбу.

Другая птица ср.-мо. *xarijača* [НУ, р. 14], п.-мо. *qariyačai* [Kow., р. 843], мо. *хараацай*, бур. *хараасгай*, калм. *харада*, ойр. *хараадаа*, орд. *xarāčā*, дунс. *qaranča*, мнгр. *xara(n)ciGə:*, *xarabʒaGē*, *xarančiGē* [EDAL, р. 652] ‘ласточка’, хоть и не обладает тонким клювом, однако отличается длинными, узкими и острыми крыльями и длинным хвостом хорошо выраженной вильчатой формы. Ср. бур. *хэрбээ* ‘стрелы ласточкиного хвоста’, бур. *харагар* ‘растопыренный; распростертый (о крыльях)’.

Тюрк. *қарлав*^о:ч ~ *қарлангач* ~ *қырлағуч* ‘ласточка’ Д. Х. Базарова вслед за М. Худайкулиевым относит к звукоподражательным словам. Однако, по справедливому мнению Л. С. Левитской, корень *қар в *қарға* ‘ворона’ едва ли отождествим с *қар в *қарлиғач*. Щebetание ласточки передается глаголами звукоподражательного происхождения, но не содержит имитатив *қар. Одним из путей народного переосмысления могло быть сближение с *қара* ‘черный’, так как верхнее оперение ласточек имеет темную окраску. Тот же признак, по предположению Л. С. Левитской, и в мо. *qarayaçai* ‘ласточка’ [ЭСТЯ, 1997, с. 308]. Сонант [r] представлен и в эвенк. *горивкӀӀ*, сол. *garācā*, нан. *кармор* ‘ласточка’ [ССТМЯ, 1975, с. 161, 399].

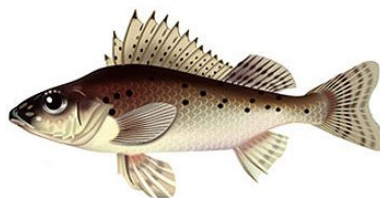
«РЫБЫ»

Дрожащий сонант [r] в основном участвует в образовании названий щуки, а также рыб, похожих на нее. Здесь представлены производные от корней **çord/şord/çur/şür*, давших п.-мо. *çordu* ‘пескарь, рыбка’ [Kow., р. 2221], мо. *цорд*, *шорд* ‘небольшая щука’, хорин. *сордо*, баргуз. *сордон* ‘шуренок’, сел. *шорд* ‘небольшая щука’, калм. *цурдг* ‘шуренок’; п.-мо. *çury-a*, мо. *цурга* ‘щучка, щука’; ср.-мо. *çuraqa* [SH], п.-мо. *çuruqai* [Kow., р. 2220], мо. *цурхай*, бур. *сурхай*, калм. *цурх* ‘щука’, калм. *цурдг* ‘шуренок’, которые названы так благодаря острой, вытянутой морде. Ср. п.-мо. *şoryur*, мо. *шоргор*, бур. *шорогор*, *шүрэгэр*, *шорбон* ‘острый, остроконечный’, *шорхогор* ‘островерхий (о головном уборе)’; п.-мо. *şornıyur*, мо. *шорногор*, бур. *шорногор* ‘остролицый (о человеке), остромордый (о собаке)’; *шүрдэгэр* ‘тонкий’, *шүрмэгэр* ‘узкий и худощавый (о лице)’, *шүрнэгэр* ‘острый (о клюве птицы, морде животного)’. Название п.-мо. *şürüü*, мо. *шүрий* ‘таймень’ связано с тем, что голова тайменя по форме напоминает голову щуки, поэтому на Урале тайменя называют «красной щукой».

В Алтайском словаре в качестве параллели дана Птунг. форма **čōr-* ‘щука; рыба молодь’: ма. *čurxu*; сол. *sōraldī*. Маньчжурская форма *čurxu* рассматривалась В. Розицким как монголизм, однако авторы EDAL склонны считать ее исконным словом (в отличие от эвенк. *čirukaj* ‘щука’) [EDAL, p. 452–453]. Для пратюрк. *čortan ‘щука; угорь’ А. В. Дыбо приводит внешнюю параллель мо. *čurkaj* ‘щука’, заимствованную во многие тюркские языки [СИГТЯ, 2001, с. 178]. Тот же мотив, на наш взгляд, заложен в п.-мо. *kirbi*, мо. *xurvi* ‘осетр сибирский’; нан. *kirпу*, ма. *kirфу* ‘осетр’ [ССТМЯ, 1977, с. 334], поскольку осетровые обладают конически заостренным рылом.

Основой номинации ерша п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг* ‘ерш’⁴⁶, несомненно, стали его многочисленные колючки, расположенные в спинном, брюшных плавниках, а также на жаберной крышке. На алтайском

уровне проводится сопоставление с «Птунг. **sarga-* ‘окунь; хариус; сиг; сельдь’, Птюрк. *sārV-gan ‘сазан; змей, дракон’» [EDAL, p. 1220]. Учитывая внешние параллели, А. В. Дыбо также предполагает, что Пратюрк. **sa:zgan* первоначально было названием колючей рыбы [СИГТЯ, 2001, с. 179].

Ср. п.-мо. *mörgü* [Kow., p. 2070], мо. *мөрөг*, бур. *мүргэ* ‘карп, сазан’; п.-мо. *kirüge niruγu* ‘название рыбы’ [Там же, p. 2550] досл. ‘пила-спина’; п.-мо. *serbege*, мо. *сэрвээ*, бур. *һэрбээ*, калм. *сервэ*, ойр. *сервээ* ‘спинной плавник (рыбы); зазубрина’; п.-мо. *serteng*, мо. *сэртэн* ‘стоячий; позвоночный отросток’.

Примечательно, что на основе восприятия колючек был назван и ср.-мо. *ǰari’ā* [МА, с. 201], п.-мо. *ǰaraya* [Kow., p. 2301], мо. *зараа*, бур. *заряа*, калм. *зара*, ойр. *зараа* ‘еж; колкий, колючий’ < нечто торчащее, острое (об иголках)’. «Сол. *ǰarā* ‘еж’ < мо.» [ССТМЯ, 1975,

⁴⁶ Рус. *ерш* и бур. *ермохи* ‘ерш’ имеют общий корневой элемент *yor, свидетельствующий о том, что в русском языке корень *ep/ēr* также может передавать признак ‘торчащий, колючий’: *ершить волосы*, *ерзать*, *ерничать*.

с. 252]. С помощью аффрикаты [ʃ] и дрожащего сонанта [r] достигается максимальная степень актуализации признака ‘колючий, торчащий’. А. В. Дыбо восстанавливает пратюрк. *tirpi, *kirpi* ‘еж’, предполагая, что формы с *k*- возникают под влиянием *kirpik* ‘ресницы, колючки’ или глаголов *kirpiš-* ‘становиться дыбом, топорщиться, шетиниться’, *kirpilän-* ‘сморщиваться, съеживаться’. В таком случае, по мнению автора, можно было бы восстанавливать пратюрк. *tirpi и связывать его с мо. *ǰaray-a* ‘еж’ (< *dirβa; этимология О. А. Мудрака) [СИГТЯ, 2001, с. 166].

ЛСП «Растительный мир»

Здесь рассматриваются названия растений и деревьев, обладающих шипами, колючками, иголками. Для именования шипов в монгольских языках используются корни **örg/sör/šör*: ср.-мо. *örgesün* [ИМ; МА, с. 278], пкл.-мо. *örgesün* [Тум., р. 511], п.-мо. *örgüsü*, мо. *өргөс*, калм. *өргөс*, *үргесн*, ойр. *үргесен* ‘заноза; шип, колючка; зубок (у маленьких детей)’; калм. *сөр* ‘большой гвоздь; заноза; кости рыбы’, *шөрэ* ‘шпоры; шипы’. Ср. Пяп. *irà ‘шип, колючка’ [EDAL, р. 315]. По наличию шипов назван п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, калм. *шөрг*, *сөр* ‘намордник для телят’.

В тюркских языках представлены тув. *өрген*, тоф. *өрген*, сойот. *өргэн* ‘колышек’, хак. *өрген* ‘кол; прикол для зимней привязи рабочих лошадей’, шор. *өрген* ‘кол’, чул.-тюрк. *өргән* ‘частокол’. У соответствий этих названий в хакасских диалектах В. В. Радлов фиксировал, с одной стороны, значение ‘гвоздь’, а с другой – ‘маленький столбик, столб для привязывания лошадей’, существование которого дает Б. И. Татаринцеву основание для возведения лексем к глагольной основе *өр-* ‘подниматься, вставать’. Их связь с як. *өргүүр* ‘кол, колышек, к которому привязывали жеребенка вскоре после его рождения’ и *өргөс* ‘острие коровьего рога; острие (обычно колющего и режущего оружия); колющее оружие’ также позволяет автору вычленить глагольную основу **өрге-* ~ *өргү-*, означавшую нечто вроде ‘заострять(ся); колоть, быть колющим оружием’ [2008, с. 406–407].

П.-мо. *sarnai*, мо. *сарнай* ‘роза (шиповник)’⁴⁷ восходит к образу ‘нечто с шипами, колючками’; п.-мо. *serteg*, мо. *сэртэг* ‘галения’ названа благодаря нектарникам в виде шпор на лепестках. У растения п.-мо. *arĵayan-a*, мо. *арзгана* ‘кузиния’ нижние стеблевые листья по краю выемчато-зубчатые с коротко заостренными зубцами.

Участие корня *qar в образовании ряда фитонимов также обусловлено наличием у них колючек (ср.-мо. *qar* ‘гвоздь’ [ЛН]). Так, у караганы (п.-мо. *qaraġana* [Kow., p. 831], мо. *харгана*, бур. *харгана*, *харганаан*, ойр. *харһана*) черешки листьев часто не опадают, как и прилистники, а одревесневают и превращаются в колючки. Кустарник п.-мо. *qartay*, мо. *хармаг* ‘селитрянка Шобера’ назван так благодаря его сильноветвистым колючим побегам. По мнению В. И. Рассадина, фитоним *qarġan-a* восходит к тюркскому названию акации [2010, с. 36]. В тюркских языках представлены 2 формы *қараған* и *қарағана* ‘желтая акация, карагана, золотарник’, первую из которых авторы ЭСТЯ относят к производным от *қара* ‘черный’ (ср. башк. диал. *қара ййләгй* ‘крушина’), вторую, судя по ауслаутному *-a*, – к заимствованиям из монгольских языков [1997, с. 294]. Тот же мотив выделим в п.-мо. *ürgene*, мо. *үүргэнэ*, бур. *үүргэнэ* ‘терн, терновник’, бур. диал. *үүргэнэ* ‘шиповник’.

Безусловный интерес представляют фитонимы ср.-мо. *arċi* [МА, с. 104], пкл.-мо. *arĵa* [Tum., p. 304], п.-мо. *arċa* [Kow., p. 161], мо. *арц*, бур. *арса*, ойр. *арца* ‘можжевательник’, калм. *арц* ‘можжевательник, кипарис’; п.-мо. *arċay* [Там же, p. 162], мо. *арцаг* ‘можжевательник казахский, сабина’. В тюркских языках распространена форма *arċyn*: др.-тюрк. *artuċ* ‘можжевательник’, алт., тув., башк., тат. *артыш*, аз. *артыч*, тур. *ardiċ* ‘можжевательник’. По предположению Э. В. Севортяна, лексема *arċyn* ‘можжевательник’ имеет иранское происхождение [ЭС-

⁴⁷ Ср. участие согласных [r] и [z] в рус. *роз*-а, лат. *rosa*, англ. *rose*, нем. *rose*, фр. *rosier*, итал. *rosa*, польск. *róża*, чешск. *růže*, *růžice*, эст. *roos*, лит. *rožė*, шведск. *ros*, венг. *rózsa* и др.

ТЯ, 1974, с. 183]. Э. Р. Тенишев считает, что «этимология *arčyn объяснима на тюркской почве: глагол *ary-* ‘очищаться’ + афф. *-čan: arčan* > *arčyn*. Такое предположение находит подкрепление и в общем соображении, что арабских и иранских заимствований в тюркских языках Сибири незначительное количество» [СИГТЯ, 2001, с. 130]. Вероятно, в основе номинации этого вечнозеленого хвойного кустарника лежит его внешний вид, точнее, острые иголки. Примечательно, что латинское название растения *juniperus*, а также кельтское *jenepirus* переводятся на русский язык как ‘шершавый; колючий’.

Наконец, лиственница сибирская (п.-мо. *qaryai* [Kow., p. 844], мо. *харгай*, калм. *харха*, ойр. *хархаа*) относится к хвойным породам, сонант [r] также представлен в корне бур. *зэргэнэ* ‘хвойник’. Тюрк. *карагай* ‘сосна; ель; лиственница; кедр; еловый лес, сосняк’ Г. Рамстедт возводил к *qara* ‘черный’. Г. Дерфер тюркскую форму *карагай* квалифицирует как монголизм. М. Рясянен сопоставляет тюрк. *qarayai* на урало-алтайском уровне: с фин. *kara* ‘твердый, сухой сук’, *karahka* ‘молодая пихта’, самод. *hāru, karu* ‘лиственница’, эвенк. *gara*⁴⁸, эвен. *gar* ‘сухая ветвь’, а также кор. *karak* ‘корейский дуб’. В. И. Рассадин восстанавливает тюркскую праформу *qadī, относящуюся к древнейшему общеалтайскому лексическому фонду, предполагая ее глубинную этимологическую связь с самод. **ka°ət*, поскольку известно, что самодийские племена ранее обитали в Южной Сибири, где они входили в контакт с древними тюркскими племенами [цит. по: ЭСТЯ, 1997, с. 291]. Э. Р. Тенишев рассматривает лексику как монголизм [СИГТЯ, 2001, с. 133].

Тот же признак ‘колючий (о хвое)’ восстановим в названии другого хвойного дерева: ср.-мо. *narasun* [НУ, р. 6], пкл.-мо. *narasu* [Тум., р. 477], п.-мо. *narasu* [Kow., p. 622], мо. *нарса(н)*, бур. *нархан*, ойр. *нарсан*, орд. *narasu*, даг. *nars, narsu, narese* [EDAL, p. 973] ‘сосна; пихта’. Н. Н. Поппе видит в качестве производящей основы существительное *нар* ‘солнце’ [Роппе, 1981, р. 388]. На алтайском уровне оно сопоставимо с эвен. *н’ерми* ‘лиственница’, *н’иргуқи* ‘хворост, сучья (ветки кедровника, сухие, с сухими иголками)’ [ССТМЯ, 1975, с. 654, 639]. Кбалк., кум., тат., башк. *narat* Э. Р. Тенишев вслед за М. Ряся-

---

⁴⁸ Эвенк. *кирē* ‘сук (прямой)’.

неном относит к заимствованиям из монгольских языков [СИГТЯ, 2001, с. 133].

ЛСП «Человек»

Морфемный анализ соматических терминов в монгольских языках позволил выявить ряд словоформ с дрожащим сонантом [r] в корне, большая часть которых относится к плечевому поясу. Известно, что рука, как и рот, является важнейшим органом человека, обеспечивающим жизнеспособность организма. В связи с этим в любом языке мира как сами части руки, так действия, совершаемые ими, в первую очередь нуждались в языковой интерпретации. Кроме того, рука представляла собой один из самых доступных для наблюдения и изучения объектов.

Ср.-мо. *qar* [HY, p. 46; SH; IM], *qar*, *qari* [IM], *γar* [MA, с. 175], пкл.-мо. *γar* [Tum., p. 397], п.-мо. *γar* [Kow., p. 1006], мо. *γap*, бур. *γap*, калм. *hap*, ойр. *hap*, орд. *Gar*, мог. *γar*, даг. *gari*, *gaŕ*, дунс. *qa*, бао. *xar*, ж.-уйг. *Gar*, мнгр. *Gar* [EDAL, p. 530] ‘рука, руки’, вероятно, восходит к образу ‘нечто торчащее, прямое; жесткое’, о чем свидетельствуют формы бур. *garaγap*, *γардаγap* ‘жесткий, твердый; жилистый’. В литературе по алтайским этимологиям мо. *γar* принято сопоставлять с тюрк. *qar*, *qari* ‘рука (верхняя часть); предплечье; голенная кость животного; различные меры длины’. Как отмечает А. В. Дыбо, возможность заимствования тюрк. **kar* ‘плечевая часть руки’ в монгольский или, наоборот, «исключается значительным смысловым расхождением между тюркским и монгольским словами. Неверно сопоставление данной основы с ма. *gala* < **ɣala* ‘рука’, фонетические необоснованное и оспариваемое, в частности, В. Д. Колесниковой, которая предлагает в качестве т.-ма. параллели **gara* ‘сухая ветка, сучок’; последнее <...> не относится сюда, имея ностратические параллели (в частности уральские) со значением ‘сучок, колючая ветка, шип’» [1996, с. 311]. Т. А. Бертагаев рассматривал согласный [r] в данном слове в качестве омертвевшего и крайне непродуктивного суффикса [1971, с. 105].

Если термином *γar* в монгольских языках обозначалась вся рука как активный орган, то ср.-мо. *čarbali* [LH], п.-мо. *čarbaγu* [Kow., p. 2113], мо. *царвуун*, бур. *сарбаа*, *сарбуу*, калм. *царв*, орд. *ts'arwū* [Дыбо, 1996, с. 226] ‘запястье, лучевая кость’; п.-мо. *sarbaγu*, мо. *сар-вуу* ‘часть руки от кисти до локтя’ обозначают ее части. По свидетель-

ству А. В. Дыбо, сев.-мо. *čarbaγu* заимствовано в тюркские языки: шор., куманд. *šarbak* ‘палец; медвежья лапа’. Лексему автор относит к категории отглагольных имен [1996, с. 226], М. Ряснен сближает ее с образным глаголом *sarba-* ‘разветвляться’ [Räs., р. 403а]. Ср. эвенк. *сарбаџак* ‘след (зверя)’, *сарбака* ‘палец (ноги); лапа; плюсна, ступня’, сол. *шарбаган* ‘палец (ноги)’ [ССТМЯ, 1977, с. 65].

Термины *čarbaγu*, *sarbaγu* восходят к образным корням **čarb/sarb*, признаки которых ярко проявляются в п.-мо. *sarbaγar* [Kow., р. 1336], мо. *сарвагар*, бур. *һарбагар*, калм. *сарһр*, ойр. *сарваһар* ‘торчащий; сучковатый; широко расставленный, раскидистый’; п.-мо. *čarbaγu*, мо. *царвуу* ‘растопыренный; расширяющийся кверху’; бур. *сарбаа һүхэ* ‘большой широкий топор’. Очевидно, что часть руки от локтя до кончиков пальцев воспринималась как ‘нечто торчащее; расширяющееся, разветвляющееся (на пальцы)’ (✋).

Не случайно числительное ср.-мо. *xarban* [HY, р. 43; SH], *harban* [LH; IM, р. 181], *hārban* [MA], п.-мо. *arban* [Less., р. 49], мо. *арван*, бур. *арбан*, калм. *арвн*, ойр. *арван*, орд. *arwa*, мог. *arbōn*, даг. *xarab*, *xarba(n)*, *harebe*, дунс. *haran*, *haruan*, бао. *harwanj*, *habran*, *hane*, ж.-уйг. *harwan*, мнгр. *xar(w)an*, *xarwan*, *xana* [EDAL, р. 1191] ‘десять’, также репрезентируемое с помощью корня *arb, отсылает к образу 10 растопыренных пальцев. Номинация связана с тем, что «монголы при изображении числа «десять» показывали свои пальцы» [Базаррагчаа, 1992, т. 218]. Здесь корень *arb, стремясь к субстантивации, оформляется конечным согласным [n]. Известна точка зрения Г. Рамстедта, сближавшего компонент *-ан* с тюрк. *on* ‘десять’ [1957, с. 66]. В Алтайском словаре также восстанавливается Пмонг. форма **ha-* ‘десять; весь, все’, которая сопоставляется с Птюрк. *ōn ‘десять’ [EDAL, р. 1191].

Закономерно, что соматизмы, обозначающие пальцы в монгольских и тюркских языках, также имеют дрожащий сонант [r] в корне. Термин ср.-мо. *quru'un* [HY, р. 46; SH], *qurūn* [LH], *qurγan* [IM], *quru'ū*, *qarūn*, *qurūn* [MA, с. 124, 145, 312], пкл.-мо. *quruγu:n* [Tum., р. 538], п.-мо. *quruγu(n)* [Kow., р. 964], мо. *хуруу*, бур. *хурган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, *хуруу*, орд. *xurū*, мог. *qurūn*, *qorun*, даг. *хорō*, дунс. *Gurun*, бао. *xur*, ж.-уйг. *χurūn*, мнгр. *xuri* [EDAL, р. 856] ‘палец, пальцы; спицы’ восходит к образу ‘нечто длинное, тонкое; торчащее’ (☞).

А. В. Дыбо на праалтайском уровне сопоставляет данную лексему с т.-ма. *xuru ‘горсть’, ма. *urun* ‘мера длины шириной в палец’, т.-ма. *xuru-n (адъективная форма) ‘копыто’ [1996, с. 317]. Кроме указанных параллелей, в Алтайском словаре приводятся Птюрк. **K[a]r̥guk* ‘палка, колышек’, Пкор. *karak ‘палец; палка’ [EDAL, р. 856].

В тюрк. *бармақ* (**par̥nak*) ‘палец; большой палец; ветвь или стель растении’ [ЭСТЯ, 1978, с. 66] возможна реконструкция образного корня *barm ‘нечто торчащее, растопыренное’. По предположению А. В. Дыбо, праформа данного соматического термина выглядела как «**par̥n̥nak* (*p слабое по огуз. рефлексам); чув. *n̥r̥ne*, а также тат. диал. *барңак* и тур. диал. *par̥nak* свидетельствуют о первичном *-*rn̥* или *-*r̥n̥*-, *-*rm̥*-, по-видимому, вторично. При такой реконструкции менее вероятно объяснение *бармақ* как отглагольного образования от алт. **bari-* ‘хватать, брать’ <...>. Однако перестройка **par̥nak* > *bar-tak* могла происходить под влиянием *barim ‘жменя, горсть’ или же просто по типичному суффиксу» [1996, с. 321].

Корни **barb/bart/parb* в монгольских языках активно участвуют в образовании названий пальцев: бур. *барбаадай*, *барбаахай* ‘дет. большой палец на руке’, эхир. *бартан туулай* ‘дет. указательный палец’, а также образуют прилагательные, характеризующие форму пальцев, рук: п.-мо. *paribaγar*, мо. *паривгар* ‘грубоватый и толстый’, бур. *барьягар* ‘корявый, скрюченный (о пальцах); грубый’. Ср. каз. *барбый-* ‘разбухать (о пальцах)’. Также на основе признака ‘торчащий’ возникло прилагательное п.-мо. *sorūγ*, мо. *сорог* [*хуруу*] ‘короткий палец’, бур. *һорог* ‘наполовину сломанный (о роге)’.

В данном контексте можно предположить семантическую связь между тюрк. *bir* ‘один’ и *бармақ* ‘палец’ на основе признака ‘нечто торчащее’ (в первом случае – о большом пальце). Следует отметить, что этимологию тюрк. *bir* Г. Рамстедт связывал с мо. *büri* ‘всё, все, каждый’, Ким-Ки-Сонь – с мо. *ori* ‘только, лишь, вовсе’ [цит. по: Болд, 2004, с. 95]. Авторы EDAL также сопоставляют тюрк. *bir* с Пмонг. *büri, Пяп. *pitə ‘один’ и Пкор. **piri-* ‘сначала, впервые, начинать’, отмечая, что Г. Дерфер сомневается в предложенном Г. Рамстедтом тюрко-монгольском сравнении по фонетическим причинам, которое может быть подтверждено: в тюркских языках часто проявляется вторичная делабиализация *-ir-*, *-il-* < *-*ür-*, *-*ül-* (в особенности после лабиальных) [р. 364].

Признаки ‘торчащий, оттопыренный’ применимы также к термину ср.-мо. *xeregai* [SH], *erke*, *herekeyin* (род. п.) [LH], п.-мо. *erekei* [Kow., p. 250], мо. *эрхий*, бур. *эрхы*, калм. *эркэ*, ойр. *эркээ*, орд. *ereḡi*, даг. *xereg*, *xergī*, *herehe*, ж.-уйг. *hermegči* [EDAL, p. 1138] ‘большой палец (на руках и ногах)’ (☞). Пмонг. **herekei* сопоставляется с «Птунг. **peru-* ‘большой палец’, Птюрк. **eryek* ‘палец, большой палец’» [Там же]. «А. фон Габен рассматривает тюрк. *еренгек* ‘большой палец’ в качестве производного, образованного от основы *ep ~ ерен* ‘муж, мужчина’ с помощью уменьшительного аффикса *-гақ/-қақ* и т. д., и внутреннюю форму рассматриваемого производного передает в виде ‘человечек’. Также у К. Брокельмана и М. Рясенена» [цит. по: ЭСТЯ, 1974, с. 299].

В п.-мо. *darabči* [Kow., p. 1664], мо. *даравч*, калм. *дарвч* ‘шпоры (у птиц); шпора’; п.-мо. *derebči*, мо. *дэрэвч* ‘шпоры у петуха’ сохраняется признак ‘торчащий’. Т. А. Бертагаев производит *даравч* от глагола *дара-* ‘давить, жать, ставить’ [1974а, с. 206]. В тюркских языках широко представлена лексема **darmaq* ‘лапа, когти; палец; разветвление’, которую А. В. Дыбо связывает с ног. *тарма-*, кир. *тарба-*, ккалп. *тарба-*, башк. *тарба-* и др. ‘разветвляться, растопыриваться’, по-видимому, производным от глагола **dar-* ‘расходиться, рассеиваться’ [СИГТЯ, 2001, с. 256].

В связи с тем что во многих языках мира количественные числительные первого десятка непосредственным образом связаны с обозначениями пальцев, их формой, длиной или выполняемой функцией, мы считаем возможным рассмотреть здесь числительные, имеющие доминанту [r]. Ю. М. Шилков, отмечая важную роль руки в освоении действительности, пишет: «Она активно ощупывает и фиксирует предметные сведения <...>. Она указывает на телесное происхождение столь абстрактных понятий, как количество, число, счет и скрывающихся за ними операциональных процедур» [1998, с. 90].

Происхождение числительного ср.-мо. *xurban* [HY, p. 42], *qurban* [SH], *qorbān* [IM], *γurban* [LH], *γurban*, *qurban* [MA, с. 179, 310], пкл.-мо. *γurban* [Tum., p. 401], п.-мо. *γurba* [Kow., p. 1039], мо. *гурав*, *гурван*, бур. *гурбан*, калм. *хурвн*, ойр. *хурван*, орд. *Gurwa*, мог. *γurbōn*, даг. *guarba(n)*, *guarəb*, дунс. *Guron*, *Guran*, бао. *Goraŋ*, *Gob-araŋ*, ж.-уйг. *Gurwan*, мнгр. *Gurān* [EDAL, p. 1032–1033] ‘три’, на наш

взгляд, можно связать с теми же признаками, что и в соматическом термине п.-мо. *quruγu(n)* ‘палец’ – ‘длинный, тонкий’. Д. Тумуртоого раскладывает лексему на следующие элементы: *γu-r-b-an* [Төмөртоого, 2002, т. 237]. Л. Болд отмечает, что корень *γu дал такие производные, как *γuna* ‘трехлетний бычок’, *γunaǰı* ‘трехлетняя корова’, *γurumusun* ‘состоящий из трех частей’, *γucın* ‘три десятка’, а также участвует в образовании числительного *ǰır-γu-γan* ‘шесть’ [2004, с. 98]. Г. Рамстедт пишет, что «...мо. *gurban* ‘три’, *gurmasun* ‘втрое скрученный канат (бечева)’, *gurmasula-* ‘сплести три пряди (в косу)’ связаны между собой так же, как тунг. *ilan* ‘три’ связано с основой *ilča-* ‘сплести’, от которой оно было произведено» [1957, с. 65]. Таким образом, все авторы полагают, что приводимые ими производные, включая *γurban*, восходят к древнему корню *γu с предполагаемым абстрактным значением ‘три’.

Тем не менее звуковой облик числительного *γurban* настойчиво говорит о том, что он имеет образную основу. Большое количество производных корней **γur/γurb* позволяет выявить его главный мотивационный признак: п.-мо. *γurayar*, мо. *γургар* ‘длинный и тонкий’, бур. *γурагар* ‘стройный’; п.-мо. *γurǰayur* ‘высокого роста, долговязый и тощий’ [Kow., p. 1042]. Признак ‘длинный’ реализуется и в эвенк. *куреј* ‘хорей (длинный шест для управления упряжными оленями)’ [ССТМЯ, 1975, с. 436]. Все это позволяет предположить, что корень *γurb номинирует именно средний палец, идущий третьим по счету, по причине того, что он и является самым длинным из пяти.

Логично допустить, что лексемы, обозначающие возраст животных (*γунан* и *γунжин*), возникли позднее, чем само числительное, и представляют собой результат словообразовательной деривации, сопровождавшейся усечением производящей основы *γurb. Последнего не произошло в случае с лексемой пкл.-мо. *γurbalǰın* [Тум., р. 401], п.-мо. *γurbalǰın*, мо. *γурвалжин*, калм. *γурвлжн* ‘треугольник’. Следует отметить, что формант *-lǰın* также является «надежным свидетелем» образного происхождения корня, поскольку сфера его «влияния» строго ограничена рамками звукосимволических образований. Лексему *ололжин* ‘многоугольник’, восходящую к наречию *олон* ‘много’, следует признать поздним образованием, созданным по

аналогии с другими лексемами, обозначающими геометрические фигуры. По всей вероятности, существительное *гурвалжин* первоначально имело значение ‘нечто вытянутое кверху, остроконечное’, впоследствии перешедшее в область математической терминологии.

Что же касается лексемы п.-мо. *γurmasun* [Kow., p. 1042], мо. *гурмасан* ‘толстая веревка из трех пядей; скрученный в три раза; тройной, утроенный (о веревке)’, то ее можно разложить на 2 производящие основы: **γur* ‘три’ и п.-мо. *töči*, мо. *мөч*, бур. *мүсэ*, калм. *мөч*, ойр. *мөчи* ‘конечность’, где компонент **γur* передает количество пядей, используемых в процессе плетения веревки.

Морфологическая структура числительного ср.-мо. *ǰiryān* [IM; LH], *ǰiryān*, *ǰiryu’ān* [MA, с. 206–207], пкл.-мо. *ǰiryuγa:n* [Tum., p. 431], п.-мо. *ǰiryuγan* [Kow., p. 2367], мо. *зургаа*, бур. *зургаан*, калм. *зурхан*, ойр. *зурхаан*, даг. *džirg<ō(η)*, дунс. *džirg<uan*, бао. *džirg<uan*, мнгр. *dirγōn* [Болд, 2004, с. 101] ‘шесть’, по мнению Д. Тумуртоого, достаточно прозрачна. Она состоит из корня **ǰir(in)* в значении ‘два’, встречающегося еще в «Тайной истории монголов», и корня **γu*, встречающегося в слове *γu-r-ban* ‘три’. Таким образом, в каждом компоненте лексемы заложено числовое значение: 2×3. С ним согласны и другие монгольские исследователи [цит. по: Болд, 2004, т. 100–102].

Несмотря на кажущуюся достоверность предыдущей версии, основанной на сложной операциональной процедуре, мы склоняемся к иному толкованию, впрочем, не претендуя на то, что наше объяснение правильное и единственно возможное. Числительное *ǰiryuγa(n)* разложимо на корень **ǰirγ/ǰirq* и суффикс *-γa(n)*. При счете по пальцам шестым идет большой палец (чаще левой руки), для обозначения которого в монгольских языках также используется рассмотренная выше лексема п.-мо. *erekei*, восходящая к корню **erk*. Фонетическая близость корней **ǰirq* и **erk* позволяет также выделить признак ‘нечто торчащее, оттопыренное’ в числительном *ǰiryuγan*, в данном случае соотносящийся с большим пальцем. Ср. эвенк. *чараткй̄* ‘палец (на ноге)’, *шаракал* ‘палец’, сол. *ц'аратки* ‘палец’; эвенк. *чурчй̄н* ‘па-

лец (на ноге); лапа (животного); носок обуви; стопа' [ССТМЯ, 1977, с. 385, 417].

Корневая доминанта [r] также представлена в числительном ср.-мо. *dörben* [ЛН; МА, с. 143], пкл.-мо. *dörben* [Tum., p. 371], п.-мо. *dörben* [Kow., p. 1947], мо. *дөрөв*, бур. *дүрбэ(н)*, калм. *дөрвн*, ойр. *дөрвен*, орд. *dorwo*, мог. *dürbön*, даг. *dirbe(n)*, дунс. *dzieruan*, бао. *deraj*, ж.-уйг. *dorwän*, мнгр. *deran* [Болд, 2004, с. 99] 'четыре'. По предположению Г. Рамстедта, тюрк. *tort*, як. *tüört*, чув. *təvat*, мо. *dörben*, тунг. *digin*, *dujun*, ма. *duin*, кор. *turi*, сев.-кор. *ndujin*, *nduin*, вероятно, восходят к некоему праязыковому *do [1957, с. 64]. Кроме того, на алтайском уровне числительное сопоставляется с Пяп. *də- 'четыре' [EDAL, p. 1377]. Л. Болд вслед за Д. Тумуртоого и М. Базаррагчаа выделяет в лексеме корень *dö* и аффиксы *-r* и *-ben*: *dö-r-ben* по аналогии с *yu-r-ban* [2004, т. 99].

Так же, как и *yurban*, числительное *dörben* можно рассматривать с позиции звуковой изобразительности. Значения корня *dörb сопоставимы с п.-мо. *yorbuyi-*, мо. *ёрвой-* 'оттопыриваться, растопыриваться', бур. *ёрбой-* 'выдаваться острым углом'. Ср.-мо. *dörbeljin* [МА, с. 350], пкл.-мо. *dörbeljin* [Tum., p. 371], п.-мо. *dörbeljin* [Kow., p. 1950], мо. *дөрвөлжин*, калм. *дөрвөлжн*, ойр. *дөрвөлжүн* 'квадрат, четырехугольник', п.-мо. *dörbelji*, мо. *дөрвөлж* 'четырёхугольная корзина (для топлива); игральные кости, кубик (для игры)' восходят к образу 'нечто с острыми, торчащими углами'.

Мотивирующий признак 'торчащий, растопыренный', на наш взгляд, не мог характеризовать безымянный палец, идущий четвертым по счету, ввиду его «непримечательности» (даже в русском языке он не имеет специального названия). По всей вероятности, признак 'торчащий, растопыренный' соотносился с количеством конечностей человека: двумя верхними и двумя нижними.

В фитониме мо. *дормосон мүгз* 'четырёхлистник золотистый' компонент *дормосон* также, вероятно, состоит из *dör 'четыре' и п.-мо. *möci* 'конечность', т. е. 'с четырьмя лепестками'. Вторая часть названия *мүгз* восходит к образному корню *mügjmuŋj,

значение которого восстанавливается на основе прилагательного п.-мо. *тиҗаҗар*, мо. *музгар* ‘куцый; короткостриженный’. Калм. *дөрү* ‘мера длины в четыре пальца’, как и термины животноводства *дөнөн* ‘четырёхгодовалый бык’, *дөнжин* ‘четырёхгодовая (о корове, верблюдице)’ также могли возникнуть в результате усечения производящей основы *dörb.

Важность признака ‘торчащий’ в номинации конечностей человека позволяет применить его и к некоторым названиям животных. В ср.-мо. *qurıqa(n)* [SH], *qurixan* [HY, p. 11], *qurıyan* [LH], *qurayan* [MA, c. 111], п.-мо. *quray-a*, мо. *хурга(н)*, бур. *хурьган*, калм. *хурһн*, ойр. *хурһан*, орд. *хурҒа*, моґ. *қӘһан*, дунс. *қуһан*, *Ғуһан*, бао. *GorҒан*, ж.-уйг. *хурҒан*, мнгр. *хорҒа*, *хуроҒ* [EDAL, p. 809] ‘ягненок, барашек’ можно попытаться выделить признак ‘с тонкими длинными ножками’. По всей вероятности, этот же признак в бур. *хурбэ* ‘ягненок’. Согласно мнению В. И. Рассадина, п.-мо. *qurayan* ‘ягненок, барашек, похожий на ягненка’ восходит к ротацирующей форме др.-тюрк. *qozı* ‘ягненок’ [2010, с. 34]. В тюркских языках авторы EDAL восстанавливают Птюрк. форму *Kořı ‘ягненок’, отмечая, что, вопреки мнению Г. Дерфера и А. М. Щербака, она не может быть источником заимствования в монгольские языки [EDAL, p. 809]. Эвенк. *куркан* ‘ягненок’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 437].

И. В. Кормушин, отмечая функционирование в ряде тюркских языков глагола *quzla- ~ qozla-* ‘ягниться’, обращает внимание на широту семантики кбалк. *qozla-* ‘родить (о кобыле, корове, овце)’. Исследователь предполагает, что это – свидетельство более широкой первоначальной семантики *qozu-* ‘детеныш некоторых домашних животных’, сузившийся впоследствии до ‘ягненка’ [СИГТЯ, 2001, с. 443]. Таким образом, можно предположить, что корни *qur в монгольских, *qoz в тюркских языках могли характеризовать детенышей домашних животных по внешнему виду, точнее, по длинным, тонким ногам.

Выделение данного признака возможно и в п.-мо. *sarbay-a*, мо. *sarvaа* ‘двухлетний жеребенок’, калм. *сарва*, ойр. *сарваа* ‘годовалый жеребенок’. Слово заимствовано тюркскими языками: алт. *сарбага*, тув. *сарба*: и др. [ЭСТЯ, 2003, с. 217]. В словаре О. М. Ковалевского дается прилагательное *serbei* в качестве определения к *unayan*: п.-мо. *serbei unayan* ‘жеребенок’ [Kow., p. 1373]. Также по

длинным конечностям названо другое животное: ср.-мо. *sarmači* [IM], п.-мо. *sarbačĭn*, *serbečĭn* [Kow., p. 1337, 1373], *sarmačĭn*, *sarbačĭn* [Less., p. 675, 676], мо. *сармагчин*, бур. *хармагшан*, ойр. *сармечин*, орд. *sarmaGčĭn* [EDAL, p. 1213] ‘обезьяна, мартышка’ (ср. п.-мо. *sar-mii-*, мо. *сармий-* ‘разметаться руками, ногами’).

Несомненный интерес представляет реализация данного значения в калмыцком сложном слове *сар-мөчн* ‘обезьяна’, состоящем из 2 частей: **сар* и *мөчн* ‘обезьяна’ (мо. *мичин*) и возникшим, по всей вероятности, во многом благодаря семантической соотнесенности со вторым компонентом. В Алтайском словаре также отмечается, что лексема представляет собой сложное слово с искаженной второй частью *теčĭn*. Изменение морфологической структуры слова произошло под влиянием частотного суффикса *-gčĭn*, образующего названия женских особей животных. Также в издании приводится в качестве параллели Пяп. **sârû* ‘обезьяна’ [Там же]. Однако, на наш взгляд, *sarmačĭn* все же морфологически членится на корень **sarm* и словообразовательный формант *-γčĭn*, который не всегда коррелирует с наименованиями женских особей, ср. *saraγčĭn* ‘столбик, шпигосередок’, *eregčĭn* ‘самец’ и др.

Следует отметить, что ряд образных корней дал в монгольских языках глаголы, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-мо. *čarba-* ‘хватать, ловить рукой; руками и ногами действовать в борьбе’ [Kow., p. 2113], мо. *царва-* ‘поднимать кверху руки или ноги; отмахиваться; хватать’; п.-мо. *sarbayi-* [Там же, p. 1336], мо. *сарбай-*, калм. *сарва-* ‘протягиваться, растопыриваться; торчать’, в бур. *харбай-* на передний план выходит значение ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’. Ср. ульч. *чаража*, нан. *чаражан* ‘с протянутыми вперед руками’ [ССТМЯ, 1977, с. 385].

В тюркских языках действия, обозначаемые глаголом *сер-*, также производятся вытянутыми руками: ‘растягивать; развешивать (белье); раскладывать; расстелить; раскидать’. Тюрк. *серме-*, *сермеле-* ‘с силой протянуть руку, чтобы схватить; протягивать руки (ощупывая что-н. в темноте); вытягивать, вытаскивать; взмахивать; защищаться маханием оружия; хватать; щупать; шарить’, по Л. С. Левитской, образовано от глагола *сер-* ‘протягивать руку’ при помощи аффикса *-mel-* *меле* с

учащательным значением [ЭСТЯ, 2003, с. 264]. Форму *serp-* ‘делать отрывистые/резкие движения; откидывать, отбрасывать, швырнуть (в сторону); махать, трясти; рассеивать, разбрасывать’ Э. В. Севортян связывал с предыдущей формой *serme-* ‘махать’, выделяя в них корень *ser*. В качестве первичного значения *serme-* автор выделяет ‘протягивать руку’: ср. турк. *el ser-* ‘попрошайничать’ [1962, с. 354].

Пкл.-мо. *erbei* [Тум., р. 388], п.-мо. *erbei*, мо. *эрвэй*, ойр. *эрвээ* ‘маховая сажень’ обозначает меру длины, равную размаху обеих рук, по концы средних пальцев. В тюркских языках название меры длины *қарыш* ‘пядь (расстояние от большого пальца до мизинца)’ А. В. Дыбо производит от глагольной основы *қары-* ‘хватать, брать’, отвергая его статус диминутива на *-(ы)ш* от *қар*, *қары* ‘плечевая часть руки, предплечье’ → ‘аршин’. «Модель наименования пяди как уменьшительного от ‘локтя’, во всяком случае, в языках Евразии не представлена и мало вероятна» [ЭСТЯ, 1997, с. 325].

На основе значений глаголов *кары-* ‘щупать, ощупывать (животных); загребать’, др.-тюрк. *qaru-* ‘шарить, искать наощупь, идти наощупь’, як. *харба-*, тув. *карба-* ‘грести, сгребать; плавать’ Б. И. Татаринцев приходит к выводу, что соответствующие движения производятся раздвинутыми руками (в процессе плавания) или пальцами рук (когда что-л. ощупывают или пытаются что-л. нашарить, например, в темноте), а также расставленными зубьями (граблей, вил). Это дает автору основание рассматривать *карыш* как название действия, производимого растопыренными пальцами, и считать его производным, скорее, от глагольной основы со значением ‘растягивать’, чем ‘хватать’ [2004, с. 116]. Другие меры длины – Птунг. **siru* и Птюрк. **sere* ‘расстояние между большим и указательным пальцами’ [EDAL, р. 1259] – также, очевидно, возникли на основе образа двух выпрямленных пальцев.

Глагол с мягкорядным вокалическим оформлением п.-мо. *čerbe-*, мо. *цэрвэ-* ‘отдергивать (руку)’ выступает как своего рода антоним бур. *һарбай-* ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’. Корень **čerb* восстанавливается в прилагательном п.-мо. *čerbegüü*, мо. *цэрвүү* ‘далекий, удаленный’, т. е. ‘удаленный на расстояние руки’. Семантическая связь с рукой наблюдается в словосочетаниях *цэрвүү барилда-* ‘бороться руками (не прикасаясь друг к другу телом)’, *цэрвүү бари-* ‘держат за что-л. (не прикасаясь телом)’. Ср. эвенк. *тургамāt-/ч-*,

ороч. *туримкэчи*- ‘бороться (упираясь друг в друга)’ [ССТМЯ, 1977, с. 218]. П.-мо. *čerbelje*-, мо. *цэрвэлзэ*- ‘качаться, покачиваться’ характеризует действие «торчащих» растений, в бур. *сэрбэлзэ*- – овечьего хвоста.

Образная основа с [m] в аусллауте стала производящей для п.-мо. *čerte*-, мо. *цэрмэ*- ‘выбивать корм (о скоте, добывающем корм из-под снега); разгрести снег копытами’, калм. *цэргэ*- ‘гарцевать’. Ср. як. *сүргэй*- ‘разбрасывать (землю копытами), раскидывать (стог сена)’, каз. *tarpi*- ‘бить передними ногами (о лошади, верблюде)’. Здесь, в отличие от *čerbe*-, речь идет не о руках человека, а о ногах животного, что косвенно подтверждает правильность предположения о ведущей роли зрительного образа конечностей в названиях животных *sarbaγ-a* ‘жеребенок’ и *quruγu* ‘ягненок’.

Глагол п.-мо. *čoruyi*- [Kow., р. 2220], мо. *цорой*-, бур. *сорой*- может соотноситься с состоянием как людей, так и животных: ‘становиться на дыбы (о лошади); становиться на задние ноги (о животных); становиться на цыпочки; тянуться вверх’. То же в п.-мо. *sirba*-, *sirbe*-, мо. *шарва*-, *ширвэ*-, бур. *шарба*- ‘махать, хлестать (хвостом), вилять’; баргуз. *гараараа шарбаада*- ‘размахивать руками’.

Значение глагола ср.-мо. *qarbu*- [HY; SH; MA, с. 293], пкл.-мо. *qarbu*- [Tum., р. 522], п.-мо. *qarbu*- [Kow., р. 846], мо. *харва*-, бур. *харба*-, калм. *хэргэ*-, ойр. *харва*-, даг. *харба*-, *харма*-, *хэргэ*-, бао. *хирэ*-, ж.-уйг. *харву*-, мнгр. *харми*- [EDAL, р. 649–650] ‘стрелять из лука’, очевидно, связано с образом вытянутой левой и согнутой в локте правой рук. В Алтайском словаре дана тунгусо-маньчжурская параллель: эвенк. *каре*- ‘убивать’, орок. *карамачи*- ‘драться’ [Там же, р. 649]. Семантически близок эвенк. глагол *нармал*- ‘стрелять (пробовать, учиться)’ [ССТМЯ, 1975, с. 635].

Движения рук, сопряженные с распрямлением и сгибанием их в локтях, реализуются с помощью корней **qarm/tarm*: ср.-мо. *qarma*- [MA, р. 294], п.-мо. *qarma*- [Kow., р. 849], мо. *харма*-, ойр. *харма*- ‘сгребать, собирать’, отсюда п.-мо. *qarmaγ*, *qarmaγur*, мо. *хармаγ*, *хармуур* ‘орудие для сгребания’. П.-мо. *tarmi*- [Там же, р. 1681], мо. *тарма*-, бур. *тарма*-, ойр. *тарма*- ‘сгребать, подбирать граблями’, а также п.-мо. *čarma*-, *čirma*- ‘передними ногами разрывать землю, сгребать снег’ [Там же, р. 2114], мо. *царма*- ‘рыть землю, снег копы-

тами (о животных)’. Ср. др.-тюрк. *тара-* ‘расчесывать, причесывать’; ма. *нарға* ‘борона’, *нарға-* ‘боронить, ровнять землю бороной’ [ССТМЯ, 1975, с. 585], сол. *тараҕа-* ‘чесать волосы’; эвенк. *чурбу-* ‘сложить в кучу, сгрести’; эвенк. *эр-*, эвен. *эр-*, ульч. *хэру-*, орок. *хэри-*, нан. *хэрпучи-* ‘разгрести (снег)’ [ССТМЯ, 1977, с. 167, 416, 462].

По мнению Л. С. Левитской, турк. *қарба-*, хак. *харба-*, як. *харба-*-, тур. *kavra-*, кир. *қарма-* ‘хватать; ощупывать, шарить’ являются учащательной формой от *қар-*, образованной с помощью аффиксов *-ба/-ма/-ва*. Производящая основа *қар-* представлена в отглагольном имени *қарма* ‘грабеж’, тур. *қары-*, *қару-* со значением ‘щупать (например, овец), чтобы узнать, жирны ли; трогать руками скотину’. Г. Рамстедт выдвигал предположение, что тюрк. *qarma-* заимствовано из монг. *qarma-* ‘скрести, сгребать’, с которым был согласен М. Ряснен. Однако семантика тюрк. *қарма-* и возможность объяснения на материале тюркских языков дают Л. С. Левитской основание для отклонения их точки зрения [ЭСТЯ, 1997, с. 302–303].

Глаголы состояния п.-мо. *tarayi-*, *tarbayi-*, *tereyi-*, мо. *тарай-*, *тарвай-*, *тэрий-*, бур. *тарай-* ‘растянуться (о чем-либо при падении); раскинуться; растопыриваться, протягиваться свободно’, п.-мо. *dar-dayi-* [Kow., p. 1681], мо. *дардай-* ‘лежать широко растянувшись; вытягиваться во всю длину’, бур. *һарай-*, ойр. *сараа-* ‘распластаться, неуклюже раскинуться в стороны’ отсылают к образу человека, лежащего на спине или животе с вытянутыми руками и ногами. Ср. ма. *ларбахун* ‘растянувшийся, развалившийся (от усталости)’; эвенк. *н'арӓлэ-* ‘спать (развалившись)’, *н'арорго-* ‘разлечься’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 635], ма. *сарбахун* ‘разметавшийся (о навзничь лежащем с раскинутыми руками и ногами)’; эвенк. *сиркун-* ‘вытянуть ноги лежа или сидя на земле’, эвен. *һиркумкэн-* ‘вытянуть, протянуть (ноги, руку)’, нег. *сирхэмжй-* ‘лежать, раскинув руки’, ульч. *сичэпулу-* [**сиркэпулу-*] ‘упереться ногами’, нан. *сикүлэ-* [**сијкүлэ-* < *сиркүлэ-*] ‘вытянуться; толкнуть ногой’; эвенк. *чэрэргэ-* ‘распластаться, упасть (от сильного удара)’, нег. *чорожкин-* ‘упасть навзничь (на спину)’, орок. *чорочина-*, орок. *торочи-*, нан. *чороачи-* ‘лежать на спине’ [ССТМЯ, 1977, с. 65, 95, 422].

Значение ср.-мо. *tari-* [IM], *tari-* [МА, с. 341], пкл.-мо. *tari-* [Tum., p. 571], п.-мо. *tari-* [Kow., p. 1665], мо. *тапу-*, бур. *тапу-* ‘сеять’, воз-

можно, связано с размашистым движением рук при разбрасывании семян и разравнивании земли чем-л. острым. Авторы EDAL вслед за Г. Дерфером, А. М. Щербакком считают данный глагол заимствованием из тюркских языков. Эвенк. *tari-*, ма. *tari-* и др. ‘сеять’ восходят к мо. *tari-* [EDAL, p. 1438]. Ф. Ф. Гаффарова, рассматривая этимологию др.-тюрк. *tari-* ‘сеять, засеять’, обращает внимание на др.-тюрк. *tarma-* ‘царапать, скрести’ и кир. *тарын(v)* ‘царапать, рыть ногами землю’. Автор заключает, что эти основы соприкасаются в семантическом поле ‘обрабатывание земли’, что может свидетельствовать о значительной древности земледелия у тюрков. <...> Семантическое развитие, по-видимому, шло в направлении ‘царапать, скрести, рыть землю ногами’ > ‘мотыжить, взрыхлять землю мотыгой’ > ‘вообще обрабатывать землю’ > ‘заниматься земледелием’ > ‘зерно, хлеб’ > ‘просо’ [2009, с. 83, 85]. По всей видимости, изначально соприкосновение монгольских основ *tarma-* ‘сгребать’, *tara-* ‘разбрасывать, раскидывать’, *tari-* ‘сеять’ происходило все же в поле ‘совершать движение прямыми руками’.

Все вышеуказанное дает основание предположить то, что между глаголом ср.-мо. *bari-* [НУ, p. 33; SH; МА, с. 102], *bāri-* [IM], пкл.-мо. *bari-* [Tum., p. 314], п.-мо. *bari-* [Kow., p. 1099], мо. *бару-*, бур. *бару-*, калм. *бэр-*, ойр. *бэр-*, орд. *bari-*, мог. *bari-*, даг. *bari-*, дунс. *bari-*, бао. *vār(ə)-*, ж.-уйг. *bar-*, мнгр. *bari-*, *wari-* [EDAL, p. 328] ‘держат, брать руками, хватать’ и *бармақ* ‘палец’ действительно есть семантическая связь, основанная на образе **bar* ‘нечто растопыренное’, мысль о которой выдвигал в своих работах Г. Рамстедт [см.: ЭСТЯ, 1978, с. 66–67].

Дрожащий переднеязычный сонант [r] также служит для обозначения в монгольских языках понятия ‘мужчина’: ср.-мо. *ere* [НУ, p. 29; SH; LH], *ärä* [IM], *ere* [МА, с. 161], пкл.-мо. *ere*, *er-e* [Tum., p. 390], п.-мо. *er-e* ‘муж, мужчина; самец’ [Kow., p. 246], мо. *эр*, бур. *эрэ*, калм. *эр*, ойр. *эре*, орд. *ere*, мог. *erra*, даг. *er*, *ergun*, *ere*, дунс. *ere*, бао. *ere*, ж.-уйг. *ere*, мнгр. *rē* [EDAL, p. 312] ‘мужчина, муж’; п.-мо. *eregčün* [Kow., p. 252], мо. *эрэгчин* ‘самец’. Тюркской параллелью, как известно, является **jer* ~ *er*, которое «...первоначально означало ‘человек мужского пола’, впоследствии приобрело значение ‘супруг’. Главное значение слова в современных языках ‘муж, супруг; мужчина’» [СИГТЯ, 2001, с. 303]. В качестве тунгусо-маньчжурской парал-

лели Э. В. Севортян приводит эвенк. *ур* ‘самец, особь мужского пола; мужчина’ [ЭСТЯ, 1974, с. 322].

Выявленный нами и рассматриваемый в данном параграфе признак ‘торчащий, прямой’ на древнем этапе становления языка, по всей видимости, соотносился с мужским половым органом, обозначавшимся лексемами *er* > *ereg*. Последняя восстанавливается в п.-мо. *eregetei* [Kow., p. 252], мо. *эрэгтэй* [*хүн*], бур. *эрэгтэй* ‘мужчина’. Как известно, по данной модели образованы лексемы п.-мо. *büsetei*, мо. *бүстэй* ‘юноша, мужчина’ < ‘имеющий пояс’ (п.-мо. *büsegüi*, мо. *бүсгүй* ‘девушка, женщина’ < ‘без пояса’), п.-мо. *geǰigetü*, мо. *гэзэгт* ‘*дуал.* жена; девушка, женщина’ < ‘с косами’. По мнению Т. А. Бертагаева, общемонг. *эрэ(н)* ‘мужчина’ мотивировано глаголом *эрэ-* ‘домогаться, действовать решительно, прямо, резко’ [1974а, с. 165].

Примечательно значение тув. *дирен-* ‘эрегировать (о мужском половом органе)’, которое Б. И. Татаринцев сопоставляет со значением общетюрк. *ди:ре-* ~ *дире-* ~ *тире-* ~ *тирке-* ‘подпирать; ставить (стоймя)’, тур. *tir-* ‘подпирать’. «Предполагаемая именная основа дала др.-тюрк. *tir-gük* ‘опора’, тур. *diren* ~ *dirgen* ‘большие деревянные вилы’, чаг., тур. *дирим* ‘деревянная решетка юрты’ <...>. Речь определенно идет о значениях типа ‘бревно, балка; мачта; ствол’, т. е. об «опорной» семантике» [2002, с. 162–163].

Также к данному семантическому полю можно отнести тувинский соматический термин *бөртек* ‘половой член мальчика’, который Б. И. Татаринцев рассматривает как производное от тюркской глагольной основы *бөрүт-* ~ *бөрт-* ‘пухнуть, вздуться; толстеть’, образованное с помощью аффикса *-(а)к* [2000, с. 276]. В целом соглашаясь с данной точкой зрения, можно также предположить, что в образном корне **bört* ‘нечто торчащее’ согласный [*b*] передает смягчение признака.

Баргузинская форма *нүртэбэй*, *һүртэбэй* со значением ‘penis’ образована от близкого корня **pürt/sürt* с помощью форманта *-bei*, придающего в данном случае уменьшительный оттенок экспрессии. Сонант [*r*] также представлен в синониме аг. *борбоо*, баргуз. *бобоо* (ср. *борболзо-* ‘торчать’). Ауслатный [*t*] встречается в корне п.-мо. *ertegeter* ‘выдавшийся наружу, оттопыренный’ [Kow., p. 258], мо. *эртгэр*, калм. *өртхр*, ойр. *эртегер*, *өртегер* ‘загнутый, вздернутый’. Та-

ким образом, вероятно, что значение ‘penis’ является в тюркских и монгольских языках «первозначением», легшим в основу слова эр ‘мужчина’.

Возможность чередования корней **er/ar* позволяет выявить в качестве ведущего признак ‘самец’ в п.-мо. *aryγamaγ*, *aryγutaγ* [Kow., p. 154, 155], мо. *аргамаг*, бур. *аргамаг*, калм. *аргамак*, ойр. *армаг* ‘аргамак, скакун; статный и резвый, хороший конь’. В последней форме, по всей вероятности, произошло усечение производящей основы. Ср. также унг. *аргалан (заан)* ‘слон’, каб. *архан* ‘самец нерпы’, бур. *архан хулэг* ‘рысак, аргамак’. Турк., тат. *аргамақ*, кир., каз., ног., ккалп. *аргымақ* ‘объезженный чистокровный породистый конь; быстроногая верховая лошадь’ [ЭСТЯ, 1974, с. 171].

А. М. Щербак проводит возможную в контексте нашего исследования параллель между тюрк. *аргамақ* и уйг. *арғы* ‘жеребец’, кир. *арғын* ‘гибрид дикого жеребца и домашней лошади’, а также *аргалы*, *арқалы* ‘газель’ [1961, с. 189]. Точку зрения В. Г. Егорова, возводящего *аргамақ* к *арга* ‘сила, ловкость’, опровергает Э. В. Севортян, отмечая, что это одинаково невозможно как морфологически (*-мақ* не сочетается с именными основами в значении названия носителя процесса), так и семантически. Сам же автор определяет *аргымақ/арқун/аргун* как название носителя действия, образованное с помощью аффиксов *-мақ*, *-н* от глагола *арга-/арғы-/арғу-* ‘бежать крупным карьером’ [ЭСТЯ, 1974, с. 171].

Таким образом, нами установлено, что на основе признаков ‘торчащий’ в монгольских языках появились такие современные соматические термины, как *γar* ‘рука’, *čarbaγu* ‘лучевая кость’, п.-мо. *sarbaγu* ‘часть руки от кисти до локтя’, *quruγu* ‘палец’. Кроме того, реконструирован древний, ныне не функционирующий термин *er(eg)* ‘penis’, значение которого в дальнейшем было перенесено на ‘самец; мужчина’. Здесь мы имеем дело с метонимическим переносом, когда вторичное значение опирается на ассоциативные связи, возникающие при наименовании части и целого.

Однако в монгольских языках доминанта [r] представлена не только в терминах, номинирующих конечности человека, но и в соматизмах со значением ‘спина’, что, вероятно, обусловлено ее ингерентными способностями передавать признаки ‘прямой, длинный, вытянутый’: ср.-мо. *aru* [HY; SH], *aradān* ‘позади’ [MA, с. 104, 106], п.-мо.

aru ‘спина, хребет; спинка у птицы; зад, тыл’ [Kow., p. 149], мо. *ap*, бур. *apa*, калм. *ap*, ойр. *ap*, орд. *aru*, даг. *ar*, *arkən*, ж.-уйг. *ār* [EDAL, p. 311] ‘спина; задняя сторона; север’; п.-мо. *aral*, мо. *aral*; п.-мо. *aray*, мо. *arag*, бур. *arag*, ойр. *arag* ‘телосложение, корпус’ и др.

Термин имеет лексические параллели в других языках алтайской семьи: П.-тунг. *arka(n)* ‘спина’, Птюрк. **ārka* ‘спина, задняя сторона’ [Там же]. А. В. Дыбо, относя тюрк. **arka* к праалтайским лексемам, входящую в праалтайскую группу анатомических терминов, отмечает, что в монгольских языках рефлекс соответствующей основы контаминировался с рефлексом другой основы **ar* ‘зад, сзади’ [1996, с. 305]. Примечательно, что в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках не произошло семантического сдвига ‘спина’ → ‘север’, обусловленного традиционной ориентацией на юг (ср. кит. *bēi* ‘спина; север’), однако наблюдается другой закономерный сдвиг в географическую терминологию: ‘спина’ → ‘горный хребет’. Это переход наблюдается в кум., башк., ног., алт., хак., шор. и тув. языках [СИГТЯ, 2001, с. 268–269].

Значение ‘спина’ репрезентируется в монгольских языках и с помощью корня **nir* в производном ср.-мо. *niru’u(n)*, *niri’un* [SH], *nirisun* [HY, p. 47], *niryun* [IM], *niryūn* [Lig.VMI], *nirūn* [LH; MA, с. 257], пкл.-мо. *nirugu:n* [Tum., p. 484], п.-мо. *niruyu(n)* [Kow., p. 672], мо. *нурруу*, бур. *нюрган*, *нюрруу*, калм. *нурһн*, ойр. *нурһан*, орд. *nurū*, даг. *nirō*, дунс. *nurūn*, ж.-уйг. *nurūn*, мнгр. *nuru*, *nurə* [EDAL, p. 979]. Ср. п.-мо. *nōrigūi*, мо. *нөрүү* ‘высокий ростом и немного сутулый (о человеке)’. Термин имеет достаточно надежную параллель в тунгусо-маньчжурских языках: «Птунг. **niri-* ‘позвоночник, хребет, позвонки’, которую, вопреки Г. Дерферу, не следует считать заимствованием из монгольских языков. Сопоставление с Птюрк. **jir-* ‘левый, север’ возможно с учетом закономерного развития ‘север’ < ‘спина’» [Там же].

Достаточно большое количество корней передает признаки ‘худой, тощий (о человеке)’. Значения бур. *ардагар* ‘щупленький’, *мардагар* ‘прямой и сухощавый’ контаминируют с рассмотренным выше термином *ap* ‘спина’, а также с одним из древних значений корня **ar* в тюркских языках: *ap(ы)* ‘быть худощавым, тощим, болезненным; усталым’. «Глагол ‘худеть’ в форме *ары-* почти исчез в тюркских языках, сохранившись главным образом лишь в производном прила-

гательном турк. *арық, аррық* ‘худой, тощий’» [ЭСТЯ, 1974, с. 161]. В монгольских языках значение ‘худеть’ реализуется с помощью корня *tur в ср.-мо. *turyan, turqan* ‘тощий’, *turuqsan* ‘истощенный’ [МА, с. 355], *turyan* [ЛН], пкл.-мо. *tura-* [Тум., р. 594], п.-мо. *tura-* [Kow., р. 1880], мо. *тура-*, бур. *тура-*, ойр. *тура-* ‘худеть, исхудать’, бур. *туригар, туршагар* ‘сухопарый, сухощавый’; ойр. *тур* ‘рост, статья, стан’; «каз. *тұрық* ‘худой, истощенный’» [Кайдаров, 1986, с. 204].

Гуттуральные согласные представлены в анлауте бур. *гардагар* ‘сухощавый, худой’; п.-мо. *γarǰaγar* [Less., р. 353], мо. *гарзгар* ‘исхудалый, истощенный’; бур. *гарбигар, гарьбагар* ‘тощий’; *гарьягар* ‘громадный и худой, матерый (например, о волке)’; бур. *гэрдэгэр* ‘костлявый, сухощавый’; п.-мо. *kerǰeger* [Там же, р. 459], мо. *хэрзгэр* ‘скелетообразный; отощавший, с торчащими ребрами’; п.-мо. *γorduγur, γorǰuγur*, мо. *гордгор, горзгор*, бур. *горзогор*, калм. *horzhr* ‘сухощавый; высокий и тонкий (о человеке)’; бур. *гүрзэгэр, гүрдэгэр* ‘с резко выступающими ребрами (о животном)’; п.-мо. *qurqay*, мо. *хурхаг* ‘слабосильный; тощий’; п.-мо. *γurγu*, мо. *гуриг*, калм. *хуря*, ойр. *хурьаа* ‘тощий, изможденный’; калм. *яpha*, ойр. *йарһаа* ‘тощий, худой’.

Ср. также бур. *шүрэгэр* ‘худой, тонкий (о ногах)’, *шүрбэгэр* ‘поджарый (о телосложении)’; п.-мо. *šarmiγar*, мо. *шармигар* ‘тонкий, тощий, худой’; п.-мо. *šorduγur*, мо. *шордгор*, бур. *шордогор* ‘тонкий, жалко торчащий’; п.-мо. *čerčeger, čörčüger*, мо. *цэрцгэр, чөрчгөр* ‘ослабленный; тощий’. Таким образом, корни с дрожащим сонантом [r] способны передавать значения ‘худой’ < ‘длинный, тонкий’ < ‘торчащий’.

Как видно из примеров, значение ‘длинный, вытянутый’ в основном вышло на первый план в производных от корней с гласными [o/ɔ]: ср.-мо. *urdu* [НУ, р. 52], *urtu* [SH; LH; IM], *urtu, utu* [МА, с. 366], пкл.-мо. *urtu* [Тум., р. 608], п.-мо. *urtu* [Kow., р. 465], мо. *урт*, бур. *ума*, калм. *ум*, орд. *urtu*, мог. *urtu, orfo*, даг. *orto, ortu, warda, ordōn, orete*, дунс. *fudu*, бао. *fdu*, ж.-уйг. *rdə*, мнгр. *fudur, šdur* [EDAL, р. 623] ‘длинный; долгий’; бур. *эрогор* ‘длинный и острый (о рогах); высокий и тонкий (о человеке)’; *һурай-* ‘вытягивать (шею)’, *сорогор* ‘вытянутый, длинный’, *сурагар* ‘тощий’, *суурагар* ‘длинноногий; стройный’. Данный признак лежит в основе п.-мо. *urtuci* ‘глиняный сосуд с узкой

шейкой' [Kow., p. 467], мо. *уртач* 'глиняный сосуд для вина с узким горлом'.

Известно, что чрезмерное проявление признаков 'длинный, тонкий' влечет за собой развитие признака 'искривленный, кривой': ср.-мо. *turu(i)* [IM], *tura, turū(n)* [MA, с. 241], пкл.-мо. *mürigü:* [Tum., p. 475], п.-мо. *turiyar*, мо. *муригар*, бур. *муригар* 'кривой, косой', п.-мо. *муруй* 'кривой; извилина' [Kow., p. 2048]; п.-мо. *nöriüü*, мо. *нөрүү* 'кривой, согнутый; высокий и немного сутулый'; п.-мо. *nöre-*, мо. *нөр-* 'становиться кривым, согнутым'. Ср. эвенк. *марив-*, эвен. *марлу-* 'согнуться'; эвенк. *морокб* 'излучина, извилина (реки)', сол. *морчиган* 'кривой', орок. *моқчида-* 'извиваться (о реке)' [ССТМЯ, 1975, с. 532, 547], нан. *морийган* 'согнуться' [Жиле, 1972, с. 136], эвенк. *урикән-*, эвен. *уру-*, нег. *ујихэн-*, ульч. *урйн-* 'согнуться'; эвенк. *һур-* 'наклонить голову'; *чурул-* 'сгорбиться' [ССТМЯ, 1977, с. 285, 352, 417].

Развитие значения в глаголе ср.-мо. *mörgü-* [MA, с. 240], пкл.-мо. *mörgü-* [Tum., p. 474], п.-мо. *mörgü-* [Kow., p. 2070], мо. *мөргэ-*, бур. *мүргэ-*, калм. *мөргэ-*, ойр. *мөрге-*, бао. *мэргэ-* 'молиться, поклоняться', по всей вероятности, шло в следующем направлении: 'искривляться' < 'наклоняться' < 'молиться'. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *мурду-* 'горбиться; сгибаться, наклоняться', *мурдукй* 'сутулый', *мурдун* 'наклон, нагибание' [ССТМЯ, 1975, с. 558]. Тем не менее это не единственная возможная линия развития семантики глагола. Не исключено возникновение данного значения на основе слухового восприятия: *mörgü-* > *mör-mör ge-* 'произносить звуки *mör-mör*'. Ср. п.-мо. *mar-mar ki-*, мо. *мар-мар хий-* 'мямлить; слегка поболтать'; п.-мо. *merge*, мо. *мэргэ* 'гадание, предсказание, ворожба' и др. Возможно, в данном случае корень *mör мог передавать бормочущие, нечленораздельные звуки молитвы.

ЛСП «Неживая природа»

Для обозначения верхушки, пика горы используются термины: ср.-мо. *xorai* [SH], *hurai* [MA], пкл.-мо. *orai, oroi* [Tum., p. 497, 499], п.-мо. *orui* [Kow., p. 446], мо. *орой*, калм. *опа*, ойр. *опаа*, орд. *orē*, мог. *orei*, даг. *orē*, бао. *xoro* [EDAL, p. 1173] 'вершина, верхушка; темя; крыша'; ср.-мо. *xorgil* [SH], пкл.-мо. *orgil* [Tum., p. 499], п.-мо. *orgil* 'верхняя, выдавшаяся часть, возвышение' [Kow., p. 464], мо. *оргил*

‘вершина, пик’, бур. *орьёл* ‘острая вершина; заостренный’. Возможно, тот же признак в названиях островерхих жилищ: п.-мо. *orumǰ*, мо. *оромж* ‘жилище, хижина, домик’; п.-мо. *урица*, мо. *уриц*, бур. *урса* ‘хижина; остроконечный шалаш из кольев, крытый берестой’.

По утверждению Г. Рамстедта, *орой* ~ *орай* ~ *урай* ‘макушка’, известное в большинстве кыпчакских языков, а также в якутском, заимствовано из монгольских языков. Исследователь также приводит параллели в тунгусо-маньчжурских языках: тунг., гольд. *porro*, ма. *foron*, ороч. *хо* (< *horo*), тунг. *horru* ‘вершина, макушка, верхушка; темя’ [Ramstedt, 1935, p. 288].

П.-мо. *ori* ‘только, лишь; одинокий’ [Kow., p. 439], мо. *op*, бур. *ори* ‘одинокий’; п.-мо. *čori* [Там же, p. 2220], мо. *цор* (*ганц*), бур. *сопи* (*ганса*) ‘совершенно один, единственный’, очевидно, развивалось на основе признака ‘торчащий в одиночестве’. Ср. эвенк. *урумукэн* ‘одинокий’ [ССТМЯ, 1977, с. 289]. Мягкорядный корень *ör ‘нечто одиноко торчащее’, по всей видимости, дал значение ‘один; показатель единственного числа из парных предметов’: ср.-мо. *ore’elesun* [НУ, p. 44], *ore’ele* [SH], *örēle* [МА, с. 277], п.-мо. *örügesun*, *örügel* [Kow., p. 585, 586], мо. *өрөөсөн*, *өрөөл*, бур. *үрөөһэн*, *үрөөлэ*, калм. *өрсэн*, ойр. *өрээл*, *өраэсен*, орд. *orǭl*, даг. *ergülen*, бао. *rɛʃi*, ж.-уйг. *orlǭ* [EDAL, p. 1064]. Типологическая близость наблюдается в «ма. *гарга* ‘сук, ветка; конечности (руки, ноги); одиночный, непарный, нечетный’» [ССТМЯ, 1975, с. 141].

Варианты корня *or со среднеязычным сонантом [y] в анлауте **yord/yorǰ/yorb* передают идентичные значения: п.-мо. *yorduyur*, мо. *ёрдгор*, бур. *ёрдогор* ‘торчащий, остроконечный’; п.-мо. *yorǰuyur*, мо. *ёрзгор* ‘торчащий; длинный и острый’; бур. *ёрбогор*, *ёрмогор* ‘остроконечный, торчащий; колючий’; ойр. *йорзиш* ‘выдаваться вперед, торчать’.

Наиболее «ярким» представителем данного поля можно назвать п.-мо. *sariday*, *sarday* [Less., p. 675], мо. *сарьдаг* ‘гора, покрытая вечным снегом; голец’, бур. *харьдаг* ‘безлесная горная вершина; крутая скала; горная цепь, горный кряж’. М. Н. Мельхеев выделяет в лексеме основу бурятского глагола *харьха* ‘брызгать, моросить, накрапывать’ и аффикс многократного причастия *-даг*, поясняя, что «на сардыках, на

высоких горах, вечно моросит, накрапывает дождь» [Мельхеев, 1969б, с. 142–143].

В. И. Рассадин считает, что данный орографический термин появился в результате лексикализации тюркского словосочетания *sari day* ‘желтая гора’, «поскольку гольцы в Саянских и Тункинских горах сложены из камней желтого цвета» [2007, с. 68]. Однако если отбросить формант *-day*, релевантный для образных корней, остается корень **sar* ‘нечто остроконечное, возвышающееся’. Корни **serb/šor/šur/šör* дали термины: п.-мо. *serbeng*, мо. *сэрвэн* ‘гребнеобразный; гребень, взгорье’; п.-мо. *šoru*, мо. *шор* ‘одиноко торчащая вершина горы’; п.-мо. *šuray*, мо. *шуряг*, калм. *шург* ‘скала, мыс (у реки, озера)’; п.-мо. *šörüng* ‘скала или гора, высунувшаяся вверх’ [Kow., p. 1542].

Ср. эвенк. *турук* ‘вершина (горного хребта, скалистая)’; эвенк. *урэ*, сол. *урэ*, эвен. *урэжчэн*, орок. *хурэ(н)*, нан. *хурэ* ‘гора; сопка’; эвенк. *чурпукау* ‘местность, покрытая острыми камнями; кристалл’, *чурпул-* ‘торчать, выступать’, *чурпун’а* ‘торчащий, остроконечный; вершина чего-л. (горы, чума и т.п.)’ [ССТМЯ, 1977, с. 221, 289, 417].

Ср.-мо. *aral* [SH; MA, с. 104], п.-мо. *aral* [Less., p. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. *арал*, калм. *арл*, орд. *арал*, даг. *alla, aral*, дунс. *аран*, бао. *алэр, арэн*, ж.-уйг. *арал*, мнгр. *rāl, ral, arā(r)* [EDAL, p. 314] ‘остров’ возможно, на наш взгляд, рассматривать как ‘нечто торчащее/остроконечное, выступающее из воды’. В тюркских языках лексема *aral* распространена в значениях ‘остров; заросли кустарника, главным образом по берегам рек и озер’. «По предположению Н. Н. Поппе, мо. *арал* ‘остров’ является заимствованием из тюркских языков: тюрк. *арал* ‘лес’ (‘остров в степи’). Г. Дерфер, в целом склоняясь к его точке зрения, допускает, что в собственно тюркском языке *арал* может быть древним заимствованием» [цит. по: ЭСТЯ, 1974, с. 167].

Авторы EDAL в монг. *арал* ‘остров’ выделяют этимон **ar* ‘открытое пространство’, соотнося его с мо. *армаг* ‘редкоцветистый’, бур. *армагар* ‘редкий’. По предположению исследователей, «первоначальным значением корня **ar* было ‘расстояние между берегами (или рукавами реки)’, отсюда *армаг* ‘редкий’, *арал* ‘остров’» [р. 314]. Однако в значениях *армаг* ‘редкоцветистый’ прослеживается тот же признак ‘торчащий (о ветвях)’: ср. бур. *армагар шүдэтэй тармуур* ‘грабли с редкими (т. е. торчащими) зубьями’; ма. *гэрбун гарбан, гэр-*

бэн гарбан, гэрбэн гэрбэн ‘редкий (о деревьях, траве, шерсти)’ [ССТМЯ, 1975, с. 182].

М. Базаррагчаа, рассматривая значения ‘остров, оглобля; пряжка’, считает, что лексема *арал* могла возникнуть в результате выпадения инициального согласного [t]: *ap < **таp/тэp/тоp*, ср. *тоp авах* ‘попасться человеку на глаза’, *торни-* ‘расти; мужать’, *торниун* ‘рослый, крепкий’ [1992, т. 238]. Л. В. Дмитриева, связывая *ar с понятием воды (венг. *ár* ‘поток’, индоевр. *ār/auer* ‘вода, влага’), интерпретирует значение *арал* как ‘водный’ или ‘то, что окружено водой’ → ‘остров’ [1984, с. 130].

Как отмечает В. Л. Цымбурский, праслав. *ostrovъ ‘земля среди вод’ традиционно рассматривается как префиксальное образование **o(b)-strovъ*, родственное слав. *struja, литовск. *srovė*, греч. *ροή*, нем. *Strom* ‘течение’ и трактуется как ‘нечто, окруженное струями’. Сам же исследователь предпочитает сближать его с индоеврейскими словами от **Нек'-r-/*Нок'-r* ‘острый’, относящимися к мысам, горам, холмам, а также к воздвигаемым на них укреплениям: ср. слав. *острог* [1999, с. 7].

ЛСП «Материальная культура»

Здесь представлены названия артефактов культуры, т. е. созданных людьми предметов, вещей, имеющих остроконечную, вытянутую форму. Прежде всего корни с дрожащим сонантом [r] служат как для родового понятия ‘оружие’⁴⁹, так и обозначения видов холодного и метательного оружия: ср.-мо. *ǰer* [SH; HYt], п.-мо. *ǰer* [Kow., p. 2324], мо. *зэр*, бур. *зэр*, калм. *зэр*, ойр. *зэр*, орд. *ǰir* [EDAL, p. 1534] ‘оружие, вооружение’; ср.-мо. *ira* [MA, с. 197], п.-мо. *ir*, *ǰir* [Kow., p. 318, 2358], мо. *ир*, бур. *эри*, калм. *ир*, ойр. *ире*, даг. *xir*, *ir*, ж.-уйг. *hir*, мнгр. *ir* [EDAL, p. 1136] ‘лезвие, острие’; п.-мо. *aram*, мо. *арам* ‘копьеобразное оружие; гарпун, дротик; острие меча, копья; меч, кинжал’, калм. *арм*, ойр. *арам* ‘метательное копье, дротик’; п.-мо. *šoru*, мо. *шор*

⁴⁹ Ср. фонетическую близость между др.-рус. *оружие* (при исконном рус. *ружьё*), укр. *оружжя*, белор. *ружьжо*, болг. *оръжие*, сербохорв. *ору̀жје*, словенск. *oróžje*, *rožjè*, чешск. *oruží*, польск. *oręż* [Фасмер, 1971, с. 154] и рус. *рожон*, укр. *рожен*, болг. *ръжен* ‘кочерга, вертел’, сербохорв. *ражањ-*, словен. *raznj*, чеш. *rozen*, польск. *rozen*, в.-луж. *rozen*, н.-луж. *rozen*, *rozon* [Там же, с. 493].

‘оружие длиннее меча, шпага’, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘штык’; п.-мо. *ǰǰuq-a*, мо. *зорх* ‘метательный снаряд с острым наконечником’; п.-мо. *ǰǰuqu*, мо. *зорх* ‘костяной наконечник стрелы метательного снаряда, острый наконечник’.

В тунгусо-маньчжурских языках корни с доминантой [r] также служат для обозначения стрелы и ее частей: эвенк. *н’ур* ‘стрела (с железным наконечником)’, сол. *ниру* ‘стрела’, эвен. *н’уран* ‘стрела (с металлическим наконечником)’, ма. *ниру* ‘стрела большая, с прямым пером и толстым железком – на зверей’ [ССТМЯ, 1975, с. 648], ма. *орги* ‘наконечник, копьец (обоюдоострое у стрелы)’; эвенк. *хурма* ‘стрела (с листообразным наконечником)’; сол. *ш’урдэл* ‘острие стрелы’, ма. *сирдан* ‘стрела (с железным наконечником)’, *сирдаңга* ‘стрелообразный’ [ССТМЯ, 1977, с. 23, 354, 426].

Образные корни с [š] в анлауте образуют большое количество лексем рассматриваемого семантического поля: ср.-мо. *sire* [IM], *sira* [MA, с. 335], п.-мо. *šoru* [Kow., р. 1542], мо. *шор*, бур. *шоро*, калм. *шор*, ойр. *шор* ‘вертел; остроконечная деревянная палочка (для жарения мяса)’; п.-мо. *siryu* ‘рожон; кол для преступников; мачта’ [Там же, р. 1527], мо. *шураг*, калм. *шург* ‘рожон, вертел; шуруп; жердь, шест’; п.-мо. *šorung*, мо. *шорон*, бур. *шорон* ‘частокол; тюрьма, острог’; п.-мо. *šörü*, мо. *шөр* ‘штырь’; п.-мо. *šörge*, мо. *шөрөг*, бур. *шүргэ*, ойр. *шөрег* ‘изгородь’.

Согласные [s/č] не уступают по продуктивности [š] в инициальной позиции: п.-мо. *sarayčün* [Kow., р. 1335], мо. *сапагчин* ‘столбик, шпич на крыше часовни или посреди обона’; п.-мо. *saralǰin*, мо. *сапалж(ун)*, *сапалж*, калм. *сапалжн* ‘решетка; каркас; орудие пытки’; п.-мо. *čerge* ‘столбик, к которому лошадей привязывают’ [Там же, р. 2128], мо. *сэргэ* ‘прикол’, бур. *сэргэ* ‘коновязь’; пкл.-мо. *serege:*, *serige:* [Tum., р. 550], п.-мо. *serege*, *serige*, *seriy-e* [Kow., р. 1369], мо. *сэрээ*, бур. *һэрээ*, калм. *сепэ*, ойр. *сепээ*, орд. *serē*, даг. *serē* [EDAL, р. 1225] ‘вилка; острога, гарпун, копьё с зубцами’; п.-мо. *seregelǰi* [Kow., р. 1370], мо. *сэрээлж* ‘вилка для плодов’; бур. *һэрбэ* ‘мутовка (для помешивания араки при перегонке, для сбивания масла)’.

По предположению авторов EDAL, Пмонг. *serege ‘трезубец, вилы’, Пяп. *sárápí ‘грабли, вилы’ и Пкор. *səih ‘три’ объединены единым признаком ‘тройной, состоящий из трех частей’ [р. 1225]. Одна-

ко, как показывают примеры, значение корней **sar/ser/sor* может соотноситься как с одним (*čerge* ‘прикол’), двумя (*serke* ‘козел’), тремя, так и с множеством денотатов.

Корни **sor/sur/šur* также образуют различные наименования жердей, шестов, посохов: п.-мо. *surγay*, *šurγay* [Kow., p. 1542], *surγayay* [Less., p. 739], мо. *сургаг*, *шургаг*, *шургааг*, бур. *һургааг*, *һургы* ‘жердь’, в Алтайском словаре сопоставляемое с Птунг. **sīaraj* ‘жердь’ и Птюрк. **sīruk/*sūrīk* ‘шест’ [EDAL, p. 1276]; пкл.-мо. *sorbi* [Tum., p. 551], п.-мо. *sorbi*⁵⁰, мо. *сорви*, бур. *һорьбо* ‘трость, посох у шамана’; бур. *һорбон* ‘приспособление для подвешивания над огнем посуды при варке пищи’; *һорьбон* ‘скоба (вбитая в стену одним концом); тренога-таган’. К Пмонг. **sorbi* в качестве параллелей даются Птунг. **sarpukī* ‘палочки, щипцы (для еды)’ и Птюрк. **sa(r)pan* ‘плуг’. «Корень, возможно, обозначал палку, используемую в сельском хозяйстве, например, палку для копания или мотыгу, с последующим переходом в ‘плуг’ и необычно в ‘палочки для еды’ в т.-ма. языках» [EDAL, p. 1216].

В тюркских языках *сы:рық* ‘большой шест; шест носильщиков; шест для сбивания плодов с деревьев; жердь; древко копья; пика’ [ЭСТЯ, 2003, с. 452]: каз. *сыри-* ‘торчать, вытянуться вверх как шест’, *сыргауыл* ‘жердь, шест’ [Кайдаров, 1986, с. 278], тоф. *сыран*, тодж. *сыран* ‘опорный шест чума’ [Рассадин, 1971, с. 94]; ма. *сурбэжэн* ‘шпиль (гвоздеобразный конец ножа, которым нож насаживается в рукоятку)’; сол. *сэрбэй* ‘острый’; ма. *шуруку* ‘шест (судходный); весло кормовое; багор’ [ССТМЯ, 1977, с. 129, 144, 430].

Номинация п.-мо. *čorγu* [Kow., p. 2221], мо. *цорго*, бур. *сорго*, калм. *цорь*, калм. *цорһ* ‘горлышко (у чайника); перегоночная труба (по которой стекает молочная водка); желоб’; п.-мо. *čordung*, мо. *цордон* ‘небольшая труба’, по всей видимости, возникла на основе образа ‘нечто вытянутое, торчащее’. Эвенк. *сарго*, ма. *чорхо* ‘труба для перегонки араки’ считаются заимствованием из монгольских языков [ССТМЯ, 1977, с. 65].

---

⁵⁰ Возможно, тот же мотив в п.-мо. *surbaljī* ‘головка у стрелы, конец меча и ножа, втыкаемый в черен’ [Kow., p. 1416], мо. *сурвалж* ‘основание, корень; род, знатность; основа, та часть меча или шашки, которая всажена в рукоятку’.

К данному лексико-семантическому полю относятся п.-мо. *urya* ‘укрюк, шест с петлей для поимки лошадей’ [Kow., p. 460], бур. *урга* ‘шест с петлей (для ловли лошадей или скота); укрюк для ловли рыбы’; п.-мо. *borγulji* [Less., p. 121], мо. *борголж* ‘шест, к которому прикручивают кладь на воде’; ср.-мо. *beri’ē* [IM], п.-мо. *beriy-e* [Kow., p. 1127], мо. *бэрээ* ‘посох’. В тюркских языках представлены формы с согласным [m] в анлауте: тув. *мерге* ‘длинная палка для сбивания орехов с кедра; бита (напр., при игре в городки)’, тоф. *меьрге* ‘палка, бита’, хак. *мурге* ‘биток при игре в городки, бита, прут’, которые М. Ряснянен рассматривал как производные с аффиксами *-ке ~ -ге* от глагольной основы *бер-* ‘бить’. По мнению Б. И. Татаринцева, п.-мо. *berege* ‘посох’ – определено тюркизм [2008, с. 112].

В тунгусо-маньчжурских языках в анлауте активно выступает согласный [t]: эвенк. *турга, тургэ*, нег. *тојга* [*турга], нан. *тојга* [*турга], сол. *тэрү*, эвен. *тор*, нег. *тују* ‘подпорка; столбы, шести в жилище, подпирающие верхние поперечные балки’; эвенк. *туру* ‘столб; жердь (верхним концом выходящая через дымовое отверстие чума для камлания)’, нег. *тојо*, ороч. *тү*, нан. *тора*, ульч. *туру* ‘шест (из обтесанной лиственницы – дорога, по которой духи поднимаются в небо)’; эвенк. *тэркэ* ‘подставка; стрела (с вилообразным концом)’; эвенк. *урагантун* ‘полоз нарты’, эвен. *ураульч* ‘дуга у нары’; як. *ураҕас* ‘шест, жердь, прут, хлыст; оглобли (у бычьих саней); эвенк. *ургун* ‘древко (пальмы, копья)’ [ССТМЯ, 1977, с. 218–221, 239, 282, 283].

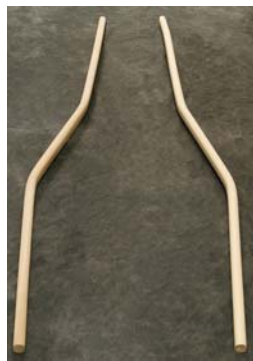
Первоначальное значение лексемы ср.-мо. *aral* [HY], п.-мо. *aral* [Less., p. 44], мо. *арал*, бур. *арал*, ойр. *арал*, орд. *aral*, даг. *aral*, ж.-уйг. *aral*, мнгр. *rāl* [EDAL, p. 1125] ‘дышло, оглобли’⁵¹ можно интерпретировать как ‘нечто длинное, торчащее, выступающее’ (ср. значения як. *урагас* < *сурагач ‘шест, жердь, длинная палка; оглобля’). По за-

---

⁵¹ Значение лексемы мо. *арал* ‘пряжка’, возможно, основано на образе ‘нечто выступающее, торчащее’, поскольку пряжки, в частности для подпруги (*оломны арал*), как правило, имеют железные шпеньки (небольшие шипы, стержни), продеваемые в круглые сквозные отверстия. Ср. як. *хараҕа* ‘чека, застежка’; ма. *тэру* ‘шпенек (у мотовила)’.

мечанию авторов Алтайского словаря, сопоставляющих лексему с Птунг. **para* ‘лука седла, клин (посреди лука); сани; оглобля’, Птюрк. **arıl* ‘оглобля’, Пкор. **parko* ‘вид саней, запрягаемых лошадьми’, «корень часто цитируется, но достаточно проблематичен. Тунгусскую и корейскую форму трудно считать заимствованиями» [EDAL, p. 1125–1126].

Э. В. Севортян относит тюрк. *арыш* к производным именам древнего образования, где **-ач* и *-ыш*, вероятно, имеют инструментальное значение <...> **ap* можно было бы сопоставить со значением ‘соединять’, которое видно в тур. диал. *arıç* ‘развилка, которой дышло прикрепляется к телеге’ [ЭСТЯ, 1974, с. 190]. Калм. *арш*, ойр. *арши* ‘дышло, оглобля’ считаются заимствованиями из тюркских языков [EDAL, p. 1125]. В. И. Рассадин рассматривает *aral* в качестве «регионального тюркизма», бытующего в бурятском и халха-монгольском и отсутствующего в калмыцком [2007, с. 66]. Вариант корня **arq/arγ* прослеживается в бур. *аргаали* ‘ручка сохи или плуга’, где, очевидно, действовал тот же мотив номинации ‘нечто торчащее’.

Возможно, номинация в *турку* ‘нарта оленья’ [ССТМЯ, 1977, с. 220] происходила на основе зрительного восприятия в первую очередь длинных оглоблей нарт. Значения ма. *фара* ‘сани (для возки сена, дров); нарта; оглобли (у телеги, носилок); концы лука (оклеенные рогом)’ некоторым образом свидетельствуют в пользу данного вероятия. В таком случае закономерно выглядят предложенные в EDAL параллели: «Пмонг. **terge* ‘повозка’ и Пкор. **tärkö* ‘легкая повозка’» [р. 1433]. В. И. Рассадин производит мо. *тэрэг* от др.-тюрк. *tergän* – id. [2010, с. 33].

Хотя, на наш взгляд, все же не следует исключать вероятности того, что в основе ср.-мо. *tergan* [НУ, р. 17; SH], *tergen* [МА, с. 349], пкл.-мо. *terge(n)* [Tum., р. 582], п.-мо. *terge(n)* [Kow., р. 1775], мо. *тэрэг*, бур. *тэргэ*, калм. *тергн*, ойр. *терген*, орд. *terge(n)*, даг. *terge*, *tereg*, *terehe*, дунс. *čiege*, ж.-уйг. *tergen*, мнгр. *tërge*, *tørge* ‘телега, повозка’ лежит звукоподражание: бур. [нарья-] *тэрье-* ‘скрипеть, греметь (о телеге)’; як. *дэрдиргээ* ‘биться, колотиться от тряски (при ез-

де) < нар-тэр гэ- ‘издавать звуки нар-тэр’. Т.-ма. турку ‘нарта олень’, равно как и мо. *шарга* ‘сани’, могло возникнуть благодаря слуховому восприятию скрипа снега под полозьями.

Итак, в данном разделе нами рассмотрены лексемы, номинация которых происходила на основе признака ‘торчащий, остроконечный; длинный’, в большинстве случаев соотносящийся с одним (клюв птиц, морда рыб, вершина горы, части тела, острие оружия и других предметов) или двумя референтами (рога диких и домашних животных, крылья птиц). В виде множества референтов выступали ровно торчащие зубы диких животных, а также колючки некоторых рыб и животных.

3.1.1.2. ‘Нечто растопыренное, лохматое’

Указанные признаки реализуются в следующих типах корней:

1. $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arsayar*, мо. *арсгар* ‘торчащий во все стороны; редкий’; п.-мо. *arbayar*, мо. *арвагар*, бур. *арбагар*, калм. *арвһар*, ойр. *арвахар* ‘лохматый; растопыренный; ветвистый’; п.-мо. *aramay* [Kow., p. 143], мо. *армаг*, бур. *армагар*, *ирмагар* ‘редкий’; п.-мо. *erbeger*, мо. *эрвэгэр*, калм. *эрвһр* ‘растрепанный; растопыренный’, бур. *эрбэн шэрбэн* ‘редкий (о бороде)’, бур. *эрзэ-эрзэ* – о шевелении волос на спине ощетинившейся кошки или собаки, *эрзэгэр* ‘взьерошенный’; п.-мо. *örbügür*, мо. *өрвөгөр*, бур. *үрбэгэр*, *үрзэгэр*, калм. *өрвһр*, ойр. *өрегер* ‘взьерошенный; редкий’; п.-мо. *ürjeyi-*, мо. *үрзий-* ‘находиться’. «В тур. *үрнер-*, аз. *үрнәр-*, ног., ккалп. *үрней-*, кир. *үрнүй-*, каз. *үрний-* ‘становиться дыбом, ощетиниться’ основа *үрп подражательного происхождения» [ЭСТЯ, 1974, с. 637].

2. $C_{un}+V+[r]$: п.-мо. *sörü-*, мо. *сөр-* ‘становиться дыбом, взьерошивать’; п.-мо. *sir ki-*, п.-мо. *шир хий-* ‘щетиниться’; п.-мо. *dereger*, мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *дергр* ‘лохматый, взьерошенный (о головном уборе)’.

3. $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *šarbiyar*, *šorbiyar*, *šorbuyar*, *sirbege* [Kow., p. 1522], *šörbüger*, мо. *шарвигар*, *шорвигор*, *шорвогор*, *ширвэгэр*, *шөрөвгөр* ‘взьерошенный (о бороде, усах, волосах, шерсти)’, бур. *шарбагар* ‘виляющий хвостом’, *шүрбэгэр* ‘длинный и жидкий (о бороде)’, п.-мо. *serbege*, мо. *сэрвэгэр*, бур. *һэрбэгэр* ‘раскидистый, взьерошенный’; калм. *сарсхр*, *сөрсхр*, ойр. *сарсаһар*, *сөрсегер* ‘стоящий дыбом (о волосах)’; п.-мо. *parrayar*, мо. *парпагар* ‘лохматый’;

бур. *борбогор* ‘всклокоченный; реденький (о бороде)’; п.-мо. *boryuljin*, мо. *борголжин* [*сахал*] ‘жидкая борода’; п.-мо. *börjüger*, *bürjüger*, мо. *бөрзгөр*, *бүрзгэр* ‘взъерошенный (о волосах), редкий’, бур. *бүрсэгэр* ‘маленький, жалкий’.

Признак, выраженный бур. *бартагар* ‘лохматый, нескладный’, стал ведущим в номинации *бартаху* (*баабгай*) ‘медведь’. Ср. др.-тюрк. *baraq* ‘охотничья собака с лохматой и длинной шерстью’, кир. *барак ум* ‘длинношерстная собака’, каз. *барақ* ‘порода собаки’, к.-калп. *барақ* ‘волосатый, лохматый’, узб. *бароқ* ‘лохматый; пушистый’, тур. *barak* ‘волосатый; порода охотничьих собак’ [Рассадин, 2007, с. 113], эвенк. *ларбаран* ‘распустить, распушить хвост (о птице); растрепать’, *ларбэлэмэ* ‘пушистый, мохнатый’; *лирбили* ‘пучком (о волосах, шерсти, ветвях)’, *лирбимэ* ‘лохматый; пышный’ [ССТМЯ, 1975, с. 494, 500].

Следует отметить, что на базе рассматриваемых признаков развился признак ‘громоздкий, величественный’ (👤), их контаминация прослеживается во многих производных, корни которых можно разделить на следующие типы:

1. $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arqayar* [Less., p. 55], мо. *архагар*, бур. *архагар*, калм. *архр* ‘неуклюжий, громоздкий; беспорядочно валяющийся’, но ойр. *архаһар* ‘растопыренный; ветвистый’; бур. *арха-барха* ‘большой, крупный; в большом количестве, массой’; бур. *орхогор*, калм. *орхр* ‘громоздкий’, но п.-мо. *орқиуир*, мо. *орхгор* ‘приподнятый, торчком’. Бур. *арья-барья*, *арья-дарья* ‘кучный, массивный, огромный’, *арьягар* ‘величественный, громадный’, *арьяаг*, *арьял*, *арьялаа*, *арьялаг* ‘огромный, исполинский’, бур. *арнагар* ‘большой и несуразный’. Б. И. Татаринцев приводит тув. *араазай* ‘очень высокий, высокий; очень крупный (о человеке, животном)’, отмечая неясность происхождения слова. По предположению автора, *араазай* связано с некой именной или образной основой, характеризующей большую величину, размеры [2000, с. 125];

2. $C_{un}+V+[r]+C_{aus}$: бур. *бархагар* ‘неровный, бугристый; громоздкий; грубый’; калм. *барха-* ‘четко вырисовываться вдаль; быть бугристым; громоздким; грубым’, ойр. *бархаа-* ‘громоздиться, смотреться неподвижным’; п.-мо. *дарγай*, мо. *даргай*; п.-мо. *darqayar*, *darkiyar* [Less., p. 233], мо. *дархгар*, *дархигар*, бур. *дархагар*, *дархигар*, *дарна-*

гар, дарьягар, калм. *дархр*, ойр. *дархагар* ‘громоздкий, неуклюжий; старый, громадный’; п.-мо. *qarqay-i*, мо. *хархай-* ‘лежать кучей, громоздиться’, бур. *хархагар* ‘громадный, лежащий кучей’; *хархигар* ‘большой и расхлябанный (например, о телеге)’, *хорхи* ‘громоздкий’, *хархагар* ‘громоздкий; растопыренный’, *хархи-дархи*, *харха-барха*, *харха-хэрхэ*. Ср. каз. *қорби-*, *қоржи-* ‘восседать взгромоздившись, неуклюже’ [Кайдаров, 1986, с. 248].

В калмыцком языке корень *bart передает значение ‘нечто крупное, большое’: *барта эрэтэ алчур* ‘платок с крупным орнаментом’, *барта зам* ‘большак (большая дорога)’. Этот же признак лежит в п.-мо. *bartay-a* [Less., p. 89], мо. *бартаа* ‘валуны, большие камни, скалистое место’; бур. *бархаг* ‘якорь; большой замок’.

ЛСП «Животный мир»

Рассматриваемые признаки в монгольских языках прослеживаются в ряде лексем, номинирующих различные виды волосяного покрова животных. Первоначальным значением лексемы ср.-мо. *arasun* [НУ, р. 15; SH; LH; МА, с. 104], *arasu* [IM], пкл.-мо. *arasun* [Тум., р. 303], п.-мо. *arisi*, *arasu* ‘кожа, шкура’ [Kow., p. 143], мо. *арьс*, бур. *арһан*, калм. *арсн*, ойр. *арсан*, орд. *arusu*, мог. *arōsun*, *ōrōsun*, даг. *arsa*, *aras*, дунс. *arasun*, бао. *arsoŋ*, ж.-уйг. *arsən*, мнгр. *arasə* [EDAL, р. 520] ‘кожа; шкура; мех’, вероятно, было ‘нечто с торчащими, жесткими волосками’, которое в дальнейшем трансформировалось следующим образом: ‘мех; шкура дикого/домашнего животного’ → ‘кожа человека’. В Алтайском словаре Пмонг. *ara-su сопоставляется с Птунг. **eru-ke-* ‘шуба, кафтан’: эвен. *иркэнми* ‘кафтан (детский мехом наружу)’, ороч. *эруэ* ‘шуба из собачьей шерсти’, ульч. *эруэ(н)* ‘шуба, одежда (меховая длинная)’ [Там же]. Ср. также эвенк. *н'арһин* ‘шкура (непродыmlенная)’ [ССТМЯ, 1975, с. 635].

П.-мо. *örbelge*, *örbülge* ‘перья у чиновников на шапке, в соколином хвосте, для украшения’ [Kow., p. 587], мо. *өрвөлгө*, бур. *үрбэлгэ*, калм. *өрвөлһ*, ойр. *өрвөлге*, орд. *örvölgö* [EDAL, р. 1173] ‘вихор; перья на головном уборе’ сопоставимы с Птунг. *purakī ‘крыло; кость крыла; ость (пера)’ и Яп. *pəgə ‘крылья сокола; перья под крыльями’ [Там же]. Ср. п.-мо. *örbi* [Kow., p. 587], мо. *өрви*, *өрөөтас* ‘аист’. В основе орнитонима п.-мо. *orbulyu* ‘филин’ [Там же, р. 464], мо. *орвол-*

го ‘совка, сплюшка’, возможно, заложен такой отличительный признак этих птиц, как довольно большие перьевые «ушки».

Семантически с *arasu* и *örbelge* связаны термины: п.-мо. *tar* ‘ость на меху’, *taraqai* ‘пуховое перышко’ [Kow., p. 1663], мо. *tap* ‘ость меха; редкий, редкошерстный’; п.-мо. *sor* [Там же, p. 1411], мо. *cop* ‘ость (меха); длинные отдельно торчащие из общей массы стебли травы’, бур. *һорьмой* ‘ость (у меха)’; п.-мо. *sirkeg*, п.-мо. *шурхэг* ‘волосок, щетина (свиная)’. В данное лексико-семантическое поле входят тунгусо-маньчжурские лексемы: эвенк. *һуракӀ* ‘крыло; кость плечевая (у птиц); ость (пера)’, эвен. *һуриқи* ‘предплечье (часть крыла птицы)’, орок. *хурақи* ‘кость (крыла)’; эвенк. *шурэку* ‘перо (большое, в крыле птицы)’ [ССТМЯ, 1977, с. 352, 426].

Отсюда ср.-мо. *sormue* [HY, p. 45], *sormosu* [IM], *sorbisu* [MA, с. 325], *sarmasün* [Lig.VMI], п.-мо. *sormuusun*, *sormusu(n)* [Kow., p. 1418], мо. *сормос*, *сормуус*, бур. *һорьмоһо(н)*, калм. *сурмесг*, ойр. *сормасан*, орд. *sormūs*, *sormūsü*, дунс. *somosun* [EDAL, p. 1218] ‘ресницы; ость’ < ‘нечто торчащее’. Ср. Птунг. **sarimĩ-* ‘ресница, бровь’; Пкор. **sət* ‘бровь’ [Там же], а также эвенк. *киримкӀн* ‘ресница’, эвен. *киримки* ‘бровь; веко’, нег. *кӀмкӀ* (**кијимкӀ* < **киримкӀ* ‘ресница’) [ССТМЯ, 1975, с. 398].

С помощью корней **sar/ser/sor/sir/quir/kür/tur* в сопровождении ауслуатных согласных *[s]*, *[m]*, *[b]* образованы следующие разновидности шкуры, кожи: ср.-мо. *sarisu* [MA, с. 319], п.-мо. *sarisu* [Kow., p. 1335], мо. *сарьсан*, бур. *һарьһан*, калм. *сэрсн*, ойр. *сэрсен* ‘сыромьятная кожа; мягко выделанная тонкая кожа (замша, шагрень, сафьян)’; п.-мо. *sarmai*, мо. *сармай*, бур. *һармай*, *һарьмай* ‘овечья шкура без шерсти; облезлая шкура’; п.-мо. *sermei* ‘кожан, шуба без шерсти’ [Там же, p. 1374]; п.-мо. *sorsun* [Там же, p. 1417], мо. *сорс*, бур. *һорһо(н)* ‘зимняя грубая непрочная шкура козули’; п.-мо. *sorsun*, мо. *сорсон* ‘дубленая кожа сайги или дикой козы’; п.-мо. *siri(n)* ‘кожа, шкура (для обвертки ящиков); груз на одном боку вьючного животного’⁵² [Там же, p. 1523], мо. *шур* ‘кожа, шкура (крупного скота); сыромьять; яловка’; п.-мо. *qurisaγ-a*, мо. *хурьсага*, калм. *хурсх* ‘ягнячья шкурка, мерлушка’; бур. *хурбэдхэ* ‘овчина (или мех с короткой шер-

---

⁵² В калм. *шур* сохранилось только переносное значение ‘тюк’.

стью); отросшая после стрижки шерсть'; п.-мо. *tursay-a*, мо. *турсага* 'шкура павшего от голода скота'.

Пмонг. **sari-* 'овчина без шерсти; кожа, кожаца; мошонка' сопоставляется с Птунг. **sarga-* 'верхний слой юколы вместе с кожей; панцирь'; Птюрк. **jarí* 'кожа; кожаца' [EDAL, p. 1508]. Как видно, здесь термин п.-мо. *saranay*, мо. *сараанаг*, бур. *һараана* 'мошонка (у животных)' восходит к тому же этимону, что и *sarisu*, т. е. < 'нечто с торчащими волосками, мохнатое'.

Данные примеры снова свидетельствуют о том, что гласный [u] соотносится с более мелкими по размеру или же более мягкими предметами, нежели [a]: *хурьсага* ↔ *арьс* (*хурга* 'ягненок' ↔ *сарваа* 'жеребенок', *хуруу* 'палец' ↔ *гар* 'рука'). Если учесть закон выпадения сонантов перед шумными согласными, описанный Г. Рамstedтом, В. И. Рассадным [1982, с. 153–156], можно попытаться выделить рассматриваемые признаки 'торчащий в разные стороны, лохматый' в ср.-мо. *xusun* [HY, p. 45; SH], *hason* [IM], *usun* [MA], п.-мо. *usu(n)* [Less., p. 1013], мо. *үс(эн)*, бур. *үһэн*, калм. *үсн*, ойр. *үсен*, орд. *usu(n)*, *оһу*, даг. *xusu*, *huse*, *xus*, дунс. *usuŋ*, *usun*, бао. *suŋ*, ж.-уйг. *həsun*, мнгр. *fuзə*, *sзə* [EDAL, p. 1186] 'волосы; шерсть, мех; щетина, иглы' и представить Пмонг. форму в виде **hürsü(n)* (**ars* 'шкура животного' ↔ **ürs* 'волосы человека'). В таком случае лексемы словосочетания бур. *үрзэгэр үһэн* 'торчащие волосы' могут восходить к идентичным корням **hürs/hürj̆*. Следует отметить, что в Алтайском словаре восстанавливается праалтайская форма *p'úne* 'волосы, шерсть' на основе Птунг. **puñe-* 'волос(ы)', Пяп. **pánái* 'перо' и Пмонг. **hü-sü* 'волос' [Там же].

Рассмотрим различные наименования помета домашних животных, в корневой части которого также присутствует сонант [r]. В ср.-мо. *haryal* [IM; MA, с. 182], п.-мо. *aryal* [Kow., p. 153], мо. *аргал*, бур. *аргал*, ал., баргуз. *аргааһан*, калм. *aphcn*, ойр. *aphасан*, орд. *argal*, даг. *xargal*, ж.-уйг. *harʁal*; мнгр. *xarGar* [EDAL, p. 1125] 'аргал, кизяк (сухой помет, употребляемый как топливо)' номинация, по нашему мнению, связана с образом 'нечто с торчащими колючками'. Как известно, внешний вид сухого аргала как продукта жизнедеятельности домашнего скота (в особенности лошадей) отличается тем, что из

него, как правило, торчат мелкие сорные и кормовые травы, оставшиеся после переработки организмом животного⁵³.

Птунг. **parga-* ‘помет; испражняться’ авторы EDAL восстанавливают на основе единичной формы ма. *fažan* ‘помет’, которую, вопреки В. Розицкому, вряд ли можно считать заимствованием из монгольских языков. Эвенк. *arəhун* ‘помет’ – явный монголизм. Также ими реконструируется Птюрк. *ark ‘навоз, экскременты’ [р. 1125]. «М. Рясянен ж.-уйг. *xaryar, xaryal* ‘пласты сухого навоза’ помещает как монголизм, тогда как хак. *арух* ‘кал’ имеет лишь отсылку к ж.-уйг. форме» [Цинциус, 1984, с. 33].

Правомерность возведения п.-мо. *sarmai, sarmiday*, мо. *сармай, сармидаг* ‘летний сухой помет’ к образу ‘нечто колючее; хрупкое’, на наш взгляд, подтверждают значения п.-мо. *sarmai*, мо. *сармай* ‘прическа, похожая на ежик’; п.-мо. *sarimaγar*, мо. *сармигар, сарамгар*, бур. *һармагар* ‘торчащий, растопыренный’; п.-мо. *sarmii-*, мо. *сармий-* ‘становиться тонким и хрупким’.

К данному лексико-семантическому полю, на наш взгляд, следует отнести п.-мо. *sürel, segürel* ‘мелко нарубленная солома, сечка; волосы на детородных органах’ [Kow., р. 1434]. Примечательно, что в «Мукаддимат-ал-Адаб» зафиксировано только последнее значение: ср.-мо. *sü:rel, se'ü:rel γaryaba kü:ken* ‘у мальчика появились *pubes*’ [МА, с. 322, 330]. В халха-монгольском языке *сүрэл* функционирует в значении ‘солома, соломинка’. Ведущую роль признака ‘торчащий’ подтверждает, на наш взгляд, альтернативное название можжевельника, приведенное О. М. Ковалевским: п.-мо. *sürü modu* ‘арча’ [Kow., р. 1435].

И, наконец, корень *arb ‘нечто растопыренное (о ножках)’ служит для номинации пауков: п.-мо. *arbaγalǰi*, мо. *арваалж* ‘паук; ракообразные’; п.-мо. *arbaγan*, мо. *арваан* ‘паучок’; бур. хилок. *арбаахай*, баргуз. *арбаахалдай* ‘паук’.

ЛСП «Растительный мир»

В данном разделе представлены названия растений, восходящие к образу ‘нечто растопыренное, развесистое, лохматое’. Выбор образного корня *arb в ср.-мо. *arbəi* [НУ, р. 8], *arbai, ārbāi* [МА, с. 104,

---

⁵³ Здесь также можно в некоторой степени допустить участие обонятельного восприятия.

253], п.-мо. *arbai* [Kow., p. 155], мо. *арвай*, калм. *арва*, ойр. *арваа*, орд. *arwā*, мог. *arfēi*, *arfā*, дунс. *ара*, мнгр. *šbā* [EDAL, p. 312] ‘овес; ячмень’

обусловлен наличием торчащих в разные стороны длинноватых волосков, которыми обычно усажены узкие листья злакового растения. Мотивацию в тюрк. *арна* ‘ячмень’ по топорщащейся вверх форме колоса Ф. Ф. Гаффарова подтверждает такими семантическими свидетельствами, как кум. *arpalan*, ног. *арпаланув* ‘образование метелки (у злаковых)’ [2003, с. 131].

В. Котвич рассматривает ма. *арфа* как заимствование из тюркских языков, А. М. Щербак также считает эту лексему тюркской, но пришедшей в маньчжурский язык через посредство монгольского языка [цит. по: ЭСТЯ, 1974, с. 176]. По мнению Дж. Клосона, тюрк. *арпа*: ‘ячмень’ может быть индоевропейским (тохарским) заимствованием [Cl., p. 198]. Э. В. Севортян относит мо. *арвай* к тюркизмам, ссылаясь на то, что тюрки, во всяком случае уйгуры, еще до XI в. были знакомы с различными земледельческим культурами, как о том свидетельствуют лингвистические данные, не говоря уже об исторических сведениях [ЭСТЯ, 1974, с. 176–177]. Однако авторы Алтайского словаря считают, что «мо. *арвай* не может относиться к тюркизмам» [EDAL, p. 312], исходная образная семантика фитонима достаточно очевидна.

Основные значения корней **orb/urb* представлены в п.-мо. *orbuyur* [Kow., p. 465], мо. *орвогор*, бур. *орбогор* ‘взъерошенный, стоящий дыбом, торчащий’; п.-мо. *urbayar*, мо. *урвагар* ‘торчащий, лохматый; шероховатый’. Однако в производных от указанных корней также развилось переносное значение ‘вывернутый, вывороченный’ на основе образа корневища дерева, вывороченного вместе с землей порывами ветра – ‘нечто с торчащими в разные стороны корнями’: п.-мо. *orbung* [Less., p. 616], мо. *орвон* ‘корень, стебель’, *модны орвон* ‘корневище дерева’, *орвонгоор нь суга тата-* ‘выкорчевать’. Номинация растения п.-мо. *oryudai* ‘корень женьшеня’ [Kow., p. 461], мо. *орходой*, бур. *орходой* ‘женьшень’, возможно, связана с его толстыми, ветвящимися корнями, широко известными своими целебными свойствами.

Признак ‘вывернутый’ прослеживается в следующих словах: бур. *урбагар* ‘вывернутый (о веках)’, *орбоног* ‘влагалище коровы’, *урбууд-ха* ‘сшитая из вывороченной шкуры одежда’, а также реализуется в глаголах: ср.-мо. *hurba-*, *urba-* [МА, с. 187, 366], пкл.-мо. *urba-* [Тум., р. 606], п.-мо. *urba-* [Kow., р. 462], мо. *урва-*, бур. *урба-* ‘поворачиваться; изменять кому-л., предавать, отступиться’; возможно, пкл.-мо. *körbe-* [Тум., р. 453], п.-мо. *körbe-*, мо. *хөрв-*, бур. *хүрбэ-* ‘перевертываться, ворочаться’. Ср. эвенк. *курбу-* ‘вертеться; барахтаться’, сол. *хуббу-* ~ *хүрбэ-* ‘ворочаться, перевертываться, валяться’, ма. *курбуушэ-* ‘ворочаться’ [ССТМЯ, 1975, с. 435].

Корни **sarb/čarb* послужили основой для появления следующих фитонимов: п.-мо. *čarbang*, мо. *царван* ‘полынь крупноголовчатая, аптечная полынь’, хорин. *сарбан* ‘полынь’; п.-мо. *sarbaɣalʃi*, мо. *сар-ваалж* ‘щирца трехцветная’, п.-мо. *sarbalʃi* ‘какое-то растение’ [Kow., р. 1336], мо. *сарвалж* ‘дикое просо’, возникших благодаря густым колосовидно-метельчатым соцветиям растения. В бур. *харбаалжа* развилось метафорическое значение ‘родословное древо’.

Кроме того, корень **sarb* прослеживается в названии маньчжурского женского головного убора *сарвач*, похожего на корону, п.-мо. *sarbači* ‘сетка для покрытия волос, собранных в пучок’ [Less., р. 675], а также в бур. *харбай*, калм. *сартг* ‘трефы’. По всей видимости, п.-мо. *sarbači* перешло в бурятский язык, претерпев морфологические и семантические изменения: *харбаалжа* ‘бусины из янтаря, малахита, лазурита, яшмы (на головном женском украшении *даруулга* нашивались в 3 ряда бусины, средний ряд назывался *гол* ‘основной’, на него нашивались главные камни – кораллы, а бусины верхнего и нижнего рядов назывались *харбаалжа*)’ [Шагдаров, 2008, с. 551].

Также для обозначения полыни используются лексемы: п.-мо. *siralʃi* [Less., р. 715], п.-мо. *шарилж* ‘бурьян, полынь’; калм. *бардмжэ* ‘полынь обыкновенная’; п.-мо. *ерте* [Там же, р. 331], мо. *эрэм* ‘полынь-чернобыльник’, бур. *үрмэһэн*, *үрмэдэһэн* ‘полынь’, соотносящаяся с Птюрк. **eʔen* ‘полынь’, Пкор. **òrmi* ‘вид травы’ [EDAL, р. 521]. Близка нашей точка зрения Б. И. Татаринцева, который связывает тув. *маргаа* ‘полынь; высокое травянистое растение с полым стеблем, растущее в зоне альпийских лугов’, алт. *барга* ‘сорная трава, бурьян’, тел. *паргаа* ‘высокие травы’ и др. «с образной основой **bar* и

соотносительной с последней глаг. **bar-*, вероятно, означавшей нечто вроде ‘торчать, растопыривать, выпирать’ или ‘обильно произрастать’» [Татаринцев, 2008, с. 79].

П.-мо. *sornu*, мо. *сорно* ‘сербородник’ (ср. образность корня *бород в русском названии); п.-мо. *sornui*, мо. *сорной* ‘зубровка’; п.-мо. *šornui* ‘название какого-то растения’ [Kow., p. 1542], мо. *шорной* ‘лебеда татарская, белая марь’ названы благодаря густым метелкам. Образ растения п.-мо. *sorbu*, мо. *сорво* ‘вейник наземный’ хорошо восстанавливается по народному названию «волчий хвост». Признак ‘длинный, вытянутый (о стебле)’ заложен в п.-мо. *surγar*, *serleg*, мо. *сургар*, *сэрлэг* ‘багульник болотный’; п.-мо. *surnay*, мо. *сурнаг* ‘рута дикая’; растение п.-мо. *serdeg*, мо. *сэрдэг* ‘камнеломка’.

В п.-мо. *sirengi* [Less., p. 716], мо. *ширэнгэ*, бур. *шэрэнги* ‘роща, заросль тонких или низкорослых деревьев, кустарник, глушь, гуща, дебри, джунгли, завал’, ал. ‘сосняк, сосновый бор’ можно выделить образный корень **sir/šor* ‘нечто прямое, торчащее’, древняя семантика которого закрепилась в производных пкл.-мо. *sirbeyi-*: [Tum., p. 562], мо. *ширвэгэр* ‘взъерошенный, торчащий’, *ширвээ* ‘узкий и жесткий; хворост’; п.-мо. *siračay*, п.-мо. *шарцаг* ‘высокий девясил’.

На основе признака ‘торчащий’, восстанавливаемого с помощью образного прилагательного п.-мо. *dereger*, мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *дергэр* ‘высохший и торчащий’, возникли лексемы: п.-мо. *deresü(n)* [Kow., p. 1769], мо. *дэрс*, бур. *дэрхэн* ‘ковыль блестящий, чий’, калм. *дерсн*, ойр. *дерсен* ‘чакан (дикий)’; п.-мо. *deresügen-e*, мо. *дэрсгэнэ* ‘соломинка’; калм. *дермн* ‘папоротник’; возможно, бур. *даргай* ‘мак голостебельный’.

Те же признаки передают корни с [q/γ/k], [t] в анлауте: п.-мо. *quryalʃi*, мо. *хургалжэ* ‘полевичка малая’; п.-мо. *qursu*, мо. *хурс* ‘вегетативный побег’; п.-мо. *γuri*, мо. *гурь* [бөх] ‘гречиха восточная’; п.-мо. *γurbalʃi*, мо. *сурвалжэ* ‘камыш, тростник’; п.-мо. *kürmeli* ‘трава осока, которой кроют дома’ [Там же, p. 2650]; п.-мо. *tarnu*, мо. *тарна* ‘горец’, бур. *тарнаан* ‘ревень полевой’; п.-мо. *tarlay*, мо. *тарлаг* ‘кислец монгольский’; п.-мо. *torluy modun* ‘кустарник торлук’ [Там же, p. 1896], мо. *торлог* ‘джузгун монгольский; прут, розга’; п.-мо. *terelʃi* [Там же, p. 1770], мо. *тэрэлжэ*, бур. *тэрэлжэ*, *тэрэнги*, калм. *таралжн* ‘багульник’; п.-мо. *terem* [Там же], мо. *тэрэм* ‘вербейник’.

Длинные, прямые, гладкие стебли данных растений, как стрелы, торчат вверх. В калмыцком языке функционируют формы с близкими значениями: *терни-* ‘распускаться (о дереве); куститься (о растении)’, *торлог* ‘взметнувшийся ввысь (о сооружении)’. Ср. ма. *гурби, гурбин* ‘тростник’ [ССТМЯ, 1975, с. 173], сопоставляемое с Птюрк. **KAr(a)gi* ‘тростник, камыш; копье, пика; вилы из бамбука; палка с острым железным наконечником’ [EDAL, p. 556].

Значение геоботанического термина п.-мо. *darki* [Kow., p. 1682], мо. *дархи*, бур. *дархи* ‘бурелом, валежник; коряга’ выводимо из образа ‘нечто торчащее во все стороны; громоздкое’. Як. *даркы* ‘нагромождение плавника (по берегам рек, озер)’ < монг. В Алтайском словаре Пмонг. *darki сопоставляется с Птунг. *daragan ‘пырей; камыш’, Птюрк. *dar-i-g ‘просо’, Пкор. *tār ‘тростник’. «Птюрк. *dar-i-g обычно рассматривается как производное от **TAr-i-* ‘обрабатывать (землю)’, что не исключено» [EDAL, p. 1356].

ЛСП «Материальная культура»

Несмотря на прозрачную морфологическую структуру, выяснение мотива номинации в лексемах ср.-мо. *arqamǰi* [SH], *aryamčī* [IM, p. 432], п.-мо. *aryamǰi* ‘веревка, аркан’ [Kow., p. 154], мо. *аргамж(ун)*, бур. *аргамжа*, калм. *ар̆мжэ*, ойр. *ар̆амжси* ‘кожаная веревка; бечева, аркан; привязь’; *arqalǰi*, мо. *архалжэ* ‘привязь’, ойр. *архалаа* ‘привязь на ноге у лошади’ вызывает определенные затруднения. Тюрк. *аргамчы* ‘волосяной аркан; веревка из конских волос’ Э. В. Севортян безоговорочно относит к монголизмам, опровергая точку зрения К. Брокельмана, предлагавшего модель *арга-* ‘плести’ + аффикс имени деятеля *-м + -чы*, в связи с тем, что аффикс *-чы* в значении орудия действия крайне редко встречается в тюркских языках [ЭСТЯ, 1974, с. 171].

Вероятно, выбор корня *arq обусловлен внешним видом веревки, плетеной из волоса: известно, что в процессе плетения неизбежно появляются торчащие волоски или кончики прутьев в случае со ср.-мо. *ariq* [МА, с. 113], пкл.-мо. *ariy* [Тум., p. 306], п.-мо. *ariy* ‘лукошко,

кузов, корзина (для собирания топлива) [Kow., p. 149], мо. *араг*, бур. *араг*, ойр. *араг*, орд. *аруG*, дунс. *ару*, *арэи*, бао. *ароG*, *арГоң*, мнгр. *аруG*, *ароG* [EDAL, p. 518] ‘плетеная из прутьев корзина (для собирания кизяка)’. В тунгусо-маньчжурских языках лабиализованный корень с инициальным гуттуральным [q] дал ульч. *хорқу*, орок. *хорқо*, нан. *хорқо* ‘веревка’ [ССТМЯ, 1975, с. 471].

Авторы Алтайского словаря Пмонг. форму **arga-*, восстановленную на основе *аруamji* ‘веревка, аркан’ и п.-мо. *аруу* ‘плетеная корзина’, сопоставляют с Птюрк. **Arka-* ‘лассо, толстая веревка’ и Пкор. **ark-* ‘завязывать, заворачивать’ и реконструируют праалтайскую форму *erka с общим глагольным значением ‘завязывать, плести’ [EDAL, p. 518]. Здесь также мог быть задействован тактильный модус перцепции, учитывая грубость, шершавость рассматриваемых объектов.

П.-мо. *арангы-а*, мо. *аранга*, бур. *аранга* ‘помост; вышка’, калм. *арңь* ‘уст. балкон; веранда’ предположительно образовано от образного корня *ar ‘нечто громоздкое; торчащее во все стороны’. С этой лексемой Г. Рамстедт сопоставлял «ма. *фараңга* ‘решетчатый’ (*фараңга дуқа* ‘решетчатые ворота’)» [цит. по: Цинциус, 1984, с. 34]. Известно, что монгольские и некоторые тюркские народы, в частности якуты, использовали помост в разных целях: для наземного захоронения людей или животных, для хранения продуктов или охоты на диких зверей. М. Н. Хангалов описывает данное сооружение следующим образом: «<...> умерших шаманов или людей, убитых молнией, не сжигают, а выставляют в лесу на *аранга*. <...> Для этого выбирают толстые деревья, стоящие поближе друг к другу, на них укрепляют бревна и, наконец, доски так, что образуется помост на высоте 2, 3 или 4 сажень от земли, на этот помост и кладется покойник, заключенный в гробу» [2004, с. 321]. Однако логично предположить, что в древности помост сооружали не из ровных обструганных досок, а из наломанных или нарубленных веток деревьев, которые и торчали с разных сторон. Ср. як. *сэриш* ‘настил из жердей поперек саней для сена’.

Таким образом, звук рычания диких животных в процессе становления и развития языка породил немало слов, отражающих очень широкий спектр конкретных понятий. Набор корней, передающий рассматриваемые в данном разделе признаки, отражен в таблице. 8.

Таблица 8

Типы корней, передающих ГП 'Торчащий, растопыренный'

	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/у</i>	<i>ö/ü</i>
1	2	3	4	5	6
o	<i>ar, arĵ, arĉ,</i> <i>ars, arq, arγ,</i> <i>ard, arb, arn,</i> <i>arm</i>	<i>er, erĵ, ers, erk,</i> <i>erg, ert, erb,</i> <i>erm</i>	<i>ir, irĵ, irg,</i> <i>irt, irb</i>	<i>or, urĉ, ors,</i> <i>orq, org, urγ,</i> <i>urt, orb, urb,</i> <i>urm</i>	<i>ürĵ, örg, ürg,</i> <i>örb, ürm</i>
y	<i>yarb</i>	–	–	<i>yor, yorĵ, yorb,</i> <i>yord</i>	–
ĵ	<i>ĵar</i>	<i>ĵer, ĵert</i>	<i>ĵirq, ĵirγ,</i> <i>ĵirb, ĵirp</i>	<i>ĵory, ĵurb</i>	<i>ĵür</i>
ĉ	<i>ĉarb, ĉarm</i>	<i>ĉerĉ, ĉerg,</i> <i>ĉerb, ĉerm</i>	<i>ĉirm</i>	<i>ĉor, ĉorq, ĉory,</i> <i>ĉord, ĉurb</i>	<i>ĉörĉ</i>
ŝ	<i>ŝar, ŝarb, ŝarm</i>	–	<i>sir, sirĵ,</i> <i>sirb, sirm</i>	<i>ŝor, ŝur, ŝorq,</i> <i>ŝord, ŝorb, ŝorn</i>	<i>ŝör, ŝür,</i> <i>ŝörg, ŝürd,</i> <i>ŝörb, ŝürb,</i> <i>ŝürm</i>
s	<i>sar, sars, sart,</i> <i>sarb, sarm, sarm,</i> <i>sarl</i>	<i>ser, serk, serd,</i> <i>sert, serb, serl</i>	–	<i>sor, sur, sorγ,</i> <i>sury, sort, sorb,</i> <i>sorn, surn,</i> <i>sorm</i>	<i>sör, sürs,</i> <i>sürt</i>
q/k	<i>qar, qars, qarq,</i> <i>qarb, qarm</i>	<i>ker, kers</i>	<i>kirs</i>	<i>qur, qurĉ, qurs,</i> <i>qorq, qurq,</i> <i>qurγ, qurb</i>	<i>kür, kürm</i>
γ/g	<i>γar, γarĵ, γard,</i> <i>γarb</i>	<i>ger, gerd</i>	–	<i>γur, γorĵ, γurĵ,</i> <i>γord, γurb</i>	<i>gör, gürr</i>
d	<i>dar, darq, dard,</i> <i>darb, darn</i>	<i>der, derĵ, derĉ,</i> <i>ders, derk,</i> <i>derg, derd,</i> <i>derb, derm,</i> <i>derl</i>	–	<i>dors, dorm</i>	<i>dörb</i>
t	<i>tar, tarb, tarn,</i> <i>tarm, tarl</i>	<i>ter, terg, term</i>	–	<i>tur, turĉ, torl</i>	–
b	<i>bar, bars, barq,</i> <i>bart, barb, barm</i>	<i>ber, bers, bert,</i> <i>berb</i>	<i>birb, birt</i>	<i>borb, borγ</i>	<i>börĵ, бүрĵ,</i> <i>bürs</i>

1	2	3	4	5	6
<i>p</i>	<i>parb</i>	–	–	–	<i>pürt</i>
<i>m</i>	<i>marĵ, marq, mard, marl</i>	<i>merb</i>	<i>mirĵ, mirm</i>	<i>mur</i>	<i>mör, mörg</i>
<i>n</i>	<i>nars</i>	–	<i>nir</i>	–	<i>nör</i>
<i>l</i>	<i>larb</i>	–	–	–	–

Без анлаута выступает 20 % корней, на первом месте по продуктивности в начальной позиции находятся согласные [jč/s/s] – 34 %, по 15 % приходится на корни с [q/k/γ/g] и [t/d]. Корни с инициалами [b/p] составляют 10 % и, наконец, на долю корней с [m/n/l] приходится 4 %.

20 % корней не имеет ауслатного согласного, наиболее активен в указанной позиции согласный [b] – 19 %. Второе место занимают согласные [jč/s] и [q/k/γ/g], формирующие по 16 %. [t/d] выступают в финали 12, [m] – 10, [n] – 4 и [l] – 3 % корней рассматриваемой группы.

3.1.2. ГП ‘Нечто ровное’

Следует отметить, что поля следующих 4 признаков не столь обширны, как предыдущее. Психофизиологической основой для формирования образа ‘нечто ровное’ стали звуки, воплощенные в корнях **kir/ker*, сопровождающие процесс нарезания чего-л. на ровные части (ножом, топором; ножницами, пилой), среди которых: п.-мо. *kerči* ‘резать, нарезать, мелко рубить, сечь’; п.-мо. *kerbi*-, *kirbe*- ‘выровнять; состричь, обрезать’; п.-мо. *kiru*- ‘крошить, мелко резать’, бур. *xurma* ‘чистить скребком; резать’; п.-мо. *kirγa*- ‘стричь (ножницами)’. Отсюда п.-мо. *kerbigir*, мо. *xurвэгэр*, бур. *xurbэгэр* ‘ровный (например, об усах)’.

На основе признака ‘ровный’, по всей видимости, возникли следующие субстантивы: п.-мо. *kerdeg*, мо. *хэрдэг* ‘карниз’, калм. *керсэг* ‘ступенька’; п.-мо. *kerseng*, мо. *хэрсэн* ‘киль; продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища’. П.-мо. *kerseng* [Kow., p. 2516], мо. *хэрсэн*, бур. *хэрһэн*, ойр. *керсең* ‘грудинка’ имеет соответствия в тюркских языках: тув. *керзең* ‘кусочек шкуры, остаю-

щийся на груди убитого животного после освежевания; передняя подпруга (у вьючных животных)’, алт. *керсең* ‘шашлык из грудинки’, хак. *кирсе*, *кирсек*, *кирсен* ‘место схождения ребер на груди, грудная кость; жир бараньей грудинки, который отрезают вместе со шкурой и жарят на углях’, кир. *керчөө* ‘жир бараньей грудинки, снимаемый вместе со шкурой’. Б. И. Татаринцев предполагает, что тюрк. *керсең* и его более близкие варианты связаны с образными основами, характеризующими нечто выпирающее, выставляющееся вперед (ср. кир. *керсей-* ‘важничать, чваниться’). Автор также допускает связь с глагольной основой *кер-* ‘вырезать’, учитывая «разделочный» характер семантики *керсең* [2004, с. 144–145].

В п.-мо. *kira* ‘низменный горный хребет’ [Kow., p. 2546], мо. *хяр*, бур. *хяра*, калм. *kirə*, орд. *kirā*, даг. *харGaG*, *kira*, мнгр. *ćirē* [EDAL, p. 768] ‘гребень (возвышенности); макушка; горная цепь, предгорье’ можно попытаться выделить признак ‘ровный’, поскольку, по определению В. А. Казакевича, этот орографический термин обозначает «остатки разрушенных горных пород, где уже не сохранилось главной оси хребта, а только ряды отдельных гряд и вершин *приблизительно одинаковой высоты* (курсив наш. – Е. С.). Такие *xirā* тянутся на десятки километров во всех направлениях, представляя собой лабиринты, где очень трудно передвигаться» [1934, с. 27].

Термин сопоставляется с Птунг. **xāri-* ‘кайма, обшивка’, Птюрок. **Kīr* ‘отдельно стоящая гора; вершина горы, гребень горы, возвышенность; степь, пустыня, равнина; край’ [EDAL, p. 767–768]. Дж. Клосон полагает, что тюркская форма была заимствована в монгольские языки [Cl., p. 641], допускает это и Л. С. Левитская [ЭСТЯ, 2000, с. 227].

Б. И. Татаринцев, рассматривая формы: тув. *кырлаң* ‘небольшой горный хребет, отрог; грань, ребро, образуемое двумя пересекающимися плоскостями (например, двускатной крышей)’, тоф. *кырлаң* ‘острая вершина хребта’, алт. *кырлаң* ‘небольшой горный хребет’, хак. *хырлаң* ‘горка, холмик’, представляет структуру в виде *кыр+ла+ң*, считая его образованием на *-ң* от глагольной основы *кырла-* ‘идти берегом, краем; ходить по горным хребтам’ [2004, с. 422–423].

Как справедливо отмечает И. Г. Добродомов, «...в этом алтайском материале имела место явная контаминация с названием края, обрамления, каймы» [СИГТЯ, 2001, с. 96]. Развитие понятия края, берега, на наш взгляд, могло развиваться на основе образа ‘нечто

прямое, ровное, отвесное' в вертикальной плоскости, в то время как значения 'поскогорье, открытая местность' и др. возникли в результате восприятия горизонтальной плоскости. Семантика корня в термине ср.-мо. (*hergi*), *ergi* [SH; НУ, р. 4], пкл.-мо. *ergi* [Тум., р. 391], п.-мо. *ergi* [Kow., р. 268], мо. *эргэ*, бур. *эрье*, калм. *эрг*, ойр. *эрег*, орд. *ерге*, даг. *эриг*, *эрги*, ж.-уйг. *эргэ*, мнгр. *xargi*, *xerge* [EDAL, р. 1144] 'берег; обрыв, яр; набережная' выявляется с помощью производных: п.-мо. *eres* 'утесистый, с крутым скатом' [Kow., р. 248], мо. *эрс*, калм. *эрс* 'крутой, отвесный, обрывистый', калм. *эрс*, ойр. *эрес* 'стена'; п.-мо. *ergi magnai* 'высокий лоб' [Там же, р. 268].

Связь значений п.-мо. *ergi* 'берег; обрыв, яр' [Less., р. 323] и п.-мо. *irmeg* 'край всякой вещи; борт, берег; грань' [Kow., р. 325], мо. *ирмэг*, бур. *эрмэг*, калм. *ирмэг*, ойр. *ирмег*, ж.-уйг. *ертег* [EDAL, р. 1136] 'острый край; грань, кромка; угол' также прослеживается в тунгусо-маньчжурских языках. Так, эвенк. *кира* имеет значения 'край, бок; грань, ребро; косогор; высокий берег', уд. *кеа* [*кија < *кира] 'край, берег' [ССТМЯ, 1975, с. 397], ср. также ульч. *Жэри(н-)* 'край чего-л., грань, ребро', нан. *Жэри* 'край, грань, ребро', ма. *Жэри* 'край чего-л.' [Там же, с. 285], эвенк. *хирки* 'крутой (о склоне)', эвен. *хирилэ* 'скала (на которой останавливается горный баран)' [ССТМЯ, 1977, с. 327].

В тюркских языках лексема *жар* 'яр, овраг; обрыв; скала' также связана с образом 'нечто круглое, отвесное'. По утверждению Э. В. Севортыяна, *жар* ~ *йа:р* ~ *йар* ~ *сы:р* – именной коррелят к глаголу *йа:р-* 'рассекать, раскалывать, резать, пробивать(ся), прорываться', с которыми он образует глагольно-именные односложные омоформы по древней словообразовательной модели имя – глагол [ЭСТЯ, 1989, с. 17].

3.1.3. ГП 'Нечто округлое; курчавое'

Развитие генерального признака 'нечто круглое; курчавое' основано на звукоподражании, передающем бурление воды в реке, кипение: мо. *бур бур хий-* 'бурлить, булькать; кипеть', мо. *борги-* 'сильно вскипеть', мо. *орги-* 'бить ключом', *хоржигно-* 'журчать' и др. Глаголы, характеризующие движения дыма и пыли, атмосферных осадков, относятся к категории «внутренних» звукоподражаний, фонетически

и семантически сопоставимых с «внешними» ономатопами, обозначающими бурление, кипение воды.

Для обозначения клубящегося действия используются глаголы: п.-мо. *irgi-*, мо. *урги-* ‘подниматься, клубиться (о дыме)’, бур. *ур-урхан гэ-* ‘слабо дымиться’, *тооно урья-* ‘подниматься, клубиться (о пыли)’, *урхир-* ‘подниматься столбом, клубиться столбом, разлетаться (о пыли)’; мо. *бура-* ‘пениться, взбиваться (о пене)’, *бургана-* ‘падать, идти (о снеге при ветре)’, *бурга-* ‘выпадать, порошить (о снеге)’, п.-мо. *burgi-* [Kow., p. 1224], *бурги-* ‘подниматься (о пыли)’, п.-мо. *burgira-* [Там же], *бургира-* ‘подыматься вверх (о дыме)’; п.-мо. *bürge-*, мо. *бүргэ-*, калм. *бүрг-*, ойр. *бүрге-* ‘витьея вихрем; кружиться, пылиться’; п.-мо. *pur*, мо. *пур-пур хий-*, *пурчигна-*, бур. *пуршагана-* ‘подниматься клубами, клубиться (о дыме, пыли)’, мо. *пурги-* ‘пылиться’, ойр. *пурга-* ‘клубиться, подниматься’; бур. *хурье-* ‘клубиться (о пыли); клокотать’; *хүрил-* ‘кружиться’ и др. Пмонг. **bur-gi-*, *bür-gi-* ‘подниматься (о пыли, дыме)’ на алтайском уровне коррелирует с Птюрк. **bur-uk* ‘пыль; дым; клубиться (о дыме); задыхаться (в дыму); мести (о вьюге); пускать дым клубами; сажа’, Пкор. **pàràt* ‘ветер’ [EDAL, p. 375].

Направленность дыма вверх, по всей видимости, породила значение ср.-мо. *ergu-* [HY, p. 33; SH], *ergü-* [LH], *örgü-* [IM; MA, с. 278], п.-мо. *ergü-* [Kow., p. 273], мо. *өргө-*, бур. *үргэ-*, калм. *өрг-*, ойр. *өрге-*, орд. *ürgü-*, даг. *erewē-*, *ergue-*, даг. *uGu-*, ж.-уйг. *orgom žlī*, мнгр. *urgu-* [EDAL, p. 1065] ‘поднимать вверх, держать кверху’, коррелирующее с Птюрк. **ō:r-* ‘подниматься; верх, наверху’ [Там же, p. 1173]. Распространение дыма в стороны под воздействием ветра могло дать толчок для развития значений ср.-мо. *örgün* [IM], пкл.-мо. *örgen* [Tum., p. 511], п.-мо. *örgen* [Less., p. 641], мо. *өргөн*, бур. *үргэн*, калм. *өргн*, ойр. *өрген* ‘широкий, обширный’; п.-мо. *örnī-* [Там же, p. 642], мо. *өрнө-* ‘расти, возрастать; развиваться, развертываться’, ср. значение «тюрк. *ō:r-* ‘расходиться на пастбище (о скоте)’» [ЭСТЯ, 1974, с. 543]. Предположение в некоторой степени верифицирует синоним п.-мо. *narmai*, мо. *нармай*, бур. *нармай*, калм. *нарма* ‘обширный, просторный; всеобщий’, отчетливо коррелирующий с бур. *нарбагар* ‘стелющийся (о дыме и тумане)’.

Корень **erk* лег в основу базового для кочевников понятия ср.-мо. *eruge*, *oruge* [SH], *örüke* [MA, с. 278], п.-мо. *erüke* [Kow., p. 256],

мо. *өрх*, бур. *урхэ*, калм. *өрк*, ойр. *өрке*, орд. *öröxö* [EDAL, p. 1061] ‘светодымовое отверстие в крыше юрты; дымник’. Дальнейшее семантическое развитие привело к значениям ‘четырёхугольная кошма, прикрывающая дымник; семья, двор’. О первоначальности семы ‘дымник’ свидетельствуют переносные значения п.-мо. *erüke*, мо. *өрх* ‘скважина; воронка, яма’. Механизм развития значения ‘дымоход’ становится очевидным при сопоставлении лексемы с современным бурятским глаголом *урхир-* ‘подниматься столбом, клубиться’, в котором выделяется имитативный корень **erk-erk/ürk-ürk*, воссоздающий образ клубов дыма, поднимающихся вверх и уходящих через дымник.

Слово заимствовано в тюркские языки: алт. *öröko*, *örökö*, тел. *örökö*, шор. *örökö*, тув. *örege* ‘покрышка отверстия, в которое проходит дым в юрте’ [СИГТЯ, 2001, с. 517], а также в сол. *örxȫ ~ ürхȫ* ‘дымовое отверстие’. В остальных тунгусо-маньчжурских языках *урке* означает ‘дверь, дверной проем, вход’: эвенк. *уркэ*, эвен. *уркъ*, нег. *ујкэ*, ороч. *уккэ*, уд. *угэпти(н)*, ульч. *учэ*, орок. *утэ*, нан. *ујкэ*, ма. *учэ* [ССТМЯ, 1977, с. 286]. Ср. также нан. *курэ̄* ‘дымоход (наружная выводная часть, шедшая в старинном жилище от внешней стены дома до трубы)’ [ССТМЯ, 1975, с. 438]. Значение нег. *ујкэптин* ‘освещенная солнцем яркая полоса в небе (за тучей)’ позволяет предположить, что сема ‘дверь’ в тунгусо-маньчжурских языках появилась в результате актуализации признака ‘отверстие, проем, сквозь который проникает полоска света’.

Глагол п.-мо. *nere-* [Kow., p. 644], мо. *нэр-*, бур. *нэрэ-*, калм. *нер-*, ойр. *нере-* ‘перегонять, курить’ следует также отнести к ономотопам с низко выраженными иконическими свойствами, вызывающим определенную трудность для этимологизации. Семантика глагола позволяет сопоставить корень *ner с **er(k/g)* из *erüke*, *ergü-* и других лексем, связанных со зрительным восприятием дыма. Ср. ма. *бура-* ‘гнать водку’, сол. *бурхөл* ‘прибор для перегонки вина’ [ССТМЯ, 1975, с. 111, 114], где корень *bur более отчетливо индицирует характер движения клубов дыма.

В дальнейшем на основе значения ‘клубиться, кружиться’ корни **bur/burʃ/burq* приобрели образное значение ‘нечто курчавое, вьющееся; круглое’: п.-мо. *burʃyar* [Less., p. 140], мо. *буржгар*, бур. *буржагар*, калм. *буржһр* ‘курчавый, волнистый, завитой’, бур. *аржай-*

‘быть курчавым, в завитках’, *аржайжа буржайжа байна* ‘весь в завитках’. В словаре О. М. Ковалевского даны следующие примеры: п.-мо. *burjulʃin saqal* ‘клочковатая борода или клочки бороды, а именно: концы усов и подбородок’, *burjulʃin* ‘завертка или крючок назади телеги, для веревки, прикрепляющей тяжести’ [Kow., p. 1221]. Ср. ма. *форон* ‘вихор в волосах, кудри’ [ССТМЯ, 1977, с. 334]. Подобные прилагательные активно используются в названиях растений и животных: *буржагар сараана* ‘лилия кудреватая’, *буржгар хонхлой цэцэг* ‘бубенчик курчавый’, мо. *борцгор хотон* ‘пеликан кудрявый’ и др.

Корни **bor/bur/burq* самостоятельно образуют ряд названий растений, а также лесного массива: ср.-мо. *burʃasu* [MA, с. 113], п.-мо. *burʃasu* [Kow., p. 1221], мо. *бургас*, *бургаас*, калм. *бурһсн* ‘ива, верба’, бур. *бургааһан*, орд. *burGasu*, даг. *bargās*, *baregase*, мнгр. *burGāsə* [EDAL, p. 1096] ‘прут; ива’; п.-мо. *burʃan-a*, мо. *бургана* ‘вид акации’; п.-мо. *бурaya* [Kow., p. 1212], мо. *бураа* ‘густая роща, лесная чаща; ивовая роща, ивняк’; п.-мо. *borulʃi*, мо. *боролз* ‘аяния кустарниковая’; п.-мо. *borulʃin* [Less., p. 121], мо. *боролж(ин)* ‘береза-ерник’, бур. *боролжо* ‘кусты, кустарник’; п.-мо. *borulʃiʃan-a*, мо. *боролзгоно* ‘кустарник желтоцветковый (из него делают веник для мытья котла); курильский чай’. Б. Хабтагаева видит в качестве производящей основы последних двух форм прилагательное *боро* ‘серый’ [Khabtagaeva, 2001, p. 112]. В EDAL в качестве тунгусо-маньчжурской параллели приводится ульч. *пипагда* ‘чубушник’, нан. *piregdēn* ‘сирень крупная’, а также Птюрк. **bōr-* ‘вид дерева или растения’ [p. 1096].

Фитонимы с корнями **bor/bur/burq* мотивированы внешним видом растений. Так, тонкие ветви и побеги большинства видов ивы образуют ажурную, кудрявую крону. Хотя следует заметить, что в русском языке эпитет ‘кудрявый’ более применим к рябине. Как отмечает Е. М. Маркова, общеславянское название дерева *ива* (чешск. *jíva*, польск. *iwa*, болг. *ива* ‘вид горной вербы’) мотивировано глаголом *вить*, что отражает характер его ветвей. Ту же мотивировку имеет и название дерева с похожими признаками *верба*, представляющее собой суффиксальное производное от глагола *вертеть* в значении ‘гнуть, вить’, что подчеркивает гибкий характер его ветвей [2008, с. 40].

Следует отметить, что корень **qor* в значении ‘круглый’ относится к числу древнейших корней, распространенных во всех совре-

менных языковых семьях Евразии. В полной мере образ ‘нечто круговое, круглое’ реализуется в п.-мо. *qoriya* ‘ограда около дома, двор’ [Kow., p. 963], мо. *хороо* ‘район, квартал (в городе); полк’, калм. *хора*, ойр. *хораа* ‘комната, кабинет’, бур. *хорёо*, орд. *хороо* ‘ограда, изгородь, загородка’, из которых, несомненно, наиболее древним является последнее значение. Распространенная в тюркских языках лексема *қора* ‘загородка (для скота); ограда, изгородь и др.’ считается заимствованием из монгольских языков. Также она заимствована в иранские и тунгусо-маньчжурские языки [ЭСТЯ, 2000, с. 74].

Лексема ср.-мо. *qormai* [HY; SH], *qormaj* [IM], *qurmi* [MA, с. 303], п.-мо. *qormui* [Kow., p. 971], мо. *хормой*, бур. *хормой*, калм. *хорма*, ойр. *хормаа*, орд. *xormō*, даг. *xuarm(ā)*, *xuaram*, *huareme*, ж.-уйг. *χormī*, мнгр. *xormə:*, *xurmī* [EDAL, p. 746] ‘подол; подножие, подошва (горы)’, вероятно, образована с помощью аффикса *-mui* от корня **qor* ‘круг’, поскольку подол одежды, как правило, образует окружность. Хотя данное значение также контаминирует со значением корня **kürm*, давшим бур. *хүрмэлдэ*- ‘запутываться, сплетаться’ (*хормой соогоо хүрмэлдэ*- ‘запутаться в подоле’). Орографический термин произошел путем трансформации значения ‘подол’, основанной на переносе по сходству, связанном с традицией антропоморфизации гор. Эвенк. *кормē* ‘пола (одежды); подол’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 415].

Ср.-мо. *gurijen* [HY, p. 4], *gure'en* [SH], п.-мо. *küriye(n)* [Kow., p. 2638], мо. *хүрээ*, бур. *хүрээ*, орд. *kurē*, даг. *xorē*, дунс. *Goron*, ж.-уйг. *kurēleg*, мнгр. *kurañ* [EDAL, p. 746] ‘ограда, изгородь; стан, лагерь; кружок, кайма’ в Алтайском словаре сопоставляется с Птунг. **kori* ‘сруб; клетка; хлев’, Птюрк. **Kur-* ‘строить, устанавливать’ [Там же, p. 745–746].

В п.-мо. *kerem* ‘стена; вал, насыпь’ [Kow., p. 2508], мо. *хэрэм*, бур. *хэрэм*, калм. *керм*, ойр. *керем* ‘крепость; крепостная стена; кремль’ возможно выделение признака ‘нечто ровное’, однако сопоставление его с производными от корня **qor* заставляет склониться в сторону мотивационного признака ‘нечто круговое’. Ср. в тунгусо-маньчжурских языках: сол. *хэрэ* ‘огород’, нег. *кэјэн* [**кэрэн*] ‘изгородь, ограда, забор’, ульч. *кэрэ(н)* ‘изгородь, ограда; стойло; граница’ [ССТМЯ, 1975, с. 482]. Относительно тюрк. *керман/керман* ‘город; крепость, замок; лагерь, укрепленное место’ Л. С. Левитская наиболее

вероятным считает предположение о его производности от глагола *кер-* ‘отгораживать, загораживать’. «Исследователи признают генетическую связь тюрк. *керман* с монг. *kerem*, при этом одни ученые считают тюрк. и монг. лексемы прародственными, а другие относят монг. *kerem* к тюрк. заимствованиям» [ЭСТЯ, 1997, с. 53].

Корень **ker* в п.-мо. *keresge* [Kow., p. 2505], мо. *хэрсэг* ‘решетка вокруг чего-либо; перила; балюстрада’ позволяет выделить в качестве мотивирующего признак ‘круглый (о внутреннем пространстве)’ в ср.-мо. *ger* [HY, p. 17; SH; LH; IM; MA, с. 170], пкл.-мо. *ger* [Tum., p. 405], п.-мо. *ger* [Kow., p. 2503], мо. *гэр*, бур. *гэр*, калм. *гэр*, ойр. *гэр*, орд. *ger*, мог. *ger*, даг. *geri*, *gerí*, дунс. *gie*, бао. *gar*, *ger*, ж.-уйг. *ger*, мнгр. *ger* [EDAL, p. 542] ‘юрта, дом; домашний очаг’. Верификации гипотезы в определенной мере способствует значение тюркской параллели: *герече* ~ *керече* ~ *керекү* ~ *керегү* ‘деревянная решетка, образующая стены юрты; нижняя деревянная часть юрты; шатер, юрта’, встречающаяся в наиболее ранних текстах⁵⁴. Ср. также як. *кэриим* ‘круговой обход’, *кэриччи* ‘кругом, вокруг’. Однако следует отметить, что Э. В. Севортян однозначно производит лексему к глагольной основе *гер-~кер-* ‘растягивать, расправлять’, «семантике которого это производное вполне соответствует, тем более что в составе значений названного глагола имеется ‘ставить, разбивать шатер’» [ЭСТЯ, 1980, с. 25]. Другая версия принадлежит Ц. Д. Номинханову, сравнивающему тюрк. *kerenge* с калм. *kerä* ‘связь, привязь’ и *керх* ‘связывать вместе’, бур. *xerexe* ‘привязывать крест-накрест’, халх. *xerex* ‘сплетать, связывать сплетением’ [1975, с. 140].

3.1.4. ГП ‘Нечто круглое, зияющее’

Развитие в ряде корней значения ‘нечто круглое, зияющее’ обусловлено образом раздувающихся ноздрей лошади, человека и др., связанным со звуком шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха (ср. рус. *фр-п! фырк-ать*): п.-мо. *sarlayi-*, мо. *сарлай-* ‘раздувать ноздри (о лошади)’; п.-мо. *sarsayar*, *sartayar* [Kow., p. 1337], *sarqayar*, мо. *сарсар*, *сартсар*, *сархсар* ‘с широкими ноздрями; зияющий’; п.-мо. *sarnayar*, мо. *сарнагар*, бур. *харнагар*, *шарнагар*, баргуз. *hornogor*, калм. *сарнһр* ‘раздувшийся (о ноздрях); широкий; картошкой (о но-

⁵⁴ Чередование гласных *e/o* в данном слове дает *qoruy-a* ‘круг’.

се)’, ойр. *сарниш*- ‘раздуться (о ноздрях)’; п.-мо. *serteb sertebki*- ‘шевелить ноздрями во время улыбки’ [Там же, р. 1374]; бур. *һүрхы*- ‘раздуться’. Ср. эвенк. *сармака* ‘ноздря; крыло носа’ [ССТМЯ, 1977, с. 66]. Смягчение конечного [n] в бурятском языке меняет значение корня: *һарнигар* ‘дряблый’, *һарни*- ‘обессилевать; разлагаться’, баргуз. *һурниш*- ‘становиться вялым, изнуриться’ (*һурништаргаа хүдэлхэ* ‘работать до упада’). Корень *sarn’/*sur*n’ воспроизводит выдох от усталости, ср. рус. разг. *сдутся*.

Форма и размер ноздрей/носа также отражены в производных от корней с согласными [m/p] в анлауте: бур. *мархагар*, *мордогор*, *морногор* ‘большой, крупный, картошкой’, *мэрхэгэр*, *морхогор*, калм. *морхһр* ‘с горбинкой’; *парнагар* ‘большой, с раздутыми ноздрями’, в то время как в бурятском литературном *парнагар* передает переносный признак ‘опухший; глупый (о морде шенка)’; бур. *пурнагар* ‘широкий книзу и вздернутый (о носе теленка)’, *порногор*, *порхогор*⁵⁵ ‘курносый и приплюснутый’. Ср. нег. *парга* ‘глупый’, нан. *фарга* ‘глупый’; ма. *фартахун* ‘разлзатый; широконосый; тупоносый, курносый’; *фортохон* ‘горбоносый; тупорылый’ [ССТМЯ, 1977, с. 34, 299, 301]. Как видно из примеров, в бурятском языке более развита система корней с сонантом [r], характеризующих форму ноздрей/носа.

В некоторых производных на базе значения ‘круглый, зияющий’ произошел семантический переход в ‘пористый, рыхлый; легкий, прозрачный’: п.-мо. *sarkii*-, мо. *сархий*- ‘становиться дырявым; пористым, рыхлым’; п.-мо. *serjǰgir*, мо. *сэржгэр* ‘легкий, неплотный; рыхлый, пористый, редкий’; бур. *һэрхигэр* ‘прозрачный (о ткани), пористый, рыхлый’. Ср. эвенк. *саркама* ‘рыхлый’ [Там же, с. 66].

Наиболее ярко данный признак воплощается в п.-мо. *sarkiyay*, мо. *сархиаг* ‘рыжик’ (ср. сложное наименование рыжика *сархи өвс* ‘досл. пористая трава’). Бур. *һархиаг* служит для обозначения родового понятия ‘грибы’, в то время как в халха-монгольском языке в этом значении используется лексема *мөөг*, заимствованная из китайского (кит. *mógu* ‘гриб’). Признак ‘рыхлый’ проявляется в п.-мо. *sarkiy-a* ‘горная цепь’ [Less., р. 676], мо. *сархиа* ‘пересеченная, овражистая, ухабистая местность; *уст.* плохие земли’, ойр. *сархаг* ‘бугристый, ухабистый’.

---

⁵⁵ Форма *порхогор* восстановлена на основе бурятской фамилии *Порхоноев*, от личного имени *Порхоной* (> *porq + *u* + *-nai*).

В значении лексемы п.-мо. *sarkinaγ* [Kow., p. 1338], мо. *сархинаг* ‘соты пчелиные’ на первый план выходит признак пористости, рыхлости. Он же реализуется в анатомическом термине п.-мо. *kerkineg*, мо. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг*, *хэрхинсэг* ‘сетка (один из отделов желудка жвачных животных)’, поскольку поверхность сетки – тонкие кожные складки, образующие рисунок, который похож на увеличенные в 10 раз пчелиные соты. Термин образует «тюрко-монгольскую изоглоссу с Птюрк. *Kergük ‘сетка желудка’» [EDAL, p. 670]. Ср. эвенк. *кэримэк* ‘кишка прямая; брыжейка; внутренность желудка (животного)’, эвен. *коримки* ~ *коромки* ‘желудок; тонкие кишки’ [ССТМЯ, 1975, с. 453], а также эвенк. *орик* ‘сычуг’ [ССТМЯ, 1977, с. 23].

Заметна звукоподражательная специфика фонетической структуры корня *kür, проявляющаяся в его производных. Так, звук подающегося воздуха (*ху-р-р-х*) «слышен» в бур. *хүрхэ* ‘кузнечные меха; горн’ (также п.-мо. *kögerge*, мо. *хөөрөг*, бур. *хөөргэ*); *хүрхы-* ‘раздуваться, вздыматься, подниматься; бухнуть’. Тюрк. *кө:рүк* ‘мехи кузнечные; горн (кузнечный)’. Г. Рамстедт считает заимствованием из монгольского, мо. *kögerge* он трактует как производное от **köwer-* – фактитатива к **köwe-*, но не называет значения последнего глагола. Л. С. Левитская предполагает, что это п.-мо. *köwer ‘раздувать’ [ЭСТЯ, 1997, с. 118]. Отсюда бур. *хүрхигэр* ‘просторный, огромный; емкий’, *хүрхэгэр* ‘раздувшийся; раскинутый’, п.-мо. *kerkeyi-* ‘гордиться, иметь притязание на какое-л. достоинство’ [Kow., p. 2518], п.-мо. *körküger*, мо. *хөрхгөр* ‘надутый, чванный’; бур. *horxogor* ‘надутый, высокомерный; нахохленный’.

Название молочного напитка ср.-мо. *körengē* [MA, с. 224], п.-мо. *körüngge* ‘остаток для айрака для другого айрака; род дрожжей’ [Kow., p. 2640], мо. *хөрөнгө*, бур. *хүрэнгэ* ‘закваска; дрожжи; опара; фермент; кефир’, служащего в качестве закваски для молочной водки, возникло на основе образа ‘нечто вздымающееся, набухающее’. В дальнейшем в лексеме развился ряд переносных значений: ‘дрожжи; фермент; семена; имущество; достояние’ и др. По мнению Л. С. Левитской, «значения мо. *körüngge* сопоставимы с тюрк. *қор* ‘закваска; сбережения’» [ЭСТЯ, 2000, с. 71].

Связь с признаком ‘раздувающееся, пухнувшее’, на наш взгляд, восстановима и в ср.-мо. *öreme* [МА, с. 329], пкл.-мо. *örm-e* [Тум., р. 512], п.-мо. *örm-e, örüm-e* [Kow., р. 584, 589], мо. *өрөм*, бур. *үрмэ*, калм. *өрм*, ойр. *өрөм*, орд. *орто*, даг. *ирит, ирите*, ж.-уйг. *огот*, мнгр. *jermen, rmēn* [EDAL, р. 1061] ‘пенка; пленка на жидкости; сливки; сметана’. Т. А. Бертагаев трактует значение данного слова как ‘нечто, находящееся наверху’, считая его звеном этимологической семантической линии ‘возвышение, подъем’ (ср. *ургах* ‘расти’) [1974а, с. 305]. Г. Рамстедт и М. Ряснен также вычленяли основу **örü* ‘верхнее’. Сибирские тюркские формы: тув. *өрөмө*, тоф. *өрөмө*, алт. *өрөмө* ‘сливки; пенки (с кипяченого молока); сметана’ В. И. Рассадин относит к монголизмам. По мнению же Б. И. Татаринцева, структура лексемы более объяснима исходя из тюркских языковых данных, поскольку *өрөмө* может интерпретироваться как образование с аффиксом *-ма* от двухсложного варианта глагольной основы *өр-* ‘подниматься’, ср. кир. *өрү-* ‘ползать, двигаться вверх (массой)’ [2008, с. 412].

3.1.5. ГП ‘Нечто надутое, пузатое’

Развитие данного признака стало возможным благодаря ономотопам *tard/terd*, передающим звук отпущенной туго натянутой тетивы, пружины и пр.: бур. *тэртэгэр*, калм. *тертхр* ‘напряженный, туго натянутый; упругий’, *тэрти-* ‘туго натягиваться (например, о тетиве лука)’. В п.-мо. *tardai*, мо. *тардаи* ‘хорошо сохранившийся, бодрый, живой (о стариках)’ восстанавливается образ крепкого, сильного человека, возникший на основе звукоподражания *тэрд гэмэ* ‘подтянутый; натянутый (в данном случае об одежде человека)’.

Словообразовательное гнездо корней с глухим альвеолярным взрывным [t] в анлауте достаточно обширно. Ср.-мо. *taryun* [МА, с. 341; LH], п.-мо. *taryan* [Less., р. 780] (>**tary/tarq*), мо. *тарган*, бур. *тарган*, калм. *тарън*, ойр. *таръан*, дунс. *таһун*, бао. *тарһоң* ‘жирный, тучный, упитанный, толстый, полный’; бур. *тархагар, тэрхэгэр* ‘приземистый; вздувшийся; пузатый (например, о кобылице)’; *тарзагар, тэрзэгэр* ‘пузатый и низкорослый’, *тэрбэгэр* ‘широкий, широкоплечий’; калм. *тарта-* ‘раздуваться’. Мо. *тарган* было заимствовано в нан. *таргәд*, ма. *таргу* ~ *тарху* ~ *тархун* ‘жирный, полный’ [ССТМЯ, 1977, с. 168].

Признаки ‘пузатый, приземистый’ стали основой номинации в следующих словах: бур. *тарзадха* ‘пигмей’, *тархансаг* ‘карапуз’; п.-мо. *tarqanaγ*, мо. *тархнаг* ‘гильза’, бур. каб. *тараасха* ‘карась’; пкл.-мо. *tarbaγan* [Тум., р. 573], п.-мо. *tarbaγ-a* [Less., р. 780], мо. *тарвага*, бур. *тарбага(н)*, ойр. *тарваһан*, орд. *tarwaGa*, даг. *tarbæg*, *tarbag*, *tarbug*; ж.-уйг. *tarβuan*, мнгр. *tōrGa*, *tarbuGa* [EDAL, р. 1405] ‘тарбаган; карлик’, калм. *тарвльн* ‘сурок’; п.-мо. *tarči*, мо. *тарч*, калм. *тарч*, ойр. *тарчи* ‘самка тарбагана’. На алтайском уровне сопоставляется с Птунг. **targa* ‘бобер; тигренок’; Птюрк. **Tabirga* ‘кабарга’; Яп. **tātakai* ‘вид барсука, енотовидной собаки’. По мнению авторов EDAL, «корень обозначал мелких диких животных типа сурка или енота» [EDAL, р. 1405]. Яркая изобразительная основа п.-мо. *torq-a*, мо. *торх*, бур. *торхо* ‘кадка, бочка’⁵⁶ позволяет выделить те же признаки в п.-мо. *torui*, мо. *торой*, бур. *торой*, калм. *torā*, орд. *torō* ‘поросянок (детеныш некоторых домашних животных)’ [Там же, р. 1464].

Форму губ человека характеризуют следующие адъективные формы: п.-мо. *ama dorbuyi-* ‘надуть губы (в гневе)’ [Kow., р. 1894]; п.-мо. *dorduγur*, *dorbuyur*, *čorbuyar*, *ǰorbuyur*, *ǰurbayar*, *sördüger*, мо. *дордгор*, *дорвогор*, *цорвогор*, *зорвогор*, *зурвагар*, *сөрдгөр*, бур. *дорбогор*, калм. *дорвһр*, ойр. *дорваһар* ‘оттопыренный, выпяченный, надутый’; калм. *дурдһр*, ойр. *дурдаһар*, бур. *дарьбагар*, *дурбигар* ‘отвислый’; бур. *шорбогор* ‘вытянутый’. Ср. эвен. *дурбан’а* ‘надутый, выпяченный (о губах)’, *дурдāн-* ‘выпятить губы’, *дурдāңчи-* ‘выпячивать губы’ [ССТМЯ, 1975, с. 225].

Корни *čorb/dorb* восстанавливаются в соматизме п.-мо. *čorbu*, мо. *цоров* ‘верхняя губа (животных)’; орнитониме п.-мо. *čorbudai*, мо. *цоровдой* ‘славка рыжая’, фитониме п.-мо. *durbaliγ*, мо. *дурвалаг* ‘timoфеевка степная’; а также в ряде названий артефактов: калм. *дорв*, ойр. *дорва* ‘торба’; п.-мо. *dorbuyu* ‘котлик с ручкой’ [Kow., р. 1894], мо. *дорвого* ‘котелок; фляга; сумка ламская’; п.-мо. *dorbung*, мо. *дорвон* ‘большая курильница перед храмом’.

---

⁵⁶ По свидетельству Ц. Б. Будаева, лексемой *торхо* у бурят до революции обозначались большие кожаные мешки, которой затем стали называть деревянные и берестяные кадки [1978, с. 228].

Форма живота отражена в производных от корней, начинающихся на согласные [č]: п.-мо. *čardayi-* [Kow., p. 2113], мо. *цардай-*, калм. *царда-* ‘иметь большой живот; выпучиваться’; п.-мо. *čariγtai*, мо. *царигтай* ‘упитанный, тучный (о скоте)’; п.-мо. *čerdeger*, мо. *цэрдгэр* ‘пузатый’, бур. *сэрдэгэр* ‘голый; наполненный’; п.-мо. *čüreger*, *čürdeger*, мо. *цүргэр*, *цүрдгэр* ‘с большим животом, пузатый; вздутый, вспученный’.

Растение п.-мо. *čürjeger*, мо. *цүржгэр* [улалж] ‘осока вздутая’ на-

звано так благодаря собранному на верхушке стебелька пузыревидным красно-оранжевым мешочкам, заполненным воздухом. На дне каждого мешочка находится маленький орешек, представляющий собой плод растения. Близки по семантике п.-мо. *čirγay*, мо. *чаргаг* ‘тесный, узкий’, п.-мо. *čirγayu*, мо. *чаргуу* ‘тугой’. Ср. ма. *чиргэ-* ‘ослаблять лук, снимать тетиву (с зарубок)’, *чирху-* ‘отдавать назад (о туго натянутом луке)’ [ССТМЯ, 1977, с. 399].

Рассмотрим производные от корней с инициальными [b/p]. К корню **bard*, давшему п.-мо. *bardayar*, мо. *бардгар*, калм. *бардър*, ойр. *бардаһар* ‘толстый, неуклюжий; солидный’, также восходит прилагательное п.-мо. *bardam* [Kow., p. 1110], мо. *бардам*, *бардан*, бур. *бардам*, *бардаастай*, калм. *бардм*, ойр. *бардам*, даг. *bardan*, ж.-уйг. *bardam*, мнгр. *pardaj* [EDAL, p. 330] ‘чванливый, кичливый’, значение которого развилось на базе ‘толстый; солидный’. Взаимосвязь признаков ‘надменный’ и ‘пухлый’, вероятно, обусловлена тем, что раньше, как правило, избыточным весом страдали лишь зажиточные люди. Чередование инициальных [b/m] наблюдается в бур. *мараа* ‘здоровый; большой’; п.-мо. *marγu-a*, мо. *мариа*, бур. *марьян*, ойр. *мараа* ‘полнота, пухлость’. Существительное п.-мо. *larjγu-a*, мо. *ларжсаа*, бур. *ларжсаа* ‘важность, высокомерие’ подразумевает то, что некогда существовала адъективная форма *ларжгар* ‘важный’.

Образное прилагательное образует сложное слово *бордгор буурцаг* ‘хлебный корм для скота (преимущественно бобы)’ (досл. ‘круглые горошины’). Тот же корень в п.-мо. *bordu-* [Kow., p. 1222], мо. *борд-*, бур. *бордо-*, калм. *борд-*, ойр. *бордо-* ‘утучнять; откармли-

вать’, т. е. ‘округлять’. Значение ‘пухлый’ реализуется в названиях мелких животных: п.-мо. *borq-a*, мо. *борх* ‘бурундучок’, калм. *бард* ‘хомяк’, *бардай* ‘суслик большой’.

Для выделения мотивирующего признака в ср.-мо. *borbaĭ* [МА, с. 197], п.-мо. *borbi* [Kow., p. 1221], мо. *борви* ‘пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие; кожаный бурдюк’, калм. *бөрв*, ойр. *бөрве* ‘подколенные сухожилия; кожаная фляга’, бур. *борьбо* ‘голень’ небезынтересно значение казахской параллели: «*борби*- ‘распухать (о суставах)’, *борбақ* ‘распухшее, мясистое лицо’» [Кайдаров, 1986, с. 194]. Ср. второе значение калм. *борва*-, ойр. *борваа*- ‘вздуться; разбухать’. Тур. диал. *борбай*, башк. *бурбай*, як. *борбуй* ‘пах; запястье; бурдюк’ Э. В. Севортян определяет как заимствования из монгольских языков [ЭСТЯ, 1978, с. 194]. Ма. *барба* ‘название сухожилия (голеностопного, идущего от пятки к сгибу колена)’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 95].

Значение корня *bort ‘нечто округлое, короткое; цилиндрической формы’ выявляется на основе ряда производных: калм. *борта*- ‘выпучивать’; п.-мо. *bortuyu* [Less., p. 121], мо. *бортого*, бур. *бортого* ‘цилиндр; маленькое деревянное ведро, бадейка; шапка в виде тубетейки у молодых замужних женщин; гильза, пустой патрон’, калм. *бортх*, ойр. *бортог* ‘кожаная фляга (для молочной водки)’. Ср. каз. *борт* – подражание глухому стуку; хлопанию при ударе по предмету, обрыве натянутой веревки [Кайдаров, 1986, с. 195]. Наконец, только в бурятском языке выявлен подобный корень с согласным [p] в анлауте: *пурды*- ‘набивать желудок’.

Итак, в результате распределения лексики монгольских языков с корневым согласным [r], характеризующую форму объектов по лексико-семантическим полям, нами выделено 5 генеральных признаков: ‘нечто торчащее’, ‘нечто ровное’, ‘нечто круглое, курчавое’, ‘нечто круглое, зияющее’ и ‘нечто надутое, пузатое’. Последние 4 реализуются с помощью следующих корней (табл. 9).

В связи с тем что данные признаки восходят к разным ономотопам, соответственно различается и набор анлаутных согласных. Так, ГП ‘ровный’ в основном передается средствами корней с инициальным [k]. Лексемы с ГП ‘круглый, курчавый’ начинаются с согласных [b/p], [k/g], реже [n]. ГП ‘круглый, зияющий’ представлен корнями с согласными [s], [k], [m], [p] в начальной позиции. Наконец, ГП ‘пузатый’ располагает наибольшим количеством корней, начинающихся с

согласных [d/t], [b/p], [j/č/š/s]. Что касается ауслота, то здесь позиции согласных не отличаются от таковых в ГП ‘остроконечный’.

Таблица 9

Типы корней, формирующих ГП 2–5

ГП ‘Ровный’	ГП ‘Курчавый’	ГП ‘Зияющий’	ГП ‘Пузатый’
<i>ers, erg, irm, kerč, kers, kerb, kir, kirj, kirγ, kirb, kirm</i>	<i>arj, erk, erg, or, urg, ürk, örg, örn, kerm, kers, qor, kür, kürg, ger, bor, bur, burj, burγ, purč, purg, pürč, narb, narm, ner</i>	<i>örn, čarm, šarn, sars, sarq, sark, sart, sarn, sarl, serj, serk, sert, sorn, sürk, sürn, kerk kör, kürk, parn, pirn, porq, porn, marq, merk, morq, mord, morn</i>	<i>jorb, jurb, čard, čerd, čorb, čür, čürj, čürd, šorb, šörd, darb, dord, durd, dorb, durb, tarj, tarč, tarq, tarγ, tard, tart, tarb, terj, terg, tert, terb, torq, bard, borq, bord, bort, borb, pürd, mar, larj</i>

Количество корней, формирующих все 5 генеральных признаков, представлено в следующем соотношении (рис. 6).

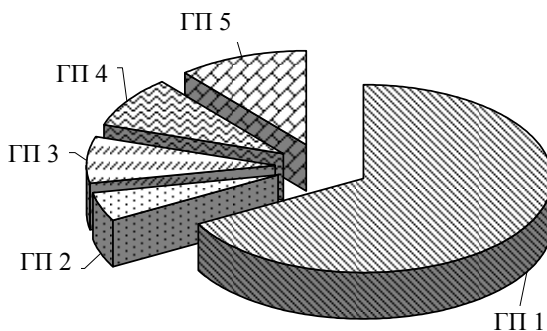

Рис. 6. Соотношение корней ГП 2–5
ГП 1 ‘Торчащий’ – 67 %; ГП 2 ‘Ровный’ – 5 %; ГП 3 ‘Курчавый’ – 8 %;
ГП 4 ‘Зияющий’ – 9 %; ГП 5 ‘Пузатый’ – 11 %

В целом фоносемантическое поле согласного *[r]*, содержащее информацию о форме объекта, можно представить в таком виде (рис. 7).

Рис. 7. Фоносемантическое поле согласного *[r]*

Таким образом, наше исследование подтверждает мнение Л. Д. Шагдарова о том, что «идея объяснить происхождение большей части образных слов от звукоподражательных корней дает ключ к пониманию многих лексико-грамматических особенностей, объединяющих образные и звукоподражательные слова в единую категорию изобразительных слов» [1962, с. 9]. Мы убедились, что звукосемантическое значение рассмотренных в данной главе корней с доминантой *[r]*, актуализирующих информацию о форме объекта, является результатом семантической эволюции звукоподражательного значения.

3.2. Образные лексемы с доминантой *[m]*

Большая часть образных лексем с корневой доминантой *[m]*, отображающих форму объекта, обязана своим происхождением неозначенному признаку – мимическому изображению открытого рта и объединена единым дифференциальным признаком: ‘нечто округлой формы’. Это подтверждает синестетическую теорию М. Бентли и Е. Вейрон, согласно которой в основе звукосемантики лежат физи-

ческие свойства звуков. «Открытый рот, выдвинутые вперед челюсти, сжатые губы производят <...> значения, характеризующие произносимые звуки» [Bently, 1959, p. 86].

Не случайно большое количество образных корней с согласным [m] в монгольских языках характеризуют именно форму губ и рта:

1. **V+[m]**: бур. *омогор*, *оомогор* ‘с поджатыми запавшими губами’; п.-мо. *ötüger*, мо. *өмгөр*, бур. *үмэгэр*, калм. *өмгр* ‘слишком маленький, уродливо маленький; суженный, почти закрытый, сжатый’; п.-мо. *utuγur* [Less., p. 875], мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверсти)’;⁵⁷ калм. *үмгр* ‘поджатый (о губах); узкий, суживающийся’. Ср. ма. *омишоқо* ‘губа (верхняя двойная – заячья губа)’ [ССТМЯ, 1977, с. 18]. Как видно, значения корня *om отсылают к образу рта, произносящего звук [o], корня *ut – к образу рта во время артикуляции гласного [u].

2. **C_{un}+V+[m]**: п.-мо. *йтегер*, мо. *жимгэр*, бур. *жимэгэр*, калм. *жымһр*, ойр. *жымгер* ‘сжатый, поджатый (о губах)’, орд. *Жит-*, мнгр. *Йти-* [EDAL, p. 1016], п.-мо. *йтiii* ‘сжать, сдавить; зажать (рот)’ [Kow., p. 2349]; п.-мо. *qotuγur* [Less., p. 961], мо. *хомгор* ‘что-л. имеющее отверстие с очень суженными краями; вогнутый, желобообразный, свернутый в трубочку’; калм. *хөһр* ‘впалый’; эвенк. *н’имин* ‘сжать рот, поджать губы’ [ССТМЯ, 1975, с. 669].

3. Тип **V+[m]+C_{aus}**: П.-мо. *атйγур*, мо. *амжуур* ‘вогнутый внутрь, впалый’; п.-мо. *атсγур* ‘вогнутый, желобоватый’ [Kow., p. 116], мо. *амцгар* ‘плоскогубый’; п.-мо. *етсегер* ‘имеющий верхнюю губу короткую’ [Там же, p. 218], мо. *эмцгэр* ‘имеющий заячью губу’; бур. зап. *амхагар*, калм. *амха* ‘провал; беззубый’; п.-мо. *амтаγар*, мо. *амтгар* ‘впалый’; бур. *амһагар* ‘разверстый, широко раскрытый (о дупле, рте)’; бур. *амтигар*, *амшагар* ‘беззубый’; эвенк. *эмтикин* ‘беззубый’ [ССТМЯ, 1977, с. 451].

4. **C_{un}+V+[m]+C_{aus}**: п.-мо. *домбиγур*, мо. *домбогор* ‘выпяченный (о губах)’; бур. *дамбагар*, *замбагар* ‘толстый (о губах)’; п.-мо. *жамбиγар*, мо. *жамбигар* ‘тонкогубый’⁵⁸; бур. *жэмхэгэр* ‘сжатый, поджатый’;

⁵⁷ Данные признаки применимы к п.-мо. *от*, мо. *ом* ‘ямочка для прикрепления верхней палочки шатра’.

⁵⁸ В примерах *замбагар* ‘толстый’ и *жамбигар* ‘тонкогубый’ видно, что в ауслате [b] передает признак ‘широкий’, [b'] – ‘узкий, тонкий’.

п.-мо. *ǰotbiyar*, мо. *жомбогор*, бур. *жомбогор*, калм. *жомбър* ‘выпячивающийся (о губах)’; п.-мо. *ǰotbiyur*, мо. *шомбогор*, бур. *шомбогор* ‘вытянутый; выпяченный (о губах)’; п.-мо. *ǰamsiyar*, мо. *шамигар* ‘имеющий длинный подбородок; беззубый; вывороченный (о губах)’; бур. *шамшагар* ‘отвислый (о губах)’; п.-мо. *qamsiyar* [Kow., p. 810], мо. *хамигар* ‘сплюснутый; впалый, ввалившийся (о старческом рте)’; п.-мо. *kötükei*, мо. *хэмхий*, калм. *эмхэ*, ойр. *эмкээ* ‘нижняя губа’.

Ср. в тунгусо-маньчжурских языках: орок. *јамбидда*- ‘сморщиться’; эвенк. *мимирән*- ‘поджать губы’, ма. *мими*- ‘зажимать рот’⁵⁹, эвен. *митиңчи* ‘морщиться; жмурить глаза’; эвенк. *коми* ‘криворотый’, уд. *хэмбиэм* ‘скривив рот (при плаче)’ [ССТМЯ, 1975, с. 340, 537, 409], нег. *таманчи*- ‘сжать зубы’; эвенк. *тимнэ*- ‘шевелить губами’ [ССТМЯ, 1977, с. 159, 182].

Процесс смыкания губ отражен в названиях некоторых духовых музыкальных инструментов: п.-мо. *ǰimbür* [Kow., p. 2350], мо. *жимбүүр*, бур. *жэмбүүр* ‘дудка, свирель, рожок из тростника’ (ср. п.-мо. *ǰimbe*-, мо. *жимб*- ‘сжимать губы’); п.-мо. *атагаи* ‘свисток, свистулька, коею приманивают зверей и птиц на охоте’ [Там же, p. 97], мо. *амгай* ‘охотничий рог, вабик, рожок, манок (для приманивания оленя)’. Скорее всего, то же действие заложено в названии п.-мо. *limbi*, мо. *лимбэ*, бур. *лимбэ*, калм. *лимб*, ойр. *лимбе* ‘лимба, флейта’, хотя, по предположению Б. И. Татаринцева, оно имеет тибетское происхождение [2004, с. 438]. Источником звука в этих инструментах, представляющих собой полую трубку, служат колебания столба воздуха, вдуваемого ртом.

3.2.1. ГП ‘Нечто круглое’

3.2.1.1. ‘Нечто круглое, небольшое (об отверстии)’

Как уже отмечалось, соматический термин п.-мо. *ата(n)* ‘рот, уста’ является по сути мимемой, воплощающей зрительнообразное представление закрывающегося рта: [a] передает образ открытого рта в момент произнесения данного гласного, [m] – образ смыкания губ при артикуляции данного согласного.

---

⁵⁹ Ср. корень *mim в англ. *mimic*, нем. *mimisch*, чешск. *mimický*, эст. *miimiline* ‘мимический’, восходящих к греч. *mimikos* ‘подражательный’.

В EDAL отмечена Птунг. форма *amja ‘рот, уста; отверстие’ [р. 297]. Также в тунгусо-маньчжурских языках функционируют семантически близкие: эвенк. *hэмун*, сол. *эммэ*, нег. *хэмун*, ороц. *хэму(н-)*, уд. *хэму(н-)*, ульч., орок. *пэму(н-)*, нан. *пэму*, ма. *фэмэн*, чж. *fū míh* ‘губы’, эвен. *hэмьудь* ‘губа; край (стенки сосуда), борт (лодки)’ [ССТМЯ, 1977, с. 365]. Второе значение

эвенской формы сопоставимо с ср.-мо. *amasar* [МА, с. 100], пкл.-мо. *amasar* [Тум., р. 297], п.-мо. *amasar*, *amsar* ‘отверстие, жерло; устье’ [Kow., р. 97], мо. *амсар*, бур. *амһар*, дунс. *амасэ* ‘край отверстия; горлышко (посуды)’, представляющим собой результат субстантивации прилагательного, образованного от корня *ams ‘нечто разверстое, раскрытое’.

В первую очередь со значением ‘рот’ по форме соотносим другой анатомический термин ср.-мо. *umai* [LH], пкл.-мо. *umai* [Тум., р. 601–602], п.-мо. *umai* ‘утроба матери, чрево; ложесна’ [Kow., р. 410], мо. *умай*, бур. *умай*, калм. *ома*, орд. *umǎ* [EDAL, р. 1498] ‘утроба, чрево; матка’. К надежным алтайским параллелям относятся Птунг. *umi ‘дыра’, Птюрк. *(i)*am* ‘vulva’, Пкор. *umúk ‘образовывать впадину, быть вогнутым’ [Там же, р. 599]. Пмонг. форму *(h)*umaj* авторы EDAL вслед за А. М. Щербаком считают заимствованной из тюркских языков: от Птюрк. *umaj ‘плацента, послед; богиня рождения’ [Там же, р. 1498]. Сол. *ом’э* ‘утроба, матка’ < мо. [ССТМЯ, 1977, с. 17].

Следует отметить, что представления о богине *Умай* распространены среди всех народов алтайской языковой семьи, исследованию этимологии теонима посвящено немало этнографических, культурологических и других исследований. Л. П. Потапов, изучив функции божества *Умай*, выделил следующие значения термина в представлениях алтайских народов: женское божество, «богиня-покровительница» прежде всего детей; плацента (детское место, послед) и чрево матери. С плацентой и пуповиной, обозначаемыми этим термином, связаны представления о душе [1991, с. 284–293].

Т. Д. Скрынникова, рассматривая *умай* в качестве компонента лексемы *загалмай*, считает возможной связь с тунгусо-маньчжурским термином *оми*, обозначающим сакральную субстанцию солнечной

природы, а также ее вместилище – антропоморфные фигурки из камня или глины [Скрынникова, 2009, с. 12].

Первозначением лексемы, на наш взгляд, выступает ‘vulva’, в дальнейшем трансформировавшееся в ‘утроба; матка’. Образная семантика подтверждается функционированием адъективной формы: п.-мо. *umγar*, мо. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький (об отверстии)’: *умгар амтай* ‘с маленьким ртом’, а также синонимичного термина мо. *умсаг* ‘влагалище’ [ОМТ, 1982, с. 51]. Если *ам* ‘рот’ отсылает к образу рта, произносящего гласный [a], то *умай* с узким огубленным гласным переднего ряда [u] номинирует более узкое отверстие, что свидетельствует об изобразительной валентности гласных⁶⁰.

Гипервариативность гласных в сфере изобразительной лексики позволяет сопоставить ср.-мо. *eme* [HY, p. 29], *eme* [IM], *eme* [MA, с. 153], пкл.-мо. *em-e* [Tum., p. 386], п.-мо. *em-e* [Kow., p. 213], мо. *эм*, бур. *эмэ*, калм. *эм*, ойр. *эме*, орд. *ете*, мог. *етта*, даг. *ете*, дунс. *ете*, бао. *ете*, ж.-уйг. *ете*, мнгр. *ими* [EDAL, p. 504] ‘жена, женщина; самка’ с производными корня *ит. В языках алтайской общности также восстанавливаются Птюрк. *ете* ‘самка; старуха’, Птунг. *emV* ‘теща, свекровь; самка; самка оленя, лося’, Пяп. *tia*, Пкор. *ámh* ‘женщина; самка’ [Там же]. Ср. также эвен. *имни*, ороч. *йлмини* ‘anus’⁶¹; эвен. *кэмэкэ* ‘влагалище’ [ССТМЯ, 1975, с. 213, 448], эвенк. *умигдэ* ‘самка (оленя, лося, кабана – молодая, упитанная)’, возможно, эвен. *омири* ‘важенка (у которой погиб теленок)’, нег. *умигдэ* ‘самка (лося, летом)’, орок. *умнэ* ‘самка оленя (трех лет)’, эвенк. *эмүгдэ* ‘лосиха’, сол. *емó* ‘мать’, нан. *эмэ* ‘мать’, ма. *эмилэ* ‘самка птицы’ [ССТМЯ, 1977, с. 268, 271, 452].

Образ ‘нечто круглое’ мог эволюционировать в архаичной лексеме *ете* по следующей цепочке ‘нечто круглое’ > ‘vulva’ > ‘женщина’. Ср. бур. *хэмнэг* ‘*zap.* утроба (матери); *anat.* матка’. О данном первозначении корня косвенно свидетельствует наличие в монгольских языках существительного п.-мо. *emegetei* [Kow., p. 215], мо. *эмэгтэй*, бур. *эмэгтэй* ‘женщина’, в котором выделяется формант *-tei*, позво-

---

⁶⁰ Ассоциативная связь между рассматриваемыми органами наблюдается на материале русского языка: *зубы* → *половые губы*.

⁶¹ Чередование [b/m] позволяет выделить тот же признак в баргуз. *обдог* ‘лошадиный anus’.

ляющий перевести словоформу как ‘обладающая *emeḡ* (круглым)’, равно как и в *ereḡtei* ‘обладающий *ereḡ* (торчащим)’.

В современных языках ср.-мо. *emege* [НҮ, р. 29], п.-мо. *emeḡ*, мо. *эмэг* функционирует в значениях ‘бабушка, мать отца; женщина-предок’; кл.-мо. *emege* [Тум., р. 386], п.-мо. *emege(n)* ‘бабка, бабушка; старуха’ [Kow., р. 214], мо. *эмэн*, бур. *эмэн*, калм. *эмн*, ойр. *эмген*, орд. *emeḡen*, даг. *emḡun*, *emeḡ*, мнгр. *tigen* [EDAL, р. 504] ‘старуха’, бур. *эмэй* ‘вост. редк. бабушка’; п.-мо. *emeḡcin* ‘самка (у птиц)’ [Kow., р. 215], мо. *эмэгчин* ‘самка; самка животных; matka’. В то же семантическое поле можно включить п.-мо. *samaḡan* ‘старуха; женщина’ [Там же, р. 1314], мо. *самган* ‘диал. жена; старуха, женщина’, бур. *хамган* ‘жена; женщина (в противоположность девушке)’, сел. *хамай* ‘бабушка’, калм. *самһн*, ойр. *самһан* ‘старая женщина, старуха’.

П.-мо. *meḡeji* ‘четырёхгодовалая дикая свинья’ [Kow. 2017], мо. *мэгж*, бур. *мэгэжэ*, калм. *мегж*, ойр. *мегжи* ‘самка кабана, кабаниха; свиноматка’, по ценному замечанию Ц. Хасбаатара, возникло от формы *emeḡeḡcin ‘самка’ в результате выпадения инициальной гласной [e], конечной гласной [n] и чередования *č/ǰ* [1999, с. 88].

Л. С. Левитская отмечает, что этимология тюрк. *қума* ‘наложница; любовница; рабыня; жены одного мужа по отношению друг к другу; вторая жена; младшая жена’ не выяснена. «Отсутствие слова в тюркских памятниках до XIV в., колебания анлаутного гуттурального (*қ ~ э*) и гласного первого слога (*у ~ о*) как будто свидетельствуют о его нетюркском происхождении. Г. Дерфер допускает возможность, что тюрк. слово восходит к монг. источнику, ссылаясь на ср.-мо. тексты (*quta* ‘наложница’)» [ЭСТЯ, 2000, с. 133–134].

3.2.1.2. ‘Нечто круглое, мелкое’

Признаки ‘круглый, шарообразный, комкообразный, куполообразный’ актуализируются в следующих корнях: **bomb/bömb/ömb/qomb/qumb/dumb*: п.-мо. *bombuḡur*, мо. *бомбогор*, калм. *бомһр*, ойр. *бомбахар*; п.-мо. *bömbüger*, мо. *бөмбгөр*, бур. *бүмбэгэр*; п.-мо. *römbüger*, мо. *пөмбгөр*; п.-мо. *qombuḡur* [Less., р. 960], мо. *хомбогор*; п.-мо. *qumbaḡar*, мо. *хумбагар*; п.-мо. *dumbaḡar*, мо. *думбагар*. Ср. каз. *көмере* ‘саман круглой формы’, *хөмпи* – ‘вздуться; взбухать’ [Кайдаров, 1986, с. 228].

Среди производных с ярко выраженной образной семантикой следует отметить: п.-мо. *bõt*, мо. *бөм* ‘комок, ком; кусок’; п.-мо. *bõtbüge* [Kow., p. 1239], мо. *бөмбөг*, бур. *бүмбэгэ*, ойр. *бөмбеге* ‘мяч; шар’, калм. *бөмбг* ‘ядро’; п.-мо. *bõtbiü*, мо. [гижгэн] *бөмбий* ‘мизинец ноги’, бур. [бишихан] *бүмбөөдэй* ‘мизинец’; п.-мо. *bõtbükei*, мо. *бөмбөөхий* ‘бот. пузырчатка’; п.-мо. *bõtbiülig* [Там же], мо. *бөмбөлөг* ‘шар’; п.-мо. *bumbaу-a*, мо. *бумбаа* ‘пузырь; помет’; калм. *бөмбә* ‘дербет. кизяк овальной формы (приготовленный вручную)’; п.-мо. *batbai*, мо. *бамбай*, калм. *бамб*, ойр. *бамбаа* ‘щит, кольчуга’; бур. хорин. *бүмбэ* ‘небольшой медный кувшин’; п.-мо. *qomburai*, мо. *хомборой* ‘род игры в бабки, косточки’ и др.

Тюрк. *йумақ, йумгақ* ‘всякая свернутая и шарообразная вещь; клубок; круглый, шарообразный; итог, резюме’ Дж. Клосон рассматривает как производное с аффиксами *-ақ/-гақ* от глагольной основы **йум-* ‘катать, скатывать’ [СЛ., р. 936а]. В тунгусо-маньчжурских языках функционируют эвенк. *бумбукэ* ‘шарик (из теста), булочка’, уд. *бомбо* ‘шар’, нан. *бомбо-бомбо* ‘кругло, шарообразно’, ма. *бумбуку* ‘почка (растения)’, *бумбулча-* ‘вздуваться, вспучиваться’; ороц. *камбо* ‘комком, клубком (свернуться)’; эвенк. *момбокто* ‘комок, шарик’ [ССТМЯ, 1975, с. 110, 370, 544], эвенк. *чумбуктэ* ‘шар; пузырь’ [ССТМЯ, 1977, с. 414].

К образу ‘нечто округлое’ отсылают: ср.-мо. *amdegan* [НУ, р. 16], *öndüge* [IM], *ömdegen* [LH], *ömdügen* [MA, р. 276], пкл.-мо. *öndegen* [Tum. 510], п.-мо. *imdegen, ümdügün, ündegen* [Kow., р. 537, 540], *ondege(n), omdege(n), onduge, omduge* [Less., р. 636], мо. *өндөг*, бур. *үндэгэн*, калм. *өндгн*, ойр. *өндеген*, орд. *ondogo*, мог. *undayöп*, даг. *enduge*, дунс. *endeGi*, бао. *ndegi*, мнгр. *ndige* [EDAL, р. 1499] ‘яйцо’ и п.-мо. *im, im-a, nim* [Kow., р. 309, 663], мо. *им* ‘анат. яйцо, яички’. Авторы EDAL, восстанавливая Пмонг. форму *(*n*)*im*, сопоставляют ее с Птунг. *nāta/**māna* (**māṇa*) ‘яичко (анат.)’; Птюрк. *jumur ‘кишки, внутренности’, предполагая, что исторически корень мог отделиться от **jum-* ‘круглый’ и *jumurtka ‘яйцо’, хотя внутренние контаминации неизбежны [р. 962]. Ср. ма. *шума* ‘шулята’ [ССТМЯ, 1977, с. 109], Пяп. *tāta* ‘шарик; яйцо’ [EDAL, р. 1433].

Корни с сонантом [m] активно участвуют в образовании названий растений, имеющих клубни: п.-мо. *tömüsü(n), tömsü* ‘полевые плоды’ [Kow., р. 1924], мо. *төмс*, ойр. *төмсен* ‘картофель; луковица лилии

сараны; анат. яйцо’, бур. *түмнэ(н)* ‘луковица растений; клубень’. В бурятском языке восстанавливается форма *түмнэ ‘клубень’ на основе *түмнэтэ ургаса* ‘клубнеплод’ (досл. ‘растение с клубнями’). Ср. параллели: Птунг. *іѳта ‘назв. растения со съедобными корнями, похожими на картофель’; Птюрк. **tum-gu-* ‘водяной орех; кувшинка’; Яп. *імэ* ‘картофель’, Пкор. *тáh* ‘картофель, ямс’ [EDAL, p. 1474, 586], а также орок. *иму* ‘картофель’ [ССТМЯ, 1977, с. 313].

П.-мо. *ömbü, ümbe*, мо. *өмбө, үмбэ* ‘имбу; айва; момбин клубоносный’; п.-мо. *tümelji*, мо. *түмэлжэ [чавга]* ‘спаржа блестящая; спаржа клубеньковая’. П.-мо. *qatγar*, мо. *хамгар* ‘черемша (дикорастущий лук)’; п.-мо. *kümel* ‘полевой лук’ [Kow., p. 2610], мо. *хэмөл, хүмэл* ‘лук монгольский степной’ названы по округлой форме луковиц. С последней, на наш взгляд, сопоставим тюркский фитоним *гүмүрен, көбирген* ‘дикий лук (трава), горный лук; дикий чеснок (трава)’, относительно этимологии которого известна версия М. Рясянена, производящего его от глагольной основы *köbür-* ‘пениться’ [Räs., p. 285b]. По форме, скорее всего, назван фрукт п.-мо. *nimbeg* [Kow. 663], мо. *нимбэг* ‘лимон’.

Признаки ‘мелкое, круглое’ также реализуются в следующих лексемах: ср.-мо. *jiš* [IM; MA, с. 206], пкл.-мо. *jiš* [Tum., p. 430], п.-мо. *jiš* [Kow., p. 2350], мо. *жимс*, бур. *жэмэс*, калм. *темсн*, ойр. *темсен* ‘плоды, фрукты, ягоды’; п.-мо. *jišgen-e*, мо. *жимсгэнэ* ‘ягода, ягоды’. Ср. др.-тюрк. *jiš* ‘овощи, фрукты’. С мо. *jiš-gu-sun* М. Рясянен сопоставляет тюрк. *jišmurt* ‘черемуха; рябина (плод)’, в современных языках *йымырт* [ЭСТЯ, 1989, с. 283]. По мнению Дж. Клоусона, мо. *jiš* должно быть заимствованием, так как тюрк. *yétiš* представляет собой отглагольное образование от *yé*: ‘есть, кушать’, причем ни суффикс *-tiš*, ни сам глагол не встречаются в монгольских языках [1959, с. 39]. На наш взгляд, присоединение к основе **jiš(i)s* древнейшего суффикса *-gene* все же указывает на автохтонность данной лексемы.

Ср. эвенк. *кэмпи* ‘рябина’, орок. *кэмүктэ* ‘кислица, костяника’; ма. *намгин* – название плода (багрового цвета, кисло-сладкого) [ССТМЯ, 1975, с. 448, 581], возможно, *пáма* ‘шикша’; эвен. *сумуду*

‘шикша (ягода-водяница)’; эвенк. *тэмпуктэ* – название ягоды, похожей на землянику; эвен. *умтъчан* ‘шикша’, ороц. *ун’укта* ‘сиква (ягода)’; эвенк. *һимиктэ*, эвен. *һ’эмтэ* ‘брусника’⁶² [ССТМЯ, 1977, с. 33, 126, 234, 268, 325]. Примечательно, что авторы EDAL восстанавливают Птунг. *jet ‘округлый, шаровидный’ (эвенк. *Жэмбэмэ* ‘округлый (об орнаменте, вышивке закругленными линиями)’, нег. *Жэңгэ-Жэңгэ* ‘округло, шаровидно’), Птюрк. *жит* ‘круглый; клубок’, считая тюркско-тунгусскую изоглоссу выразительной, но недостаточно прочной [р. 1543]. К Птунг. форме *sum, выведенной на основе эвен. *сумуғи* ‘шикша’, ими дается интересная параллель Пяп. **sùm-* ‘вид сливы’ [Там же, р.1291].

П.-мо. *Јатир* ‘ягоды шиповника’ [Kow., р. 2293], мо. *жамар* ‘шиповник (плод); роза’, согласно Алтайскому словарю, относится к заимствованиям из маньчжурского языка [EDAL, р. 392]. Ма. *чжаму* ‘светло-красный цвет персика, пунцовый; название плода красного и душистого, вкусом сладкого; шиповник; *rosa cinnamomea*’, *чжаму илха* ‘красные душистые розы; шиповник’, *чжамури орхо* ‘название растения: воловий язык, вологгод с красным корнем, идущим для окраски в лиловый цвет’ [Захаров, 1875, с. 969], уд. *Жамукта* [ССТМЯ, 1975, с. 247–248]. Наличие ульч. *омақта* ‘шиповник’, ма. *умпу* ‘кизил’ [ССТМЯ, 1977, с. 16, 268], восходящих к корням **om/um*, позволяет предположить, что в тунгусо-маньчжурских языках действовал тот же принцип номинации по форме и размеру плодов, что и в монгольских. При этом выделение мотивирующего признака ‘круглый’ в Птунг. *Жаму* ‘шиповник’ подвергает сомнению приведенную в Алтайской словаре Пмонг. параллель *dom ‘липа’ [EDAL, р. 392].

Считать мо. *жамар* ‘шиповник (плод); роза’ маньчжурским заимствованием, на наш взгляд, не следует, поскольку в монгольских языках представлены фонетически близкие варианты, номинирующие

⁶² Ср. также *һимқан* ‘кольцо (для аркана из рога оленя)’ [ССТМЯ, 1977, с. 325].

розу и другие растения: п.-мо. *Ĵatȳar*, мо. *замгар* [цэцэг] ‘роза коричневая’, бур. *бамба* ‘роза’; п.-мо. *Ĵamba* ‘проскурник’ [Kow., p. 2293], мо. *замба* [цэцэг] ‘низкокустарный крупный цветок’; мо. *жамба* [цэцэг] ‘просвирник маленький; мальва’; п.-мо. *Ĵembege* ‘дерево с чрезвычайно душистыми цветами’ [Там же], калм. *гүмб* ‘гумбе (название цветка); круглый’. Словоформу *жамар* можно интерпретировать как субстантивированное прилагательное, подобное *замгар* ‘округлый; пушистый’.

Признак ‘мелкий, круглый’ следует выделить в п.-мо. *umasi*, мо. *уми* ‘зерна пороха’, калм. *уми*, ойр. *умиш* ‘крупинка, зернышко’; ср.-мо. *satur* [IM], п.-мо. *satur* [Kow., p. 1316], мо. *самар*, бур. *хамар* ‘орех, орехи’, сел. *хамархан* ‘кедровые орехи’; п.-мо. *ċöt-e*, *ċötü*, *ċötüige* [Там же, p. 2226], мо. *цөм* ‘косточка; ядро, зерно’, калм. *цөм* ‘кизил’, *цөмсн* ‘черемуха’ (о плодах); п.-мо. *ċötüüeng*, мо. *цөмөөлөн* ‘яблоко с пятью косточками’; пкл.-мо. *ċoturliy* [Tum., p. 356], п.-мо. *ċoturliy*, мо. *цөморлиг* ‘почка, бутон; чашечка; нераспустившийся цветок; букет’. Фитоним п.-мо. *ambarai*, мо. *амбрай* обозначает растение, также носящее название *хурганы бөөр* ‘ягнячьи почки’, исходя из которого воссоздается образ растения с мелкими, круглыми плодами, по форме напоминающими почки ягненка. Ср. Птюрк. *ċitmur ‘почки; лилия; шар, округлость, кулак’ [EDAL, p. 447], в тунгусо-маньчжурских языках: нег *чимчуктэ*, ороч. *чипчиктэ*, ульч. *чимчиктэ*, нан. *чимчиктэ* ‘шишка (лиственницы, ели)’; эвенк. *чэмэ*, ороч. *чэмэ*, уд. *чэмэ*, орок. *тэммэ* ‘зерно, семя’, нан. *чэмэ* ‘зерно, ядро; ядро (ореха), орешек’ [ССТМЯ, 1977, с. 395].

Закономерное чередование аффрикат [ʃč] сближает *ĵimis* ‘ягода’ с субстантивом ср.-мо. *ċitek* [MA, с. 133], пкл.-мо. *ċiteg* [Tum., p. 353], п.-мо. *ċiteg* [Kow., p. 2168], мо. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* ‘украшение, убранство, наряд’, отсылающим к образу ‘нечто мелкое и круглое (о бусинах)’. Ср. нег. *кумпкэн*, ульч. *кумпэ(н-)* ‘украшения (медные на женском переднике)’, ороч. *кумпэ* ‘украшения (металлические на женской одежде, нагруднике, шапке)’ [ССТМЯ, 1975, с. 431].

Ср.-мо. *qotaul* [SH], п.-мо. *qotul*, *qotiyul* [Kow., p. 934], мо. *хомоол* ‘лошадиный кал, помет’, калм. *хомьл* ‘перегной’ М. Ряснен сопоставляет с тюрк. лексемой *қумалақ* ‘лошадиный навоз; шарик;

круглые камешки’, которую он считал производным от чаг. *kumal* ‘круглый’. Последняя форма, по мнению Л. С. Левитской, в свою очередь восходит к монгольскому источнику. «При любой трактовке *кумалақ* – образная основа со значением ‘нечто сжатое, свернувшееся; круглое» [ЭСТЯ, 2000, с. 135]. В. Г. Егоров сравнивает чув. *кумал'ак*, *комал'ак*, *кумалек* ‘комки в киселе, каше; катыши, колобки (из толченого гороха или конопляного семени)’ с именами на *-лақ*, например, башк. *тумалақ* ‘круглый’ [1964, с. 117].

К образу ‘нечто круглое’, несомненно, следует отнести ср.-мо. *tatya* [ИМ; МА, с. 339], пкл.-мо. *taty-a* [Тум., р. 571], п.-мо. *tataya* ‘печать (казенная, гербовая)’ [Ков., р. 1643], мо. *тамга*, бур. *тамга*, калм. *тамь*, ойр. *тамь* ‘печать, штампель, штамп; клеймо, тавро’; пкл.-мо. *temdeg* [Тум., р. 579], п.-мо. *temdeg* [Ков., р. 1730], мо. *тэмдэг*, бур. *тэмдэг*, калм. *темдг*, ойр. *темдег* ‘примета, признак; метка; сигнал’; п.-мо. *ит*, мо. *им*, бур. *эмь* ‘знак, клеймо; метка на ухе в виде разных надрезов’. Известно, что тамги имели форму простейших геометрических фигур как наиболее удобные для вырезания или выжигания. Т. А. Бертагаев, доказывая монгольское происхождение лексемы *тамга*, сопоставлял указанные словоформы, опираясь на возможность чередования корневых гласных *a/э* и приводя в качестве свидетельства парное использование лексем в монгольских словарях: *им тамга* у А. Лувсандэндэва и *тамга тэмдэг* у Я. Цэвэла [1971, с. 102]. Г. Дерфер вслед за В. Бангом считает тюрк. *tatya* ‘знак собственности рода, тавро, клеймо’ реликтом дотюркской цивилизации. Относительно этимологии лексемы известна версия Л. С. Левитской, предполагающей возможную относительно позднюю семантическую связь *tatya* с *tay* ‘клеймо’ ← перс. *tam-* ‘загораться’ [СИГТЯ, 2001, с. 330].

В тунгусо-маньчжурских языках привлекают внимание формы: эвенк. *сәмэлкй*, эвен. *һәмун* ‘метка; знак; клеймо (на ухе животного)’, орок. *самалки* ‘с приметой, отметиной’, эвенк. *һим* ‘метка, тамга, клеймо’ [ССТМЯ, 1977, с. 61]. Данный семантический ряд могут продолжить названия отметин на теле человека: родинок, пятен, болячек. Название болезни п.-мо. *qatayu* [Ков., р. 803], мо. *хаму(н)*, бур. *хамуу*, калм. *хаму*, ойр. *хамуу* ‘лишай, парша, чесотка’, п.-мо. *namasu(n)* ‘лишай на лице’, *namursun* ‘лишай’ [Там же, р. 616], мо. *намс яр* ‘прыщ, прыщи на лице’, по всей видимости, связаны с тем, что бляш-

ки лишая, как правило, имеют округлую или овальную форму (бур. *хүрээтэй байдаг* ‘досл. имеет ограду’).

Тот же корень *qat прослеживается в тюрк. *қамчав*, *қамчағу* ‘сыпь, вызывающая зуд (на глазах, губах); мокрая болезненная болячка, язва; лишай; чесотка’. «Форма является отглагольным именем, образованным от *қам*-/*қам*-, видимо, идентичной башк. диал. *қам*- ‘болеть’ и п.-мо. *хама*- ‘быть чесоточным’, хак. *ханса*- ‘болеть (о животном)’, саг. ‘болеть (о человеке)’» [ЭСТЯ, 1997, с. 247]. Ср. як. *кәм* ‘пятно на теле, замета’, леб. *кәм* ‘родимое пятно’ [Там же, с. 35], ма. *самға* ‘родинка, пятно (родимое – черное или красное, в виде точки)’ [ССТМЯ, 1977, с. 61].

В тюркских языках также распространены сингармонические варианты: *дэмрев*^о, *демрегү*, *демретги* ‘лишай; вид кожного заболевания, экзема; пятна на теле; лишайник; болячки на теле’, в которых корень *dem сопоставим с *tem в мо. *temdeg* ‘печать’. Э. В. Севортян поддерживает схему морфологического анализа формы *temregü* у Дж. Клосона, которую автор квалифицирует как отглагольное существительное от *temre:-, в свою очередь образованного от *temir* ‘железо’. По версии Дж. Клосона, кожная болезнь лишай названа словом *temregü* вследствие того, что кожа человека при этой болезни покрыта словно ржавчиной [ЭСТЯ, 1997, с. 190]. Сюда же, по всей видимости, следует отнести Птюрк. *sēmi ‘прыщ на лице’, Пяп. *sími ‘оспина, веснушка; пятно’, Пкор. *sām ‘пятно (в глазу); бородавка, родинка’ [EDAL, p. 1229].

Значение ‘нечто круглое, небольшое/мелкое’, развившееся на основе образа открытого рта, в рассмотренных выше примерах целесобразно признать первичным. Модификациями данного признака можно считать признаки: ‘продолговатый’, ‘выпуклый’, ‘вогнутый’, ‘изогнутый’.

Признак ‘продолговатый’, в первую очередь, воплощается в производных от корней **dom/domb*: п.-мо. *domu*, *dombu* ‘металлическая чашка, в которую ставится чайник; чайный сосуд; чайник’ [Kow. 1861, 1864], мо. *домбо(н)* ‘кувшин (для чая), чайник (продолговатой формы); продолговатый’, бур. *домбо* ‘сосуд с носиком’, калм. *домб* ‘кувшин, высокий чайник’, ойр. *домбо* ‘высокий чайник без носика’; п.-мо. *dombunčir*, мо. *домбончор* ‘баллон’.

Рассматриваемый признак восстанавливается в названии струнного щипкового музыкального инструмента – домры (п.-мо. *domu*, *dombura* ‘калмыцкий музыкальный инструмент, напоминающий лютню’ [Less., р. 253], мо. *домбор*, *доомбор*, бур. *домбро*, калм. *домбр* ‘домбра, балалайка’; каз. *домбыра*, башк. *думбыра*, узб. *думбыра*, *думбрак*, тадж. *думбурак*). Название инструмента представляет собой результат субстантивации прилагательного *домбор* ‘продолговатый, округ-

лый’, поскольку корпус домры, как правило, круглого или овального очертания, плоский со стороны струн и выпуклый с противоположной.

Признаки ‘выпуклый; вогнутый’ могут проявляться как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях. Признаки ‘выпуклый, выступающий’ реализуются в следующих формах: п.-мо. *tombuуur*, *tumbaуar*, *tümbeger*, мо. *томбогор*, *тумбагар*, *түмбэгэр*; п.-мо. *yombuуur*, мо. *ёмбогор*, бур. *дүмбэгэр*, *ёмбогор*; п.-мо. *umbaуar*, мо. *умбагар*, п.-мо. *dümbüyi-*, мо. *дүмбий-* и др. Ср. Птюрк. **tom-* ‘круглый, выпуклый; шарик, кольцо; кувыркком; толстый, пухлый; пухнуть, вздуться’ [EDAL, р. 1457]: каз. *томпай-* ‘возвышаться, становиться выпуклым’, *томпақ* ‘выпуклый; выпуклость, желвак’; каз. *төмпешік* ‘бугорок, кочка’; *дөмпі-*, *дүмпі-* ‘выступать в виде горки, округленного предмета’ [Кайдаров, 1986, с. 286, 203], як. *томтоі-* ‘возвышаться, вздуться’, *томтор* ‘холм, бугор’, эвенк. *томторён* ‘возвышенный; выпуклый’ [ССТМЯ, 1977, с. 197]; *йумры* ~ *йумур* ‘выпуклый; вздутый, опухший; круглый; изогнутый; желвак, нарост’ [ЭСТЯ, 1989, с. 249] и др.

Образ выступающей над поверхностью земли горы обусловил развитие значения ‘большой, крупный, рослый’ в корне п.-мо. *tomu* [Less., р. 823], мо. *том*, бур. *томо*, калм. *том*, ойр. *томо*; калм. *дүмбр* ‘величавый, величественный’. Значения прилагательного п.-мо. *tömbüger*, мо. *төмбөгөр* ‘выпуклый, пузатый, видный (о вершине горы)’ показывают, каким образом происходит контаминация значений ‘выпуклый//большой’. Исходя из значения глагола п.-мо. *nömiilge-* ‘складывать на кучу без порядка, взгромождать’ [Kow., р. 698],

мо. *нөмий*- ‘громоздиться’, восстанавливается базовое значение корня *nōt ‘нечто громоздкое, возвышающееся’. Значение ‘большой, крупный’ также может выражаться с помощью корней **amb/šamb/qam*. Так, в бурятском языке *амба* ‘большой, крупный’: *амба томо сар* ‘крупный бык’, *баргуз. амбаал* ‘здоровый, дюжий (о мужчине)’; п.-мо. *šambai*, мо. *шамбай*, бур. *шамбай* ‘крепкий, плотный, сбитый’; п.-мо. *qatiyal*, мо. *хамил* ‘нормальный тучный (о животных); молочная корова’.

Благодаря признаку ‘выступающий, выдающийся вперед’ возник термин ср.-мо. *otori’ut* [SH], п.-мо. *oturiu* [Kow., p. 413], *oturiyu(n)*, *oturiu* [Less., p. 611], мо. *омруу* ‘ключица; грудная кость; грудина, грудь (лошади, мула, птицы); отвислая кожа на груди (у рогатой скотины)’, бур. *оморюу(н)*, *умарюу(н)* ‘грудина (лошади)’, калм. *омрун*, ойр. *омруун* ‘грудь; выступ горы’, орд. *uturū*, *oturū* ‘часть груди, расположенная непосредственно под горлом’, мнгр. *muršdaG* ‘адамово яблоко’⁶³ [EDAL, p. 1052]. А. В. Дыбо восстанавливает праформу соматического термина *oturiγ-un, в которой на *-iγ-* с определенностью указывает бурятская форма [1996, с. 220].

Термин *омруу* сопоставляется с аналогичным в тюркских языках: *омрав* ‘передняя часть груди (у лошади); ключица; спинной хребет’. «Корневой основой *омрав* и *омуз* ‘плечо; спинка; грудь коня’ правомерно считать *от* и *оти*, которые в современном турецком литературном языке означают ‘выступающая, выпуклая, округлая часть ч.-л., особенно костей’. В турецких диалектах *ота* означает ‘лобковая кость, лобок; лодыжечная кость; крупная кость; оконечность берцовой кости; крестец; ключица» [ЭСТЯ, 1974, с. 453–454]. В. И. Рассадин рассматривает п.-мо. *oturiu* как адаптацию ротацирующей формы тюркского названия ‘плеча; спины, холки коня, груди коня’ (турк. *омуз*) [2010, с. 36].

Признак ‘выступающий’ прослеживается также в бур. *омог* ‘соколок (в мясной туше)’, калм. *омг* ‘мыс’; п.-мо. *umaday* ‘подбрюшина’ [Kow., p. 411], мо. *умдаг*, калм. *омадг* ‘лобок, лобковая кость; нижняя

⁶³ П.-мо. *töbeng*, *töbüng*, *töbengke*, *töbüngke* [Less, p. 843], мо. *төвөн*, *төвөнх*, бур. *түбэнги* ‘кадык, адамово яблоко’ также отсылает к образу ‘нечто выступающее бугром’: мо. *төвгөр* ‘неровный, с выступами, кочками’, *төвий*- ‘вздуться, вспучиваться’, *төв* ‘центр’.

часть живота’. Ср. уд. *бомбоктоуи* ‘лобок’ [ССТМЯ, 1975, с. 94], эвенк. *омкото*, нег. *омкото* ‘лоб’, эвен. *омқът* ‘большелобый, лобастый’; эвенк. *тимбурэ*, *тимпурэ* ‘безрогий (олень)’, *тимпулй* ‘лысый, гладкий (о голове)’; *тэмисэ* ‘коленная чашечка’; *тэмпури* ‘олень (безрогий)’ [Там же, 1977, с. 17, 182, 234].

Исходя из фоносемантического потенциала согласного [m], можно попытаться восстановить образ ‘нечто выпуклое (о горбах)’ либо ‘нечто изогнутое (о спине животного)’ в ср.-мо. *teme’en* [SH], *temejen* [HY, p. 11], *temē* [IM], *temee* [LH], *temēn* [MA, с. 344], пкл.-мо. *temege:(n)* [Tum., p. 580], п.-мо. *temege(n)* [Kow., p. 1726], мо. *тэмээн*, бур. *тэмээ(н)*, калм. *темэн*, ойр. *темээн*, орд. *temē(n)*, мог. *temэ*, даг. *temē*, ж.-уйг. *temen*, мнгр. *timēn*, *tēmēn* [EDAL, p. 1424] ‘верблюд’. По убеждению Г. Дерфера [1965, с. 671], А. М. Щербака [1997, с. 154], В. И. Рассадина [2010, с. 32], лексема *temegen* заимствована из тюркских языков. И. В. Кормушин отмечает, что в мо. *temegen* инлаутное [m] могло развиваться только из [b] под воздействием конечного [n]; следовательно, монголы заимствовали название верблюда в форме *tebe, к которой добавлен монгольский суффикс *-gen* [СИГТЯ, 2001, с. 446].

Авторы EDAL, сопоставляя *temegen* с Птунг. *tibya ‘олень-самец, лось’, Птюрк. *debe ‘верблюд’, отмечают, что версия о заимствовании в монгольские языки из тюркских не может быть поддержана [р. 1424–1425]. В п.-мо. *temeger*, мо. *тэмгэр* [*амьтан*] ‘буйвол быстرونгий’ также можно в качестве ведущего восстановить признак ‘изогнутый’ (о спине). В п.-мо. *tumbai*, мо. *тумбай* ‘трехлетняя корова’, по всей вероятности, речь идет об округлых боках животного, ср. мо. *тумбай-* ‘становиться округлым, выпуклым’, а также ма. *тумпа-на-* ‘разжиреть’ [ССТМЯ, 1977, с. 213].

Н. Н. Поппе рассматривает лексему п.-мо. *temeljigene* ‘богомол, толстая крылатая кобылка’ [Kow., p. 1725], мо. *тэмээлзгэнэ* ‘стрекоза; долгоножка’ как производное от конкретного субстантива *temege*, считая, что название дано из-за размера насекомого [Poppe, 1981, p. 386]. Мо. *тэмээлжин хяруул* или *тэмээн хяруул* ‘страус’, очевидно, представляет собой кальку латинского названия страуса *Struthio camelus*, что в переводе с греческого означает ‘воробей-верблюд’, данного по внешнему сходству верблюда и страуса. Правда, в качест-

ве второго компонента в монгольских языках использовалась лексема, участвующая в образовании сложного орнитонима *цацагт хяруул* ‘индюк’, где *цацагт* имеет значение ‘с хохолком’. П.-мо. *kiraγul* [Less., p. 470], мо. *хяруул* восходит к звукоподражательному корню *kir, передающему звуки, издаваемые как индюком, так и страусом. Известно, что во время брачного сезона страусы издают слышный даже на большом расстоянии гулкий рык.

П.-мо. *qom*, мо. *хом*, калм. *хом* ‘жировые отложения в верблюжьей горбу’ сопоставимо с «каз. *қом* ‘спинной жир (у верблюда)’, *қомпи-* ‘вздуться, иметь неуклюжий вид’» [Кайдаров, 1986, с. 246]. Ср.-мо. *qom* [MA, с. 301], п.-мо. *qom* [Kow., p. 934], мо. *хом*, бур. *хом*, калм. *хом*, ойр. *хом* ‘верблюжье седло; хомут’, согласно В. И. Рассадину, являются адаптацией др.-тюрк. *qom* id. < пратюрк. *qom id. [2010, с. 33]. Б. И. Татаринцев отмечает, что «семантика изделия (артефакта) вторична по отношению к значению ‘часть тела’ и является результатом метонимического переноса наименования. В данном случае явно вторичная семантика фиксируется в более древних источниках, что в принципе допустимо <...>. По своему происхождению тюрк. *ком* связано с образной основой *ком, означающей ‘нечто выпуклое, выступающее над чем-л., громоздкое, большое по размеру, полное’» [2004, с. 189, 190].

В форме верблюжьей спины улавливается сходство с изогнутой формой седла, поскольку ленчики всех седел, как правило, имеют вогнутый профиль: ср.-мо. *eme'el* [SH], *amal* [IM], *emēl*, *em[ē]l* [MA, с. 139, 154], *imēl* [LH], *jemējil* [Lig.VMI], пкл.-мо. *emege:l* [Tum., p. 386], п.-мо. *emegel* [Kow., p. 243], мо. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, ойр. *эмээл*, орд. *emēl*, мог. *emōl*, *jamāl*, *jamal*, даг. *emēl*, *emele*, бао. *emel*, ж.-уйг. *emel*, *emēl*, мнгр. *imer*, *imel* [EDAL, p. 506] ‘седло’, сопоставляемое с Птюрк. *ēdye-r ‘седло’ [Там же]. Ср. эвенк. *нэмэ* ‘седло (верховое, оленьё)’, нег. *нэмэ* ‘седло (верховое)’, орок. *нэмэ* ‘седло (верховое, мужское и женское)’ [ССТМЯ, 1975, с. 621], нег. *тэмкан*, ороц. *тэмбуа*, ульч. *тэмбу*, орок. *чимбо*, нан. *чиамбоа* ‘дуга (у нарты); дуга’; эвенк. *томо* ‘седло; ленчик (деревянная основа седла); лука (седельная)’ [ССТМЯ, 1977, с. 172, 196].

Гипотеза об образном происхождении ср.-мо. *питу* [SH; IM], *питу* [HY, p. 18; LH; MA, с. 261], п.-мо. *питу(п)* [Kow., p. 689], мо. *нум*,

калм. нум ‘лук; смычок’, бур. номо, ойр. нуман, орд. нити, даг. пет, ж.-уйг. пэтэл, мнгр. лити, нити [EDAL, p. 876] ‘лук’ верифицируется функционированием адъективной формы п.-мо. *nitalʃin*, мо. нумалжин ‘дугообразный’. Пмонг. *luti сопоставляется с «Птунг. *liam ‘лук; стрелять’, Птюрк. *ʃim, Пяп. *dūmi* ‘лук’» [EDAL, p. 876].

Перечень корней, отсылающих к образу ‘нечто круглое; выпуклое; изогнутое’, дан в таблице 10.

Таблица 10

Типы корней, передающих ГП ‘Круглый’

C_{un} / V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
ø	<i>am, amʃ, amč, amq, amt, amb</i>	<i>em, emč</i>	<i>im</i>	<i>om, um, umb</i>	<i>üm, ömd, ömb, ümb</i>
y	–	–	–	<i>yomb</i>	–
ʃ	<i>ʃam, ʃamb</i>	<i>ʃemk, ʃemb</i>	<i>ʃim, ʃims, ʃimb</i>	<i>ʃomb</i>	–
č	–	–	<i>čim</i>	–	<i>čöm</i>
š	<i>šamš, šamb</i>	–	–	<i>šomb</i>	–
s	<i>sam</i>	–	–	–	–
q/k	<i>qam, qamp, qamš</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kims</i>	<i>qom, qumq, qomb, qumb</i>	<i>köm, küm, kümb</i>
ɣ/g	–	–	–	<i>ɣom</i>	–
d	<i>damb</i>	–	–	<i>domb, dumb</i>	<i>dümb</i>
t	<i>tam</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom, tum, tomb, tumb</i>	<i>tüm, töms, tümb, tümp</i>
b	<i>bam, bamb</i>	–	–	<i>bomb, bumb</i>	<i>böm, bömb, bümb</i>
p	–	–	–	–	<i>pömb</i>
m	–	–	–	–	–
n	<i>nam</i>	–	<i>nimb</i>	<i>num</i>	<i>nöm</i>
l	–	–	<i>limb</i>	–	–

Без анлаутного согласного функционирует 22 % морфем. Одинаковы показатели инициальных согласных [y/ʃč/š/s] – 20 %, по 19 % образуют корни с [q/k/γ/g] и [t/d]. На долю корней с инициалами [b/p] приходится 10 %, на последнем месте по продуктивности корни с [n/l] – 6 %.

27 % корней выступает без расширителя, в качестве финали активны согласные [b/p] – 27 %. Далее следуют согласные [ʃč/š/s] – 11 %, [q/k/γ/g] – 8 и [t/d] – 7 % корней рассматриваемой группы.

3.2.2. ‘Нечто остроконечное’

В поле с согласным [m] также зафиксированы случаи энантиосемии. Примечательна экспликация не характерного для данного согласного признака ‘остроконечный’ в п.-мо. *čõtčeger*, мо. *цөмцгөр* ‘возвышающийся, торчащий’; п.-мо. *šumayai* [Kow., p. 1541], мо. *шумгар*, *шуумгар* ‘острый, конусовидный’; п.-мо. *šötüger*, *šömbüger*, мо. *шөмгөр*, *шөмбгөр*, бур. *шүмэгэр*, *шүмбэгэр* ‘конусообразный; остроконечный, острый’. Менее ярко эти признаки выражены в п.-мо. *čotuγur*, *čotbuγur*, мо. *цөмгор*, *цөмбогор* ‘толстый; пузатый внизу и суживающийся кверху’; п.-мо. *čotšuγur*, мо. *цөмцгор* ‘пузатый, надутый внизу и суженный кверху’; бур. *жүмбэгэр* ‘продолговатый, овальный’, п.-мо. *šimbüü*, мо. *жүмбүү* ‘вострец лесистый’; п.-мо. *sumayan*, *subayan* ‘продолговатый’ [Там же, p. 1403].

Развитие противоположного значения стало возможным благодаря образу не столько вытянутых вперед губ человека, сколько острой морды животного: в бурятском языке *шүмэ-шүмэ* говорится о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного; ср. 2 значения бур. *шөмбогор* ‘выпяченный (о губах человека); острый (о морде животного)’. Таким образом, признак ‘остроконечный’ возник благодаря мимеме *šüm/üm/ün*, обозначающей принюхивание к чему-л.: ср. калм. *үмс-* ‘целовать, поцеловать’; п.-мо. *ünüs-*, мо. *үнс-* ‘целовать; нюхать, чувствовать запах’, бур. *үнэсэ-*, *үнэдэ-* ‘обнюхивать, нюхать’.

Корни дали ряд орографических терминов: калм. *цөмчһр* ‘высота, возвышенность’; п.-мо. *čotšuγ*, мо. *цөмцог* ‘купол’; п.-мо. *čutčasu*, мо. *цүмцас* ‘выступ’, калм. *цүмг* ‘холмик’; п.-мо. *čütčisü*, мо. *цүмчис* ‘горка с остроконечной вершиной’. Ороним *Шумак* в Тункинских гольцах представляет собой результат топонимизации прилагательно-го *шуумгаг* ‘острый, конусовидный’.

В ср.-мо. *süme* [MA, с. 329], пкл.-мо. *süme* [Tum., р. 557], п.-мо. *süm-e* [Kow., р. 1430], мо. *сүм*, бур. *һүмэ*, *сүмэ*, калм. *сүм*, ойр. *сүме* ‘храм, церковь; дворец’ также прослеживаются признаки ‘нечто остроконечное; возвышающееся, величественное’. Близок по семантике корень *sünd, давший п.-мо. *sünder*, мо. *сүндэр* ‘что-либо величественное; пирамида; масса’. В Алтайском словаре даны параллели: Птунг. *samā-n ‘шаман; Пяп. **súmiá-* ‘император’, которые «кажутся привлекательными, но гласный переднего ряда в монгольских языках требует особого разъяснения» [EDAL, р. 1208–1209]. Как видно, мотив номинации в представленных Птунг. и Пяп. формах не совпадает с выделенным мотивом в Пмонг. *süme ‘храм, кумирня’.

Рассматриваемые признаки послужили основой для номинации некоторых артефактов: п.-мо. *čotu* ‘кубок, чарка с узким горлышком’ [Kow. 2208], мо. *цом* ‘кубок, чарка, бокал’; п.-мо. *čotuč-a*, мо. *цолоо* ‘маленькая кружка (глубокая)’. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *чомко* ‘стакан; посуда (чайная); чашка, миска’, сол. *сосо* ‘чарка’; ма. *чоман*, *чоло* ‘чарка для вина (глубокая, суженная кверху)’ [ССТМЯ, 1977, с. 406].

Таким образом, семантический континуум, создаваемый с помощью корневой согласной [m], также поддается достаточно четкому структурированию. Структура семантического пространства корней с согласным [m], отражающих зрительное восприятие формы объекта, выглядит следующим образом (рис. 8).

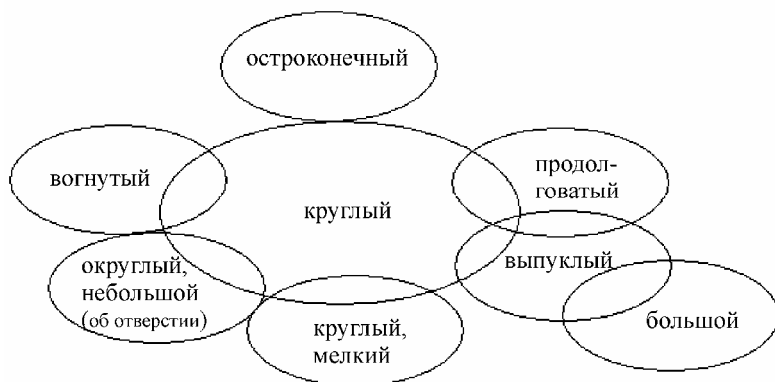

Рис. 8. Фоносемантическое поле согласного [m]

Степень продуктивности анлаутных и аусллаутных согласных в корнях с доминантами $[r]$ и $[m]$, передающих основные признаки 'остроконечный' и 'круглый', продемонстрирована на рисунках 9 и 10.

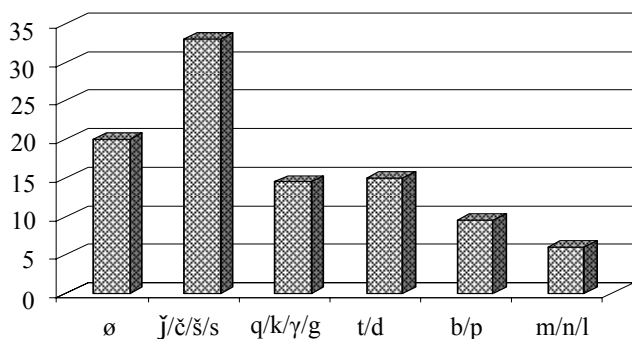

Рис. 9. C_{un} в корнях с $C_D [r]$

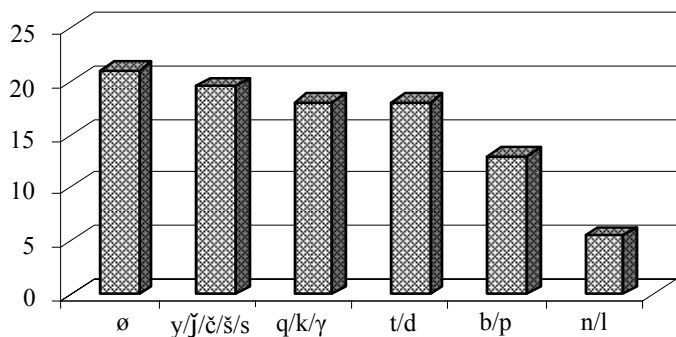

Рис. 10. C_{un} в корнях с $C_D [m]$

Как видно, дрожащий $[r]$ наиболее часто встречается в анлауте с аффрикатами и спирантами. В 2 раза ниже активность смычных согласных, наконец, самый низкий процент обеспечивается сонантами. Что касается доминанты $[m]$, то она примерно в равной степени сочетается со всеми типами инициальных согласных, за исключением сонантов.

Данные рисунков 11–12 свидетельствуют о том, что согласный $[r]$ по сравнению с $[m]$ обладает большим количеством расширителей, степень активности которых приблизительно одинакова. В ауслауте корней с доминантой $[m]$ наиболее высока частотность смычных $[b/p]$.

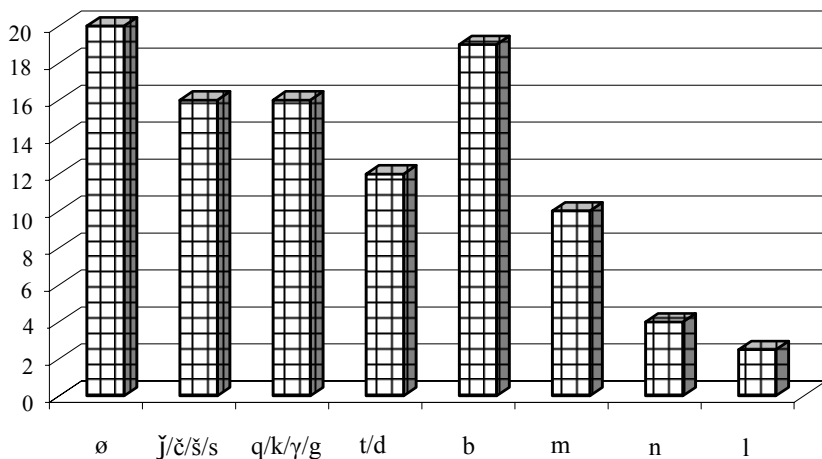

Рис. 11. C_{aus} в корнях с $C_D [r]$

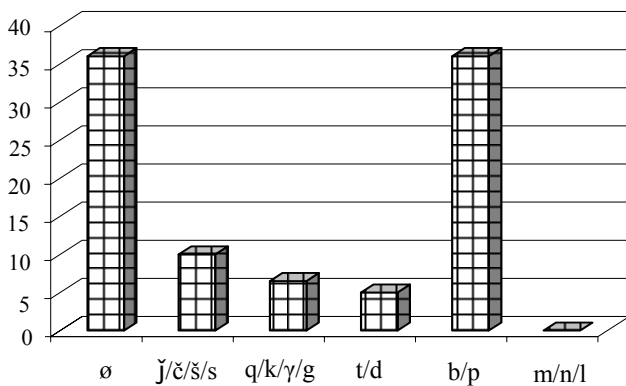

Рис. 12. C_{aus} в корнях с $C_D [m]$

Исследование в некоторой мере подтверждает мысль Э. Сепира о том, что «ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество понятий по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [1934, с. 65–66].

Итак, выделенные в данной главе фоносемантические поля демонстрируют, как различные аспекты осмысления явлений и процессов могут привести к возникновению противоположных образов с помощью одного и того же согласного в позиции доминанты («круглый ↔ торчащий»). Это подтверждает так называемый закон множественности номинации, согласно которому в основе названия одного и того же объекта могут лежать разные признаки, один и тот же признак, в свою очередь, может быть положен в основу названия разных денотатов.

Результаты исследования лексем, содержащих информацию о форме предметов, свидетельствуют о том, что развитие зрительного образа шло по линии выделения специфического сенсорного содержания, а именно наиболее характерного звука, ассоциируемого с предъявляемой формой. Информация о размере (п.-мо. *tomu* ‘большой’), длине (*urtu* ‘длинный’) объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму. Фоносемантическое поле доминанты [r] формируется 5 генеральными признаками, возникшими на основе ономастопов, 4 из которых являются чистыми звукоподражаниями – рычание (*ar*), резьба (*kir*), бурление (*bur*), треск (*ter*), один – кинемой, обозначающей шумное дыхание (*sar*). Фоносемантическое поле доминанты [m] представлено 2 генеральными признаками, также восходящими к кинемам закрывания рта (*am*) и шумного принюхивания (*šim*).

Глава IV

Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных [r/m]

В данной главе нами рассмотрены аспекты вербализации перцептивной информации, происходящей на основе акустико-артикуляционных параметров согласных [r/m]. В данном случае семантика корневой морфемы интерпретируется в зависимости от места и способа артикуляции ее доминанты. По замечанию Р. Брауна, «примитивная фонетическая символика берет свое начало в процессе происхождения речи путем имитативной или физиогномической связи звуков речи и их значений» [Brown, 1972, p. 298].

Как уже отмечалось, во время артикуляции переднеязычного, дрожащего сонанта [r] происходит колебание кончика языка в струе проходящего воздуха, образующее одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол. Такая характеристика звука дала ему возможность передавать дискомфорт, поступающий извне по каналам различных сенсорных модальностей. Среди звукоподражаний с доминантой [r], рассмотренных в главе I, большая часть отличается громкостью, также вызывающей неприятные ощущения. Согласный [m], благодаря такому артикуляционному признаку, как сжатие губ, обладает противоположной способностью передавать аспект молчания, тишины. В данной главе мы рассмотрим их участие в актуализации восприятия световых явлений, а также информации, получаемой с помощью осязательного, вкусового и обонятельного модусов перцепции.

4.1. Актуализация зрительного восприятия световых явлений

ЛСП «Неживая природа»

В рассматриваемом нами материале зафиксировано большое количество корней, передающих однократные и прерывисто-кратные

световые явления, которые могут проявляться как в атмосфере, так и на воде⁶⁴. Корень **ir/irb* передает резкую боль в глазах от яркого света: п.-мо. *iryа-* ‘болят глаза, ломит глаза’ [Kow., р. 324], мо. *ярга-*, бур. *ирга-* ‘резать, колоть (о боли в глазах)’; п.-мо. *irayalǰa-* ‘струиться, рябить (о воде)’ [Там же, р. 319], мо. *яралз-*, калм. *ярлз-*, ойр. *йаралза-* ‘рябить, переливаться; сверкать, блестеть’ (п.-мо. *iray-a* ‘струйки, пузыри на воде (от хода рыб)’ [Kow. 318], мо. *яраа, яралж* ‘рябь на воде’), ср.-мо. *yaralduba sitaqsan ǰal* ‘зажженный огонь сверкал’ [МА, с. 387]. Неприятное ощущение, пощипывание в глазах отражено и в п.-мо. *irbelǰe-* ‘слезы навертываются на глазах, залиться слезами, прослезиться’, *ǰirgel-* ‘ослепить, помрачить зрение’ [Kow., р. 324], п.-мо. *nidü arya-* ‘чувствовать острую боль в глазах’ [Less., р. 50]. Привлекает внимание фонетическая близость корней в бур. *epb-эдэ-*, калм. *ирвлз-* ‘ослеплять, бить в глаза (о солнце)’ и рус. *ряб-*ить.

Тот же корень **ir* реализует схожие значения в маньчжурском языке: *ирахи* ‘струя (на воде), зыбь; зайчик, луч (света, проникающий через отверстие и представляющийся пылинкой)’, *ирахина-* ‘струиться, колебаться’, *ирэн* ‘зыбь, волнение, струи на воде (от плавающей рыбы)’, *ирэнэ-* ‘образовываться зыби, струям на воде (от плавающей рыбы)’ [ССТМЯ, 1975, с. 324], также эвенк. *борилкән-* ‘покрываться рябью (о водной поверхности)’, *ларгй-* ‘покрываться зыбью (о море)’ [ССТМЯ, 1975, с. 96, 494].

Здесь можно наблюдать верхний абсолютный порог ощущений, т. е. максимальную величину раздражителя, которую способен воспринимать зрительный анализатор. Интенсивность стимула вызывает изменение модальности ощущения: очень яркий свет, воспринимаемый нервными окончаниями сетчатки глаз, вызывает болевые ощущения, сопровождаемые внутренним раз-др-ажением/др-ожанием, сопоставимым с акустико-артикуляционными характеристиками звука [r]. Таким образом, дрожащий сонант [r] служит для выражения однократного или прерывистого движения света, осложняющего или нарушающего восприятие.

---

⁶⁴ В данном параграфе мы отказались от прежней последовательности представления материала, так как наиболее ярко световые явления проявляются именно в природе.

Корни **sar/čar* также соотносятся с яркой, ослепительной вспышкой света: п.-мо. *čargi-*, мо. *царги-* ‘слепнуть (от блеска снега)’, бур. *һарга-* ‘слепить глаза (о солнечных лучах)’ (производные *һаргама* ‘ослепительный’, *сарьяма сагаан* ‘белый-пребелый, бело-снежный’). Отсюда п.-мо. *sarayul* [Kow., p. 1333], мо. *саруул*, бур. *һаруул*, калм. *сарул*, ойр. *саруул* ‘светлый, ясный’. Мягкорядный вариант **ser/serb* передает меньшую степень реализации признака: мо. *сэрвээнэ-* ‘мерцать’, *сэрвэс хий-* ‘чуть мелькнуть вдали’. В якутском языке: *сирпäl* ‘свет, сияние’, *сирпälгэн* ‘светящийся, искрящийся’, *сирпälһ* ‘лучиться, сверкать, искриться’ [ССТМЯ, 1977, с. 97].

В ср.-мо. *sarabčĭ* ‘наглазник’ [IM], п.-мо. *sarabčĭ* [Kow., p. 1333], мо. *саравч*, бур. *һарабша*, калм. *сарвч*, орд. *sarabčĭ*, даг. *sarbčĭ* [EDAL, p. 1327] выделяется производящая основа **sar* ‘яркий свет’, отсюда *sarabčĭ* первоначально ‘нечто, защищающее от яркого света’ > ‘сетка для глаз, защитные очки; козырек у шапки; навес; сарай, хлев’. «Эвенк. *саранчу* [< як.] ‘очки (из волосяной сетки, служащие для защиты глаз от блеска снега)’, ма. *сарбачан* ‘козырек (для прикрывания глаз); забрало шлема; бахрома, околыш шляпы’, *сарчан* ‘вуаль» [ССТМЯ, 1977, с. 65]. В Алтайском словаре лексема сопоставляется с Птунг. **šerin* ‘забрало (у шлема)’, Птюрк. **sar-* ‘вид решетки или балки’ [EDAL, p. 1327]. Если первую форму по аналогии с *sarabčĭ* можно связать с признаком **sar/ser* ‘нечто сияющее’, то для второй, выделенной авторами на основе значения ‘навес, сарай’, больше подходит признак **sar* ‘нечто торчащее’ (о форме объекта).

По всей видимости, развитие в слове ср.-мо. *sara* [HY, p. 1; SH; LH; MA, с. 318], *saran* [IM], пкл.-мо. *sara(n)* [Tum., p. 544], п.-мо. *sara*, *sar-a* [Kow., p. 1328], мо. *сар*, бур. *һара*, калм. *сар*, ойр. *сара*, орд. *sara(n)*, даг. *sarül*, *sar*, *sare*, *sareule*, дунс. *sara*, бао. *sare*, *sera*, ж.-уйг. *sara*, мнгр. *sara* [EDAL, p. 1512] значения ‘луна’ обусловлено тенденцией к ослаблению проявления в корне интенсивности света: ‘яркий свет’ → ‘лунный свет’ → ‘луна’. Выбор «резкого» с позиции фоносемантики согласного [s] в анлауте, вероятно, обусловлен тем, что лунный свет кажется достаточно ярким на фоне темного ночного неба. Ср. п.-мо. *süriy-e* ‘свет, блеск, ясность’ [Kow., p. 1434], мо. *сүрээ* ‘блеск, свет’; а также парное слово п.-мо. *ger-e sara* ‘рассвет’ [Там же, p. 2505], в котором компонент *sara* выступает не столько в прямом

значении ‘луна’, сколько в качестве твердорядного «отражения» мягкорядного компонента *ger-e* ‘слабый свет’.

Заслуживает внимания приведенная в EDAL параллель между Пмонг. *sara ‘луна’ и Тюрк. **jar-* ‘светить; рассветать; свет’. Мо. *java-* ‘светить, блестеть’, обычно сопоставляемое с тюркской формой, здесь, на наш взгляд, ошибочно рассматривается как «очевидное заимствование из тюркского». Авторы сомневаются в правильности предположения В. М. Иллич-Свитыча о том, что мо. *sara* является просодическим вариантом *sira* ‘желтый’ [EDAL, p. 1513].

Мы согласны с предположением Л. С. Левитской о том, что тюрк. *йары-* ~ *жары-* ~ *д’ары-* ~ *чары-* ‘светить, блестеть, сиять’ является производным от первичной имитативной основы *йар, представленной также в распространенной основе *йарқ/жарқ* ‘блистать’. Реальность *йар подтверждают як. *сыр* в *сыр гын* ‘отсвечивать’, *сырдай-* ‘блестеть’ [ЭСТЯ, 1989, с. 134–135]. Несколько иной точки зрения придерживается Х.-М. Илиуф, связывающий происхождение лексем *yaryq* ‘светлый, блестящий’, *yark et-* ‘блеснуть’, *yarin* ‘заря’ с тюркским глаголом *yar-* ‘расколоть, рассечь’. Мотивирует это автор тем, что «днем сквозь щель в какой-либо преграде: стене или потолочном перекрытии внутрь жилища проникает солнечный луч. Такая щель является обязательным условием появления луча – узкой полосы света. В результате того, что какая-либо наружная преграда, треснув, пропускает через щель или дыру в помещение свет, у глагола *yar-* появилось значение ‘сиять’» [Илиуф, эл. рес., с. 22].

Тюрк. *йарық* ‘общее название, даваемое кольчуге и щиту; панцирь; броня; латы’ многие исследователи связывают с *йарақ* ‘оружие’, хотя, по замечанию Л. С. Левитской, генетическая связь между *йарық* и *йарақ* ‘оружие’ остается проблематичной [ЭСТЯ, 1989, с. 146]. Возможно, номинация данного артефакта основана на признаке ‘блестящий, сияющий’.

В нанайском языке Н. Б. Киле зафиксированы следующие формы: *ярак* ‘пребывая в относительном покое, будучи ярким; ярко светясь, горя’, *ярак-ярак* ‘с яркими пятнами, крапинками, полосками (о расцветке ткани)’, *ярбар* ‘стать ярким, ярко озариться’ [Киле, 1972,

с. 188], ма. *дэр сэмэ* ‘бело, как снег; блестяще, как звезда; ясно, как день’ [ССТМЯ, 1975, с. 237]⁶⁵.

Связь между тюрк. *jar-* ‘светить’ и *jarın* ‘утро; завтра; следующий год’ допускается большинством алтаистов (А. Вамбери, В. В. Радлов, М. Ряснян, В. Банг и др.). Э. В. Севортян рассматривает *йарын* как отглагольное образование (ср. кир. *жарқын* ‘свет, светлый’ < *жарқы- + н*), где *-н* можно интерпретировать как аффикс со значением результата действия [ЭСТЯ, 1989, с. 147–148]. В качестве надежной монгольской параллели тюрк. *jarın* Л. С. Левитская приводит мо. *nara-n* ‘солнце’ [СИГТЯ, 2001, с. 81]. В ср.-мо. *narān* [НУ, р. 1; SH; LH; IM; МА, с. 245], прекл.-мо. *narān* [Тум., р. 477], п.-мо. *narān* [Kow., р. 620], мо. *нар*, бур. *наран*, калм. *нар*, ойр. *нар*, орд. *nara(n)*, мог. *narān*, даг. *нар*, дунс. *narān*, бао. *narān*, ж.-уйг. *narān*, мнгр. *nara* [EDAL, р. 1028] ‘солнце’ «мягкая» [n] в анлауте, по всей видимости, коррелирует с меньшей степенью проявления признака ‘яркий’ в корне. В Алтайском словаре также даны: Пяп. **arı-* ‘рассвет, заря’ и Пкор. **nár* ‘солнце, день, погода’ [Там же].

Ср. также семантический переход «вспышки света → рассвет» в корне **jár* в рус. *заря*, *зарев*, *озарить*, укр. *заря*, ст.-слав. *зарѣ*, болг. *заря*, словен. *zarja*, чешск. *zárě* ‘сияние, блеск, свет’, др.-польск. *zarza*; наряду с этим: укр. *зоря* ‘звезда, заря’, болг. *зора* ‘утренняя звезда, утренняя заря’, сербохорв. *зора* ‘заря’, словен. *zórja*, чешск. *zorě*, словацк. *zora*, польск. *zorza*, н.-луж. *zo’ra* ‘зарев’. М. Фасмер приводит родственные имитативные слова: литовск. *žarijà*, мн. *žaryjos* ‘раскаленные уголья’, *žerėti*, *žeriu* ‘сверкать, блестеть’, *žerūoti* ‘тлеть, светиться’, *žirstu*, *žirti* ‘сыпать искры’, *pãžaras* ‘отблеск зари’ [1967, с. 81].

В монгольских языках понятие ‘рассвет, заря’ передается с помощью лексемы ср.-мо. *ür*, *ör* [МА, с. 382], п.-мо. *ür*, *ür čür* [Kow., р. 577], мо. *үүр*, бур. *үүр*, калм. *өр*, ойр. *өр*, орд. *oro*, *or*, даг. *ur*, бао. *or*, ж.-уйг. *ojir*, мнгр. *ör* [EDAL, р. 1040]. Тюркскую параллель *ürünj* ‘бе-

---

⁶⁵ Ср. корень **jark* в рус. *ярк*-ий, кластеры *br*, *str* в англ. *bright/striking* ‘яркий’, нем. *grell* ‘яркий’ и др. А. В. Семенов др.-рус. *ярький* производит от *ярь* (ярый) со значением ‘весна, весенний’, выделяя первоначальное значение ‘солнечный’. Исследователи также выделяют в слове *яркий* индоевропейскую основу *jero*, которая означает ‘год’ [2003, с. 695].

лый; светлый, ясный; предрассветная темнота, едва заметный, смутно виднеющийся (в полутьме)» И. В. Кормушин определяет как праязыковое прилагательное, вытесненное в большинстве языков, начиная со средней поры огузским *aq*, приобретшим к этому времени значение ‘белый’ из общетюркского ‘белесый, седой, сивый’. «Древность рассматриваемого слова косвенно подтверждается неясностью морфологического состава, здесь виртуально можно вычленил суффикс *-ŋ*, но подходящая семантическая основа **ürü-* ~ *ür-* в тюркском корнеслове отсутствует» [СИГТЯ, 2001, с. 601]. В данном случае имитативный корень *ür* мог передавать сияние солнечных лучей, полос, наблюдаемых на рассвете. Ср. калм. *урң-урң гу-* ‘эле светиться, мерцать’, тюркские формы: «тур. диал. *өрле-*, кир. *өрдө-*, тат. *үрлә-*, башк. *үрлә-*, сюг. *ерле-* ‘всходить (о солнце)» [ЭСТЯ, 1974, с. 543].

Корень **ür/ör* при появлении C_{aus} [l] и словообразовательного суффикса *-ge* служит для обозначения в монгольских языках части суток: п.-мо. *örl-ü-ge* ‘утро, утром; завтра’ [Kow., p. 589] (ср. рус. *утро* → *за утро* → *заутра* → *завтра*). Корневой кластер [rl] также наблюдается в словах: п.-мо. *dürleger*, мо. *дүрлэгэр* ‘с широко раскрытыми глазами, пучеглазый’; п.-мо. *kürleyi-*, мо. *хүрлий-* ‘мрачнеть, хмуриться’ и др. Можно предположить, что подобно форме п.-мо. *kürleyi-* ‘мрачнеть’ форма **örleyi-* означала ‘светать, заниматься (о заре)’. Отсюда *örlüge* ‘рассвет’ → ‘утро’.

По замечанию Г. А. Рубинштейн, зрительные представления частей суток в русском языке, как правило, связаны с образами света: «И день, и утро могут сиять, белеть, мерцать, блестеть, заниматься, светиться, светлеть, бледнеть <...>. Часто зрительные представления связаны с горением, которое может быть представлено и в своей начальной стадии (возгорание), и в конечной стадии (угасание, таяние в результате сгорания, подобно свече), однако возгорание более типично для утра, а угасание – для вечера и ночи» [эл. рес., с. 10–11].

Предположительно, п.-мо. *orui* [Less., p. 621], мо. *орой*, бур. *орой*, калм. *ора*, ойр. *опаа*, орд. *orö*, даг. *orē, orē*, бао. *хоро*, ж.-уйг. *oroi*, мнгр. *urē, urī* [EDAL, p. 1503] ‘вечер; поздно’, равно как и ср.-мо. *erte* [MA, с. 164], пкл.-мо. *erte(n)* [Tum., p. 393], п.-мо. *erte(n)* [Kow., p. 258], мо. *эрт*, бур. *эртэ*, калм. *эрт*, ойр. *эрте*, орд. *erte*, мог. *ирте*, даг. *erte, erde, erete*, дунс. *ecie*, бао. *ete*; ж.-уйг. *rde*; мнгр. *šde* [EDAL, p. 516] ‘рано, ранний; раньше’ также возникли на основе восприятия

световых явлений. Ср. эвенк. *орумна*- ‘вспыхнуть (о пламени)’; эвенк. *хурун*- ‘мелькать, мерцать, поблескивать’, эвен. *хуруң*- ‘мелькать’ [ССТМЯ, 1977, с. 25, 355]. Мо. *эрт* имеет прозрачные алтайские параллели: Птюрк. *ēr ‘рано; рано утром; завтра; утреннее солнце’, Птунг. *erü-n ‘время’, Пкор. **ir̥i*- ‘ранний’ [EDAL, p. 516–517]. О. А. Мудрак восстанавливает праалтайскую основу *ēri, полагая, что формы в тюркских языках с аффиксом являются монголизмами [СИГТЯ, 2001, с. 79]. Цветообозначение ср.-мо. *orox* [SH], п.-мо. *оруу*, мо. *орог*, ойр. *орог*⁶⁶ ‘серый, пепельный; сероватый, белый’ имеет параллели: Птунг. *(*x*)*ur*- ‘пегий (о лошади)’, Птюрк. *or ‘каштаново-гнедой (о масти лошади)’ [EDAL, p. 1503].

Функция корня *ĵir также состоит в подражании блистанию, сверканию, мерцанию: п.-мо. *ĵirabki*-, *ĵirubki*- ‘блистать, сиять’, *ĵirub ĵirub* ‘сверкание молнии, свет мгновенный, скоро преходящий’ [Kow., p. 2359, 2361], мо. *жирэв жарав* ‘мигание, мерцание’, *жирэв жирэв тат*-, *жирэв жирэв хий*- ‘промелькнуть, сверкнуть; проходить быстро’, калм. *жирви*- ‘сиять, мерцать’, ойр. *жирши*- ‘поблескивать вдали’. Вариант *ĵer обладает схожей семантикой: п.-мо. *ĵerbeski*-, мо. *зэрвэс-хий*- ‘мелькать’, калм. *зервк* ‘мимоходом, мельком’. Ср. як. *дъэргэй* ‘бросаться в глаза яркостью, пестротой; мелькать, мельтешить’; эвенк. *ĵерин*- ‘мелькать, сверкать (о снеге)’, эвен. *ĵерълчи*- ‘мелькать’, ма. *ĵеркилэ*- ‘сверкать, блестеть’ [ССТМЯ, 1975, с. 286], нан. *дерил-дерил* ‘мельтешить, мелькать’, *деририу-у* ‘стремительно несясь’ (о мелькании обозреваемых предметов при движении моторной лодки, поезда и т. п.) [Киле, 1973, с. 99].

Название правого притока р. Селенги *Жиримка* С. А. Гурулев связывает с лексемой бур. *жэрэм* ‘подпруга’ [1989, с. 74], хотя правильнее было возвести его к образу ‘нечто, переливаясь и сверкая (на солнце), бегущее (о воде)’. Ср. мо. загадку о реке: *Дэлгэр зуны улиралд / Хурдан хүлэг шиг жирийнэ. / Тэгсгим өвлийн цагт / Дардан зам шиг толийно* ‘В благодатное летнее время, / Как быстрый скакун, переливается. / В трескучее зимнее время, / Как торная дорога, сияет’.

---

⁶⁶ В бурятском языке лексема функционирует только в составе сложного слова: *орог зуна* ‘полевка (мышь)’.

В п.-мо. *ǰirγa-*, мо. *жарг-*, бур. *жарга-* ‘заходить, скрываться за горизонтом (о солнце); гаснуть, угасать (о свече, лампаде)’, калм. *ǰирһ-* ‘ярко светить (о солнце); переливаться, играть всеми цветами (о радуге); садиться (о солнце)’ имитативный корень *ǰir* указывает на то, что в момент номинации действовало зрительное восприятие отблесков во время угасания светящегося объекта. Эвенк. *турга* ‘днем; сегодня; зарница; утренняя заря’, *тургал-* ‘светать’, эвен. *тургаб-/и-*, нег. *тидга-* [**турга-*] ‘быть в зените (о солнце)’; ма. *урху-* ‘закатываться (о солнце)’ [ССТМЯ, 1977, с. 187, 285]⁶⁷.

П.-мо. *ǰergelge*, мо. *зэрэглээ(н)*, бур. *зэрэлгээ* ‘*мур-аж; мар-ево, дымка*’, п.-мо. *ǰirbigine-* ‘туманиться, испаряться’, *ǰirgelkü ayur* ‘световое явление’ [Kow., р. 2368, 2370] (бур. *зэрэг* ‘смутный, неясный для зрительного восприятия’) соотносится с мнимым изображением реально существующего предмета, не видимого в обычных условиях и возникающего в результате аномальной рефракции лучей света в воздухе. Як. *дьэрэглэн* ‘струящийся теплый воздух, мираж’ В. И. Рассадин относит к монголизмам [1980, с. 66].

Возможно, всполохи солнечного света, наиболее отчетливо воспринимаемые на закате и восходе, отразились в названиях сторон света: ср.-мо. *xorone* [HY, р. 50], *xorene*, *xorone* [SH], пкл.-мо. *örün-e* [Tum., р. 512], п.-мо. *örüne* [Kow., р. 582], мо. *өрнө*, бур. лит. *үрнэ* ‘запад’; пкл.-мо. *dorun-a*, *doruna*, *dörün-e* [Tum., р. 370], п.-мо. *doruna* [Kow., р. 1880], мо. *дорно* ‘восток’. Корень **ör(n)* наблюдается в *ör* ‘рассвет’, *örlüge* ‘утро’, п.-мо. *örni-* ‘разгораться, пылать’; корень **dor(n)* близок **ǰor/ǰir*. Пмонг. **hörö-ne* ‘запад’ имеет тунгусо-маньчжурскую параллель: «Птунг. **perki-n/*purki-n* ‘запад’» [EDAL, р. 1157]. Интересная интерпертация семантики предложена Г. Рамстедтом, сближающим корень **puri-da* ‘погружать в воду’, т.-ма. – нан. *пурин-*, ма. *фури-*, эвенк. *хури-* ‘нырять’, *хуриувкй* ‘утка-нырок’, мо. *hörüne*, *örüne* ‘запад’ (‘где ныряет солнце’) и тюрк. *ördäk* ‘утка’ [Ramstedt, 1949, р. 209].

---

⁶⁷ Рус. *брезж-ить* (о свете, рассвете, заре) от ст.-слав. *брезг, пробрѣзгъ* ‘рассвет’.

Обозначение желтого цвета в монгольских языках с помощью ср.-мо. *sira* [НУ, р. 41; SH; LH; IM; MA, с. 335], пкл.-мо. *sir-a* [Тум., р. 564], п.-мо. *sir-a, sira* [Kow., р. 1517], мо. *шар*, бур. *шара*, калм. *шар*, ойр. *шара*, орд. *šara*, мог. *sira*, даг. *šara*, дунс. *šəra, sira*, бао. *sira*, ж.-уйг. *šəra*, мнгр. *šira* [EDAL, р. 1264] ‘желтый; рыжий; русый’, по всей видимости, неразрывно связано с образом солнца как наиболее константного природного носителя желтого цвета. В фольклоре монгольских народов прилагательное *шар* выступает в качестве устойчивого эпитета к существительному *нар*: бур. *алтан шара наран* ‘золотисто-желтое солнце’.

А. Вежицкая отмечает, что «желтый осознается как «теплый», потому что ассоциируется с солнцем. Мы не обязательно считаем цвет солнца желтым, но все-таки думаем о желтом (на некотором уровне нашего сознания или подсознания) как о «солнечном цвете» <...>. Цветовое восприятие нельзя выразить словами. Тем не менее мы можем о нем говорить, потому что умеем связывать наши зрительные категории с определенными универсальными доступными человеку образцами (моделями), в числе которых солнце, и эта модель составит одну из основных точек референции в человеческом «разговоре о цвете» [1996, с. 282].

В БАМРС значение п.-мо. *sira-* ‘печь, греть (о солнце)’ дано как производное от ‘жарить’. Однако корень **sir* может передавать и зрительное восприятие ярких лучей солнца (равно как при высокой температуре восприятие кожей их тепла, жара), точнее, дискомфорт, вызываемый ими. Данное предположение подтверждает приведенная в Алтайском словаре параллель: Птунг. **siarū-*, восстановленное на базе эвенк. *сѣрү-* ‘переливаться всеми цветами радуги; сверкать (о молнии)’, *сѣрүн* ‘радуга; молния’, ма. *шарила-*, *шариша-* ‘блестеть, мелькать’, *шари сири*, *шари шар* ‘яркий; прозрачный (о воде); глянце-витый (о новой вещи)’ [EDAL, р. 1264].

С мо. *шар* рядом исследователей сопоставляется тюрк. *са:ры* < *са:рыг* ‘желтый’. По предположению Дж. Клосона, оно является ранним заимствованием в монгольские языки [Cl., р. 484]. И. В. Кормушин определяет исходное лексическое значение прилагательного **saryu* как ‘светло-(бледно)-желтый’, что подтверждается рядом общетюркских значений: ‘бледно-желтый; белый, бледный’ [СИГТЯ,

2001, с. 603]. По мнению Л. С. Левитской, мо. *шар* следует сопоставлять с тюрк. *са:з* (по аналогии с *бо:з* ~ *бор*), представленным в турк. *даң са:зы* ‘предрассветная мгла, заря’, *даң са:з берди* ‘заря занялась’, ст.-тур. *saz* ‘желтый’, тур. *saz benizli* ‘бледный’, турк. *са:змық* ‘сероватый’. В тюрк. *са:рыз* исследователь видит отглагольное имя с аффиксом *-г* от основы **са:р-*, коррелятивной с **са:з-** *саз* [ЭСТЯ, 2003, с. 221].

Корню **ger* в целом свойственно передавать несколько приглушенное проявление световых явлений: пкл.-мо. *gerel* [Тум., р. 405], п.-мо. *gerel* [Kow., р. 2506], мо. *гэрэл*, бур. *гэрэл*, калм. *герл*, ойр. *гепел*, орд. *gere*, *gerel*, даг. *gerel*, дунс. *gieren*, ж.-уйг. *gerel*, мнгр. *gərēl*, *gərē* ‘луч, свет’; ср.-мо. *gere* ‘свет’ [ИМ], п.-мо. *гер-е* ‘слабый свет, просвет, блеск; утренняя заря’ [Kow., р. 2504], мо. *гэрээ*, бур. *гэрэ* ‘лучина (как источник света); свет (перед рассветом); факел’, ср. бур. *зартагай* ‘щепочка, лучинка; дощечка; дрова’. Дальнейшее развитие семантики уже пошло в направлении ‘нечто деревянное’: *зартага* ‘доска’, *зартиха* ‘задок телеги’.

Ср. в тунгусо-маньчжурских языках: ульч. *гар-гар би* ‘ясный’, нан. *гарби* ‘ясный, яркий’, эвенк. *гарпа-* ‘излучать свет, сиять, освещать лучами (о солнце)’, нан. *гарпа-* ‘светить (о солнце, звездах)’; ма. *гэрси фэрси* ‘на рассвете’ [ССМТЯ, 1975, с. 141, 142, 182], нан. *нэрбэрбэр* ‘очень яркий’, *нэриу-у* ‘быстро двигаясь (о ярком пламени, свете)’, *нэрум-м оси* ‘становиться светлым, заниматься (о заре)’, *нэрумсэк* ‘вспыхнув (о пламени, свете)’; ма. *гэри гаршамэ* ‘мелькая, блистая, сверкая’, *гэри гари* ‘едва, чуть видно; мелькая, мерцающая; сумерки, свет (от огня)’, *гэрила-* ‘блистать, сиять, сверкать’ [Там же, с. 672].

Примечательно выражение атмосферных явлений в разных языках с помощью изобразительного корня **mir/mer/mar/mor*: фр. *mirage* ‘мираж, видимость’, англ. *mirage*, итал. *miraggio*, исп. *miraje*, рус. *марь*, *марево*, *хмарь* и др., а также англ. *miracle* ‘чудо; удивительное событие’, *morning* ‘утро’, *tomorrow* ‘завтра’, нем. *Morgen* ‘утро’, *morgen* ‘завтра’.

Вызывает безусловный интерес фонетическое созвучие последних примеров с п.-мо. *маргата* ‘завтра; утром’ [Kow., р. 2000], *маргаси* [Less., р. 529], мо. *маргааш*, бур. *маргааша*, баргуз. *малгаадэр*, *малгаар*, дунс. *маҕа* ‘утро’, *маҕашы* ‘завтра’, значение которых могло раз-

виваться на базе ‘свет; рассвет’: ср. п.-мо. *mer-ser*, мо. *мэр-сэр* ‘еле-еле, кое-как (о слабом свете)’. Т. А. Бертагаев с учетом мо. *марга* ‘идти против; спорить, конфликтовать’ производит бур. *маргаар* ‘завтра’ из *маргаа өдөр* букв. ‘день против или день, к которому идем навстречу’. Морфологическую форму *маргаааш*, бур. диал. *маргаархи*, *маргаарши* из *маргаа өдөрхи* автор выводит из *маргаа өдөрши* с выпадением целого слога из второго компонента – *өд-* с уподоблением или поглощением губного гласного *ө* долгим гласным первого компонента *ā* > *маргаархи*, *маргаарши*, затем с выпадением *p* – *маргааши* [1974б, с. 244].

Б. Я. Владимирцов приводит п.-мо. форму переходного периода *marγal* ‘завтра’, отмечая, что *marγasi* возникла в результате чередования *l ~ l* с *s (~ š)*, как в *arγal ~ arγasu* ‘помет животных’; *örügel ~ örügesü* ‘половина (парного)’, *noγul ~ noγusu* ‘утка’ [1929, с. 365]. Кроме того, известны формы ср.-мо. *manayār* [IM], *manayār*, *manaqār* [MA, с. 233], пкл.-мо. *manayar*, *manayarsi*, *manay[ar]si* [Tum., р. 465], п.-мо. *manayar* [Kow., р. 1971; Less., р. 529], в которых выделяется корень **man*.

В. Л. Цымбурский приводит показательный ряд индоевропейских соответствий: литовск. *mérkti* ‘мигать’, *mīrc̄lis* ‘взгляд’, др.-инд. *mārka* ‘солнечное затмение’, др.-исл. *myrkr* ‘темный’. На славянском же уровне эти имена соотносятся рядом глаголов, несущих семантику ‘темноты как неустойчивого переменного признака’: слав. **mьrcati* ‘мигать, мерцать, терять сознание’, **mьrčati* ‘меркнуть’, **merkati* ‘мерещиться, бредить, мечтать’, **merščiti* ‘мерещиться’ [Цымбурский, эл. реч., с. 3].

Понятие ‘сумрак; сумерки’ в монгольских языках реализуется посредством лексем, производных от **bar/bür/qar/kir*: п.-мо. *barui*, *bürüi barui* ‘сумерки’ [Kow., р. 1134], мо. *харуй бүрий*, *бүрий баруй*, *бүрэнхий*, которые также «заимствованы в т.-ма. языки: эвенк. *боро* ‘сумерки’, ма. *буру бара*, *бурухун буту* ‘мельком, мелькая, неясно» [ССТМЯ, 1975, с. 96]; п.-мо. *kiray-a*, мо. [үүрийн] *хирaa*, бур. [үүр] *хирaa* ‘предрассветные сумерки’; п.-мо. *kirqai*, мо. *хярхай* ‘мельком виденное, смутно представляемое’; п.-мо. *kirte-* [Kow., р. 2550], мо. *хирт-* ‘темнеть, тускнеть’, бур. *хиртэ-* ‘затмеваться’. По всей видимости, здесь не следует интерпретировать значения ‘тускнеть; затмеваться (о солнце и луне)’ как переносные от ‘загрязняться, мараться, пачкаться’, как указано в [БАМРС IV, с. 87] и [БРС, 1973, с. 572].

Приглушенные световые явления в сумерках связаны с тем, что в это время суток на границе между светом и темнотой с каждым мигом сужается мерцание света: п.-мо. *börülje*- ‘темнеть; мелькать перед глазами, мерцать, мерещиться’ [Kow., p. 1260].

Следует отметить, что в корнях **bar/bür* развивается значение ‘нечто темное, мрачное; смутное’: п.-мо. *baruyar* [Less. 89], мо. *бар-гар*, ойр. *барыр* ‘черный, темный; хмурый, мрачный’, бур. *барай*- ‘неясно виднеться’, бур. *бара* ‘темный; невежественный’, калм. *бар* ‘темнота; темный’; п.-мо. *bürüger*, мо. *бүргэр* ‘пасмурный, сумрачный’, бур. *бүрэгэр* ‘тусклый, едва видимый вдали’. В качестве расширителей выступают согласные [ʃs], [k], [t]: п.-мо. *börtüger*, мо. *бөртгөр*, бур. *бүртэгэр* ‘неясный, плохо видимый; невзрачный; матовый’; п.-мо. *bürkeg*, *bürküg* [Kow. 1261], мо. *бүрхгэр*, бур. *бүрхэг*, ойр. *бүркег* ‘сумрачный, темный’; п.-мо. *bürjüger*, мо. *бүрзгэр* ‘пасмурный (о погоде)’; п.-мо. *bürs*, мо. *бүрс барс*, бур. *бүрнэгэр* ‘неясный, плохо видимый’.

По всей видимости, значение глагола ср.-мо. *bürkü-* [MA, с. 127], пкл.-мо. *bürkü-* [Tum., p. 344], п.-мо. *burke-* [Kow., p. 1263], мо. *бүрхэ-*, калм. *бүрк-*, ойр. *бүрке-* ‘покрывать что-л., прикрывать, накрывать’ возникло в результате семасиологического перехода от ‘заволакивать тучами, темнеть над головой’. В тюркских языках широко представлены глагольные формы *бүр-* ~ *бүре-* ~ *бүрке-* ‘накрывать, завертывать; омрачать, затемнять’. Э. В. Севортыан, напротив, значения ‘подниматься (о тумане)’ гаг., ‘быть пасмурным’ ккалп. в глаголах *бүрү-*, *бүрке-* считает вторичными по отношению к ‘накрывать’ и, по всей вероятности, в начале переносными. Тунгусо-маньчжурские соответствия: эвенк. *буркйль*- ‘покрыть; обтянуть (ровдугой остов чума)’, ульч., нан. *бури-* ‘покрыть’, ма. *бури-* ‘покрывать, окутывать’ [ЭСТЯ, 1978, с. 298], нан. *бури-и-бури-и* ‘заволакиваясь густой пеленой (о небе), очень помутнев (о жидкости)’ [Киле, 1983, с. 87, 89], ма. *бурубуб-* ‘затмеваться, закрываться облаками’ [ССТМЯ, 1975, с. 96].

Ср.-мо. *bara'a* [SH], пкл.-мо. *baray-a* [Tum., p. 314], п.-мо. *baray-a* [Kow., p. 1093], мо. *бараа*, ойр. *баран*, орд. *barā*, даг. *barā*, дунс. *barā* [EDAL, p. 352] ‘очертание, силуэт, видимость, контур’ восходит к образу ‘нечто темное, смутное’. Как справедливо отмечает С. С. Харькова, значение ‘темный’ есть следствие окончательного развития подзначе-

ния ‘видимый вдали предмет, имеющий контуры’, поскольку вдали лучше виднеются именно темные предметы [Харькова, эл. рес., с. 2]. Относительно п.-мо. *baraγ-a*, мо. *бараа(н)*, бур. *бараа*, калм. *баран* ‘товар, товары; скарб, пожитки’ Б. Х. Тодаева дает примечательную пометку: ойр. *бараан* ‘пожитки, аккуратно уложенные на невысоком шкафу и укрытые ковром, на них ставят и сундуки’ [2001, с. 56]. Убедительно, на наш взгляд, обосновал Т. А. Бертагаев перенос значения слова *бараа* с ‘нечто темнеющее’ на ‘пожитки, скарб’ [1971, с. 103].

Примечательно функционирование парных образований бур. *ха-раа бараа* ‘контуры, силуэт’, мо. *харуй- баруй-* ‘смеркаться, темнеть’, также п.-мо. *qar sir* ‘темно, мрачно’, *kürüi barui* ‘сумерки’ [Kow., р. 823, 1258]. Опираясь на регулярность чередования согласных *q/b* (*хархай-//бархай-* ‘лежать кучей’), а также на развитое словообразовательное гнездо корня **bar*, можно предположить, что значение ‘черный, темный’ в лексеме ср.-мо. *qara* [HY, р. 41; SH; IM; MA, с. 292], пкл.-мо. *qar-a* [Tum., р. 521], п.-мо. *qara* [Kow., р. 823], мо. *хар*, бур. *хара*, калм. *хар*, ойр. *хара*, мог. *qarō*, даг. *хара*, дунс. *qara*, бао. *xera*, ж.-уйг. *xara*, мнгр. *xara* [EDAL, р. 651] развилось на базе ‘темный, сумрачный, мрачный’. В дальнейшем значение ‘черный’ полностью вытеснило предыдущие мотивирующие значения, тем не менее сохранившиеся в производных корня **bar*.

Авторы Алтайского словаря, сопоставляя Пмонг. **qara* с Птюрк. **kara* ‘черный’, Пяп. **kürüà-* ‘черный’, комментируют, что нет необходимости рассматривать монгольское слово как заимствование из тюркских языков, хотя это не исключается [EDAL, р. 652]. И. В. Кормушин на основании значений типа ‘многочисленный; многочисленность, множественность’ у рассматриваемого слова выдвинул предположение о том, что тюрк. *qara* этимологически принадлежит корню **qa* со значением ‘действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов’. К этому корню относятся глаголы *qa-* и *qala-* ‘класть, складывать’, *qat-* ‘складывать, прибавлять’, *qar-* ‘примешивать’, а также адъективы и имена *qalyŋ* ‘многочисленный//множество; толстый, густой’, *qat* ‘слой, ряд’ и др. Формант *-ra*, образовавший *qara*, ныне в тюркских языках отражается в трех самостоятельных показателях: *-r* – глаголообразующий, *-r* – каузативный и *-r* – причастия настоящего. В целом, с точки зрения исследователя, слово *qara* можно представить как образование на *-ra* со значением

накопления качества: ‘сложенное, соединенное во множество, массу, многочисленное, крупное, большое’ [СИГТЯ, 2001, с. 595].

На основе п.-мо. *kürleyi-*, мо. *хүрлий-* ‘мрачнеть, хмуриться, багроветь’, калм. *күри-*, ойр. *күриш-* ‘виднеться темным силуэтом (о чем-то огромном)’ можно выявить семантику производящей основы прилагательного п.-мо. *küren(g)* ‘темный; темно-бурый, темно-гнедой’ [Kow., p. 2636], мо. *хүрэн*, бур. *хүри(н)*, калм. *күрң*, ойр. *күрең*, орд. *kürin, küreң*, даг. *kurel, xürin*; ж.-уйг. *kureñ*, мнгр. *kurē* [EDAL, p. 828] ‘коричневый, бурый; темно-рыжий (о масти)’⁶⁸.

В EDAL приводятся следующие параллели: Птунг. **xuri-* ‘серый’, Птюрк. **Kür-* ‘красный’, Пяп. **kürá-* ‘темный’, Пкор. **küri* ‘медь’ [p. 828]. По замечанию И. Лауде-Циртаутас, в тюркских языках *күрен* употребляется главным образом для обозначения масти лошадей и передает оттенки коричневого, переходящего в красноватый. Тюркологи однозначно определяют лексему как заимствование из монгольских языков [ЭСТЯ, 1997, с. 147].

Регулярность чередования гласных *a/o* позволяет сблизить прилагательные *баргар* ‘темный’ и ср.-мо. *boro* [HY, p. 42; SH], *bora* [MA, с. 121], п.-мо. *boru* [Kow., p. 1213], мо. *бор*, бур. *боро*, калм. *бор*, ойр. *боро*, орд. *boro*, мог. *borō*, дунс. *boro(η)*, мнгр. *burondog, boro* [EDAL, p. 376] ‘серый, сизый; сивый (о масти)’. Как отмечает И. В. Кормушин, тюркские *z*-формы (**bo:z* ‘цвета земли, бурый; серый’) традиционно признаются гомогенными с монгольскими ротацирующими, образующими алтайский и ностратический архетип **bor'a*, с чем не согласны Г. Дерфер, Дж. Клосон. Автор подтверждает мнение последнего о раннем тюркском характере заимствования мо. *boro* тем фактом, что уже в раннем средневековье это слово вернулось в целый ряд тюркских языков, заменив в большинстве языков северо-восточной группы исконное тюрк. **boz*: [СИГТЯ, 2001, с. 605]. По мнению авторов EDAL, монгольское слово не может быть заимствовано из тюркского [p. 376].

Признак ‘пестрящий, мелькающий’ также прослеживается в п.-мо. *börtü* ‘пестрый, с пятнами, чубарый’ [Kow., p. 1261], мо. *бөрт*

---

⁶⁸ П.-мо. *kürmeng*, мо. *хүрмэн* ‘базальт’ обусловлено либо тем, что эта вулканическая горная порода обычно бывает черного или темно-серого цвета, либо ее мерцанием.

‘пегий, пестрый; сивый, темно-серый’. Таким образом, признак ‘темный’ реализовался в цветообозначениях: *хар* ‘черный’, *хурэн* ‘коричневый’, *бор* ‘серый’, *бөрт* ‘темно-серый’. Результаты проведенного анализа подтверждают вывод И. В. Кормушина о том, что «‘черный’ как цвет вполне определенный, для которого не характерно ослабление интенсивности, мог развиваться из ‘темный’, допускающего разброс реализаций от ‘тусклого’ до ‘черного’, но не наоборот» [СИГТЯ, 2001, с. 596]. В нашем случае мы можем представить процесс развития значения лексемы *хар* следующим образом: ‘мерцающий’ → ‘темный’ → ‘черный’.

Значение ср.-мо. *boro'an* [SH], п.-мо. *boruça* [Kow., p. 1214], мо. *бороо*, бур. *бороо*, орд. *borōn*, мог. *бэрэн*, ж.-уйг. *boroŋ*, мнгр. *burōn* [EDAL, p. 1105] ‘дождь’ как вариант можно рассматривать в качестве вторичного по отношению к ‘непогода’ < ‘метель, пурга’, что следует из калм. *боран*, ойр. *бораан* ‘ненастье, непогода; дождь’. В бурятском языке значение ‘ненастье’ сохранилось в компоненте *бараан*, входящего в состав парного слова *хиу бараан*, где *хиу* ‘ветер’. В связи с функционированием ономотопа *barʃ в ойр. *баржциңна* ‘идти с шумом (о проливном дожде)’ можно допустить определенное участие слухового восприятия дождя п.-мо. *boru-a* ‘дождь’.

Однако не исключается проявление признака ‘пестрящий’⁶⁹: ср. функции корня **bur/burʃ/bür* в ойр. *буржциңна* ‘многократно двигаться’; п.-мо. *bürelʃe-*, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать’ и др. Таким образом, в отношении данного явления мы не можем однозначно определить доминирующую роль того или иного модуса перцепции, соглашаясь, что номинация могла происходить как на основе звукового, так зрительного и осязательного⁷⁰ восприятия рассматриваемого вида атмосферных осадков.

---

⁶⁹ Корень *mor ‘нечто пестрящее’, по всей видимости, дал в русском языке лексемы *морось*, *моросить*. Морось представляет собой вид атмосферных осадков в виде мелких капель, скорость падения которых настолько мала, что они кажутся взвешенными в воздухе. Соответственно это позволяет утверждать, что зрительное восприятие выпадающих из облаков или тумана капель играло не последнюю роль в номинации данного явления.

⁷⁰ Чтобы узнать, идет ли дождь, мы часто подставляем под дождь руку.

Пмонг. *boruqa* сопоставляется с Птунг. **pur-* ‘моросить (о дожде); шуга, слякоть; выпадать (о первом снеге); ветер (меняющий направление)’; Птюрк. **bora-* ‘северный ветер; обильно падать (о снеге)’; Пяп. **pür-* ‘идти (о дожде, снеге)’; Пкор. *pora ‘снежная буря’ [EDAL, p. 1105–1106]. По мнению Э. В. Севортыяна, производной основой тюркских форм является глагол *бор-а* ~ *бур-а*, в отдельных случаях *бор-ха*, в свою очередь, также производный, образовавшийся от именной основы *бор* ‘буря, шторм’ с помощью аффикса *-а/-ы, -қа* [ЭСТЯ, 1978, с. 191]. В. М. Иллич-Свитыч восстанавливает *burn* ‘снежная (песчаная) буря’ на материале семито-хамитских, индоевропейских и уральских языков [1971, с. 248].

На основе глагольных форм Птунг. **pur-* ‘моросить (о дожде); выпадать (о снеге)’, ойр. *буржиңна-* ‘множественно двигаться’, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать’ можно прийти к выводу, что глагол п.-мо. *ору-*, использующийся с лексемами, обозначающими виды осадков (*boruqa* ‘дождь’, *časun* ‘снег’), первоначально имел значение ‘пестреть, моросить’, нежели ‘входить’. Хотя Т. А. Бертагаев рассматривает употребление данного глагола с позиции юрты как внутреннего освоенного пространства: «Для монгола, живущего в юрте с дымовым отверстием наверху, дождь, снег и другие осадки не «идут», даже не «падают», а «входят» – входят в дымовое отверстие юрты. Отсюда и *бороо орох* ‘дождь входит» [1974б, с. 30].

Если рассмотренные выше корни с дрожащим сонантом [r] репрезентировали признак ‘смутный, неясный’, то корни **dur/tur*, напротив, передают значение ‘отчетливый, ясный’: п.-мо. *durayi-* [Less., p. 276], мо. *дурай-*, ойр. *дури-* ‘быть ясным, отчетливым; виднеться издали, отчетливо, ясно’; п.-мо. *tur*, мо. [*бараа*] *тур* ‘виднеющиеся издали очертания’. В данном контексте п.-мо. *durang* ‘подзорная трубка, зрительная труба’ [Kow., p. 1880], мо. *дуран*, бур. *дурам*, калм. *дурнав* ‘подзорная труба; бинокль’ можно интерпретировать как ‘то, что позволяет видеть отчетливо’; об изобразительном происхождении лексемы свидетельствует производное с формантом, релевантным для слов с яркой образной окраской: п.-мо. *durانبай*, мо. *дуранбай*, бур. *дурамбай* ‘подзорная труба; микроскоп’.

Возникновение орнитонимов ср.-мо. *tura'un* [НУ, p. 13], п.-мо. *turlaki* ‘красноголовая галка’ [Kow., p. 1896], мо. *турлиах* ‘галка’, п.-мо. *turlay sibayun* ‘ворона черная’ [Там же], мо. *турлааг*, бур. *тур-*

лааг, калм. *турлаг*, орд. *xara turū, alaG turū* [EDAL, p. 1463] ‘ворона’, возможно, связано с черной окраской и достаточно большим размером этих птиц, что позволяет их отчетливо видеть издалека. Ср. п.-мо. *turay* ‘большой’ [Kow., p. 1888], мо. *тураг* ‘большой, крупный (о животных, птицах), огромный’, ойр. *турльг* ‘здоровый, крупный’, бур. ольх. *турлиха* ‘годовалый детеныш нерпы’. В Алтайском словаре в качестве параллелей даны Птунг. **turākī* ‘ворона, грач’, Птюрк. **torgaj* ‘маленькая птица; жаворонок’, Пяп. **təri* ‘птица’ и Пкор. **iǎrk* ‘курица, петух’ [EDAL, p. 1463]. Как видно из примеров, неясные очертания предметов передаются с помощью корней с фонемами [b], [q] в анлауте, отчетливые же – посредством звонкого альвеолярного взрывного [d] и глухого альвеолярного взрывного [t].

Таким образом, нами рассмотрены особенности вербализации в монгольских языках таких понятий, как свет, луна, солнце (как источники света), рассвет, закат, мираж, сумерки и др., а также возможные пути возникновения некоторых цветообозначений (желтый, черный, серый, коричневый). Также подтверждена закономерность семантического перехода «свет → рассвет → утро → завтра».

Способность корней с сонантом [r] отражать световые явления дала возможность для передачи мелькания, мельтешения и пестроты однотипных предметов, которые можно поделить на 2 категории. К первой из них нами отнесены предметы, имеющие прямую, узкую, вытянутую форму по аналогии с отблесками света, лучами солнца: п.-мо. *ǰiriger*, мо. *жиргэр*, бур. *жэрэгэр*, калм. *жирһр* ‘расположенный ровными рядами, стоящие рядами; стройный’, мо. *жирий-* ‘растянуться лентой; становиться в затылок; мчаться’, калм. *жири-*, ойр. *йараа-* ‘стоять в ряд; колыхаться’, *жирс жирс хий-* ‘мелькать, рябить’ (о чем-либо ровном, узком); п.-мо. *ǰrayi-*, мо. *зурай-* ‘пролечь, пролегать’. Сюда же п.-мо. *ǰirbeger* [Less. 1059], мо. *жирвэгэр* ‘слегка изогнутый, тонкий, узкий, ровный (о бровях, бороде)’, бур. *жэрбэгэр* ‘ровный, стройный, аккуратный’, калм. *жирвһр* ‘узкий, тонкий (об усах, бровях)’. Як. *дырибинэй* ‘струиться; сверкать’, *дырэй* ‘вытягиваться, выпрямляться’, *тыргылын* ‘тянуться, струиться (об узкой дороге, о дыме из трубы)’.

Результатом дальнейшей абстракции образа стало ср.-мо. *ǰerge* [SH; Нут], ср.-мо. *ǰerge* [MA, с. 205], пкл.-мо. *ǰerge* [Tum., р. 427], п.-мо. *ǰerge* [Kow., р. 2326], мо. *зэрэг*, бур. *зэргэ*, калм. *зэрг*, ойр. *зэрге*, орд. *ǰirge*, даг. *ǰerigi*, *ǰerehe*, *ǰerge*, *ǰereg*, ж.-уйг. *ǰerye*, мнгр. *ǰerge* [EDAL, р. 1535] ‘ряд, уровень; звание’; п.-мо. *sirkeg*, п.-мо. *ширхэг* ‘штука, экземпляр’. В тюркских языках распространены формы кум., кир., сюг. *ǰерге*, тув. *черге*, карак., кум. *йерге*, як. *серге* ‘ряд; черед; степень’. «М. Рясянен допускал, что *järgä* может иметь один первоисточник с монгольской параллелью, но не исключал вслед за Г. Рамстедтом заимствованного характера тюрк. слова: < монг. *jerge* ‘звание’. Монгольским заимствованием считает *ǰаргэ* ~ *йерге* и т. д. Г. Дерфер» [цит. по: ЭСТЯ, 1989, с. 25].

Близок по значению глагол п.-мо. *örü-*, мо. *өр-*, калм. *өр-* ‘ставить, расставлять в ряд, раскладывать что-л. в определенном порядке’. У О. М. Ковалевского приведено архаичное значение п.-мо. *örte-* ‘ставить почтовых лошадей’ [Kow., р. 588], на основе которого можно предположить, что п.-мо. *örtege* ‘почтовая станция’ [Там же], мо. *өртөө*, бур. *үртөө*, калм. *өртц*, ойр. *өртээн* ‘перегон между станциями (равный 30–40 км); ямская станция, полустанок’ первоначально обозначало ряд привязанных на полустанке лошадей, стоящих вдоль тракта и готовящихся к перегону. Так, в бурятском языке прилагательные *пиргагар*, *ирагагар*, восходящие к корням **ir/pir*, используются при необходимости передать образ множества отдельных и одинаковых предметов, расположенных в ряд, шеренгой (например, о стогах сена, кольцах на пальцах и пр.). Значение ‘ряд’ представлено и в ср.-мо. *mor* [HY, р. 4; SH], *mör* [LH; IM; MA, с. 239], пкл.-мо. *mör* [Tum., р. 474], п.-мо. *mör* [Kow., р. 2066], мо. *мөр*, бур. *мүр*, калм. *мөр*, ойр. *мөр*, орд. *mör*, мог. *mür*, *mor*, даг. *ture*, дунс. *то*, бао. *mor*, ж.-уйг. *mör*, мнгр. *mör*, *mur* [EDAL, р. 930] ‘след; строка; ряд, фланг; борозда’.

Образ бесчисленного множества заложен в ср.-мо. *čerik* [IM], *čirik* [LH], *čerig*, *čerik* [MA, с. 132], пкл.-мо. *čerig* [Tum., р. 319], п.-мо. *čerig* [Kow., р. 2128], мо. *цэрэг*, бур. *сэрэг*, калм. *цэрг*, ойр. *церег* ‘войско, армия; воин, солдат’; п.-мо. *ǰirad* ‘охранный корпус’ [Там же, р. 2359], мо. *ǰард* ‘телохранители, лейб-гвардия’ < ‘нечто, расположенное рядами, шеренгами’. Типологическое сходство наблюдается в грече-

ском языке. Так, Н. В. Брагинская в качестве потенциально родственных для греч. *Μυρμιδόνες* – именованя воинов-спутников Ахилла в «Илиаде» Гомера – приводит *μυριος* ‘огромный, несчетный’, *μύρμιοι* и *μύρμικες* в двух значениях – ‘муравьи’ и ‘подводные скалы, кипящие бурунами’. Кроме того, *μύρμικες* обозначает ‘психическое и физическое беспокойство’, ‘дрожь, зуд, обмирание, обморок от холода и испуга’ и ‘вообще всякого рода мурашки’. В качестве общего дифференциального признака для ‘муравьев’ к ‘мурашек’ автор выделяет ‘несчетное кишашщее, самодвижущееся множество’ [1993, с. 242].

Значения корней **čer/jír/yür* (в бур. *юрье-* ‘двигаться толпой (или гурьбой) куда-либо’), на наш взгляд, соотносимы со значениями т.-ма. корня *ger в следующих словах: нег. *гэрэн*, ороц. *гэрэ(н)*, ульч. *гэрэ(н)*, орок. *гэрэ(н)*, нан. *гэрэ(н)*, *гэрэнй*, ма. *гэрэн* ‘многие; народ, люди; толпа’ [ССТМЯ, 1975, с. 182]. В данном контексте ср. значения пкл.-мо. *gür* [Tum., p. 409], п.-мо. *gür*, *gür-e* ‘толпа людей, орава; бригада конницы’ [Kow., p. 2636], мо. *гүр* ‘уст. толпа, многолюдие; государство, династия’.

Т. А. Бертагаев считает данную лексему заимствованием из маньчжурского языка, мотивируя это тем, что «ма. *гүрүн* обладает более первичным значением ‘народ’, чего нет в монгольском, и имеет очень много производных в самом маньчжурском языке» [1951, с. 575]. В более поздней работе автор допускает сближение *гүрэн* ‘страна; строй’ с глаголами *гүрэхэ//бүрэхэ* ‘скомпоновать, образовать что-л. из нескольких частей; плести, заплетать (например, косу, бич, веревку и т.д.)’ на основе общего ассоциативного значения ‘нечто скомпонованное, сплетенное в одно, состоящее из сгустка; сгруппированное, построенное из элементов-частиц’ [Он же, 1974б, с. 51].

Авторы EDAL справедливо сближают Пмонг. форму **ir-* ‘заполнять, толпиться’, восстановленную на основе бур. *iraj-* ‘стоять рядами, шеренгами’, *iralza-* ‘мелькать (о множестве предметов, находящихся в движении)’, и Пмонг. *irgen ‘люди, народ, подданные’: ср.-мо. *jirgen* [HY, p. 28], *irge(n)* [SH; LH], *irgen*, *hirgen* [MA, с. 119, 185], пкл.-мо. *irgen* [Tum., p. 418], п.-мо. *irgen* ‘гражданин; китаец’ [Kow., p. 326], мо. *иргэн*, бур. *эргэн*, калм. *иргн*, ойр. *ирген*, орд. *irgen*, мог. *irgan*, *orgōn*, даг. *irgen*, *iregen* [EDAL, p. 622] ‘народ; гражданин; население’. В качестве параллелей даны: Птунг. **urū-* ‘собирать(ся);

толпа, собрание’, Птюрк. *irk- ‘собирать(ся)’, Пяп. *ú(n)ti ‘род’, Пкор. *ur ‘род, родня’ [EDAL, p. 622].

В данный семантический ряд, на наш взгляд, следует включить лексему ср.-мо. *haran* [SH, HYt], *haran* [IM], *harən* [Lig.VMI], *harān* [MA], пкл.-мо. *aran* [Tum., p. 302], п.-мо. *aran*, мо. *аран* ‘уст. человек, простолудин, чернь’ (употребляется ныне только в оформлении форманта категории множественности -д: п.-мо. *arad*, мо. *ард*, бур. *арад*, калм. *ард*, ойр. *арад* ‘народ, люди, население; арат, скотовод’), которая, по мнению Т. А. Бертагаева, является фонетической разновидностью по чередованию с общемонг. *эрэ-(н)* ‘мужчина’ [1974б, с. 165]. Пмонг. *haran ‘народ’ сопоставляется с Птюрк. *Eren ‘человек, человеческий род’ [EDAL, p. 1125].

Возможно, корень *bar также передавал идею множества, о чем свидетельствуют формы: п.-мо. *baraγ-a*, мо. *бараа*, бур. *бараа* ‘свита, сопровождающее лицо; спутник’; п.-мо. *barluγ*, мо. *барлаг*, бур. *барлаг* ‘слуга, батрак, холоп, раб’. Т. А. Бертагаевым обоснован перенос значения слова *бараа* с ‘нечто темнеющее вблизи важного, чиновного лица; сопутствующее как тень’ на ‘свита, спутник’ [1971, с. 103].

П.-мо. *bürelǰe-*, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать’ позволяет предположить развитие в корне *bür значения ‘каждый, всякий, еже-’, т. е. ‘один из множества’ (ср.-мо. *huri* [SH; HYt], пкл.-мо. *büri* [Tum., p. 344], п.-мо. *büri* ‘весь, все; каждый’ [Kow., p. 1257], мо. *бүр*, бур. *бүри*, калм. *бүр*, ойр. *бүре*, орд. *huri*, ж.-уйг. *burən*, мнгр. *bu, bur, burən* [EDAL, p. 364]).

На основе бур. *юрье-* ‘двигаться толпой (или гурьбой)’ становится прозрачной семантика пкл.-мо. *yerü* [Tum., p. 630], п.-мо. *yerü* [Kow., p. 2324], мо. *ер*, бур. *юрэ*, калм. *йур* ‘общий, всеобщий, обыкновенный; весьма’; п.-мо. *yerüngkei*, мо. *ерөнхий*, бур. *юрэнхы* ‘общий, собирательный; главный’. Привлекает внимание также сонант [r] в суффиксе собирательного множества *нар/нэр* (*лама нар* ‘ламы’, *бөө нэр* ‘шаманы’, *баги нар* ‘учителя’, *нагц нар* ‘дяди по материнской линии’ и др.), согласно версии Г. Рамстедта, восходящем к имени *nar ‘совокупность, совместность; группа, класс’, которое, в свою очередь, дало калм. *narmai* ‘в целом, весь’ [1957, с. 59–60].

Рассматриваемый мотив номинации следует выделить и в ср.-мо. *sürük* [MA, с. 330], пкл.-мо. *sürüγ* [Tum., p. 558], п.-мо. *sürüg* [Kow.,

р. 1435], мо. *сүрэг*, бур. *һүрэг*, калм. *сүрг*, ойр. *сүрег* ‘стадо, стая, косяк; толпа, сборище, скопище’⁷¹. Ср. п.-мо. *serbeng serbeng* ‘мелькание предметов издали; кишение червей в куче’ [Kow., р. 1370]; ма. *cop сэмэ* ‘много, кучей, стаей, кишмя, густо, обильно’; *фар сэмэ* ‘очень много, толпой, кучами, стадами’ [ССТМЯ, 1977, с. 114, 209].

Во вторую категорию вошли мелкие, зачастую округлые предметы, обладающие гладкой поверхностью, отражающей свет. Их быстрое, прерывисто-кратное движение, легкое мелькание, мельтешение порождает значение ‘пестрый, пегий, разноцветный’, закрепленное за производными от корней *er и *mar. Бур. *эрбэ-эрбэ*, п.-мо. *erbelʃ*, мо. *эрвэлз-*, калм. *эрвлз-* ‘порхать; развеиваться, мелькать’, отсюда п.-мо. *eriyen* ‘пестрый, испещренный’ [Kow., р. 253], мо. *эрээн*, бур. *эрээн*, *эригээр*, калм. *эрэ*, ойр. *эрээ* ‘пестрота; пестрый, пегий’. Ср. эвенк. *нэрэнцэ-* ‘порхать, махать крыльями’, эвен. *нэрък-* ‘махать, хлопать, ударять крыльями’ [ССТМЯ, 1975, с. 625], эвенк. *урвэнчу* ‘пестрый’; ульч. *эрул-эрул та-*, орок. *эру-*, нан. *эруэл-эруэл та-* ‘мелькать’ [Там же, 1977, с. 283, 466], тур. *fırfır* – о порхании бабочки [СИГТЯ, 1988, с. 518].

Корни **er/or* также могут передавать мелькание чего-л. при различной частоте вращения: ср.-мо. *xergi-* [SH], *hirgi-* [MA], п.-мо. *ergi-* [Kow., р. 271], мо. *эргэ-*, бур. *эрье-*, калм. *эрг-*, ойр. *эрге-*, орд. *erge-*, мог. *irga-*, даг. *ergi-*, *xergi-*, *xorgi-*, ж.-уйг. *heregdī-*, мнгр. *xərgi-*, *xargi-* [EDAL, р. 1137] ‘кружиться, вращаться’; ср.-мо. *er-* [LH], п.-мо. *er-*, мо. *эр-* ‘закручивать’ и др. Ср. эвен. *кӱрукэн* ‘юла, волчок’, *кӱрулдэн-*, эвенк. *ҳорги-*, эвен. *мэрэкин-*, *мърьлдин-* ‘вращаться, кружиться, виться’ [ССТМЯ, 1975, с. 437, 471, 559], эвен. *оракин-* ‘мелькать’; эвенк. *пэрй-* ‘вращаться’, *пэриун*, *пэрэкэн*, ороц. *пөрпу~пөрфу*, ульч. *порфу* ‘веретено; ось; юла, волчок’; эвенк. *һорол-*, ульч. *хэрэли-* ‘кружиться,

---

⁷¹ С п.-мо. *ʃerge* ‘ряд, уровень’ и *süriig* ‘стадо’, возможно, сопоставимы производные от праслав. формы *čerda, к которым относятся: др.-русск. *череда* ‘очередность, очередь’, ст.-слав. *чрѣда* ‘стадо’, укр. *череда* ‘стадо, стая’, *черед* ‘очередь’, бел. *череда* ‘стадо, скот’, болг. *чърда* ‘стадо скота’, сербохорв. *чрѳјѣда* ‘очередь, ряд; стадо’, словенск. *črēda*, др.-чешск. *čřieda*, чешск. *řída* ‘ряд, серия, класс, чередование, улица’, словацк. *črieda* ‘стадо’, польск. *trzoda* ‘стадо, скот’» [Фасмер, 1973, с. 337–338].

вращаться’, ма. *форгоша*- ‘оборачивать, вертеть’; ма. *шурдэ*- ‘кружиться, вертеться’ [ССТМЯ, 1977, с. 23, 47, 187, 334, 430].

В бурятском языке прилагательное *эрезн* часто функционирует в паре с прилагательным *марьян*: *эрез марьян* ‘пестрый, цветастый’, также орд. *erēn merēn*. Вариант п.-мо. *miriyen*, мо. *мирээн* ‘пестрый, разноцветный’ от *mir-mir ‘пестреть, мелькать; сверкать; мерцать’; п.-мо. *miralja*- [Kow., p. 2026], мо. *миралза*- ‘сверкать, блестеть; течь, сверкая (о реке)’, бур. *миралза*-, ойр. *миралза*- ‘переливаться, рябить’. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *мэрйктэ*- ‘рябить в глазах’, *мэрйлэмэ* ‘пестрый, пегий’, эвен. *маэргй*- ‘пестреть’, *миргйтй* ‘пестрый, рябой’, ма. *мэрсэн* ‘пятнышки, пестринки, крапинки (на перьях птиц)’, *мэрсэңэ* ‘пестрый, веснушчатый’ [ССТМЯ, 1975, с. 571–572]. Ср. также Пяп. *múra ‘пятно, пятнистый’ [EDAL, p. 915].

Значения мо. *миралза*- ‘течь, сверкая (о реке)’, бур. *миралза*-, ойр. *миралза*- ‘переливаться, рябить’ позволяют предположить, что мотив номинации в гидрографическом термине ср.-мо. *turen* [HY, p. 2; SH], *teren* [LH], *mören* ‘море’ [MA, с. 240], пкл.-мо. *mören* [Tum., p. 474], п.-мо. *müren* [Kow., p. 2068], мо. *мөрөн*, бур. *мүрэн*, калм. *мөрн*, ойр. *мөрөн*, даг. *türe*, *tur*, дунс. *moren*, *toran*, бао. *toroŋ*, ж.-уйг. *merēn*, *merēt*, мнгр. *murōn* [EDAL, p. 935–936] ‘река (большая)’ может быть связан со зрительным восприятием сверкающей и переливающейся на солнце воды в реке.

Мо. *мөрөн* Г. Рамstedт сопоставляет с т.-ма. *му* ‘вода’: эвенк., мол., нег., ороц. *му*, ульч. *му/муэ*, чж. *tuh* ‘вода’, уд. *мудэ* ‘наводнение’, орок. *му* ‘вода; слезы’, нан. *муэ* ‘вода’, кор. *мул/мур* ‘вода’ [Ramstedt, 1949, p. 154]. В. М. Иллич-Свитыч монгольское название реки, как и указанную Г. Рамstedтом корейскую форму для воды, включает в ностратический ряд с праформой **mär’ä* ‘влага, влажный’, в который входят картв. *mar ‘озеро; влажная почва’, алт. *mörä* ‘море; река; вода’ [1976, с. 294]. Л. В. Дмитриева также поддерживает развитие лексем по семантической модели ‘вода’ → ‘река’ [1984, с. 164].

В тюркских языках распространена лексема *ырмақ-йырмақ* ‘река, поток, проточная вода; залив’, которую М. Ряснен, Г. Рамstedт сопоставляли с мо. *irmeg* ‘острый край; крутой обрывистый берег’. Э. В. Севортян расценивает ее как производное, образованное с помощью аффикса *-мақ* от глагола *-ыр*, засвидетельствованного в про-

изводных: тур. *uran* ‘текущий’, вост.-тюрк. *iren* ‘вода’, *erin* ‘текущий; водянистый’, тур. диал. *ipim* ‘залив; затон; плес; сесто, удобное для рыбной ловли’. В качестве альтернативы автор предлагает возвести лексему к глаголу *йыр-* ‘рыть; изрывать; прорывать (о воде)’ [ЭСТЯ, 1974, с. 665]. Ср. также як. *ирим* ‘рябь в глазах’, *арылый-* ‘быть ярким, чистым, светлым (о солнце)’, *дьаралык* ‘блеск, сияние’, *кырта* ‘лоск, блеск’, *кыртай* ‘сверкать белизной’.

Согласный [m] выступает в анлауте следующих прилагательных: п.-мо. *marsayar*, *marçiyar*, *martayar*, мо. *марсар*, *марчгар*, *мармагар* ‘покрытый рубцами, рябой’; отсюда калм. *маралжн*, ойр. *мараалжн* ‘ковёр, палас (без ворса)’, п.-мо. *marçiryap-a*, мо. *марцаргана* ‘бот. постенница’. Географическим термином *марьян* обозначают «южные, на солнцепеке, склоне гор, занятые своеобразной растительностью без леса <...>. Маренный ландшафт имеет пестрый фон от перемежающихся участков: степных на выпуклых, крутых склонах и лесных по распадкам, несколько затененным пологим склонам южной экспозиции» [Мельхеев, 1969а, с. 94].

В п.-мо. *tar-a*, мо. *мараа* ‘солончак’, тунк. *мараан* ‘солонцы’; п.-мо. *tarǰa*, мо. *марз*, калм. *марц*, ойр. *марца* ‘солёная почва, солончак’, бур. *марса* ‘искусственные солонцы (для привлечения изюбров, косуль и пр.)’, ойр. *марца* ‘солончак’ в качестве мотива номинации также выступает цветовая характеристика объекта: бур. *бурзагар* ‘выступающий белыми пятнами (о солончаках)’. Ср. эвенк. *н'араткан* ‘солонец’ [ССТМЯ, 1975, с. 635].

ЛСП «Животный мир»

Многие рыбы и насекомые обладают хорошо отражающими свет поверхностями, в этом случае отражение является результатом интерференции световых волн на тонких пленках.

Несметное множество переливающихся на солнце маленьких рыбок, вызывающих рябь в глазах, отражено в п.-мо. *ǰirayaqai*, мо. *жараахай*, бур. *жараахай* ‘мальки; мелкая рыбешка’; п.-мо. *ǰirtayai* ‘рыбья икра’ [Ков., р. 2369], мо. *жарамгай*, калм. *ǰирмэхэ*, ойр. *ǰирмээхэ* ‘молодь, малек’; п.-мо. *ǰarm-a ǰiyasu* [Там же, р. 2305], мо. *зарам загас* ‘мелкие рыбы, мальки’; п.-мо. *qarbay-a*, мо. *харваа* ‘ма-

лек'. П.-мо. *ere*, мо. *эрээ* 'стая рыб' сопоставима с эвенк. *эрукэ* 'гольян (рыба)' [ССТМЯ, 1977, с. 466], поскольку *гольян*, имеющий также названия *малявка*, *синявка*, *красавка*, представляет собой маленькую рыбку семейства карповых с длиной тела не более 10–12 см.

Ср. нан. *пару-пару* 'сплошной массой (о большом косяке рыбы)' [Киле, 1972, с. 145], эвенк. *ирбэ-* 'метать икру, нереститься', нан. *хурбэ-* 'метать икру (о частичковых рыбах)' [ССТМЯ, 1975, с. 324], эвен. *чарас* 'врассыпную' [Там же, 1977, с. 385]⁷². В данном контексте можно попытаться выделить тот же принцип номинации в лексеме п.-мо. *türisü(n)* [Less., p. 855], мо. *түрс*, бур. *түрьһэн*, калм. *түрсн*, ойр. *түрсен* 'икра, икринка', сопоставляемой с Птунг. **tiru-kse* 'икра' [EDAL, p. 1446]. Т. А. Бертагаев предполагает ее генетическое родство с *төрө-х* 'рожать' либо с *түри-х* 'выкидывать, выбрасывать' [1974б, с. 171].

В п.-мо. *ййҕа* [*ййҕасун*] 'нельма' [Kow., p. 2366], мо. *жарга* 'нельма, сиг сибирский' (также п.-мо. *ирҕа*, мо. *ярга* 'нельма'; п.-мо. *ирҕай*, мо. *яргай* 'горбуша'; п.-мо. *орим*, мо. *орим* 'род налима') выбор производящей основы обусловлен тем, что нельма обладает крупной серебристой чешуей, благодаря которой рыба переливается и сверкает на солнце. По всей видимости, тот же мотив в эвенк. *саргака* 'окунь', нег. *сајгати*, ороч. *сагати*, ульч. *саргади* 'хариус', ма. *сарга нимаха* 'сиг'; орок. *саруки* 'сельдь'; эвенк. *сурй* 'сиг', эвен. *һуричэн* 'сиг; валек (рыба)', эвенк. *турā* 'сорога'; *турку* 'омуль'; ма. *фарса* – название рыбы (мелкой, морской) [ССТМЯ, 1977, с. 65, 67, 130, 218, 220, 299]. В сложном слове п.-мо. *taram suyasu*, мо. *марам сугас* 'ручьевая форель, кумжа' компонент *марам* представляет собой адъективированную форму корня **marm* 'пестрый', выбор которой объясняется тем, что озерная кумжа имеет темную спину, белую брюшину и серебристую окраску боков с темными пятнами, разбросанными по всей поверхности тела.

Следует отметить, что В. И. Рассадин рассматривает *ййҕа* в качестве гипотетической основы для п.-мо. *ййҕасун* 'рыба', относя послед-

---

⁷² Примечательно, что в эвенкийском языке состояние покоя рыбы также передается с помощью сонанта [r]: *ургунчэ-* 'отдыхать, не двигаться (о рыбе)' [ССТМЯ, 1977, с. 283].

нюю к словам с затемненной внутренней морфологической формой. Опираясь на то, что аффикс *-sun* иногда придавал новым словам обобщающее абстрагирующее значение, как например, *aduyun* ‘табунная лошадь; табун’ > *aduyusun* ‘животное’, на случаи выпадения сонорных перед другими сонорными и, наконец, на наличие старописьменных форм *ǰiyad* ‘рыбы’, *ǰiyačïn* ‘рыбак’ наряду с *ǰiyasučïn*, автор предполагает, что форма *ǰiyasun* представляет собой слово, образованное от некоего слова с конкретным значением, а именно от *ǰirya* ‘нельма’. Эту же основу автор выделяет в мо. *ǰараахай* ‘малек’ [Рассадин, 2006, с. 11–12]. В таком случае восстановленный В. И. Рассадным архетип **ǰiryasun* ‘рыба’ также можно будет возвести к корню **ǰir/ǰirq* со значением ‘нечто переливающаяся’, обусловленным многоцветным мерцанием рыбьей чешуи в воде, в лучах солнца. В более ранней работе В. И. Рассадина, ссылаясь на приведенную Б. Х. Тодаевой словоформу бао. *ǰǰилгасоң* ~ *ǰǰиласон* ‘рыба’, предполагает, что во всех остальных монгольских языках без **l* этот **l* был когда-то представлен (*ǰilyasun* < корень **ǰil* + аффиксы *-ya* + *sun*). К тому же корню восходит тюрк. *ǰilan* // *ǰılan* ‘змея’ и *ǰulyun* ‘тамариск’ [1982, с. 94].

Наиболее ярким примером реализации признака ‘мелькающий, мельтешащий’ можно считать энтомонимы ср.-мо. *xerbegai* [НУ, р. 12], *herbēkei* [МА, с. 184], п.-мо. *erbekei* [Kow., р. 257], *erbeyekei* [Less., р. 319], мо. *эрвээхий*, бур. *эрбээхэй*, калм. *эрвэкэ*, ойр. *эрвээкээ*, орд. *erwēki*, дунс. *həbəʁai*, мнгр. *xalege, xerbuge, xalige, xerbuge* [EDAL, р. 1136] ‘бабочка’; п.-мо. *erbegči* ‘маленькая бабочка’ [Kow., р. 257], мо. *эрвэгч* ‘мотылек, бабочка’; бур. *арбалжан* ‘стрекоза’; п.-мо. *arbayalǰıyan-a*, мо. *арваалжгана* ‘стрекоза, долгоножка’, в которых номинация происходила на основе зрительного восприятия мелькающих крыльев насекомого. Ср. нег. *гургэчй*, ульч. *гургуни* ‘бабочка’; эвенк. *лургавкй* ‘стрекоза’; *лорукй* ‘бабочка’, *лоруткйн* ‘мотылек’ [ССТМЯ, 1975, с. 174, 500, 505], эвенк. *урзээн* ‘быстрый, подвижный’ [Там же, 1977, с. 289].

Корни **merb/gür/kür* дали названия следующих летающих насекомых: п.-мо. *merbegekei*, мо. *мэрвээхэй* ‘перговая моль’; п.-мо. *gürelǰi*

‘зеленый сверчок’ [Kow., p. 2636], *gürelĵegen-e, kürelĵegen-e* [Там же], мо. *гүрэлж, гүрэлзгэнэ, хүрэлзгэнэ*⁷³ ‘серая кобылка, сверчок’. Ср. ма. *гурĵэн, гурэлĵи* (название сверчка), *гэргэн* ‘кузнечик (зеленая кобылка с большим брюхом)’ [ССТМЯ, 1975, с. 174, 181]. Следует отметить, что тур. форма *ĵырĵыр* ‘сверчок’ [СИГТЯ, 1988, с. 518] больше напоминает звукоподражательное образование. В словаре В. И. Даля *сверчок*, иначе *циркун, цвиркун, цирюкан*, охарактеризован как «насекомое, которое сверчит, свирестит, цирюкает, потирая жесткие накрывлики о свои зубчатые ножки». Следовательно, в п.-мо. *gürelĵi, gürelĵegen-e, kürelĵegen-e* также можно выделить и участие слухового восприятия насекомых.

Ср.-мо. *čariyan* ‘навозный жук’ [LH]; ср.-мо. *siroxalĵin* [НУ, р. 12], пкл.-мо. *siryо:lĵin, siroyо:lĵin* [Тум., р. 565], п.-мо. *siryulĵi(n)* [Kow., p. 1530], мо. *шоргоолж, бур. шоргоолжон, калм. шорĵлжн, ойр. шорĵолжун, орд. šurGulĵi, šurGülĵi, šorGolĵi, даг. suaigālĵi, suajhaleĵi, мнгр. šorGoĵin* [EDAL, p. 1297] ‘муравей’ восходят к корням **čar/sirq/sir/ir* ‘нечто кишашее, мелькающее (во множестве)’: п.-мо. *ira ĵira* ‘несчетный, бесчисленный’ [Kow., p. 318], бур. *ира-ира* ‘кишмя кишеть, мелькать’, *ирагар* ‘пестрящий; мелькающий’. Ср. ма. *сэрбэн сарбан* ‘киша, пресмыкаясь, ползая (о червях)’, эвен. *чириңэ* ‘гусеница’ [ССТМЯ, 1977, с. 144, 400], нан. *морил-л* ‘киша, извиваясь (о большой массе змей, червей и пр.)’ [Киле, 1972, с. 137]. Н. Н. Поппе производит лексему от глагольной основы **siryu-* ‘пролезать, проникать; проскользнуть’ [Рорре, 1981, р. 387], которая, скорее, возникла на основе слухового восприятия. Как уже отмечалось, звук шуршания прослеживается формам: п.-мо. *šörge-* ‘чесать, тереть обо что-л. (о скоте)’, п.-мо. *šürge-* ‘касаться, задевать что-л.’, п.-мо. *šur ki-* ‘шелесть’ и др.

На алтайском уровне Пмонг. *sirgolĵi ‘муравей’ сопоставляется с Птунг. **sura (sora)* ‘блоха; откладывать яйца в носовой полости оленя; шмель; мушиный помет, яйца насекомых; пыльца’, Пкор. **sir-* ‘класть яйца (о насекомых или рыбах)’ [EDAL, p. 1297]. Тот же мотив

⁷³ Тот же корень в п.-мо. *kürene* ‘цвета радуги, переливы многих цветов’ [Kow., p. 2636].

номинации, по всей видимости, заложен в слове ср.-мо. *sirke* [МА, с. 323], п.-мо. *sirke* [Less., р. 718], мо. *шурх*, бур. *шэрхэ*, орд. *sirxe* [EDAL, р. 1264] ‘вошь скота, власоед’, для которого А. В. Дыбо приводит внешние параллели: тюрк. **sirkä* ‘гниды; личинки насекомых’, т.-ма. **su:ra* ‘блоха’, кор. **hjə* ‘гнида’, яп. *sirámùì* ‘вошь’ [СИГТЯ, 2001, с. 182]. В. И. Рассадин рассматривает п.-мо. *sirke* ‘красная вошь’ как тюркизм [2010, с. 33].

Следует отметить, что в тюркских языках для именованя муравья используется лексема *қарынжа* ‘муравей; клещ’, этимологию которой К. Брокельман связывает с *qarın* ‘живот’ и уменьшительным аффиксом *-ča*, т. е. *qarınča* ‘животик’ (из-за сходства по внешнему виду) [ЭСТЯ, 1997, с. 323]. Если принять во внимание способность корней с гуттуральными *[q/k]* передавать световые явления, то можно допустить, что в тюрк. *қарынжа* действовал тот же принцип номинации, что и в монгольских языках. Ср. также в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *й̄риктэ* ‘муравей’, *јаракта* ‘муравей (лесной, большой)’, эвен. *һй̄рит*, нег. *й̄ктэ*, ороц. *й̄ктэ*, орок. *сируктэ*, нан. *силуктэ*, ма. *јэрхувэ*, *јэрхувэн* ‘муравей’ [ССТМЯ, 1975, с. 325].

П.-мо. *орууа-* ‘изгибаться, извиваться (как змеи и насекомые), в кольцо свиваться’ [Kow., р. 451], мо. *ороо-*, бур. *орёо-* ‘извиваться (о змеях, червях)’; п.-мо. *орубалја-* ‘ползать, пресмыкаться (как змеи) извилинами’ [Kow., р. 451] позволяет выделить корень **qor* в ср.-мо. *qoroxai* [НУ, р. 12], *qoruyai* [IM], *qorqai* [LH], *qorayai* [МА, с. 302], пкл.-мо. *qoriquai* [Тум., р. 531], п.-мо. *qoriquai* [Kow., р. 962], мо. *хорхой*, бур. *хорхой*, калм. *хорха*, ойр. *хорхаа*, орд. *хорох*⁷⁴, даг. *хорг*^б, *хорог*, *хоруги*, *хорехе*, дунс. *Guyi*, бао. *GorGei*, ж.-уйг. *хорохGui*, мнгр. *хорGwī*, *хорGui*, *хурGoi* [EDAL, р. 808] ‘насекомое; червь’⁷⁴; личинка насекомого, гусеница’, имеющем надежные алтайские параллели: эвенк. *й̄рэ* ‘червь (дождевой); гусеница’, нег. *ујэ*, уд. *ујэ* ‘червь (дождевой)’ [ССТМЯ, 1977, с. 289], Птюрк. **ku:r-t* ‘червь’ [СИГТЯ, 2001, с. 182].

---

⁷⁴ Фонетический состав рус. корень *черв-*як напоминает мо. **j̄irb*, что позволяет предположить, что в русском языке номинация происходила на основе зрительного восприятия насекомых.

Общие значения ‘червяк; насекомое’ сохраняются в п.-мо. *yuruqai* ‘особый вид шелковичных червей’ [Kow., p. 321], *iruqai* [МХТТТ], мо. *ерхэй, ёрхой* ‘пяденица’; п.-мо. *kür* ‘шелковица’ [Kow., p. 2636], мо. *хур [хорхой]* ‘шелковичный червь, шелкопряд; всякие мелкие личинки насекомых’. В Алтайском словаре к Пмонг. **(h)irukai* также даются формы: Птунг. **piaru* ‘червь (в мясе); моль; жук’ и Пяп. **pirü* ‘пиявка’ [EDAL, p. 1151].

Глаголы п.-мо. *yurbalǰa-* [Kow., p. 1038], мо. *гурвалз-*, мо. *гурвэлз-*, бур. *гурбэлзэ-*, калм. *хурвалз-, гурвалз-* ‘извиваться, пресмыкаться, изгибаться; трепетать, биться (о рыбе)’ характеризуют движение змеи, ящерицы, червей, рыбы, обладающих хорошо отражающей свет поверхностью. Информация о быстром передвижении денотатов заложена в п.-мо. *gürbel* [Kow. 2646], мо. *гурвэл*, бур. *гурбэл*, калм. *гурвлг*, ойр. *гурвэл, гургуул* ‘ящерица’, п.-мо. *gürbelǰi*, мо. *гурвэлж* ‘змея’; п.-мо. *ürbel*, мо. *урвэл* ‘ящеренок’. В EDAL в качестве параллели приводится Птунг. *gori-* ‘шевелиться, двигаться’ [p. 568]. Форма восстановлена на основе эвенк. *гори-*, сол. *гургэлбү-*, эвен. *гургэл-* ‘шевелиться, двигаться; дрожать’ [ССТМЯ, 1975, с. 161, 173].

Следует также учесть, что вид как червей, так и пресмыкающихся, помимо мельтешения в глазах у большинства людей вызывает такие ощущения, как брезгливость и физическое отвращение (*б-р-р!*). В связи со способностью корня **qor* отражать органические ощущения неудивительно, что понятие ‘аппетит; желание, охота съесть или сделать что-л.’ выражается с помощью лексемы *хорхой*: *хорхойгоо дара-* ‘заморить червячка; умерять свой аппетит’, *хорхой хурэ-* ‘сильно хотеть’; *хорхойто-* ‘завидовать, быть жадным’ (см. § 4.2). В русском языке слово *червь* в сочетании со словами *сомнение, раскаяние, зависть* индицирует затаенное, постоянно мучающее чувство: *червь сомнения точит сердце*.

Отмеченная выше способность дрожащего сонанта [r] обозначать мелькание, мельтешение однотипных предметов, имеющих узкую, вытянутую форму, обусловила появление в алтайских языках обширной группы корней с общим значением ‘передвигать ноги; двигаться’. В ср.-мо. *ǰoriya* [LH], п.-мо. *ǰiruya* [Kow., p. 2359], мо. *жороо*, бур. *жороо*, калм. *жора*, ойр. *жора* ‘иноходь’ изобразительный корень *ǰir-*

ĵir соотносится с характером движения ног коня-иноходца, переставляемых не по диагонали, а односторонне, т. е. рядами (ср. *зэрэг* ‘ряд’): сначала правую заднюю и правую переднюю, потом левую заднюю и левую переднюю. Семантически близко бур. *ербы-* ‘виднеться в виде стройных рядов’, *ербэгэр* ‘стройный, статный’.

Образ мелькания переставляющихся ног дал также глагол движения с семой ‘идти’: ср.-мо. *yorĉi-* [LH; IM], *orĉi-* [MA, с. 269], пкл.-мо. *ĵorĉi-* [Tum., p. 435], п.-мо. *ĵorĉi-* [Kow., p. 2406], мо. *зорчи-* ‘шеествовать, идти, ехать; отправляться в путь; начинать ходить, делать первые шаги (о ребенке)’, к которому Т. А. Бертагаев возводит лексему *жороо* ‘иноходец’ [1974б, с. 356], п.-мо. *ĵörü-*, мо. *зөр-*, калм. *зөр-*, ойр. *зөре-* ‘перемещаться, передвигаться относительно друг друга’.

Привлекает внимание развитие в производных от т.-ма. корней **gir/sir* значения ‘шагать’: эвенк. *гиракта-* ‘шагать’, *гирамкит-* ‘топтаться между дымокурами (об оленях)’, *гирани-* ‘скакать’, *гиркумакта* ‘ребенок, начавший ходить’, *гирү* ‘быстроходная лошадь’, эвен. *гĵрām-* ‘топтаться на одном месте (об оленьем стаде)’, *гирко-* ‘шагать, ходить’, ульч. *гиран-*, орок. *гиран-* ‘шагнуть’ [ССТМЯ, 1975, с. 155], эвенк. *сиран-* ‘переступать с ноги на ногу’; эвенк. *тургĵ-* ‘идти пешком’; ма. *чир сэмэ* ‘скоро, ровной рысцой (ехать)’; эвен. *чордун-* ‘бежать галопом (о животных)’ [Там же, 1977, с. 94, 187, 400, 409]. Фонетическая близость корней **ĵir/ĵor* и **gir/sir* позволяет предположить, что рассмотренные примеры также возникли в результате вербализации зрительного восприятия переставляющихся ног животных (оленей, лошадей) и людей.

Часть исследователей считает тюрк. *йорга* ‘иноходь’ производным глагола *йоры-* ‘идти, двигаться’, другая группа ученых склонна возводить *йорга* к глагольной основе *йор-* ‘идти рысью’. Л. С. Левитская отмечает, что характер отношения тюрк. *йорга* к монг. *ĵiruga* ‘иноходец’ пока окончательно не выяснен. Эвенк. *ĵирэ* ‘иноходец’ и т. д. трактуются как генетически близкие монгольским [ЭСТЯ, 1989, с. 225]. На наш взгляд, семантика т.-ма. корня **gir* позволяет предположить автохтонное развитие значений эвен. *ĵөрдъңчи-* ‘бежать иноходью’, нан. *ĵоаранда-* ‘идти рысью’, *ĵорда-* ‘идти рысью, иноходью’ [ССТМЯ, 1975, с. 260].

Учитывая способность т.-ма. корня *gir выражать значение ‘идти, шагать’, авторы Алтайского словаря в качестве параллелей, на наш взгляд, справедливо приводят Птюрк. **gÉr-* ‘ходить, проходить через’ и Пмонг. **gar-* ‘выходить’ [EDAL, p. 550]. Сюда же следует отнести Птюрк. **gir-* ‘входить; ступать; двигаться’ [Там же, p. 825]. З. Гомбоц сопоставлял Птюрк. **gÉr-* ‘ходить’ с п.-мо. *kere-*, мо. *хэp-*, бур. *хэрэ-* ‘бродить, скитаться, слоняться; странствовать’, ма. *hergi-* ‘бродить вокруг, слоняться’ [Gombocz, 1905, p. 250].

Рассмотренный выше ряд корней, передающих движение, как правило, длинных ног животных, людей, а также определенные способы передвижения лошадей, позволяет выявить именно этот признак в ср.-мо. *morin* [HY, p. 9; SH; LH], *mori* [IM], *murin* [MA], пкл.-мо. *morin* [Tum., p. 472], п.-мо. *mori(n)* [Kow., p. 2043], мо. *морь*, бур. *мори(н)*, калм. *мөрн*, ойр. *мөрөн*, орд. *mori(n)*, мог. *morin*, *muren*, даг. *tori*, *toř*, дунс. *mori*, бао. *more*, ж.-уйг. *mōrə*, мнгр. *mori* [EDAL, p. 945] ‘конь, лошадь’. Следует отметить, что из пяти традиционных видов животных, разводимых монгольскими народами, лошадь является наиболее быстрым средством передвижения.

Большинство алтаистов (Г. Рамстедт, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус, С. Калужинский и др.) сходятся во мнении, что данная лексема восходит к исконно монгольскому лексическому фонду. Хотя известна точка зрения Е. Д. Поливанова, сопоставляющего мо. *морин* с кит. *тā*, яп. *мма*, кор. *мал*, бирм. *мранг* ‘лошадь’ [1968, с. 163]. Авторы Алтайского словаря приводят Пкор. *mār ‘лошадь’ и Птунг. *murin ‘лошадь’, отмечая, что тунгусские формы могут быть заимствованы из монгольских языков (хотя их вокалическое оформление не указывает на заимствованный характер), однако корейское слово трудно объяснить как монголизм [EDAL, p. 945].

Функционирование в тунгусо-маньчжурских языках корней, обладающих значением ‘идти, переступить’, подтверждает то, что Птунг. форму *murin не следует рассматривать как заимствование. В пользу данного вероятия А. Новикова приводит следующие доводы: «<...> слово это имеет широкое распространение в т.-ма. языках и их диалектах, образуя в них большие гнезда слов, среди которых имеются архаичные формы. Противоречат этому и историко-этнографические и археологические данные, свидетельствующие об относительно высоком уровне древней материальной культуры предков тун-

гусо-маньчжуров, о раннем знакомстве их со скотоводством и коневодством».

Автор на основе диалектного варианта *муркин* > *муркун*, зафиксированного в токкинском говоре эвенкийского языка, восстанавливает более древнюю форму **morkin*, из которой в результате выпадения *k* образовалась более поздняя форма **morin*. К. А. Новикова выдвигает рабочую гипотезу о том, что **mor* является образной основой, лексическое значение которой передает представление о масти животного: ср. эвенк. *мурин*, эвен. *мурин* 'смуглый; подпалина (рыжеватые, желтые пятна на шерсти животного иной масти)', сиб. 'белка-подпаль (сорт беличьего меха)', а также ма. *мурун малахи* 'пестрая степная кошка (желтая с черными пятнами)'. Исследователь мотивирует свою точку зрения тем, что «дикая лошадь Центральной Азии <...> имеет буровато-желтую окраску верха тела и боков и светло-желтую низа тела и конца морды» [1979, с. 73].

Выбор корня **borq* в энтониме п.-мо. *borquyusu*, мо. *боргуус*, бур. *боргоохон* 'комары', ал., эхир., бохан. *боргоодоһон* 'мошка, мошкара', по всей видимости, связан с тем, что мошкаре свойственно, как дым, клубиться в воздухе, образуя трепещущие рои. Ср. ойр. *бур-жүңна-* 'многократно двигаться, кишеть (о насекомых)'; п.-мо. *birsayar*, мо. *бирсагар* 'очень много; тьма, туча рой (например, пчел)'. В тунгусо-маньчжурских языках: орок. *горги-* 'кишеть, копошиться' [ССТМЯ, 1975, с. 161], эвен. *пороховай* 'гнус, мошка' [Там же, 1977, с. 41]. При этом не исключена и актуализация звукового восприятия насекомых, о чем свидетельствует звукоподражание в нанайском языке: «*хор-р* 'жужжать (о рое, мух, комаров)» [Киле, 1972, с. 175].

И, наконец, ср.-мо. *maral* [ЛН], п.-мо. *maral*, мо. *марал*, бур. *марал*, калм. *марл*, ойр. *марал* 'лань (самка изюбря)' < 'нечто пестрое (об окраске)', обусловлено тем, что спина и бока животного покрыты светло-серым мехом с песчаным оттенком в области плеч на хребте и с буроватым налетом в задней части спины. Ср. эвенк. *кираңан* 'пестрый (о масти важенок)' [ССТМЯ, 1975, с. 398].

ЛСП «Растительный мир»

В основе п.-мо. *iraγui* 'анемон, ветреница' [Kow., p. 319], мо. *яргуй*, бур. *ургы* 'подснежник; прострел'; п.-мо. *yerend*, мо. *ерэнд* 'прострел японский' лежит признак 'нечто блестящее, поблескивающее',

поскольку весь подснежник, включая околоцветники, покрыт густыми серебристыми волосками. От данного фитонима с помощью суффикса *-жин* образован другой – *яргуйжин* ‘ветреница нарциссовидная’. По всей видимости, тот же признак в фитониме п.-мо. *irbeg*, мо. *ирвэг* ‘богородская трава’. Ср. эвенк. *аргэвэктэ* ‘название цветка (лютик, прострел)’ [ССТМЯ, 1975, с. 50]. На происхождение названия п.-мо. *serkegene*, мо. *сэрхгэнэ*, бур. *хэрхээнэг*, калм. *серкэнг* ‘люцерна’ проливает свет перевод с лат. *lucerne* ‘блестящий’, что также связано с наличием у растения опушенных листьев.

Название кустарника п.-мо. *irgai*, мо. *яргай*, бур. *яргай*, калм. *ярга*, ойр. *йарһаа* ‘кизил’, возможно, связано с тем, что он обладает блестящими листьями и плодами. В Тунгусо-маньчжурском словаре фитоним сопоставляется с нан. *јаргиқта* ‘название дерева’ [ССТМЯ, 1975, с. 343]. В лексемах пкл.-мо. *sirge* [Тум., р. 565], п.-мо. *sireg*, мо. *ширэг*, ойр. *ширег* ‘трава, зеленый луг’; п.-мо. *Јерт-е*, мо. *зэрэм* ‘трава, растущая рядом с бурьяном’, вероятно, заложен тот же мотивационный признак ‘нечто блестящее, переливающееся’⁷⁵. Бур. *шэрэм* ‘весенняя травка (низенькая с черной головкой)’ В. И. Рассадин склонен связать с тат. *чирэм* ‘целина; трава’, башк. *сирэм* ‘целина’, чув. *серем* ‘сочная зелень, трава; дерн; целина’, аз. *чэрэн* ‘вид кормовой травы, растущей на равнине’ [2007, с. 98]. Ср. ма. *Жира* ‘густой, частый (лес, трава, хлеба); сплошной’ [ССТМЯ, 1975, с. 259].

Данный модус перцепции обусловил появление ряда названий ягод: п.-мо. *nersü* [Kow., р. 625], мо. *нэрс*, бур. *нэрһэн*, калм. *нерх*, ойр. *нерехе* ‘голубика’; п.-мо. *nür* [Там же, р. 704], мо. *нүр* ‘черника’ от *нөр-нөр гэ* ‘рябить, пестрить’. Ср.-мо. *bürlügen* [МА, с. 127], п.-мо. *büirilgene*, мо. *бүрэлгэнэ* ‘калина’; п.-мо. *büiriljégene*, мо. *бүрэлзгэнэ* ‘калина (плод)’ от п.-мо. *büireljé-*, мо. *бүрэлзэ-* ‘рябить, мелькать; мерцать’. Зафиксированные в тюркских языках тат. *börlegän* ‘ежевика’, башк. *böböğön* ‘ежевика’, чув. *pérléxen* ‘костяника’ Э. Р. Тенишев счи-

---

⁷⁵ Типологическое сходство в именовании травы наблюдается в рус. *мурава* ‘сочная луговая трава, дерн’, *мурог* ‘сенокос, луг, дерн’, *мурога* ‘редкое, нежное зеленое сено’, сербохорв. *мур^оава* ‘вид водоросли’ и др. Ср. также сол. *мургил* ‘ярица (яровое поле)’ [ССТМЯ, 1975, с. 558], возможно, ма. *сучи* [*сурки] ‘колоситься, наливаясь (о злаках)’ [Там же, 1977, с. 130].

тает образованными с помощью аффикса *-gen* от глагола **börle-*, значение которого неизвестно [СИГТЯ, 2001, с. 140]. Схожий мотив номинации в рус. *рябина*. Также в тунгусо-маньчжурских языках представлено название ягоды: эвенк. *мороцо*, *бороңго* ‘морошка’, нен. *мараңга* ‘морошка’ [ССТМЯ, 1975, с. 547]⁷⁶.

К корню **burč* восходит ср.-мо. *burčax* [НУ, р. 8], *burčaq* [МА, с. 125], п.-мо. *burčay* [Kow., р. 1223], мо. *буурцаг* ‘горох, бобы’, бур. *буурсаг*, орд. *burčaq*, даг. *borečō*, *borčō*, даг. *рица*, *рижа*, бао. *рэжаG*, ж.-уйг. *purčaG*, мнгр. *рижаG* [EDAL, р. 379] ‘семя, плод’, калм. *бурчг*, ойр. *бурцаг* ‘дробь (для ружья); горох’; п.-мо. *burčayai*, мо. *буурцай* ‘стручок’; п.-мо. *burčayan-a*, мо. *буурцгана* ‘соя (желтая)’. Ср. парн. п.-мо. *erse burčay* ‘мелкий горох, горошек (белый и красный)’ [Kow., р. 257], мо. *эрс буурцаг* ‘фасоль; мелкий горох’, а также ср.-мо. *marjītaγ* ‘чечевица’ [ИМ].

Тюрк. *бурчақ* ‘горох; кукуруза; град; крупные капли пота; курчавый’, по мнению Э. В. Севортыяна, является «производным от глагола *бур-* ‘вить; сгибаться’, образованным с помощью аф. *-чақ* с обычным кругом значений – орудий/средства, субъекта действия и т. д. С указанными значениями глагола *бур-* согласуется представление о семействе бобовых как о вьющихся растениях. <...> К. Брокельман видел в *burčaq* производное с уменьшительным аф. *-čaq*, но не называл производящей основы» [ЭСТЯ, 1978, с. 175–176].

Тюрк. *буртук*, *бурчук* ‘зерно; хлеб; маленький кусок, крупинка; прыщ’ Э. В. Севортыян рассматривает как производное, образовавшееся посредством аффикса *-(a)к* от глагола **бурт-* ‘отрываться; отпадать (о кусочках, частицах)’, как о том позволяет судить производное *bürt-mük* ‘кусочки, отрывающиеся от мягких предметов’ [ЭСТЯ, 1978, с. 300–301]. Сол. *борчо* ‘бобы’ < мо. [ССТМЯ, 1975, с. 97], чего нельзя утверждать относительно ма. *лархун* ‘горох (дикий мышинный); стручок’ [Там же, с. 494].

Относительно слова ма. *тури* ‘горох (общее название гороховых, бобовых и других шелушенных плодов)’, заимствованного в другие

---

⁷⁶ В русском названии ягоды *морошка* М. Фасмер видит финно-угорское происхождение: фин. *tuurain*, манси *торах*, *moreх*, ханты *түрэх*, *торәңк*, коми *түр*, нен. *мараңга*, нганас. *mura 'ka*, энецк. *maragga* [1967, с. 658].

языки: нег. *тури*, ороц. *тури*, уд. *тули*, ульч. *тури*, авторы Тунгусо-маньчжурского словаря предполагают, что оно возникло в результате присоединения суффикса *-ри* к китайской лексеме *dou* ‘бобы’ [ССТМЯ, 1977, с. 219]. Возведение формы *тури* к корню **tur* ‘нечто мельтешащее, рябшащее’ становится возможным благодаря функционированию в эвенкийском языке лексемы «*турикта* ‘черемуха (ягода); крыжовник (ягода)’» [Там же, с. 219]. Ср. также мо. атрибутив, характеризующий сияние глаз: п.-мо. *tortuɣur*, мо. *тормогор*, ойр. *торманар* ‘живые, блестящие, черные, как черемуха’.

В ср.-мо. *yarma* ‘крупя’ [МА, с. 387], п.-мо. *ǰarm-a* ‘мелкая крупа’ [Kow., р. 2305], мо. *зарам* ‘отруби (из рисовой крупы), мучные высевки’⁷⁷ корень **ǰarm* воспроизводит дискомфорт, возникающий в глазах при наблюдении множества переливающихся мелких зернышек. В. И. Рассадин производит монгольскую форму от др.-тюрк. *jarma* ‘крупя’ < *jar-* ‘рассекать, расщеплять’ [2007, с. 70]. В ср.-мо. *xure* [НУ, р. 7], *hüren* [МА, с. 107], пкл.-мо. *ür-e* [Тум., р. 621], п.-мо. *ür-e* [Kow., р. 577], мо. *ур*, бур. *үрэ*, ойр. *үре*, орд. *ur*, *ure*, даг. *xur*, *hure*, дунс. *fure*, бао. *fure*, *færɛ*, ж.-уйг. *hure*, мнгр. *furē*, *xurē* [EDAL, р. 1187] ‘плод, семя, семена; зерно’ в дальнейшем развились значения ‘дитя, ребенок’, ‘результат, последствие’. Т. А. Бертагаев сопоставляет данную лексему с *urgax* ‘расти’, выделяя общий корень **ur* ‘подниматься, всходить’ [1974б, с. 304]. Ср. Птюрк. **urug* (~**or-*) ‘семья; ребенок, девочка; род, племя; родственники’, Птунг. **pur* ‘молодой; дети; семья; приплод, выводок’, Пяп. *pú* [<**p* *úr(i)-gV*] ‘поросль’ [EDAL, р. 1187].

От корня **qorq* образованы ср.-мо. *qorgosun* [SH], п.-мо. *qorɣal*, *qorɣul*, *qorɣusun* [Kow., р. 968], мо. *хоргол*, бур. *хоргол*, *хоргоол*, *хоргооһон*, *хоргоодоһон*, калм. *хорьси*, ойр. *хорфосон*, орд. *хорGol*, бао. *gugusi*, ж.-уйг. *χorgol*, мнгр. *хорGōзә*, *хурGōсә* [EDAL, р. 844] ‘помет (овец, коз, верблюдов); опрехообразный навоз домашних животных, катыш помета’; п.-мо. *qorkinau*, мо. *хорхиног* ‘горошек’. Пмонг. *qorɣal*

⁷⁷ Ср. корень **zern* в рус. *зерно*, укр. *зерно*, др.-русск. *зьрно*, ст.-слав. *зьрно*, болг. *зьрно*, сербохорв. *зрно*, словен. *zrno*, чешск., словацк. *zrno*, польск. *ziarno*, в.-луж. *zorno*, н.-луж. *zerno*, родственно лит. *zirnīs* ‘горошина’, лтш. *zīrns*, др.-прусск. *syrne* ‘зерно’ [Фасмер, 1967, с. 95–96].

соотносима с *xōri-hta ‘помет (оленей)’ [EDAL, p. 844], поскольку помет оленей действительно представляет собой «характерные «орешки», которые мельче лосиных, но крупнее, чем у косули» [www.zoomet.ru].

В. И. Цинциус предполагает, что к тому же корню **qorq/qory* восходит и название металла п.-мо. *qoryulʃin* [Kow., p. 969], мо. *хор-голжсин*, калм. *хорһлжн*, ойр. *хорһолжсин* ‘свинец’ [Цинциус, 1984, с. 99], что действительно допустимо с учетом того, что свинцовые пули (п.-мо. *qoryulʃin sumu* [Kow., p. 969]) имеют мелкую округлую форму.

В ср.-мо. *erge* [IM], *erike* ‘ожерелье’ [MA, с. 163], пкл.-мо. *eriki* [Tum., p. 392], п.-мо. *erike* [Kow., p. 254], мо. *эрх*, бур. *эрхи*, калм. *эркн*, ойр. *эркен* ‘четки’ зрительно воспринимается вращательное движение бусин производящееся с целью подсчета числа произнесенных молитв, успокоения и др. Мелькание мелких округлых предметов также заложено в баргуз. форме *шураг* ‘бусы’, которая, в свою очередь, фонетически и семантически схожа с п.-мо. *siru* [Там же, p. 1544], мо. *шур(эн)*, бур. *шүрэ*, калм. *шур*, ойр. *шур* ‘коралл; коралловый’. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *јари* ‘бусина (крупная); бусы’ [ССТМЯ, 1975, с. 343], ма. *ори* ‘бусы, ожерелье’; эвенк. *чурикта* ‘бисер; королек (крупный литой бисер)’ [Там же, 1977, с. 23, 416].

ЛСП «Человек»

Признак ‘рябой; пестрый’ наблюдается в *марчгар* ‘рябой’, п.-мо. *nöriге* [Kow., p. 704], мо. *нөрөө*, бур. *нүрөө* ‘рябины на лице (от оспы)’ от *нөр-нөр гэ-* ‘рябить, пестрить’. Ср. чув. *përlëxen* ‘сыпь (на теле)’ [СИГТЯ, 2001, с. 140], ма. *кэркэнэ-* ‘покрываться рябинами (о лице после оспы)’, *кэркэри* ‘рябины (на лице после оспы)’; эвенк. *муруктэ* ‘оспина’ [ССТМЯ, 1975, с. 453, 559], эвенк. *сурбакта*, эвен. *һурбът* ‘прыщ, сыпь’; ма. *сурги* ‘струпья, пятна (после оспы)’; эвенк. *һариптун* ‘золотуха’ [Там же, 1977, с. 129, 317].

Значения мо. *гэрээ* ‘блеск, цвет (лица)’, п.-мо. *qačar-un ger-e* ‘цвет лица’, *ger-e qačar* ‘цвет лица; щека, ланита’ [Kow., p. 2505] позволяют выделить признак ‘светлый, сияющий (о лице)’ в ср.-мо. *čirai* [SH; НУ], *čirai* [MA, с. 125], прекл.-мо. *čirai* [Tum., p. 355], п.-мо. *čirai* ‘лицо, обличье; цвет лица’ [Kow., p. 2183], мо. *чирай*, бур. *шарай*,

калм. *чирэ*, ойр. *чирээ*, орд. *čarā*, даг. *šar, cari, šari, šarā, šarī*, мнгр. *čirī, čirē* ‘лицо, облик’ [EDAL, p. 1366]. В EDAL предлагаются параллели: Птунг. **dēre* ‘поверхность; лицо’ и Птюрк. **dēri* ‘кожа’ [p. 1367].

Следует отметить, что Л. С. Левитская в качестве возможных лексических параллелей для тюрк. *teri* ‘кожа; шкура, снятая с головы животного’ приводит эвенк. *tergekse* ‘ровдуга, замша из оленей шкуры’, эвен. *terges* ‘ровдуга’; эвенк. *dere* ‘лицо; шкура с головы оленя’, *deri* ‘шкура с головы’, но не приводит мо. *čirai*. Закономерность семантического развития ‘лицо’ → ‘шкура с головы’ автор подкрепляет примерами: эвенк. *mēta* ‘шкура с головы оленя’ и сол. *meta* ‘лицо’ [СИГТЯ, 2001, с. 383]. Таким образом, если предположить, что в Птунг. **dēre* и Птюрк. **dēri* исходным было значение ‘шкура’, то в них можно выделить признак ‘жесткий, заскорузлый’, как в бур. *дорсогор, дорхогор* ‘засохший, покоробившийся; топорщась; заскорузлый (о сырой засохшей коже)’ и др.

Известно, что глаза как человека, так и животных благодаря своим оптическим свойствам способны отражать попадающий в них свет: они могут сверкать, сиять, блестеть и пр.⁷⁸ В монгольских языках представлены образные слова, характеризующие взгляд человека, которые образованы от следующих корней: **ǰart/ǰert/ǰirt/sirt/čirt/ǰerm/ǰirm/ǰrb/sirb/gir/orm/torm/durb*. Примечательно, что монгольские корни с начальной аффрикатой [ǰ] совпадают с рус. *зр-ить, зр-ение, в-зор, зырк-ать, разг. зыр-ить* и др.⁷⁹

П.-мо. *ǰermeger*, мо. *зэрмэгэр*, ойр. *зеремгер* ‘имеющий умные и узкие глаза’; бур. *зэртэгэр*, калм. *зермһр* ‘вытаращенный (о глазах); раскосый’, ойр. *зертэа-* ‘быть большеглазым, широко открытым (о глазах)’; п.-мо. *ǰймаγар, ǰirmeγар* [Kow., p. 2370], мо. *жармагар, жир-*

---

⁷⁸ В мо. *ярзас* ‘улыбка, усмешка (при которой губы разжаты и видны зубы, но не слышен звук смеха)’, возможно, корневой [r] передает сверкание зубов: *ярс ярс* ‘сверкание (при улыбке)’.

⁷⁹ Также корень **zerk* представлен в рус. *зеркало*, укр. *зеркало*, словенск. *zrkalo, zrcalo*, чешск. *zrcadlo, zrkadlo*, словацк. *zrkadlo* < ‘нечто отражающее свет’. Ср. тув.-тоф. *көрүньчжук* ‘зеркало’, которое Б. И. Татаринцев в конечном итоге связывает с глагольной основой *көр-* ‘смотреть’ [2004, с. 248].

мэгэр, ойр. *жирмегер* ‘сощуренный, узкоглазый’; п.-мо. *ǰirtayar*, мо. *жартгар*, бур. *жартагар*, калм. *жиртьр*, ойр. *жиртегер* ‘с вывернутым веком; с узкими глазами’; п.-мо. *ǰirtelče* – ‘перемигиваться’, *ǰirmelče* – ‘смотреть сладострастно’ [Kow., р. 2368]; п.-мо. *čirtayar*, мо. *чартгар* ‘глаз с приподнятым углом века’. Относительно кир. *жыртақ* ‘трахома; слезящийся, слезоточащий’, тув. *чыртақ* ‘гноящийся, больной’ Л. С. Левитская считает вероятным монгольское происхождение форм, так как «при трахоме во время рубцевания хрящ века искривляется, вызывая заворот краев век. Совокупность всех значений, приведенных в перечне тюрк. и монг. форм, отражает различные признаки заболевания глаз: нагноение, слезотечение, вывернутые веки» [ЭСТЯ, 1989, с. 43].

По всей вероятности, развитие значения ‘кокетничать; ломаться, кривляться’ обусловлено поведением денотата, характеризующимся русским словосочетанием *стрелять глазками*: п.-мо. *ǰerteger*, мо. *зэртгэр* ‘кокетка; кокетливый’, бур. *зартагана* – ‘кривляться’; п.-мо. *ǰirbayar*, мо. *жарвагар* ‘ломака, кривляка’.

Напряженный, неподвижный, а также недружелюбный взор на кого-л., что-л. передается с помощью корней **sirt/sirb/durb*: п.-мо. *sirte* – ‘смотреть, глядеть, разглядывать, глазеть, окинуть взором’ [Kow., р. 1533], мо. *шурт*-, бур. *шэртэ*-, калм. *шурт*-, ойр. *шурте* – ‘устремлять глаза, впиваться глазами; всматриваться’; п.-мо. *sirbe*-, мо. *шурвэ* – ‘бросать недружелюбный взгляд’; п.-мо. *sirbigine* – ‘щурить глаза’ [Там же, р. 1531], мо. *шурвэгэнэ* – ‘то расширяться, то суживаться (о зрачках)’; *ǰirmeysi* – ‘зажмуривать, прищуривать глаза’ [Там же, р. 2369]; п.-мо. *dürbelǰe*-, мо. *дүрвэлз* – ‘смотреть, впиваться острыми глазами’; пкл.-мо. *dörde*– [Tum., р. 371], п.-мо. *dördeysi*-, мо. *дөрдүй* – ‘установиться взглядом, пристально всматриваться, вытаращить глаза’; мо. *дөрдгөр нүд* ‘беспокойные, быстро бегающие глаза’.

Пкл.-мо. *giraqai nidü* [Там же, р. 243, 405], п.-мо. *kiraqai nidün* ‘зоркий глаз, зоркость’, *kiryu nidün* ‘быстрый глаз, зоркость’ [Kow., р. 2546, 2549], мо. *гярхай* ‘обладающий исключительной зрительной памятью’, *гярхай нүд* ‘глаз, зоркость; имеющий хорошее зрение’, бур. ал. *харахай* ‘зоркий (о глазах)’ Л. С. Левитской сопоставляется с

тюрк. *қыра:н* ‘ловкий, хваткий, зоркий; бьющий без промаха (о ловчей птице); лучший сокол, кречет; коршун; ястреб’ [ЭСТЯ, 2000, с. 233]. Ср. ма. *ирғаша-* ‘перемигиваться, делать глазки; поглядывать (искося, сердито)’ [ССТМЯ, 1975, с. 325].

Семантическое поле тюркской формы *қыра:н* в определенной мере подтверждает то, что ряд названий хищных птиц в алтайских языках появился в результате манифестации признака ‘зоркий’: ср.-мо. *qarčaqai* [ЛН], *qarčıyaı* [МА, с. 293], п.-мо. *qarčayai* [Kow., р. 850], мо. *харцага, харцгай*, бур. *харсага*, калм. *харцх*, ойр. *харцагаа* ‘ястреб’. На заимствованный из монгольских языков характер тюркских лексем *қарчыга* ‘ястреб, коршун, сокол’ указывали Л. Лигети, М. Ряснен, Г. Рамстедт. Однако наиболее реальной для В. И. Рассадина представляется точка зрения Н. И. Егорова и Л. П. Петрова, согласно которой пратюрк. форма **qartiġa* ‘ястреб’, явившаяся прототипом прамонг. **qartiġa*, является развитием прототюрк. **qartiġan*, образованной на тюркской почве от тюркской же глагольной основы **qarti-* ‘оцарапать, поранить’. Первоначальным значением прототюрк. орнитонима **qartiġan* было ‘царапающая, ранящая (птица)’, т. е. ‘хищная птица’ [цит. по: ЭСТЯ, 1997, с. 318].

Мягкорядный корень **kerč* образует прилагательное п.-мо. *kerčegei* [Kow., р. 2517], мо. *хэрцгий*, бур. *хэрзэгы*, ойр. *керцегэ* ‘жесточкий, яростный’; бур. *хурзага* ‘нервный, злой, сердитый’; п.-мо. *yorquyur*, мо. *ёрхгор*, бур. *ёрхогор* ‘неприветливый, хмурый’. Ср. эвенк. *кэрчэмэ* ‘сердитый, упрямый’; ульч. *куру-куру би* ‘сердитый, злой’, орок. *қира* ‘сердитый, злой, грубый’ [ССТМЯ, 1975, с. 454, 399]. Гипотезу о развитии данного значения на основе зрительного восприятия глаз верифицируют данные из нанайского языка: «*кирок-кирок* ‘бросать сердитые взгляды, насупиться’, *кирму-кирму* ‘рассердись» [Киле, 1973, с. 112].

Корень **kir/kirk* дал п.-мо. *kirayui* [Kow., р. 2552], мо. *хяргуй*, калм. *кирһу* ‘копчик, кречет’ и п.-мо. *kiruyučai* [Там же, р. 2550], мо. *хярууцай* ‘маленький ястреб’. Л. С. Левитская приводит 3 точки зрения относительно происхождения распространенной в тюркских языках лексики *қырғы* ~ *қыргай* ~ *қыргуй* ‘род хищной птицы; ястреб; сокол’. По одной из них, *қыргый* генетически связано с глагольной основой *қыр-* ‘истреблять’. Ю. Немет высказывал предположение о связи *қыргый* с *қыр* ‘серый’, однако аффикс *-гый* не присоединяется к

именам-названиям цвета. И, наконец, Д. Х. Базарова относит производящую основу узб. *қыргий* к звукоподражаниям, выделяя в нем первичное *қырк* и аффикс *-ий*. Исследователь опирается на орнитологическую литературу, согласно которой в клетоте перепелятника, помимо *кик-кик-кик* различается ясное и отрывистое *кирк-кирк-кирк*. Однако, по мнению Л. С. Левитской, едва ли при этимологизации орнитонима следует ссылаться на кир. *қырқ-қырқ*, передающее клетот коршуна, поскольку варианты аффикса *-гий* весьма разнообразны. Автор предлагает свою версию, согласно которой *қыргый мурунду* можно трактовать как '[птица] с крючковатым носом', в то время как в кир. *қыр мурун* 'прямой без горбинки нос' [ЭСТЯ, 2000, с. 235–236].

Чередование [q/t] в образных корнях позволяет выявить мотив номинации в орнитониме ср.-мо. *tarbaǰı* 'бурятская орлица' [МА, с. 341], п.-мо. *tarbalǰı* 'ястреб' [Kow., p. 1680], *tarbaǰı* 'ястреб-перепелятник' [Less., p. 780], мо. *тарвалж* 'небольшой орел с черной спиной и пестрыми крыльями', бур. *тарбажа*, *тарбалжа* 'лесной орел', калм. *тарваж* 'орел белохвостый'; п.-мо. *türbelǰı*, мо. *турвэлж* 'орел'; «ма. *турбэлжі* 'орел'» [ССТМЯ, 1977, с. 218].

Ведущую роль зрительного восприятия острого взгляда можно попытаться выделить в п.-мо. *sar* [Kow., p. 1328], мо. *сар* 'лунь; большой коршун; мохноногий курганник, сарыч обыкновенный', калм. *сарц* 'балобан (самец)', тюрк. *сар*, поскольку обозначаемые данной лексемой птицы также относятся к дневным хищникам отряда ястребиных. А. В. Дыбо считает, что мо. *sar*, скорее всего, тюркизм [СИГ-ТЯ, 2001, с. 170]. В. И. Рассадин як. *сар* 'канюк, сарыч' относит к монголизмам [1980, с. 67]. Л. С. Левитская отмечает, что некоторые исследователи сопоставляют тюрк. *сар*, *сары* с *са:рыг* 'желтый', которое действительно довольно употребительно при наименовании птиц. Однако при сопоставлении данных лексем возникают трудности [более подробно см.: ЭСТЯ, 2003, с. 213–214].

Значение ма. *гурақуша-* 'озираться; коситься' [ССТМЯ, 1975, с. 173]; ульч. *сури-сури би* 'раскосый (о глазах)', нан. *сурику* 'косой', *сури-сури бї* 'раскосый (о глазах)' [Там же, 1977, с. 130], вероятно, также развилось на основе зрительного восприятия глаз, ср. п.-мо. *qoruu* [Kow., p. 962], мо. *хоруу* 'бельмо; белое пятно; катаракта';

эвенк. *јару* ‘бельмо’ [ССТМЯ, 1975, с. 343], *эргэлэк* ‘бельмо’ [Там же, 1977, с. 463].

Данное предположение можно подкрепить аналогичным семантическим рядом в монгольских языках: п.-мо. *kilar*, мо. *хялар*, бур. *хилар* ‘косой, косоглазый’ при мо. *хялам хий-* ‘бросить взгляд (повернув голову), быстро взглянуть; оглянуться; скосить глаз’, *хялалза-* ‘коситься, смотреть искоса; хлопать глазами’, *хяласхий-* ‘коситься; блеснуть, сверкнуть глазами’, калм. *кивлэз-* ‘высматривать, выглядывать (воровски по сторонам)’. Таким образом, в тунгусо-маньчжурских языках корень **sur* также первоначально передавал блеск, сверкание (глаз).

Эвенкийская форма *эргэлэк* ‘бельмо’ позволяет сопоставить корень **erk* с корнем **erm* в п.-мо. *eremdeg* ‘одноглазый, кривой’ [Kow., p. 250], в современных же языках сохранилось более общее значение: мо. *эрэмдэг*, калм. *эрдэг* ‘калека; увечье, уродство’, ойр. *эрэмдег* ‘недостаток, изъян’, бур. *эрэмдэгтэй* ‘поврежденный, искалеченный; дефектный’.

Лабелизованные варианты корней дали: п.-мо. *ормууи-*, мо. *ормой-* ‘вылупить глаза’, калм. *орма-*, ойр. *ормаа-* ‘озираться; удивляться; тарашить глаза’, п.-мо. *orbigena-* ‘озираться, смотреть во все стороны, глазеть’, *örübeljē-* ‘сверкать глазами; боязливо осматриваться, выпучив глаза’ [Там же, р. 464, 582]; п.-мо. *tormууи-* [Less., p. 827], мо. *тормой-* ‘выпучиваться’; п.-мо. *tormулја-*, мо. *тормолз-* ‘блестеть (о живых черных глазах)’; п.-мо. *tormуур* [Там же, р. 827], мо. *тормогор*, ойр. *тормаһар* ‘живые, блестящие, черные, как черемуха (о глазах)’; п.-мо. *nidü torni-* ‘раскрывать глаза, глазеть’ [Kow., p. 1890]; п.-мо. *gerel-ün öngges-i tordayulqu* ‘издавать лучи, блестеть, сиять’; п.-мо. *tordumal* ‘ясный, светлый, блестящий, блистающий’ [Там же, р. 1895–1896]. Ср. як. *тырымна-* ‘мерцать, сверкать (о глазах)’.

Функционирование приведенного ряда глаголов наталкивает на мысль о том, что основной глагол смотрения ср.-мо. *qara-* [SH; MA, с. 292; НУт], пкл.-мо. *qara-* [Тум., р. 522], п.-мо. *qara-* [Kow., p. 831], мо. *хар-*, бур. *хара-*, калм. *хар-*, ойр. *хар-*, орд. *xara-*, мог. *qara-*, мнгр. *харә-* [EDAL, р. 648] ‘видеть; смотреть, глядеть’ также может быть связан со способностью глаз отражать свет, т. е. < ‘сиять, сверкать’. Согласный [q] наблюдался в анлауте следующих «световых» лексем:

п.-мо. *qarbay-a*, мо. *харваа* ‘малек’; п.-мо. *qorkinay*, мо. *хорхиног* ‘горошек’ и др.⁸⁰

В Алтайском словаре находим следующие параллели к глаголу *qara-*: Птунг. **kara-* ‘беречь, защищать’ (семантика которого, на наш взгляд, сопоставима с мо. *qaramna-* ‘жалеть, скупиться’), Птюрк. **Karak* ‘зрачок, глаз; взгляд’ [EDAL, p. 648]. Л. С. Левитская предполагает, что тюрк. *қарақ* образовано от *қара* ‘черный’ путем присоединения уменьшительного аффикса *-қ*, подтверждая реальность этой этимологии следующими фактами: 1) в названиях частей тела употребительны уменьшительные формы имени; 2) *қара* ‘черный’ используется для обозначения зрачка; 3) формы *қарашық* и др. являются уменьшительными; 4) в тув. и тоф. *қарақ* ‘глаз’, но *қара-* ‘смотреть’ [ЭСТЯ, 1997, с. 296]. А. В. Дыбо, считая сомнительной связь **karak* ‘глаз’ с **kara* ‘черный’, производит его от алт. *kara-* ‘смотреть’ [СИГТЯ, 2001, с. 211]. Возможно, действительно, значение *karak* ‘глаз’ можно представить как ‘нечто сияющее, сверкающее’. Ср. нан. *карок* ‘бросить сердитый взгляд, насупиться’ [Киле, 1972, с. 107], ма. *нархун* ‘быстрый, беглый (взгляд)’ [ССТМЯ, 1975, с. 585], эвенк. *һэриүчэ-* ‘наблюдать; следить, посматривать’ [Там же, 1977, с. 369].

В тюркских языках также представлен глагол *көр- ~ гөр-* ‘смотреть, глядеть, видеть; переживать; ухаживать; расценивать’, который, по замечанию Б. И. Татаринцева, удовлетворительной этимологии не имеет. В частности, не вполне ясен характер отношений между *көр-* ‘смотреть’ и *көз ~ гөз* ‘глаз’. А. В. Дыбо возводит **göz* ‘глаз’ к **görs*, считая *-s* аффиксом-субстантиватором, а существительное – древним производным от глагола **qör-* ‘видеть’ [СИГТЯ, 2001, с. 209]. Иной точки зрения придерживается Б. И. Татаринцев, выявляющий связь между *göz* ‘глаз’ и тур. диал. *gөze* ‘отверстие в крыше, через которое заваливают солому; лунка для высадки огурца; решето’, *gөztek* ‘маленькая дырка’, аз. диал. *гөзмэх* ‘дыра, ноздри’. По мнению исследователя, в подобных образованиях *гөз- ~ көз-* означает не ‘видеть; смотреть’, а нечто подобное ‘продырявливать(ся)’ и представляет собой

---

⁸⁰ Заслуживает внимания тот факт, что в синониме п.-мо. *үйе-*, мо. *үзэ-*, бур. *үзэ-*, калм. *үз-*, ойр. *үзе-* ‘глядеть, смотреть’ также представлена символически «сильная» аффриката [ʃ].

соответствие распространенной, двухсложной основы вроде кир. *kəzə* ‘просверливать, делать дырявым’. В таком случае *gəz* может означать не только ‘глаз’, но и ‘отверстие, дыра’ [Татаринцев, 2004, с. 247].

Лексемы со значениями ‘изображение, образ, вид’: п.-мо. *körüg* ‘изображение Будды, образ, икона, статуя; портрет; *отражение света*’ [Kow., р. 2643], мо. *xəpəg*, бур. *xүрэг*; п.-мо. *düri* ‘вид, образ’ [Там же, р. 1935], мо. *дүр*, бур. зап. *дүрэ*, калм. *дүр*; п.-мо. *dürsü(n)* ‘форма, образец’ [Там же, р. 1951], мо. *дүрс*, бур. зап. *дүрһэн*, калм. *дүрсн* также, по всей видимости, связаны со зрительным восприятием, т. е. ‘не-что, воспринимаемое взглядом’. Ср. *tolin-u doturaki körüg* ‘отражение чего-л. в зеркале’ [Там же, р. 2643]; орх. *körüg* ‘рассматривание; шпион’, осм. *g'örük* ‘взгляд’ [Владимирцов, 1929, с. 162], а также п.-мо. *dürbelje-*, мо. *дүрвэлз-* ‘смотреть, впиться острыми глазами’.

И, наконец, хотелось бы остановиться на семантике ср.-мо. *mergan* [НҮ, р. 37; SH], пкл.-мо. *mergen* [Тум., р. 460], п.-мо. *mergen* ‘ловкий, проворный; искусный охотник, особенно стрелок’ [Kow., р. 2019], мо. *мэргэн*, бур. *мэргэн*, калм. *мергн*, ойр. *мерген*, орд. *mergen*, даг. *mergen, meregen*, дунс. *merҗen*, мнгр. *mergen, mürgen* [EDAL, р. 918] ‘меткий; меткий стрелок’. Известно, что такое качество, как меткость определяется способностью точно оценивать расстояние, отчетливо видеть цель и попадать в нее. Ср. рус. *зорк*-ий, а также «орок. *жориққу* ‘прицел, мушка (у ружья)’, *жори-* ‘прицелиться; указать пальцем’, нан. *жори-* ‘прицелиться, брать на мушку’, ма. *жори-* ‘намечать цель; целиться, метить’» [ССТМЯ, 1975, с. 265], эвенк. *турчэс-*, ульч. *тури-*, орок. *түри-* ‘целиться, метить, прицеливаться (из ружья, из лука)’ [Там же, 1977, с. 222]. Эвенк. *мэргэнчй* ‘молодец’, ороч. *мэггэ* [*мэргэн] ‘молодец, герой; быстрый, ловкий’, уд. *мэргэ* – фольк. имя – эпитет героя нанайских сказок, ульч. *мэргэ(н)*, орок. *мэргэ(н)*, нан. *мэргэ* ‘добрый молодец, богатырь’, орок. *мэргэ* ‘добрый молодец’ [Там же, 1975, с. 571].

Корень **mer/merg/merk/mir*, на наш взгляд, мог передавать сосредоточенный взгляд во время прицеливания, что косвенно подтверждается функционированием в бурятском языке глаголов: *маряа-* ‘нацеливаться’, *маряашала-* ‘искать глазами»; п.-мо. *mira-* ‘шпионить, подсматривать’, *miralkila-* ‘останавливаться по временам на пути и озираться, посматривать (например, зверолов на охоте)’, *miriya-*,

miraya- ‘ползти, ползком пробираться’ [Kow., p. 2026], мо. *мяраа-* ‘подкрадываться, подползать’. В современных языках сохранилось переносное значение п.-мо. *mereyi-* [Less., p. 536], мо. *мэрий-* ‘стараться, стремиться, усердствовать’. Ср. ма. *фэри-* ‘прилагать усердие’; эвен. *эръң-* ‘стараться, усердствовать’ [ССТМЯ, 1977, с. 369, 467]. Наиболее близко к производной семантике данного корня стоит Пмонг. **berke*: п.-мо. *berke* [Kow., p. 1128], мо. *бэрх*, бур. *бэрхэ*, калм. *берк* ‘искусный, сведущий в чем-л., компетентный, ловкий, умелый’ (бур. *бэрхэ аңгуушан* ‘опытный, отличный охотник’).

Относительно собственно монгольской этимологии известна версия Г. Рамстедта, согласно которой *mergen* образовано от **mer-* ‘подкрадываться, целиться’ [ЭСТЯ, 2000, с. 58]. Примечательна точка зрения Р. Г. Ахметьянова, который видит в *мерги* производное от татарской глагольной основы *мэр-* ‘целиться’, указанная семантика восстанавливается на основе современного значения ‘делать что-л. очень медленно и осторожно’ [1981, с. 150]. Б. И. Татаринцев предлагает версию о тюркском происхождении лексемы, допуская ее связь с глагольной основой *бер-* ‘бить, ударять’, видя в этом определенную аналогию с рус. *бить*, гомогенным с которым являются *бой*, *боец* и *бойкий* [2008, с. 114].

В EDAL к Пмонг. **merge-n* приводятся субстантивы, связанные со стрелой: Птунг. **m[i]rV* ‘стрела; самострел’ и Птюрк. **būri* ‘наконечник стрелы’ [p. 918], номинация в которых, возможно, происходила на основе зрительного восприятия остроконечной формы объекта (ср. мо. *ур* ‘острие’). В целом следует отметить некую затемненность, непрозрачность семантической деривации, породившей данное слово, однако на достигнутой ступени анализа можно сделать вывод о том, что разные значения *мэргэн* ‘меткий’ и ‘мудрый’ включаются в 2 различные этимологические канвы, которые могут быть объединены на базе звукосимволической интерпретации.

Согласный [b] в анлауте традиционно индицирует меньшую степень проявления признака: *böriügsi-* ‘потускнеть (о зрении у старцев)’ [Kow., p. 1260], бур. *бүрэгэр* ‘тусклый; близорукий’, калм. *бүгр* ‘прищуренные (о глазах)’, ойр. *бүрвегер* ‘полузакрытые, прищуренные (о глазах)’. В казахском языке корень с широким гласным [a] дал глагольную форму «*барла-* ‘выведать; осмотреть вокруг, окинуть взором’» [Кайдаров, 1986, с. 192].

Фонетический состав представленных в таблице 11 корней позволил выявить инварианты **ir/er/or/ör/ür*, составляющие 20 % от общего количества. В анлауте выступают согласные [y/ǰ/č/š/s] – 32 %, [m/n] – 18, [b/p] – 15, [q/k/ɣ/g] – 10, [t/d] – 5 %, из которых первые способствуют передаче ярких вспышек света, остальные согласные – несколько приглушенных его проявлений.

Таблица 11

Типы корней, передающих световые явления

C_{un}/V	a	e	i	o/u	ö/ü
ø	–	<i>er, erk, erb, ert</i>	<i>ir, irk, irb</i>	<i>or, orm</i>	<i>ör, ür, örl</i>
y	<i>yar</i>	<i>yerk</i>	–	–	–
ǰ	<i>ǰar, ǰart, ǰarm</i>	<i>ǰer, ǰert, ǰerm</i>	<i>ǰir, ǰirk, ǰirt, ǰirb</i>	–	–
č	<i>čar</i>	<i>čer</i>	<i>čirt</i>	–	–
š	–	–	<i>sirk, sirt, sirb</i>	–	–
s	<i>sar</i>	<i>serb, serk</i>	–	–	–
q/k	<i>qar, qarb</i>	<i>kerč</i>	<i>kir, kirk</i>	<i>qorq</i>	–
ɣ/g	–	<i>ger</i>	–	–	–
d	–	–	–	–	<i>dörd, dürb</i>
t	<i>tarb, türb</i>	–	–	<i>tord, torm, torn</i>	–
b	<i>bar</i>	<i>berk</i>	<i>birs</i>	<i>bor, bur, burč</i>	<i>bür, bürb</i>
p	–	–	<i>pir</i>	–	–
m	<i>mar, marq, marm</i>	<i>mer, merg, merb</i>	<i>mir</i>	–	–
n	<i>nar</i>	<i>ner</i>	–	–	<i>nör, nür</i>

Данные таблицы 11 также позволяют выявить степень участия финальных согласных: [q/k] – 33 %, [b] – 26, [t] – 22, [m] – 1 %. Согласные [s], [č] и [l] выступают в единичных случаях. Рассмотренные примеры показывают многочисленные соответствия не только в языках алтайской общности, но и языках других семей.

Акустико-артикуляционные характеристики согласного [m] позволяют ему выражать признаки ‘тусклый, смутный’: п.-мо. *süteg*, *süteki* [Kow., р. 1430], мо. *сүмгэр*, *сүүмгэр*, бур. *һүүмэгэр* ‘тусклый, неясный; мерцающий (о свете); подавленный’, ойр. *сүмелзе*- ‘мерцать, слабо светить’. Ср. каз. *жым* – подражание мерцанию света, миганию огня; *сам жамырау* ‘наступать (о сумерках)’; *ымырт* ‘сумерки (вечерние)’ [Кайдаров, 1986, с. 216, 271, 309].

Пмонг. форма **süme* сопоставима с Птунг. **sim-* ‘тень, темное место’, а также изолированной формой в чувашском языке *сә^мт* ‘темнота, тень’ [EDAL, р. 1290]. Ср. другие тунгусо-маньчжурские формы: эвен. *һимдүл-*, нег. *симдүл-* ‘начать темнеть, смеркаться’; эвенк. *һум-* ‘скрываться, исчезать, мелькать (вдали)’; эвенк. *умулгэ* ‘тень (теневая площадка под деревом)’ [ССТМЯ, 1977, с. 87, 126, 270].

4.2. Актуализация вкусового восприятия

В данном параграфе рассматриваются рефлексивно-номинативные функции переднеязычного дрожащего сонанта [r] в составе корней, передающих вкусовые ощущения, которые вызываются действием на вкусовые рецепторы веществ, растворенных в слюне или воде. Вкусовые рецепторы, расположенные на поверхности языка, глотки и нёба, способны различать ощущения сладкого, кислого, соленого и горького. В связи с тем что восприятие, как правило, «поли-модально», мы указываем в данном случае вкус как «ведущий» модус в данной ситуации восприятия, хотя не исключаем присутствия сигналов других модусов, в особенности обоняния.

Способность корня **dar/darb* участвовать в вербализации вкусовой перцепции проявляется в п.-мо. *darbigina-*, мо. *дарвига-* ‘ощущать пряный, острый вкус’: *гич хэл дарвигнуулна* ‘горчица щиплет язык’, т. е. ‘горчица заставляет язык дрожать (*др-р-р*)’. В бурятском языке данный корень дал только зрительно-образное значение, минуя стадию передачи вкусовых ощущений: *дарбиш-* ‘искажаться (о лице); недовольно морщиться, кривя рот’. Ср. як. *дыаар* ‘приторный вкус, привкус парного молока’; ма. *фургин* ‘острый (на вкус), жгучий, пряный’, *фургису* ‘имбирь’ [ССТМЯ, 1977, с. 303].

Выявлению особенностей вербализации вкусового восприятия в монгольских языках в немалой степени способствуют названия

спиртных напитков. Так, к рассмотренному выше корню восходит лексема ср.-мо. *darasun* [ИМ], пкл.-мо. *darasu(n)* [Тум., р. 362], п.-мо. *darasu(n)* ‘хмельной напиток; вино (некуренное)’ [Kow., р. 1664], мо. *дарс(ан)*, дунс. *дарасун* ‘фруктовое вино; продукт брожения (риса, проса и т. п., но не перегонный)’, калм. *дарасн* ‘уст. ягодное вино’. В бурятском языке лексемой *дархан* обозначают ‘уст. тарасун (молочная водка)’. У западных бурят *тарасун* выступает как синоним слова *архи*, обозначая самый крепкий молочный напиток из молока, получаемый методом перегонки. У некоторых групп бурят вместо *тарасун* используется субстантивированная форма *тогооной(хи)* ‘(из) котла’, возникшая в результате эллипса словосочетания *тогооной архи*.

В *dar-a-sun* можно предположить мотив, схожий с глаголом *darbigina-* ‘ощущать резкий, острый вкус’. Изобразительная природа лексемы *дарс* подтверждается функционированием в бурятском языке парного слова *арза-дарза* ‘дважды перегнанная молочная водка’. Кроме того, вызывает интерес значение лексемы, приведенное М. Н. Мельхеевым и не зафиксированное в Бурятско-русском словаре: бур. *дархан* ‘кислый; кислятина; квасок’. Исследователь видит эту основу в названии минерального источника *Дарасун*, расположенного в Карымском районе Забайкальского края, переводя его как ‘углекислая вода’, которой славится этот курорт [1969, с. 82]. Действительно, углекислая минеральная вода этого курорта имеет чуть кисловатый вкус, из чего можно предположить, что корень *dar включал вкусовые признаки ‘пряный, острый; кислый’. Хотя мы не исключаем возможность того, что в основе названия лежит фитоним *дэрсэн* ‘ковыль блестящий’.

Корень с переднеязычным, твердым, смычным [t] в анлауте *tar, также передающий признак ‘кислый’, возможно, заложен в названии кисломолочного напитка ср.-мо. *toraq* ‘кислое молоко, творог’ [LH], п.-мо. *taraγ*, мо. *тараг*, бур. *тараг*, калм. *тарг*, ойр. *тараг*, ‘*тарак* (род простокваши)’. Ср. «каз. *ipi-* ‘свертываться, скисать’, *ipkim* ‘перебродившее кислое молоко’» [Кайдаров, 1986, с. 311].

Н. Л. Жуковская приводит лексемы, обозначающие 5 ступеней перегонки водки, известные монголам: *архи*, *арз*, *хорз*, *шарз* и *дун*, шкала крепости которых возрастает от 9–11° до 50° [2004, с. 176]. Последняя лексическая единица п.-мо. *dung*, мо. *дүн*, бур. *дүн*, калм. *дүн*, вероятно, связана с основным значением ‘итог; результат’. По заме-

чанию М. Н. Хангалова, буряты обычно останавливаются на *архи* (или *тарасуне*), ибо все последующие перегонки требуют очень много молока [1958, с. 245]. Как видно, все названия спиртных напитков, кроме последнего, образованы от корней с переднеязычным дрожащим сонантом *r* в позиции доминанты, что, по нашему мнению, далеко не случайно.

Словоформа кл.-мо. *araki* [Tum., р. 302], п.-мо. *araki, ariki* ‘вино, водка, хмельной напиток’ [Kow., р. 143], мо. *архи*, бур. *архи*, калм. *арк*, ойр. *арке* ‘водка (преимущественно приготовленная из кислого молока); крепкие хмельные напитки’ широко распространена как в восточных, так и в западных языках (тюрк. *арагы*, ма. *arki* и др.). В алтаистической литературе лексема признается арабским заимствованием (от *arrâq* ‘пот, испарина; водка; выжатый сок, духи’). Однако Э. В. Севортян отмечает: «Столь широкое распространение слова *арақ(ы)* на громадной территории Евразии связано, естественно, с распространением обозначаемого им предмета. Если предмет и его название имеют арабское происхождение, то посредником движения *арақ(ы)* на восток могли быть тюрки, монголы, персы. Но принадлежит ли *арақ(ы)* к собственно семитской основе в собственно арабской лексике, остается пока под вопросом» [1974, с. 166–167].

Относительно финального гласного *[i]* Б. Я. Владимирцов, в целом соглашаясь с арабским происхождением лексемы, делает следующие наблюдения: «Считается, что формы, оканчивающиеся на заднеязычный + V, например, тюрк. *araki*, як. *арыгы*, фр. *riquiqui*, а также монг. *araki* восходят к арабской адъективной форме *'araqī*. Предположение это вызывает возражение уже потому, что *'araqī* встречается редко в арабском. Конечный гласный монгольских форм, по всей вероятности, заимствованный через тюркское посредство, следует искать на тюркской почве» [1930, с. 75–76].

Допуская то, что лексема *arki* могла возникнуть в недрах собственно алтайской языковой общности, морфологически в ней можно выделить корень **ark*, который в данном случае мог бы передавать обжигающий вкус данного напитка, хотя не исключено, что в процессе появления слова *архи* ведущую роль сыграло обоняние. Как отмечалось выше, целостный вкусовой образ формируется в результате тесного взаимодействия вкусовых, обонятельных, температурных ре-

цепторов. Так, известно бурятское выражение *архяар ард гэжэ ангила-* ‘издавать резкий запах водки’, где *ард* передает резкость запаха.

Подтверждением возможности возникновения лексемы *архи* на почве алтайских языков может служить синоним п.-мо. *араја* ‘крепкий кумыс; горячее вино; спирт’ [Kow., p. 143], мо. *арз*, бур. *арза*, калм. *арз*, ойр. *арза* ‘молочная водка двойной перегонки’. На возможную гомогенность п.-мо. *araki* и *arajan* вслед за Э. В. Севортьяном и М. Рясяненом указывает Б. И. Татаринцев [2000, с. 126]. «Б. Лауфер считает *араја* словом родственным *araki* и восходящим, следовательно, к арабской праформе. То же думает В. В. Радлов относительно алт. *arajan* ‘водка из молока’» [цит. по: Владимирцов, 1930, с. 76]. Однако Б. Я. Владимирцов однозначно определяет алт. *arajan* как монгольское заимствование, не имеющее ничего общего с *araki*. Раскладывая его на корень *ара-* и аффикс *-ја*, для обоснования своей версии автор приводит однокоренные слова: *ара-лй-* ‘менять, переменять’, *ара-чила-* ‘заступаться, защищать’, тюрк. *ара* ‘промежуток, место между двумя предметами’, тат. *ара* ‘помощь, спасение’ [1930, с. 76].

На наш взгляд, в данном наименовании компонент *-ј* входит в состав корня **arј*, который наиболее активен в процессе вербализации тактильных ощущений: п.-мо. *арјууар*, мо. *аржгар* ‘шершавый’, бур. *аржагар* ‘корявый’; п.-мо. *berјgir*, *berčigir*, мо. *бэржгэр*, *бэрчгэр*, бур. *бэржэгэр* ‘неровный, шероховатый’. Это, несомненно, продиктовано артикуляционными признаками шипящей аффрикаты [j], которые, как и признаки [r], сопряжены с интенсивностью и мускульным напряжением. В слове *арз* можно выделить такие признаки, как ‘резкий, сильный, неприятный (о вкусе/запахе)’.

В п.-мо. *siraја* ‘четверной спирт’ [Kow., p. 1522], мо. *шаарз* ‘молочная водка, получаемая после перегонки арзы; спирт; коньяк; виски’, бур. окин. *шаарза* ‘спиртные напитки; спиртное’ угадываются те же признаки ‘острый, резкий; жгучий’, в полной мере воплощенные в п.-мо. *sir-a*, мо. *шаар*, бур. *шаара* ‘изжога; похмелье’, ср.-мо. *sirke* ‘уксус’ [МА, с. 323]. Ср. як. *кырках* ‘изжога’. Корень *šor/šorb* также способен в чистом виде передавать вкусовые ощущения: ср.-мо. *šorta*

yaʃar ‘солончак’ [МА, с. 337], п.-мо. *şoru* [Kow., p. 1542], мо. *шор* ‘соленый на вкус’ (*шор болсон шүлэн* ‘пересоленный, насыщенный солью суп’); п.-мо. *şorbu*, *şorbay* [Там же, p. 1543], *шорвог* ‘слишком соленый’, бур. *шороб* ‘острый, пикантный, пряный (о блюде)’, калм. *шор*, *шордам*, ойр. *шор*, *шорвог* ‘пересоленный’. В казахском языке *сор* ‘соленый; солончак, соленая почва’ [Кайдаров, 1986, с. 275]; эвенк. *турукэ* ‘соль; соленый’ [ССТМЯ, 1977, с. 221].

По мнению Г. Дерфера, Н. Н. Поппе, мо. *сархад*, ойр. *сархад* ‘вино’, бур. *һархаг* ‘остатки (угощения, вина)’ заимствованы из тюркских языков: турк., кир., каз., ккалп. *сарқыт*, узб., уйг. *сарқит*, башк. *харқыт* ‘остатки пищи и питья, угощения’ [цит. по: ЭСТЯ, 2003, с. 218]. В словаре О. М. Ковалевского наряду с п.-мо. *sarqud* ‘крепкие напитки’ приводится уникальная форма п.-мо. *saraya* ‘крепкий напиток, ром’ [Kow., p. 1334–1335].

В названии водки тройной перегонки п.-мо. *qoruʃa* [Less., p. 970], мо. *хорз*, бур. *хорзо*, калм. *хорз*, ойр. *хорза* реконструируется корень *qor/qour*, функционирующий самостоятельно в значении ср.-мо. *yora*, *qora* [МА, с. 135, 302], пкл.-мо. *qor*, *qour*, *qour-a* [Тум., p. 530], п.-мо. *qour-a* [Kow., p. 862], мо. *хор*, бур. *хоро*, калм. *хорн*, ойр. *хорон*, орд. *хор*, даг. *хор*, *kor*, *hore*, *huore*, ж.-уйг. *хоро*, мнгр. *xurō*, *хор* [EDAL, p. 624] ‘яд, отравя; вред’. В лексемах *хор*, *хорз* ведущими выступают те же признаки ‘острый, резкий, обжигающий (о вкусе)’. П.-мо. *qursi-*, мо. *хуриши-*, бур. *хурша-*, калм. *хуриш-*, ойр. *хуриши-* ‘горкнуть (о жирах)’ сопоставимо с рус. *горьк-ий*⁸¹. Ср. як. *курас* ‘терпкий на вкус’; каз. *кермек* ‘кисловатый; горьковатый; вяжущий на вкус; многолетняя трава, из корня которой изготавливается краситель’ [Кайдаров, 1986, с. 225], яп. *хорохоро* ‘горечь’, *пирипири* – об остром вкусе.

По предположению авторов Алтайского словаря, т.-ма. субстантивные формы: сол. *нурэ* ‘вино’, нан. диал. *ниру* ‘вино’, ма. *нуран* ‘воронка, трубка, сифон (для переливания вина)’, чж. *nú-liéh* ‘вино’ являются производными от мо. *nere-* ‘перегонять’ [EDAL, p. 1000]. В монгольских языках данная глагольная основа не дала именных форм,

---

⁸¹ Рус. *горький*, укр. *гіркий*, ст.-слав. *горькъ*, болг. *горьк*, сербохорв. *горак*, словацк. *horky*, польск. *gorzki*, в.-луж. *horki*, н.-луж. *gorki*, связывается со значением глагола *гореть* [Фасмер, 1964, с. 445].

обозначающих вид спиртного напитка, что позволяет допустить ведущую роль вкусового и/или обонятельного восприятия в номинации указанных напитков, равно как и в монгольских эквивалентах.

Ср.-мо. *sarimsaq* [МА, с. 179], пкл.-мо. *sarimsay* [Тум., р. 545], п.-мо. *sarimsay* [Kow., р. 1335], *sarimsu*, мо. *саримс*, *саримсаг*, калм. *сэрмсг* ‘чеснок’ Г. Дерфер и Дж. Клосон относят к заимствованиям из тюркских языков (*сарымсақ* ‘чеснок; лук горный’), отвергая мнение Г. Рамстедта о прародстве тюркской и монгольской лексем, ибо на монгольской почве производящая основа *sarimsay* не ясна [цит. по: ЭСТЯ, 2003, с. 225].

Л. С. Левитская приводит два существующих предположения и одно свое о происхождении тюрк. *сарымсақ*. В. Банг считает, что лексема образована от гипотетического **sarīm*, производного от *sar-* ‘закутывать, завертывать’ с помощью аффикса *-сақ*, придающего производному значение ‘любящий кутаться, обильно укутанный’. Согласно другой точке зрения, слово состоит из *сары* ‘желтый’ и аффикса *-мсақ* с ограничительно-уменьшительным значением. Л. С. Левитская допускает следующее семантическое развитие лексемы: *сарымсақ* < *сарырмақ* < **сарырмақ* ‘вонючий, пахучий’ [ЭСТЯ, 2003, с. 224–225].

По нашему мнению, рассматриваемый фитоним на монгольской почве имеет весьма прозрачную морфосемантическую мотивировку. Аффикс *-сай*, входящий в «группу *-дай*», позволяет без колебаний отнести лексему к категории образных слов. Выбор производящего корня **sarm* ‘нечто острое на вкус; пахучее’ может быть обусловлен как восприятием его запаха, так и вкуса. Корень **sar* также восстанавливается в п.-мо. *sarana* ‘дикий чеснок, род царских кудрей’ [Kow., р. 1328], мо. *сарана*, бур. *һараана*, орд. *sarānaG* [EDAL, р. 1123] ‘лилия тонколистная, саранка’, которое является луковичным травянистым растением из семейства лилейных. Некоторое сходство по форме и вкусу можно наблюдать в п.-мо. *sarmuγ* ‘дыня, род репы’ [Kow., р. 1337], мо. *сармаг* ‘репа полевая’. П.-мо. *sorisu* [Там же, р. 1412], мо. *сорьс* ‘головка лука, чеснока и других луковичных растений’ сопоставимо с нан. *сорсо* ‘головка (цветка), пестик, тычинки’, ма. *сорсон* ‘головка (лука, чеснока)’ [ССТМЯ, 1977, с. 114]. Номинация в п.-мо. *serkelge*, мо. *сэрхлэг* ‘патриния сибирская’ может быть связана с эфирным маслом, находящимся во всех частях растения, которое обладает резким неприятным запахом и жгучим вкусом.

Названия некоторых растений рода цитрусовых: п.-мо. *ǰürči* ‘гранатовое яблоко’ [Kow., p. 2427], мо. *ǰүрж* ‘апельсин’, п.-мо. *ǰürǰilig* ‘апельсин’ [Там же], мо. *зүржлэг* ‘помпельмус’, *ǰүржмсэг* ‘померанец’ возникли благодаря их кислому вкусу, обусловленному высоким содержанием аскорбиновой кислоты. Ср. «эвенк. *ирчэ* ‘кислый’» [ССТМЯ, 1975, с. 328]. Аффриката [ǰ] также представлена в анлауте п.-мо. *ǰürkii* ‘название одного горячительного растения, которое употребляется вместо чая’ [Kow., p. 2427], мо. *зүргий* ‘ломонос сибирский, хмель белый’.

Таким образом, можно прийти к выводу, что семантическая система лексем, связанных с вкусовым восприятием, несомненно, зависит от артикуляционного признака, символически положенного в основу номинации производных. В данном случае дрожащий сонант [r] в ауслaute передает дрожание, трепетание, обусловленные самим качественным своеобразием звука и в большинстве случаев ведущие к внутреннему дискомфорту. Очевидно, что базисная семантика дрожания, осложняющего или нарушающего восприятие, стала источником для развития в монгольских языках значений ‘острый, резкий, кислый, неприятный (о вкусе и запахе)’.

С помощью согласного [m] реализуется противоположное значение ‘сладкий; вкусный’. Как отмечалось выше, от корня *tamš, обозначающего причмокивание, чавканье, образован глагол п.-мо. *tamsiya-* [Kow., p. 1646], мо. *тамиаа-*, бур. *тамиаа-*, калм. *тамиаа-*, ойр. *тамиаа-*, в котором первичное значение ‘чавкать’ развилось в ‘чмокать от удовольствия, смаковать; пробовать на вкус’. Производящая основа *tam выделяется в существительном п.-мо. *tamsuγ*, *tangsuγ*, мо. *тамсаг*, *тансаг* ‘удовольствие, приятность; лакомство, сласти’, исходя из семантики которого становится очевидной звукоподражательная природа ср.-мо. *amtan* [HY, p. 25], *amta(n)* [MA, с. 101], пкл.-мо. *amtan* [Tum., p. 298], п.-мо. *amta(n)* [Kow., p. 114], мо. *амт*, бур. *амта(н)*, калм. *амтн*, ойр. *амтан*, орд. *amta*, мог. *amta*, даг. *anta*, ж.-уйг. *amtan*, бао. *amteg*, мнгр. *amuta*, *amta* [EDAL, p. 296] ‘вкус; привкус’; п.-мо. *amtai* [Kow., p. 114], мо. *амтай* ‘сладкий, приятный’ (ср. рус. *ням-ням*).

Ма. *симтэн* ‘вкус, сладость, приятность’ [ССТМЯ, 1977, с. 88]. «Сама производящая основа *ам* с базовым значением ‘рот’, возможно,

также могла выполнять предикативную функцию в значении ‘пробовать’. Ср. Пяп. *ámá, *ántí ‘вкус; вкусный, сладкий’ и Птюрк. *ut ‘пробовать’ > ‘надеяться’» [EDAL, p. 297]. Отрицательное «вкусовое» значение с помощью согласного [m] зафиксировано в эвенк. *имэрйй* ‘горчить’, *инмэринчу* ‘противный, отвратительный (на вкус)’ [ССТМЯ, 1977, с. 314].

4.3. Актуализация обонятельного восприятия

Как известно, обонятельная модальность реализуется в работе телесных структур носа, с помощью которых фиксируется информация о пространственно-временном перемещении источников запаха. Ольфакторная (от лат. *olfactivus* ‘запах’) сфера сенсориума в монгольских языках вербализуется с помощью ограниченного числа корней **or/sor/sar/sarm/larʃ*/kirb: п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-* ‘обдавать, отдавать чем-л.’ (өмхий *орги-* ‘отдавать зловонием’), бур. *сорё-* ‘бить в нос (о запахе)’; бур. *шороб* ‘резкий, бьющий в нос, едкий (о запахе)’ (*шороб утаан* ‘едкий запах’); п.-мо. *kirbasun* ‘опаленная шерсть’ [Kow., p. 2553], мо. *хярвас* ‘запах горелой шерсти, ткани; гарь; чад’; возможно, ср.-мо. *ariqsan* ‘испорченный’ [МА, с. 106]. Лексемой ср.-мо. *ǰá’ār*, *ǰār* ‘мускус’ [Там же, с. 192, 204], п.-мо. *larʃ*, мо. *ларз*, бур. *ларза*, ойр. *ларза*, калм. *зар* ‘кабарговая струя, мускус’ обозначается продукт, вырабатываемый семенными железами самца кабарги и обладающий резким специфическим запахом. Созвучно як. *дьаар* ‘острый, неприятный запах, вонь’⁸².

В тюркском глаголе *порса-* ‘вонять; издавать неприятный запах; протухать, провонять (о мясе); тухнуть; портиться; загнивать’ генерализующим значением Д. М. Насилов признает указание на неприятный запах, связанный с порчей органических продуктов, т. е. как результат определенных процессов. В структурном отношении автор вычленяет основу *бор/*пор и аффикс *-су/-сы*, который способен об-

---

⁸² В русском языке глагол *раз-и-ть* также используется в значении ‘нести, сильно пахнуть’, *рез-а-ть* в значении ‘оказывать неприятное или болезненное раздражающее воздействие на органы зрения и слуха’: *свет режет глаза; диссонанс режет слух*.

разовывать от имен глаголы с уподобительным значением. В таком случае производящая основа должна обозначать нечто с дурным запахом или нечто испортившееся, негодное, или же указывать на подобное качество негодности.

Существование этой первичной изобразительной основы Д. М. Насилов показывает с помощью таких словоформ, как *порты-* ‘заплесневеть, покрыться плесенью’, *порчуқ* ‘плесень’, чул. *порыг* ‘плохой’, уйг. *пор* ‘пористый, дряблый, гнилой, испорченный, трухлявый’, *пура-ра-* ‘иметь дурной запах, худо пахнуть’ [ЭСТЯ, 2003, с. 123–124]. Относительно морфологического состава глагола нам кажется более близкой точка зрения А. М. Щербака, реконструировавшего праформу **порс* ‘протухать, портиться’, которая может быть воспринята как изобразительная [1970, с. 196]. В таком случае, отмечает Д. М. Насилов, «гласный в исходе глаголов должен оцениваться как распространитель основы или как глаголообразующий элемент». Приведенные значения тюркских словоформ делают обоснованным приведенное исследователем сопоставление с п.-мо. *buri, buriva* [Less., p. 138], мо. *буриваа*, бур. *бури* ‘плесень, прель’ [ЭСТЯ, 2003, с. 124], ср. п.-мо. *burita-* ‘гнить, сгнивать’ [Kow., p. 1213].

Если учесть способность корня **bur* передавать неприятный запах, можно предположить, что в обонятельной модальности также развивалось значение ср.-мо. *burtaq* [MA, с. 125], пкл.-мо. *burtay* [Tum., p. 338], п.-мо. *burtay* [Kow., p. 1222], мо. *буртаг*, бур. *буртаг*, ойр. *буртаг* ‘грязь, нечистоты; грязный, нечистый, поганый’. Ср. также Птюрк. **çer* ‘запор (эвфем.); гнилой, сгнивший; гнить; грязь; труха, гниль’, Пкор. **çiri-* ‘плохо пахнуть’ [EDAL, p. 434]; эвенк. *чири-*, нан. *чирифтала-* ‘вонять, скверно, неприятно пахнуть’ [ССТМЯ, 1977, с. 399], возможно, эвен. *аргис*, як. *аргис* ‘кислая рыба, корм (в специально устроенных ямах)’ [ССТМЯ, 1975, с. 50].

В языках алтайской семьи зафиксированы корни, в которых доминанта *[r]*, напротив, служит для манифестации душистого аромата. Так, корень **sur* в тунгусо-маньчжурских языках имеет положительную семантику: нан. *сур*, *сур-р* ‘душисто, ароматно, пахуче’, *сур энэ* ‘пахнуть сильно’, *сурги* ‘душистый, пахучий’, ма. *сур сэмэ* ‘ароматно’ [ССТМЯ, 1977, с. 129], также каз. диал. *зар* ‘благовоние; приятный запах цветов’ [Кайдаров, 1986, с. 220]. Эти примеры свидетельствуют о том, что согласный *[r]* служит для вербализации крайней степени

полярных ощущений: очень неприятный ↔ очень приятный. В монгольских языках лексем с подобным значением не обнаружено. Следует отметить, что монгольские языки, как и алтайские в целом, не обладают большим разнообразием средств объективации вкусовой и ольфакторной информации по сравнению с языковыми средствами других видов восприятия.

Несколько иначе происходит вербализация ольфакторной информации с помощью согласного [m]. Прилагательные ср.-мо. *hümkei* [LH], *hümekei* [MA, с. 191], пкл.-мо. *ötekei*, *ötökei* [Tum., p. 510], п.-мо. *ümikei*, *ümüki* ‘вонючий, зловонный’ [Kow., p. 537], мо. *өмх*, *өмхий*, *үмхий*, бур. *үмхи*, *үмхэй*, калм. *үмкэ*, ойр. *өмке*, дунс. *фумуфи* ‘гнилой, трухлявый; вонючий, тухлый, зловонный’, на наш взгляд, связаны с плотным сжатием губ и задержкой дыхания во избежание попадания в легкие неприятного запаха. Если доминанта [r] передает неприятные ощущения, возникающие в результате реакции на раздражитель с помощью экстероцепторов, расположенных на слизистой оболочке рта и носа, то доминанта [m] участвует в актуализации кинемы.

Чередование согласных *m/ng* дает возможность выделить кинему *ung с тем же значением в п.-мо. *unguayi-*, *ungya-*, мо. *унгай-*, *унга-*, бур. *унга-* ‘выпускать кишечный газ; страдать газоиспусканием’; п.-мо. *ungyai*, мо. *унгай* ‘падаль’; бур. *унгил-* ‘чадить, дымить, коптить’, бох. *амил-* ‘пахнуть’. Процессуальное значение ‘задерживать дыхание’ явствует из п.-мо. *ungyali-*, мо. *унгали-* ‘задышаться’. П.-мо. *anggila-*, бур. зап. *ангила-* имеют нейтральное значение ‘испускать, издавать запах, пахнуть’ [Kow., p. 20], в то время как п.-мо. *angkilya* [Там же], мо. *анхилга* имеет положительную семантику ‘запах, аромат’.

В тунгусо-маньчжурских языках в идентичной функции выступают корни **am/qam/im/om/um*: эвенк. *амӯ-* ‘пахнуть (испражнениями)’, сол. *амӯ*, нег. *амӯн*, ороч. *амӯ*, уд. *аму*, улч. *амӯ*, орок. *амӯ(н-)*, нан. *амõ*, ма. *хаму* ‘испражнения, кал, помет’, ма. *хамта-* ‘испражняться (о человеке)’, возм. эвенк. *имниһин* ‘запах жира’⁸³, *имтй-*

⁸³ Фонетически и семантически близко п.-мо. *nümjüg*, мо. *нүнжиг* ‘изобилие жира; что-л. жирное’, бур. *нэмжэгэн* ‘зап. жир; смазка из жира’, образующее изоглоссу с Птунг. **nim(u)kse* ‘желудок животного, содержимое желудка; кишечный жир, животное сало’ [EDAL, p. 978].

‘окуривать тушу убитого зверя дымом горящего жира, кадить дымом жира’, эвен. *имтэ*- ‘окуривать’; эвенк. *умџача* ‘рыба (несвежая)’, орок. *умџопту*- ‘портиться (о продуктах)’, нан. *омџа*- ‘портиться (о рыбе)’ [ССТМЯ, 1975, с. 40, 313–314, 268], як. *сымар* ‘вонь, смрад; запах’.

П.-мо. *qumay* [Kow., p. 934], мо. *хумаг*, калм. *хум* ‘земля, песчинка; что-либо рассыпчатое’; ср.-мо. *qumaqi* [МА, с. 309], пкл.-мо. *qumaki* [Тум., p. 536], п.-мо. *qumaki* [Kow., p. 934], мо. *хумхи*, бур. *хумхи*, ойр. *хумки* ‘песчинка, пылинка; мельчайшие частицы’, по Л. С. Левитской, заимствованы из тюрк. *қум/қумақ* ‘песок, песчинка; земля, почва; пыль, грязь; отмель, ил’, в то время как Н. Н. Поппе монгольские лексемы и тюрк. *qum* рассматривает как прародственные [ЭСТЯ, 2000, с. 133]. В Алтайском словаре отмечается, что монгольские формы не могут расцениваться как тюркизмы, напротив, поздние тюркские формы (каз. *qumaq*), очевидно, монголизмы [EDAL, p. 705]. В любом случае можно предположить, что в корне *qum заложена мимема, обозначающая плотное смыкание губ во время ветра с тем, чтобы песок не попал в рот⁸⁴.

Калм. форма *умс*- ‘целовать, поцеловать’ выявляет звукообразную природу ср.-мо. *hunis*- [МА], п.-мо. *ünüs*-, мо. *унс*- ‘целовать; нюхать, чувствовать запах’, бур. *үнэсэ*-, *үнэдэ*-, даг. *хӀну*-, бао. *hun-de*-, мнгр. *funis*- [EDAL, p. 1185] ‘обнюхивать, нюхать; *перен.* целовать, ласкать’, *унгил*- ‘нюхать, обонять’, а также ср.-мо. *xunir*, *xunor* [SH], *xunir* [Нут], *hujir* [IM], *hunir* [МА, с. 100], п.-мо. *ünür* ‘запах, дух, обоняние, чутье’ [Kow., p. 487], мо. *үнэр*, бур. *үнэр*, *унхи*, калм. *унр*, ойр. *унер*, орд. *unir*, дунс. *funi*, ж.-уйг. *honər*, *honor*, мнгр. *funir* [EDAL, p. 1185] ‘запах’, где гласный [u] свидетельствует о том, что человек, принюхиваясь, зачастую вытягивает вперед губы. Алтайские параллели: Птунг. *puñ- ‘запах, нюхать’, Пяп. *páná ‘нос’ [Там же, p. 1186].

По всей видимости, мимема, реализуемая в языке с помощью твердорядного корня *un, дала ср.-мо. *xunin* [НУ, p. 1; SH], *honi* [IM], *hunin* [МА], мог. *honaу*, даг. *xoni*, *хоӀ*, *onir*, *honi*, дунс. *funie*, бао. *fənə*,

---

⁸⁴ От *хумх* ‘песчинка’, по всей видимости, на основе сходства по форме произошли лексемы п.-мо. *qomquruu* ‘шелуха, отруби’ [Kow., p. 938], мо. *хомхруу* ‘перхоть’; п.-мо. *qomquruus*, мо. *хомхруус* ‘мякина, шелуха’; бур. *хомхоол* ‘семенник сараны’; п.-мо. *quma* ‘кунжутное семя’ [Там же, p. 934].

мнгр. *funi, xini* [EDAL, p. 1105] ‘дым’: бур. *унин* ‘жар от горящих углей, дымок (с искрами)’, *унитай* ‘жаркий, едкий (о дыхании огня)’. В дальнейшем семантика корня расширилась: ‘дым’ → ‘дымка’ → ‘туман’: бур. сел. *уни(н)* ‘туман, мгла, дымка’; п.-мо. *uniyar, üniyer* [Kow., p. 343], мо. *униар* ‘туман, пар’, бур. *унья(н), уняар*, калм. *уняр*, ойр. *уньяар*, орд. *unār(i)* ‘маревое (весной); дым (от лесного пожара); дымок (от комаров)’. Пмонг. **huni-* также сопоставляется с Птунг. **riñ-* ‘дымить(ся)’ [EDAL, p. 1105]. Ц. Б. Будаев считает, что бурятские лексемы *унин* и *униар* восходят к корневой морфеме **у-* [1978, с. 119].

Согласный *[k]* сохранился в анлауте п.-мо. *kengsigün* [Kow., p. 2447], п.-мо. *хэншүүн*, бур. *хүншүү*, калм. *күңшү*, даг. *kunšun* [EDAL, p. 778] ‘вонь, запах гари (или жареного), чад’, баргуз. *хүншүүн* ‘вкусный (о запахе маленьких детей)’; п.-мо. *kengsig*, мо. *хэншиг* ‘приятный запах (еды)’.

Несколько иной вариант **qongʂ* дал п.-мо. *qongsiyar*, мо. *хоншоор*, бур. *хоншоор*, калм. *хоңшар*, ойр. *хоңшаар* ‘морда, рыло’, т. е. ‘орган, которым приносятся’⁸⁵. Об изобразительном происхождении лексемы свидетельствует синоним пкл.-мо. *qosiyu(n)* [Tum., p. 532], п.-мо. *qosiyu(n)* [Kow., p. 905], мо. *хошуу(н)*, бур. *хушуу(н)*, калм. *хошун*, ойр. *хошуун* ‘передняя часть губ, морда, рыло’. Так, функционирующий в бурятском языке подзыв свиней *шуух-шуух* (метатеза согласных в котором дает корень **qoʂ*) условно воспроизводит звук приносивания свиньи к чему-л.

А. Т. Кайдаров очень точно восстанавливает значение корня **tim* ‘нечто связанное с нюхом, обонянием’: каз. *timiski* ‘пронюра, узнающий все, держащий нос по ветру’. Автор справедливо сближает этот корень с **тум*, давшим *түмсык* ‘морда, рыло; клюв’ [1986, с. 288]. В Алтайском словаре Птюрк. **tum* ‘морда, нос’, на наш взгляд, ошибочно сближается с Птунг. **tumji* ‘темя’, Пмонг. **tom* ‘главный, первый’ и Пяп. **tum* ‘верх, вершина; голова’ [EDAL, p. 1475], в то время как

⁸⁵ Примечательно, что мо. корень **küng* можно сопоставить с рус. *нюх*, также, по всей видимости, имеющим звукомимическое происхождение. Тот же мягкий *[n’]* представлен в др.-русск. *воня* ‘благоухание, запах’, укр. *воня* ‘запах’, болг. *воня* ‘вонь’, словен. *vonja*, чеш. *viňe* ‘благоухание, аромат, запах’. Первоначальное значение ‘запах’, ср. *благовоние, зловоние* [Фасмер, 1964, с. 349].

семантически наиболее близким монгольским коррелятом оказывается п.-мо. *qongsiyar* ‘морда, рыло’.

Следует отметить, что в корнях **šant/šont*, давших мо. *шантгар*, бур. *шантагар* ‘курносый, вздернутый’, мо. *шонтгор*, бур. *шонтогор* ‘острый, заостренный; остроконечный (о морде собаки)’ так же, как и в рассматривавшихся выше прилагательных п.-мо. *šömtšeger* ‘возвышающийся, торчащий’; п.-мо. *šutaγai* ‘острый, конусовидный’; п.-мо. *šötmüger, šömbüger* ‘конусообразный; остроконечный, острый’ значение развивалось на основе образа морды приноживающегося животного. Все это позволяет с достаточной долей осторожности выделить данный признак в качестве ведущего в ср.-мо. *čino* [HY, p. 10; SH], *čana* [IM], *činä* [MA, с. 134], пкл.-мо. *činu-a* [Tum., p. 355], п.-мо. *činu-a* [Kow., p. 2135], мо. *чоно*, бур. *шоно*, калм. *чон*, ойр. *чоно*, орд. *čino*, мог. *čipō, čenō*, бао. *čina, čina*; мнгр. *čipō, čuna* [EDAL, p. 1444] ‘волк’.

Известно, что семейство собачьих (*Canidae*), или волчьих, из отряда хищников объединяет около 37 видов животных, включающих волков, лис, койотов, шакалов, песцов и диких собак. Они обладают удлиненной головой с вытянутой мордой, охотничий поиск ведут, часто останавливаясь, чтобы принюхаться и прислушаться. Считается, что волк был предком домашней собаки, прирученной около 14 тыс. лет назад.

Известно мнение ряда алтаистов о том, что исходной формой ср.-мо. *noxai* [HY, p. 11], *noqai* [SH], *noγaj* [IM], *noqai* [MA, с. 259], пкл.-мо. *noqai* [Tum., p. 437], п.-мо. *noqai* [Kow., p. 676], мо. *нохой*, бур. *нохой*, калм. *ноха*, ойр. *нохаа*, орд. *нохō*, мог. *ноqei, noqei*, даг. *ного, nogu, nog, nohe*, дунс. *ноGi, noγei*, бао. *ноGui*, ж.-уйг. *нохGui*, мнгр. *нохwэ, noxui* [EDAL, p. 1030] ‘собака, пес’ следует считать *inoqai, где корень *in сопоставляется с «др.-яп. *inu* ‘собака’, эвен. *ина*, ма. *ин-да-хун*. Это слово имеет прямое соответствие и в тюрк. *inik* ‘щенок’. Если в монг. *нохой* морфологическая граница проходит между *но-* и *-хой*, можно предположить здесь отпадение древнего *i» [Сыромятников, 1971, с. 60]. В таком случае корень *in также можно включить в ряд мимем, указывающих на такую характерную особенность собак, как хороший нюх.

Корень *ün, давший п.-мо. *ünür* ‘запах; обоняние, чутье’, также образует название другого животного из семейства собачьих: ср.-мо. *xunegan* [HY, p. 10], *h[o]nagān* [IM], *hūnegen*, *ūnegen* [MA, p. 191, 381], *hongen* [LH], пкл.-мо. *ūnegen* [Tum., p. 620], п.-мо. *ūnegen* [Kow., p. 484], мо. *үнэг(эн)*, бур. *үнэгэн*, калм. *үнгн*, ойр. *үнеген*, орд. *unege*, даг. *xunig(u)*, *hunehe*, дунс. *funieγe*, ж.-уйг. *heneγen*, *henegen*, мнгр. *funige*, *xunige*, *funəgə* [EDAL, p. 1161] ‘лиса, лисица’. На наш взгляд, надежна приведенная в Алтайском словаре параллель с Птунг. **рүй-‘еж; пищуха’* [Там же].

Названия других животных данного семейства образуются с помощью лексемы *үнэгэн*: мо. *үнэгэлдэй* ‘гиена (название зверя, похожего на лисицу с чешуей на хребте)’, *үнэгэнцэр* ‘мадагаскарская руконожка; фенек’, *цагаан үнэг* ‘песец’. Впрочем, вероятно, что после подробного анализа лексики с доминантой [*n*] могут возникнуть другие версии этимологии рассмотренных в данном разделе названий животных.

Наконец, вернемся к рассматриваемому нами в настоящей работе согласному [*m*]. Выделенная выше корневая морфема *in в (*i*)*n*-*o*-*qai* дает некоторые основания предположить, что основа-мимема *im стала производящей для пкл.-мо. *imaγ-a:(n)* [Tum., p. 415], п.-мо. *imaγa(n)* ‘дворовый козел’ [Kow., p. 309], мо. *ямаа(н)*, бур. *ямаан*, калм. *яман*, ойр. *йамаан*, дунс. *јіман*, бао. *имаң*, мнгр. *имā* ‘коза’. Несмотря на то что указанное животное не относится к семейству собачьих, тем не менее, оно также обладает очень хорошим нюхом. Эта черта, позволяющая козам заранее учуять запах волков или собак и громким фырканьем дать знак хозяину, отражена в образце монгольского фольклора, воспевающим козу:

*Ямагт хошуучлах аашитай,
Янгир сайхан дуутай,
Сэргэх тургих чэмээтэй,
Сэлмэн дэрлэгэр эвэртэй*
ямаан сүрэг.

Постоянно принохивающаяся,
С пронзительным голосом,
Все время фыркающая,
С изогнутыми крутыми рожками
коза.

По мнению К. А. Новиковой, причисление Н. Н. Поппе эвенк. *имаγан* к монголизмам ошибочно ввиду его широкого распространения в тунгусо-маньчжурских языках (эвенк. *имаγан* [*<*jimaγan*], ороч., ульч. *има(н-)*; уд. *има*, нан. *имā* ‘коза, козел’, ульч. ‘баран’; мо. *имаху*

[<*jītaxun] ‘коза (дикая, горная)’, *ниман* ‘общее название козы и козла; баран’; нег. *имажа* [<*jīmarā], чж. *yīh-mà-láh* ‘коза’) и возможности объяснения его структуры на материале этих языков. Выделяя общетунгусо-маньчжурскую основу *jīma и аффикс *-gan*, К. А. Новикова предполагает, что семантика основы может быть связана с глагольно-именной основой *jīma- ‘снег’, тогда <*jīmayan можно этимологизировать как ‘снежный, снежной белизны, белоснежный’. Подобную версию исследователь объясняет тем, что дикие козы, обитающие высоко в горах, имеют белый цвет шерсти [1984, с. 199–201].

Форма известна некоторым тюркским языкам, главным образом восточнохуннским: др.-тюрк. *jītγa*, *ītγa*, уйг. *ымγa*, алт. *ымγa*, *йумγa*, *йуңма* ‘дикая горная коза’, а также корейскому – *йомсо* ‘коза’. А. М. Щербак не считает это наименование козы общеалтайским словом, относит его к числу тюркских заимствований (п.-мо. *īmayan* ~ *nītagan* < др.-тюрк. *jītγa* < общетюрк. *d’ītγa*). К. А. Новикова, не соглашаясь с данным предположением, отмечает, что в фонетическом отношении более архаичны монгольский и тунгусо-маньчжурские варианты, близкие к общеалтайским *jīmayān*, древнетюркский же вариант *jītγa* представляется исследователю более поздней, стяженной формой [Там же, с. 203].

Итак, нами рассмотрены аспекты вербализации ольфакторной информации с помощью согласных [r/m]. Результаты показывают, что согласный [r], как и в предыдущих разделах данной главы, непосредственно передает внутренний дискомфорт, вызываемый резким, неприятным запахом. В случае же с согласным [m] мы наблюдаем развитие значений на основе озвучивания первоначально беззвучных подражательных жестов рта и носа либо на основе звукоподражания, передающего шумное вдыхание воздуха, принюхивание. Неравномерность материала по типам восприятия связана с тем, что человеку свойственно различать большее количество зрительных и слуховых образов, чем любому другому живому существу. Обоняние же у человека, напротив, развито гораздо меньше.

4.4. Языковая интерпретация осязательного восприятия

Структуры осязания Ю. М. Шилков относит к древнейшим структурам психосомы, «ответственным» за целостно-связное ото-

бражение предметного мира. Психосоматический опыт осязания, по мнению автора, является в некотором роде архетипом информационно-энергетической работы всех остальных структур воспринимающего тела. Еще Аристотель различал в осязательной модальности тактильную чувствительность кожи с ее пассивными ощущениями прикосновения, давления, температуры и боли и активную роль руки и двигательных (кинестезических) ощущений [Шилков, 1998, с. 87].

Осязание заключается в способности ощущать прикосновения, воспринимать что-либо рецепторами, расположенными в коже, мышцах, слизистых оболочках. Согласно общепринятой классификации рецепторов по положению, выделяются 2 типа:

– экстерорецепторы (экстероцепторы), расположенные на поверхности или вблизи поверхности тела и воспринимающие внешние стимулы (сигналы из окружающей среды);

– интерорецепторы (интероцепторы), находящиеся во внутренних органах и имеющие дело с внутренними стимулами (например, информацией о состоянии внутренней среды организма). Их разновидностью следует считать проприорецепторы (проприоцепторы) – рецепторы опорно-двигательного аппарата, позволяющие определить, например, напряжение и степень растяжения мышц и сухожилий.

Если ранее мы в основном рассматривали аспекты актуализации действия экстероцепторов (слух, зрение, вкус, обоняние), то здесь также представлены лексемы, связанные с действием интероцепторов.

Поверхность кожи, будучи периферической организацией осязательной модальности человеческого тела, служит для осуществления энергетического и информационного обмена с окружающим миром. «Кожа – это периферическая душа человека» [Ананьев, 2001, с. 136]. Классическая физиология органов чувств выделяет 3 вида кожной чувствительности: 1) механическая; 2) термальная; 3) болевая, каждая из которых располагает специфическими рецепторами. Так, механорецепторы воспринимают прикосновения к коже, ее сдавливание, терморецепторы – изменения температуры и, наконец, ноцирецепторы – болевые раздражения. Чувствительные образования первой и второй групп локализуются на поверхности кожи, болевые же рецепторы распределены как на поверхности кожи, так и во внутренних органах.

4.4.1. Механорецепция

Механорецепция включает восприятие ощущений прикосновения и давления, которые «в такой абстрактной изолированности, в какой они выступают при типичном для традиционной психофизиологии определении порогов кожной чувствительности, играют лишь подчиненную роль в познании объективной действительности. Практически, реально для познания действительности существенно не пассивное прикосновение чего-то к коже человека, а активное *осязание*, ощупывание человеком окружающих его предметов, связанное с воздействием на них» [Рубинштейн, 2002, с. 212].

‘Нечто шершавое, шероховатое; твердое, заскорузлое’

В восприятии данных признаков задействованы как тактильные, так и аудиальные структуры воспринимающего тела. Проведение подушечками пальцев рук по шершавой поверхности вызывает внутреннее дрожание (иногда раздражение), сопоставимое с акустико-артикуляционными признаками согласного $[r]$ ⁸⁶. «Шероховатость и гладкость поверхности распознается в результате вибраций, которые получают при движении руки по поверхности, и различий в давлении на смежных участках кожи» [Там же]. По выражению М. Булгакова, слово *шершавость* «скребет по нервам, будучи просто произнесенным».

Указанные признаки в большинстве случаев реализуются в корнях с доминантой $[r]$ и аффрикатами $[ʃʃ̣]$ в ауслауте, отсылающими к звучанию шуршащих, шелестящих, высохших предметов: п.-мо. *šar-ǰigina-*, *šarčigina-* ‘шелестеть, шуршать’; п.-мо. *darǰigina-* ‘дрезбездать, дрожать; трещать, хрустеть’ и др. Отмечены следующие типы корней: $V+C_D+C_{aus}$; $C_{un}+V+C_D+C_{aus}$ и реже $C_{un}+V+C_D$.

1. $V+[r]+C_{aus}$: п.-мо. *arǰayar* [Less., p. 55], *arǰyar*, *arčayar*, мо. *арзгар*, *аржгар*, *арчгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр*, ойр. *арзахар*, *арчиһар* ‘неровный, шероховатый, шершавый; грубый; морщинистый, съевшийся’; п.-мо. *erǰiger*, *erčigir*, мо. *эржгэр*, *эрчгэр*, бур. *эржэгэр*

---

⁸⁶ Ср. рус. *ш-р-р*, *шерш-авый*, *шеро-оватый*; англ. *rough*, *rugged*; нем. *rauh*, фр. *grenu*, *rugueux* ‘шершавый’ и др.

‘зернистый; шершавый, грубый’; п.-мо. *irĵigir* [Less., p. 416], *irĉigir*, мо. *иржгэр, ирчгэр*, бур. *эржэгэр* ‘шершавый (о коже), грубый; неровный’; п.-мо. *irĵayana-*, *irĵigine-* ‘наполнить крошками, мелочью’ [Kow., p. 325]; п.-мо. *orĉigir*, мо. *орчгор* ‘высохший, сморщенный’; п.-мо. *ürĉii-* [Там же, p. 589], мо. *үрчий-*, ойр. *үрчиш-* ‘морщиться; нахмуриться’, бур. *уришагар* ‘сморщенный, измятый (об одежде)’, *үрхигэр* ‘грубошерстный, шершавый’.

2. *C_{un}+V+[r]+C_{aus}*: п.-мо. *sarĵayar*, мо. *сарзгар, бур. сардгар, һэрдэгэр* ‘неровный; редкий, сетчатый (напр., о марле)’; п.-мо. *sarĉiyar* [Less., p. 675], *šarĉiyar*, мо. *сарчгар, шарчгар, бур. һаршагар, бур. һарсагар*, калм. *сарсхр*, ойр. *сарсаһар* ‘тонкий, разохшийся; заскорузлый’; п.-мо. *ĉarĉayar* [Kow., p. 2113], мо. *царцгар, бур. сарсагар* ‘застывший, затвердевший’; п.-мо. *qarĉayar*, *qarĉiyar*, *qorĉuyur* [Less., p. 965], мо. *харцгар, харчгар, хорчгор, бур. хоршогор* ‘сморщенный, морщинистый’; п.-мо. *kürĵigir* [Kow., p. 2651], мо. *хэрзгөр* ‘потрескавшийся (о земле); шершавый’; бур. *гордогор, горхогор*, калм. *һордһр*, ойр. *һордаһар* ‘жесткий (о шкуре)’; бур. *хорхигор* ‘тощий, высохший’; бур. *хүрхэ-харха* ‘покоробившийся и сухой’, бур. *хүрдэгэр* ‘неповоротливый (о человеке); грубый (о коже)’; п.-мо. *qorquyi-*, мо. *хорхой-* ‘хмуриться’, *хорхогор* ‘неприветливый’; п.-мо. *qorbuuyur*, мо. *хорвогор* ‘покоробленный (в сторону), скривившийся’, калм. *хорва* ‘кривой’; п.-мо. *gürbeger*, мо. *гүрвэгэр* ‘шероховатый’; п.-мо. *dardayar* [Там же, p. 1681], мо. *дардгар, бур. дардагар, калм. дардһр* ‘твердый, высохший, жесткий; заскорузлый, бугристый’; п.-мо. *darsayar* [Less., p. 233], мо. *дарсгар, бур. дарсагар, калм. дарчһр, дарзһр*, ойр. *дарсаһар* ‘заскорузлый, шершавый; слоистый’; п.-мо. *dardang*, мо. *дардан, бур. дардам, ойр. дардаң* ‘торный, наезженный’; бур. *дорсогор, дорзогор, дордогор, дорхогор* ‘засохший, покоробившийся; топорщащийся; заскорузлый (о сырой засохшей коже)’; п.-мо. *dörsüger*, мо. *дөрсгөр, калм. дөрчһр* ‘твердый, жесткий, засохший, шершавый’; п.-мо. *dördeger*, мо. *дөрдгөр* ‘сморщенный’; п.-мо. *türĉii-*, мо. *түрчий-* ‘морщиться’; калм. *тарчи-* ‘сьеживаться; коробиться’; п.-мо. *barĉayar*, *barĵayar* [Less., p. 84, 90], *barĉigir* [Kow., p. 1111], *barsayar*, мо. *баржгар, барчгар, барзгар, барсгар, бур. бар-*

жагаар, барсагаар, калм. *барзһр, барчһр*, ойр. *барзаһар* ‘ажурный; бугристый, шероховатый; рябой’, ойр. *барчии-* ‘хмуриться’; п.-мо. *berjigir, berčigir*, мо. *бэржгэр, бэрчгэр*, бур. *бэржэгэр* ‘неровный, шероховатый, прыщавый’; п.-мо. *birjigir, birčigir*, мо. *биржгэр, бирчгэр*, бур. *бирзагаар*, калм. *бирзһр, бирчһр* ‘неровный, шероховатый’; п.-мо. *burjaγar*, мо. *бурзгар* ‘неровный, шишками, шероховатый’, бур. *бурзагаар* ‘выступающий белыми пятнами (о солончаках)’; бур. *буришагаар* ‘смятый, скомканный, сморщенный’; п.-мо. *borčii-*, мо. *борчий-* ‘морщиниться’, ойр. *борчии-* ‘хмуриться’; бур. *борсогор* ‘сжежившийся’; *бордигор* ‘узловатый, с наростами (о коре дерева); рябой; шероховатый; захудалый’; *боржогор* ‘чеканный; узорчатый; пупырчатый’, *борзогор* ‘грубый, комками (о муке)’, *борьёгор* ‘неровный, каменистый; корявый (о дереве)’; п.-мо. *bersegüü*, мо. *бэрсүү*, калм. *берсү* ‘грубый, жесткий; шероховатость, неровность (например, о коже рук)’; п.-мо. *barkiyar*, мо. *бархигар* ‘неровный’, п.-мо. *borkiyar*, мо. *борхигор*, бур. *борхогор, борхигор* ‘шероховатый, в шишках; сжежившийся; невзрачный’; п.-мо. *barbayar*, мо. *барбагаар*, бур. *барбагаар*, калм. *барвьр*, ойр. *барваһар* ‘грубый; шершавый (о руках)’; бур. *пэрхигэр* ‘грубошерстный, шершавый’; п.-мо. *morčiyur*, мо. *морчгор*, калм. *морчхр* ‘сморщенный, кислый (о физиономии)’; п.-мо. *turčiyar*, мо. *мурчгар* ‘морщинистый; шершавый; кривой’⁸⁷; бур. *морсогор, мурсагаар* ‘сжежившийся (о человеке)’; бур. *наришагаар* ‘увядший, жухлый (о листьях); дряблый (о коже)’.

3. *C_{ин}+V+[r]*: ср.-мо. *sere’ü:n, sirü’ü:n, sirü:n* [MA, с. 323], пкл.-мо. *sirigu:n* [Tum., р. 565], п.-мо. *sirügün* [Kow., р. 1527], п.-мо. *ширүүн*, бур. *шэрүүн*, дунс. *шээрүн* ‘шершавый, шероховатый; жесткий; грубый, жестокий’; бур. *гарагаар* ‘жесткий, твердый, заскорузлый (только о плоских предметах)’, *горогор* ‘высохший’; п.-мо. *daryar* [Там же, р. 1681], мо. *даргар* ‘твердый; заскорузлый’; п.-мо. *dereger* [Less., р. 253], мо. *дэргэр*, бур. *дэрэгэр*, калм. *деггр* ‘высохший и торчащий’; п.-мо. *dörger*, мо. *дөргөр* ‘жесткий, шершавый’.

Представим все приведенные выше корни в таблице 12.

⁸⁷ Ср. мо. *мурч-ий-* и рус. *мориц-*ить.

Таблица 12

Типы корней, передающих признаки ‘шершавый; грубый’

C_{un}/V	a	e	i	o/u	ö/ü
o	<i>arĵ, arč</i>	<i>erĵ, erč</i>	<i>irĵ, irč</i>	<i>orč, urč</i>	<i>örm, ürč, ürk</i>
y	–	–	–	–	–
ĵ	–	–	–	–	–
č	<i>čarč</i>	–	–	<i>čor</i>	–
š	<i>šarč</i>	–	<i>sir</i>	–	–
s	<i>sarĵ, sarč, sars, sard, sarb</i>	<i>serd</i>	–	–	–
q/k	<i>qarč, qarq,</i>	–	–	<i>qorč, qork, qorb</i>	<i>kürĵ, kürk, kürd, kürm</i>
γ/g	<i>γar</i>	–	–	<i>γor, γorq, γord</i>	<i>gürb</i>
d	<i>dar, darĵ, dars, dard</i>	<i>der</i>	–	<i>dorĵ, dors, dorq, dord, durs</i>	<i>dör, dörs, dörd</i>
t	<i>tarč</i>	–	–	–	<i>türč</i>
b	<i>barĵ, barč, bark, bars, barb, barm</i>	<i>berĵ, berč, bers</i>	<i>birĵ, birč</i>	<i>borĵ, borč, bors, bork, bord, burĵ, burč</i>	–
p	–	<i>perk</i>	–	–	–
m	–	–	–	<i>morč, murč, mors, murs</i>	–
n	<i>narč</i>	–	–	–	–

Наиболее активны в анлауте согласные [b/p] – 24 %, [d/t] – 20, [q/k/γ/g] – 19 %. В меньшей степени представлены корни с инициальными [č/š/s] – 13 %, [m/n] – 9, без анлаута – 15 %. Подавляющее большинство корней – 58 % – выступает с ауслуемыми шипящими [ĵč/s]. Также в позиции финалей представлены согласные: [q/k] –

12 %, [d] – 11, [b] – 5, [m] – 4 %. Без ауслатной согласной функционирует только 10 % корней.

В Алтайском словаре к Пмонг. *ar- ‘быть грубым, шершавым’ в качестве параллелей предлагаются Птюрк. *Ērig ‘грубый, крупный’, Пяп. *ará ‘грубый’, Пкор. *ar- ‘голый, простой’ [EDAL, p. 516]. На основе бур. бордигор ‘с наростами (о коре дерева)’, п.-мо. boruu, мо. бороо ‘костный нарост, костная мозоль; шов, по которому срослась переломленная кость’ авторы EDAL восстанавливают Пмонг. *boruua ‘мозоль на кости’ и сопоставляют ее с Птунг. *pirki- ‘натирать мозоль’ и Птюрк. *burkī ‘сморщенный’ [p. 1097]. С признаком ‘шероховатый’ отчетливо коррелирует прототюркская форма, в то время как Птунг. *pirki-, на наш взгляд, больше связана с восприятием болевой чувствительности.

В тюркских языках Б. И. Татаринцев приводит тув. дырыш-, тоф. тырыш-, кир. тырыш-, хак. тырыс- ‘морщиться, мяться; коробиться’; кир. тырыс, алт. тырыш ‘морщина; морщинистый’, ккалп. тырыжык ‘корявый, рябой’, шор. тырышкак, тув. дырышкак ‘складка, морщина’, алт. тырыш ‘морщины на коже’, кир. тырык ‘шрам, рубец’; тув. быржы, тоф. быршы, башк. бирсэ ‘шрам, рубец’, правомерно допуская их гомогенность с бырыш- ‘морщиться, коробиться’ и предполагая следующее развитие формы: бырыш- + -ы > бырышы > быржы [с. 321, 322], а также кур ‘сухой; высохший; заскорузлый; твердая сухая почва’, кур- ‘сохнуть, вянуть, чахнуть’ [ЭСТЯ, 2000, с. 154].

В тунгусо-маньчжурских языках отмечены эвенк. корколи ‘грубый (о ткани, коже)’, корчо- ‘смять; сморщить’, эвен. қорилқан ‘морщинистый, неровный’; нег. кур-кур ѓїї ‘грубый (о шерсти)’; эвенк. морї- ‘собрать в сборки; сделать складки (в шитье), стянуть шов’, морикта ‘морщина (лице)’, мэрсэрэ- ‘морщить лицо’ [ССТМЯ, 1975, с. 415, 417, 437, 546].

Некоторые корни достаточно прозрачны в ряде лексем, в которых рассматриваемые признаки стали основой номинации. К образу ‘нечто засохшее, твердое; бугристое’ восходят п.-мо. čardal ‘крахмал, замазка’ [Kow., p. 2113], п.-мо. čarči, мо. царц ‘стеарин’⁸⁸; п.-мо. kör-

---

⁸⁸ По мнению Г. Рамстедта, глагол čarča- ‘отвердеть, окоченеть’ образован с помощью суффикса -ča от именной основы čar ‘сухая кора’ [1957, с. 176].

ĵeng, мо. *хэрзэн* ‘уплотнившийся, спрессованный навоз на зимних стойбищах’; п.-мо. *borgiy-a* [Less., p. 121], мо. *боргио* ‘рыхлая почва со скудной растительностью’; п.-мо. *borĵung*, мо. *борзон* ‘солончаковая грязь, болото’; п.-мо. *boruy*, мо. *борог* ‘песчано-каменистая степь’; п.-мо. *tarĉiy*, мо. *тарчиг*, ойр. *тарчиг* ‘скудный, бедный, неурожайный’, по всей видимости, развилось на основе значения ‘сухой, высохший, шелестящий (о траве)’. Мо. *боролжин газар* ‘солончак, солончаковая местность с мелким и редким травянистым покровом’ А. В. Дыбо склонна возвести к адъективной основе *боро* ‘серый’ [2005, с. 54].

Согласно материалам сайта, основанием поселения Борзя, расположенного в Забайкальском крае, «в 1770-х гг. явилось бурятское стойбище <...> местность вокруг которого славилась солеными озерами, которые буряты называли *бооржо*. В течение 180 лет на этих озерах велась промышленная добыча соли. *Бооржо*, *Бооржотой* – бурятские названия солено-грязевых урочищ Борзинской степи» [<http://chita.rfn.ru/region>].

Тактильное восприятие поверхности камней и минералов дало следующие названия: п.-мо. *borĵin*, мо. *боржин*, калм. *боржң* ‘гранит’; п.-мо. *barĵang*, мо. *барзан* ‘руст, бут’; п.-мо. *aralĵi*, мо. *аралж* ‘липарит’. Как известно, липарит представляет собой вулканическую горную породу, в которой резко выделяются величиной или цветом отдельные крупные кристаллы. Номинация в лексеме п.-мо. *erĵin*, мо. *эржин*, бур. *эржэн* ‘перламутр’ связана с тем, что этот природный материал состоит из микроскопических кристаллов, поверхность которых по внешнему виду напоминает мелкую волновую рябь на прибрежном песке.

Пкл.-мо. *durusun* [Тум., p. 373], п.-мо. *durusu(n)* ‘кора, береста’ [Kow., p. 1887], мо. *дурс*, бур. *дурхан*, *дорфон*, ойр. *дурсан*, орд. *durusu* [EDAL, p. 1380] ‘кора дерева; лыко’; п.-мо. *boruyĉiy* [Kow., p. 1221], *boruyĉii*, мо. *боргонцог*, *боргоцой*, бур. *борбоосгой* ‘шишка (хвойных растений)’ восходят к образу ‘нечто шероховатое, бугристое’. Ср. также в тюркских языках *қарт* ‘твердый, жесткий, черствый; кора (кустарников), лыко; скорлупа, шелуха’ [ЭСТЯ, 1997, с. 314–315], эвенк. *эрэктэ* ‘кора (древесная)’ [ССТМЯ, 1977, с. 467].

С помощью прилагательных со значением ‘шероховатый; колючий’ образуются названия некоторых растений: мо. *аржгар* ‘ежеголовник’, *аржил бургас* ‘вяз шершавый’. П.-мо. *barimay*, *berimüg*, *birǰǰüü*, мо. *баримаг*, *бэрээмэг*, *биржгүү* ‘оловик; воловий язык’ восходят к образу ‘нечто шероховатое’, поскольку номинируют многолетнее травянистое растение с шероховатым стеблем и мелкими шерстистыми листьями. П.-мо. *barbad*, мо. *барбад* ‘резуха повислая’ обладает сильно шероховатыми листьями; листья платикарии (мо. *бирз хүжин модон*) также слегка опушенные.

П.-мо. *borča* [Kow., p. 1222], мо. *борц*, бур. *борсо*, калм. *борц*, ойр. *борца* ‘вяленое мясо (нарезанное тонкими кусками); иссушенный, истощенный’ в тунгусо-маньчжурских языках сопоставляется с эвенк. *барча* ‘вяленая рыба, мука (из сушеной рыбы, мяса)’, *барча-* ‘вялить рыбу’ [ССТМЯ, 1975, с. 76]. Ср. также *пурча* ‘мука (рыбная, из сушеной рыбы); вяленая рыба’; эвенк. *ургавча* ‘мясо (вяленное на солнце)’; эвен. *горча* ‘мясо (мелко нарезанное, сушеное или вяленое)’ [Там же, 1977, с. 44, 283, 333].

Ср.-мо. *örmege* [IM], *ormege* [SH], п.-мо. *ermüge*, *örmüge* ‘шерстяная ткань; грубое сукно’ [Kow., p. 262, 589], мо. *өрмөг*, калм. *өрме*, ойр. *өрмег*, орд. *örmögö*, мнгр. *terge* [EDAL, p. 1059] ‘рогожа, дерюга; верхняя одежда из камлота, армяк’, бур. бох. *үрмэгэ* ‘половик’, согласно В. И. Рассадину, восходит к др.-тюрк. *örmäk* ‘название одежды’ [2007, с. 50]. М. Ряснен считает *өрмөк* тюркским словом, образованным от корня **(h)ör-* ‘плести, ткать’, а мо. *örmüge* – тюркским заимствованием [Räs., p. 375a]. Г. Рамстедт также считает калм. *өрме* производным от тюркского глагола *өр-* ‘ткать’ [Ramstedt, 1935, p. 300a]. Возможно, лексема восходит к образному корню **ört* ‘нечто грубое, шершавое; грубошерстное’. Думается, тот же признак применим к п.-мо. *sirdeg*, мо. *ширдэг*, бур. *шэрдэг* ‘стеганный тюфяк, простеганный войлок, потник, коврик’.

Корень с гуттуральным *[k]* в анлауте также дал название вида одежды: п.-мо. *kürem-e*, мо. *хүрэм* ‘куртка (надеваемая поверх одежды, застегивающаяся посередине груди, с широкими и короткими рукавами)’, *хүрмэ* ‘меховой жилет (надеваемый поверх шубы)’. В тунгусо-маньчжурских языках: нан. *курмэ* ‘одежда (верхняя, короткая, из кожи)’, ма. *курумэ* ‘одежда (верхняя, до колен, полукафтан)’ [ССТМЯ, 1975, с. 437], эвенк. *н'армакән* ‘одежда (верхняя, женская,

летняя), кафтан (женский)’, орок. *налма(н)* ‘одежда (верхняя из оленьих шкур без ворса), куртка (их оленьих шкур без ворса); доха (старая без шерсти)’, нан. *н’арма* ‘(целительная) кофта, халат шамана’ [ССТМЯ, 1975, с. 635], ороц. *пэрэңгу*, ульч. *пэруңгу* ‘кожа (сивуча)’ [Там же, 1977, с. 48]. Следует отметить, что номинация в лексемах, обозначающих одежду, сшитую из шкуры, кожи, могла происходить и на основе зрительного восприятия, равно как в рассмотренных выше лексемах п.-мо. *arisu* ‘шкура’ и др.

Признаки ‘хрупкий, шуршащий’ проявляются в п.-мо. *dörsü*, мо. *дөрс* ‘шелуха, скорлупа’; п.-мо. *sorsu*, мо. *сорс* ‘печенка, обернутая салником и зажаренная на огне; различные сорта дикого лука, маринованные и высушенные’; бур. *хорхинсог* ‘коробочка, остающаяся после цветения сараны; стручок’; ср.-мо. *korisu* [SH], п.-мо. *körüsi* [Kow., p. 2641], мо. *хөрс*, бур. *хурьэн*, калм. *көрсн*, ойр. *көрсен*, орд. *korosu (koros)*, даг. *kurbus* [EDAL, p. 827] ‘кожица, тонкий покров’, имеющей параллели в других языках алтайской группы: Птунг. **xurakta* ‘кора; оболочка, кожица’; Птюрк. **kirtil* ‘поверхность; кора, верхний слой’ [Там же].

П.-мо. *sarisun*, мо. *сарьс(ан)*, бур. *һарьһан* ‘перепонка; мембрана; пергамент’, п.-мо. *čoru, čorui* ‘перепонка’ [Kow., p. 2220], мо. *цорой* ‘грудобрюшная преграда; брюшина, оболочка, покрывающая внутренние органы’, также восходящие к образу ‘нечто шелестящее’, коррелируют с бур. лексемой *һарьбаһан* ‘брыжейка’, обозначающей складку брюшины, прикрепляющую внутренние органы к стенкам полости тела. Мо. *сарьсан баавгай* ‘летучая мышь’ дословно переводимо как ‘медведь/нечто мохнатое с перепончатыми [крыльями]’. Как отмечает Л. С. Левитская, тюрк. форму *йарғанат, йарқанат* ‘летучая мышь’ чаще всего трактуют как *йары* ‘пленка, кожица’ + *қанат* ‘крыло’. Дж. Клосон сближает компонент *йар* с глаголом *йар-* ‘раскалывать’, что, по мнению Л. С. Левитской, менее вероятно. М. Палло полагает, что *jara* в *jarasa* восходит к **jara* ‘безволосый, голый’. А. Вамбери объяснял чаг. *jarkanat* как ‘блеск-крыло’, усматривая в **jar* основу, близкую **jaru-* ‘светить’ [ЭСТЯ, 1989, с. 140].

‘Нечто пышное, пушистое; мягкое’

Благодаря акустико-артикуляционным признакам согласного [m] стала возможной реализация в корнях противоположных значений

‘пышный, пушистый, воздушный; пухлый, рыхлый, мягкий и толстый’, которые реализуются в п.-мо. *bambayar* [Less., p 81], *bembeger*, *bitbayar*, мо. *бамбагар*, *бэмбэгэр*, *бумбагар*, бур. *бамбагар*, калм. *бамбр*, ойр. *бамбахар*; п.-мо. *rambayar*, *rembeger*, *rombuur*, мо. *намбагар*, *нэмбэгэр*, *номбогор*, бур. *пампагар*, *пэмпэгэр*, *пүмпэгэр*; п.-мо. *sambayar*, *sembeger*, мо. *самбагар*, *сэмбэгэр*, бур. *хамбагар*, *хэмбэгэр*.

Среди наиболее характерных «воплотителей» признаков следует отметить п.-мо. *sambai*, мо. *самбай* ‘усы, борода’, бур. *хамбай*, сел. *самнай* ‘челка’. В тюркских языках северо-западной и северо-восточной групп распространена лексема *самай* ‘волосы на висках; коса; челка; висок; скула’, як. *самнай* ‘челка (у лошади)’ [ЭСТЯ, 2003, с. 198]. Признаки ‘пышный, пушистый; мягкий и толстый’, безусловно, прослеживаются в п.-мо. *bambai*, мо. *бамбай* ‘войлочный хомут для верблюда’; бур. *бамхи* ‘охот. обувь (на кожаной или войлочной подошве, связанная из шерсти пополам с волосом)’; п.-мо. *bembei*, мо. *бэмбий* ‘тесто для фигурных кондитерских изделий’, ср. каз. *дом боп пискен нан* ‘пышно испеченный хлеб’; п.-мо. *bombursi*, мо. *бомбори* ‘толстая грубая шерстяная ткань’; п.-мо. *bambar*, мо. *бамбар*, ойр. *бамбар* ‘тигренок’; п.-мо. *bambursi* [Kow., p. 1081], мо. *бамбаруи*, *бамбарууш* ‘медвежонок’. Ср. эвен. *бумбэчэ* ‘гусь’ [ССТМЯ, 1975, с. 110]; эвенк. *помпорок* ‘ласка’, эвен. *помпутти* ‘короткий (но толстый)’, *помпикан* ‘ласка’, ульч. *пумбикэ(н-)* ‘мышь (полевая, бесхвостая)’; ма. *имсэкэ* ‘детеныш, щенок (бобра, выдры)’; эвенк. *момбокй* ‘заяц (белый)’ [ССТМЯ, 1977, с. 41, 313, 544].

Ряд фитонимов также возник благодаря своему внешнему виду: п.-мо. *bambai*, мо. *бамбай* ‘валерьяна лекарственная’; п.-мо. *qamba*, мо. *хамба* [*шарилж*] ‘ромашка лекарственная’; п.-мо. *γamba*, мо. *гамба* [*цэцэг*] ‘мимоза’; п.-мо. *qatar*, мо. *хамар* ‘гулявник’, п.-мо. *qambil* [Kow., p. 809], мо. *хамбил* ‘крупка’. Ср. ма. *бомбори илха* – название растения [ССТМЯ, 1975, с. 94], гаг. *ратрат* ‘одуванчик’ [СИГТЯ, 1988, с. 518].

П.-мо. *qatqay* [Kow., p. 809], мо. *хамхаг* ‘солянка холмовая; желтая полынь, курай обыкновенный’ также отсылает к образу ‘нечто пушистое, лохматое’, так как эти растения обладают весьма ветви-

стым, но тонким стеблем с растопыренными ветвями. В мо. *хар хам-хаг* ‘перекати-поле’, п.-мо. *qatquul* ‘солянка (род полыни, любимой верблюдами)’ [Kow., p. 809], мо. *хамхуул*, бур. *хамхуул*, ойр. *хамхуул* ‘перекати-поле’ наблюдаются те же признаки. Согласно мнению В. И. Рассадина, в основе фитонима лежит др.-тюрк. *qatyaq* ‘перекати-поле; солянка’ [2010, с. 33]. Тюрк. *қамақ* ‘перекати-поле’ Дж. Кло-сон считает производным от глагола *қам-* ‘букв. постоянно бросающийся (сбрасываемый, сбиваемый) на землю’ [С1., p. 627]. По мнению Л. С. Левитской, мо. *хамхуул* также является отглагольным именем: оно образовано с помощью аффикса *-уул* от основы **қамқа-*. Для выявления дифференциального признака исследователь считает значимым функционирование в чагатайском языке фитонима *қамғақ* ‘вид растения, похожего на куст полыни, запутанного и свернутого спиралью’, полагая, что *қамғақ* выступало как определитель, отражающий один из признаков этого растения [ЭСТЯ, 1997, с. 245]. Наконец, к минералу п.-мо. *γатар*, мо. *гамар* ‘цинкенил’ также применим признак ‘пушистый’ благодаря его мелким игольчатым выделениям.

Таким образом, мы проследили участие доминант *[r/m]* в манифестации тактильных перцепций: «шершавое ↔ пушистое»⁸⁹, «твердое ↔ мягкое», лежащих в основе концептуальных систем и позволяющих воспринимать важнейшие параметры окружающего мира. Рассмотренные выше признаки актуализируются с помощью зрительного и тактильного восприятия, происходящего в большей мере посредством подушечек пальцев. Безусловно, осязание взаимодействует со зрением, так что роль осязания нельзя оценивать независимо. При этом в корнях с доминантой *[r]* все еще очень сильна звукоподражательная семантика.

4.4.2. Терморцепция

В рассматриваемом нами материале зафиксированы корни с доминантой *[r]*, способные передавать ощущение холода и тепла в монгольских языках: *irb/ǰar/ǰir/čarb/čerč/sar/ser/sirb/berb*. Работа холодовых рецепторов отражена в следующих формах: п.-мо. *berbeyi-* [Kow., p. 1127], мо. *бэрвий-* ‘коченеть, деревенеть от холода’; бур. *заригар*

---

⁸⁹ Следует отметить, что признак ‘гладкий’ реализуется в монгольских языках с помощью переднеязычного щелевого бокового *[l]*.

‘трепещущий, дрожащий’, *зариш*- ‘трепетать, содрогаться’ (*заришда-нам хурэнэ* ‘дрожь пробирает меня’), калм. *заратр*- ‘трепетать, дрожать’; п.-мо. *ĉarbalĵa-*, мо. *царвалза*- ‘трястись от холода’; п.-мо. *ĉerĉeyi-* [Kow., p. 2128], мо. *цэрций*- ‘промокать насквозь, до костей’; бур. *жэржэгэр* ‘дрожащий’.

Ср. тур. *үрпер*-, аз. *үрпәр*- ‘чувствовать озноб, дрожать’ [ЭСТЯ, 1974, с. 637], нан. *дяр-р/Ĵар-р* ‘мелко-мелко трястись всем телом’, *сир-р* ‘дрожать всем телом’ [Киле, 1972, с. 103, 156]; ма. *дордон дардан сэмэ* ‘дрожа, трясясь (от холода)’, *јарибу-* ‘зябнуть; отмораживать что-л.’ [ССТМЯ, 1975, с. 216, 344], орок. *сурунна*- ‘дрожать, трястись (от озноба)’ [Там же, 1977, с. 131]. Фонетический состав корней свидетельствует о том, что развитие данных значений связано со способностью доминанты [r] передавать дрожание, лихорадочное состояние организма (ср. рус. *бр-р-р*, *дрожать*, *дрогнуть*, *дрыгнуть*).

П.-мо. *ser ser*, мо. *сэр сэр*, бур. *һэр-һэр*, *зэр-зэр*, ойр. *сер-сер*, п.-мо. *sar sar* [Kow., p. 1328], рассматривавшиеся нами выше как звукоподражания, могут передавать и тактильное восприятие холода, ср. бур. *сэрье*- ‘обдавать холодом, дуть’. По наблюдениям Б. М. Теплова, о набегающих волнах ветерка человек узнает из целого ряда различных ощущений, важнейшую роль из которых занимают кожные ощущения – легкие ощущения прикосновения в сочетании с ощущениями холода на открытых участках кожи (лицо, руки): «Попробуйте подуть себе на руки, и вы получите это характерное сочетание ощущений прикосновения и холода» [1953, с. 68].

Отсюда ср.-мо. *seri'un* [НУ, p. 5], *seri'ü:n* [МА, с. 321], пкл.-мо. *serigü:n* [Тум., p. 550], п.-мо. *seregün*, *serigün* [Kow., p. 1370], мо. *сэрүүн*, бур. *һэрюн*, калм. *серүн*, ойр. *серүүн*, орд. *serün*, даг. *serün*, ж.-уйг. *sorün*, мнгр. *sarin*, *sarəŋ* [EDAL, p. 1219] ‘прохладный, свежий’. «Г. Рамстедт рассматривал генетически связанную с мо. *serigün* форму *сэр* как ‘подражание для свежего и прохладного’. М. Ряснен относил мо. *serigün* к производным *seri-* ‘быть бодрствующим’ ~ тюрк. *süz-* ‘чувствовать’. Все тюркские лексемы *серун* ‘прохладный’ рассматриваются как монголизмы по происхождению» [ЭСТЯ, 2003, с. 261]. В Алтайском словаре восстанавливается Птюрк. форма **sArak/*sArk-* ‘неметь, цепенеть; иней; холодный ветер’ [EDAL, p. 1219]. Л. С. Левитская предполагает, что башк. *һәряҫ* ‘жгучий ве-

тер', кир. *сурҕаҕ җел* 'легкий горный ветерок' являются производными глагола *сур-* ~ *су:r-* 'дуть, мести' [СИГТЯ, 2001, с. 42].

Ср. удм. *чар-чар кезьютлуиз* 'стало резко сильно холодно' [Алатырев, 1947, с. 223], нан. *сэр* 'прохладный, свежий (о потоке воздуха)' [Киле, 1972, с. 161], нег. *хэрэ* 'тихий, легкий, слабый (о ветре, о волнах); тихо, слабо (веять)' [ССТМЯ, 1975, с. 482], эвенк. *һуҕқа* 'ветер (меняющий свое направление)' [Там же, 1977, с. 353]. В Тунгусо-маньчжурском словаре также даны следующие формы: ульч. *сэурусу* 'чувствовать прохладу', ма. *сэружэн* 'довольно прохладно, свежо'. Как монголизмы классифицированы эвенк. *сэрун* 'прохлада' (через посредство якутского языка) и сол. *сурӯ* 'свежий' [ССТМЯ, 1977, с. 146].

Возможно, вербализация восприятия холодной воды или холодного ветра, дующего в лицо, с помощью холодовых рецепторов кожи могла происходить в корнях с лабиализованной гласной мягкого ряда **sör/ǰör/ör*: п.-мо. *sörü-*, мо. *сөрө-* 'идти против направления, течения чего-л.': *салхи сөр-* 'идти против ветра; дуть в лицо (о ветре)', *урсгал сөрж сэлэ-*, калм. *сөр-* 'плыть против течения'; калм. *сөрг-*, ойр. *сөрге-* 'отгонять'; п.-мо. *örü-*, мо. *өрө-*, ойр. *өре-* 'идти против чего-л. (напр., ветра, пурги)'; п.-мо. *uri-*, мо. *ури-* 'дуть против (о ветре)', бур. [*һалхи*] *һури-* 'идти против ветра'⁹⁰. «Эвенк. *сурдэки* 'сильный (о ветре, течении)' < як.» [ССТМЯ, 1977, с. 129].

Следует отметить, что в корнях **ǰir/ǰar* закономерно контаминируют значения 'дрожать от холода' и 'знобить, чувствовать недомогание': п.-мо. *ǰарайи-*, мо. *зарайи-* 'чувствовать себя нездоровым; мороз по коже дерет'; п.-мо. *sirbegeде-* 'получить так называемую гусиную кожу' [Kow., p. 1531], п.-мо. *ǰirski-*, мо. [*домор*] *ǰирский-* 'мурашки пробежали по спине'; калм. *ирвэтр-* 'знобить', *ирң-дарң*, ойр. *ирең-дараң* 'чувство недомогания'.

С точки зрения физиологии возникновение мурашек (гусиной кожи) связано с рудиментарным рефлексом, так называемой пилоэрекцией, возникающей в качестве реакции на стресс, вызванный физическими (холод, щекотка) или психическими (страх, сильные эмо-

---

⁹⁰ Доминанта [*r*] может также передавать физическое напряжение при движении против ветра, преодолении каких-либо преград.

ции) испытаниями. «При реакции на холод поднятые волоски позволяют прогретому телом слою воздуха на некоторое время задержаться у поверхности кожи. При реакции на опасность поднятая шерсть делает животных внешне более массивными и придает им устрашающий вид» [<http://dic.academic.ru>].

Фонема [r] также способна передавать работу тепловых рецепторов, воспринимающих высокую температуру, в следующем вокалическом оформлении: *ör/ür: п.-мо. *örbis*- ‘вспыхнуть, запылать’ [Kow., p. 587], мо. *өрвөс өрвөс хий*- ‘вспыхивать; помигивать’; п.-мо. *ürbelje*-, мо. *үрвэлз*- ‘вспыхивать, вспылить’; п.-мо. *örni*-, мо. *өрнө*- ‘разгораться, пылать’ (ср. мо. *өрнө* ‘запад’), калм. *өр өг*-, *өрд*-, ойр. *өрдө*-, орд. *ördö*- ‘разводить, разжигать большой огонь’. Ср. «Птюрк. *ört ‘пламя; жечь; степной пожар; обгорать’ и Пкор. *pír ‘огонь’» [EDAL, p. 1172], также каз. *бөрт* ‘побагороветь (от внешней температуры)’; *қор* ‘горячая зола; мор (горячая зола овечьего помета, где распаривают мастера палки, жерди для поделок)’ [Кайдаров, 1986, с. 193, 247]. Следует отметить, что Г. Рамстедт рассматривал *ört* как раздражательное слово [Ramstedt, 1935, p. 300].

Корень *čor коррелирует с восприятием противоположных ощущений тепловыми рецепторами кожи высокой температуры, огня. Значение глагола мо. *цорги*- в БАМРС дано следующим образом: ‘прожигать дыру, прокалывать, пронзать каленым железом; перен. обдавать жаром, жарить, припекать; обвеать’ [IV, с. 263], у О. М. Ковалевского даны только первые значения: п.-мо. *čorgi*- ‘прижигать шилом, проколоть’ [Kow., p. 2221]. По всей видимости, здесь все-таки вторичным является значение совершения действия ‘прокалывать’, в то время как экспликация в языке жары, высокой температуры первична: нар *цоргитол шарлаа* ‘солнце нещадно пекло’, бур. *сорьё*-, *соробхил*- ‘полыхать о пламени’.

В Тунгусо-маньчжурском словаре даны следующие формы, демонстрирующие аспекты восприятия высокой температуры: эвенк. *сирэ* ‘краснота раскаленного металла’, *сирэ* ‘накалиться докрасна’, нег. *сүјэл*- ‘накалять, паять’. Ма. *шэриңа*, *шэрэбу*- ‘раскалять, разогревать (металл докрасна)’ сопоставляется с п.-мо. *sireme(n)* ‘чугун’, *siri*- ‘закаливаться (о металле)’ [ССТМЯ, 1977, с. 97]. Ср.-мо. *siremun* [HY, p. 26; SH], пкл.-мо. *siremün* [Tum., p. 565], мо. *ширэм*, бур. *шэ*

рэм, калм. *шурмн*, ойр. *шурем*, даг. *sirem* ‘чугун’ у О. М. Ковалевско-го имеет значения п.-мо. *siremün, sireme(n)* ‘сплав металлов, бронза’, *sireme qalayun* ‘нестерпимый жар’ [Kow., p. 1521].

Кроме того, тактильное восприятие огня реализуется в монгольских языках с помощью корней с переднеязычным [d] в анлауте: *durb/dör/dörb/dür*: пкл.-мо. *dürü-* [Tum., p. 375], п.-мо. *durba-*, мо. *дурва-* ‘пылать (об огне)’; п.-мо. *dörbügene-*, мо. *дөрвөгөнө-* ‘полыхать’; п.-мо. *dürski-*, мо. *дүрхий-* ‘вспыхивать, загораться, зажигаться; полыхать’; бур. *дүрэ-, дүрэгэ-*, мог. *durga-, duru-* [EDAL, p. 485] ‘гореть, сгорать’, калм. *дөр-* ‘быть пылким, стремительным; чувствовать холод, тепло’, ойр. *дөре-* ‘горячиться’. На алтайском уровне приводится монгольско-тунгусская изоглосса: Птунг. **dur-* ‘гореть, пылать; разводить огонь’ [Там же]. П.-мо. *nurt-a*, мо. *нурма*, бур. *нурма*, калм. *нурм* ‘горячий пепел; угольный жар’ коррелирует с Птунг. **ñüre-* ‘накаляться (о металле)’ и Пяп. **nirà(n)k-* ‘закалять металл’ [EDAL, p. 990]⁹¹.

Изобразительная природа лексем со значением ‘гореть’ ярко выражена в производных от других корней в тунгусо-маньчжурских языках: ма. *гурги-* ‘пылать, закопотевать’ [ССТМЯ, 1975, с. 173], эвенк. *лурги-* ‘сгореть; гореть, пылать, полыхать’, эвен. *нэрги* ‘пламя’, нег. *лүггй-* [**лургй-*] ‘гореть, пылать’, ма. *лур лур сэмэ* ‘ярким пламенем’ [Там же, 1977, с. 512].

В целом следует отметить, что лексемы, связанные с огнем, являются наиболее сложными в плане выявления ведущего модуса перцепции, поскольку глазами можно воспринимать блики, вспышки огня, ушами – слышать его треск, кожей – ощущать его жар, что свидетельствует о тесной взаимосвязи ощущений разных рецепторов в процессе восприятия любого предмета или явления. По справедливому замечанию А. Б. Михалева, «множественность толкований семантических переходов в пределах фоносемантического пространства ни в коей мере не наносят ущерб истинности существования взаимосвязей между полями. Напротив, они утверждают многосторонний и разнонаправленный характер зависимости между составляющими этого простран-

---

⁹¹ Фр. *braise* ‘жар, горящие угли’, *brande* ‘пламя, полыхание’, *bresil* ‘жаровня’, *bruir* ‘сжигать, жарить’, *brusler* ‘сжигать’ родственны индоевр. *bhrug* ‘жарить, варить’ < *bher* ‘кипеть, бурлить’ [Михалев, 1995, с. 84].

ства. Чем большее количество связей-мотиваций имеет значений, тем обоснованнее его положение в системе» [1995, с. 127].

Таким образом, холодowymi рецепторами осуществляется тактильное восприятие движения воздуха, ветра, воды, тепловыми рецепторами – огня. Передача восприятия холода и жары с помощью одной доминанты [r] обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *orgu-*, бур. *урья-* имеет общее значение ‘обдавать’, сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецепторов: холодowymi (мо. *нуруу хүйт орги-* ‘обдавать холодом в спину’, бур. *һэрюу урья-* ‘веять прохладой’); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* ‘уши пылают’, бур. *халуу урья-* ‘обдавать жаром’) и обонятельными (мо. *өмхий орги-* ‘отдавать зловонием’).

4.4.3. Болевая чувствительность

Если предыдущие два вида чувствительности связаны с поверхностью кожи, находящейся на «периферии» осязательной модальности человеческого тела, то болевая чувствительность связана как с поверхностными, так и с глубинными структурами осязания. Интероцепторы расположены во всех внутренних органах человеческого тела (легких, сердце, желудке, кишечнике, почках, в стенках всех кровеносных сосудов и т. д.).

Неприятные ощущения в горле передаются корнями **erb/serb/ürb/γor*: п.-мо. *erbegene-*, *serbegene-*, мо. *эрвэгнэ-*, *сэрвэгнэ-* ‘першить, щекотать в горле’; бур. *үрбэгэнэ-* ‘ощущать щекотание (или зуд); першить’, *үрэххи-* ‘глотать целиком, проглатывать’, баргуз. *үрэххи-* ‘поперхнуться’; п.-мо. *γorigi-*, мо. *горой-* ‘застревать (о сухой пище); пересыхать в горле’. Ср. орок. *сирэни-* ‘застрячь’ [ССТМЯ, 1977, с. 98].

Различные проявления боли (колющей, режущей, жгучей, тянущей) реализуются в монгольских языках с помощью корней **yar/sir/qor/er/mer/ner* и др. Связанное с истинным повреждением ткани ощущение пронзительной, резкой боли, отдающейся внутри звуком *яp*, заложено в ср.-мо. *yara* [IM], *yara* [MA, с. 387], кл.-мо. *yara-a* [Tum., р. 629], п.-мо. *yara* ‘рана (от болезни), нарыв, чирей’ [Kow., р. 2300], мо. *яp*, бур. *яpa*, дунс. *јаpa* ‘язва, болячка’, дунс. *ipун* ‘гной; гнойный абсцесс’, калм. *хар-яp* ‘натуральная оспа’; бур. *ярья-* ‘ныть, ломить (о костях)’.

Следует отметить, что тюрк. *йа:ра* ~ *йара* ~ *жара* ~ *жара* ‘рана, болячка’ все исследователи, начиная с Г. Вамбери, считают производным от глагола *йар* ‘резать, раскалывать’ [ЭСТЯ, 1989, с. 140]. Ошибочность возведения Б. Я. Владимирцовым мо. *яра* ‘рана’ к тюрк. *јар* ‘расщепить; разбить, раздвинуть’ доказывает Т. А. Бертагаев, приводя ряд лексем монгольского происхождения: бур. *ура-*, мо. *јапа-* ‘раздвигать’, бур. *арбай-*, *жарбай-* ‘раскрыть пасть’ и др. [1971, с. 95], подпадающих больше по фонетическим, чем по семантическим критериям.

Ощущение жгучей, саднящей боли проявляется в словах: п.-мо. *qorsu-*, мо. *хорс-*, калм. *хорс-*, ойр. *хорса-* ‘чувствовать жгучую боль; жечь; саднить’; бур. *хордо-* ‘болеть от ожога; жечь, щемить’; п.-мо. *qurčangui* ‘едкая сыпь на теле; чесотка’ [Kow., р. 973]; п.-мо. *ere-*, мо. *эр-* ‘осложняться, воспаляться (о женской груди)’; п.-мо. *erkere-* ‘щиплет (о ране)’ [Там же, р. 272], мо. *эрхрэ-* ‘ощущать боль, жжение; болеть, саднить; испытывать щиплющую боль’; п.-мо. *ereke-* ‘возобновиться (о болезни); растревляться (о ране)’ [Там же, р. 250], калм. *эрк-* ‘нарывать’, ойр. *эрке-* ‘опухать, созревать (о язвах и нарывах), нарывать’; п.-мо. *eregiüi* ‘мучение, терзание; мука, пытка’ [Там же], мо. *эруу* ‘пытка’.

В EDAL приводятся параллели: Птюрк. **iri-* ‘гнить; гной; прокисать, створаживаться’, Пяп. **itâ-* ‘болеть, чувствовать боль’ [р. 591]. Семантически близки также тюркская форма *қарт* ‘засохший слой, корка на ране; злокачественный нарыв; особый род какой-то язвы, раны или опухоли; рана, язва’ [ЭСТЯ, 1997, с. 314], турк. *қурыш-* ‘неметь, цепенеть’; ккалп., ног. *қурыш-* ‘испытывать ноющую боль’ [Там же, 2000, с. 257]; каз. *құрыста-* ‘чувствовать ломоту в суставах, скованность в теле’ [Кайдаров, 1986, с. 253]; як. *дьаралый* ‘чувствовать боль, ломоту’, *дьарђа* ‘хроническая, застарелая болезнь, старый недуг’, *эрэмсэ* ‘болезнь, недуг, недомогание; хворь’.

П.-мо. *sirqa-*, *sirqan* ‘рана (от пореза, пули); язва, уязвление’ [Kow., р. 1528], мо. *шарх*, бур. *шарха*, калм. *шарх*, ойр. *шарха*, орд. *šarxa* ‘рана, язва, ссадина’⁹²; ср.-мо. *sirqa-* [SH], п.-мо. *sirbegede-* ‘чувствовать нестерпимую боль в теле’, *sirkira-*, *sirkire-* ‘чувствовать ломоту (в костях и членах)’ [Kow., р. 1530, 1534], бур. *шарда-* ‘жечь’,

⁹² Во вкусовом восприятии те же корни **qor/sir* служат для передачи значений ‘яд/изжога’.

даг. *šerkire-*, мнгр. *sgirē-* ‘ощущать острую боль’ [EDAL, p. 1517] сопоставляются с тюрк. формой *сырқа-* ‘болеть, хворать; ныть, болеть, ломить’, которая, по предположению Л. С. Левитской, является интенсивно-учащательной формой глагола *сыры-* ~ *сыр-* ‘дуть’ [ЭСТЯ, 2003, с. 447].

В тунгусо-маньчжурских языках также функционирует обширный ряд лексем, актуализирующих болевую чувствительность: *бэрхэ* ‘слезы (от ветра); гной (в глазах)’; *ᠵэрнэ* ‘трещины (на губах)’; орок. *қаран-* ‘воспалиться (о глазах, ране)’; *кородон-* ‘опухнуть и болеть’ [ССТМЯ, 1975, с. 127, 286, 380, 416], ульч. *сир ңэнэ-* ‘почувствовать острую боль (в суставе)’, нан. *сир энэ-* ‘ударить под локоть’; ма. *сир сэ-* ‘неметь, деревенеть (о руках, ногах)’⁹³; ма. *соро-* ‘чувствовать сильную боль от прикосновения’; эвенк. *таргил-* ‘коченеть, неметь’, ульч. *тарᠵи-*, нан. *тарги-* ‘щипать, саднить (от ожога, йода и др.)’; ма. *фаратала* ‘больно, жестоко’; ма. *фурдан* ‘рана, язва, рубец’, *фуру* ‘прыщ (во рту)’; эвенк. *һирки-*, эвен. *ирқъ-* ‘натереть мозоль’, *ирқън* ‘мозоль’; ма. *чар сээм* ‘ой! (крик от боли при ожоге или ссадине)’; ма. *чирга-* ‘распирать, пучить, вздуться (о животе)’; нан. *чори-* ‘страдать от боли’; ма. *чэрхувэнэ-* ‘образоваться ногтееду’; эвенк. *эрки-* ‘разбередить рану’, ма. *эрнэ* ‘прыщ (на губах)’ [Там же, 1977, с. 95, 96, 113, 168, 299, 303, 328, 385, 399, 409, 422, 465], нан. *дяр-р/ᠵяр-р* ‘ощущать жжение (о коже)’ [Киле, 1972, с. 103].

Стойкая и острая боль зачастую сопровождается ноющей болью, для выражения которой в монгольских языках используются корни **mer/nerb/nerm-*: п.-мо. *mermerki-* ‘хворать, чувствовать боль в животе’ [Kow., p. 2019], мо. *мэр мэр хий-* ‘резать, колоть (о боли в животе)’, в калм. *мер-мер* говорится об ощущении тупой боли, которая носит иррадирующий, размытый характер и которую бывает сложно локализовать.

Фонетическая близость корней позволила предположить, что в пкл.-мо. *nerbe-* [Tum., p. 480], п.-мо. *nerbe-*, *nerme-* [Kow., p. 645; Less., p. 576], мо. *нэрвэ-*, *нэрмэ-*, бур. *нэрбэ-*, калм. *нерв-* значения ‘удручать, притеснять, усугублять, бедствовать’ развились на базе ‘мучить, тер-

---

⁹³ Известно, что онемение проявляет себя неприятными ощущениями с чувством покалывания, ползания мурашек и т. п.

зять' < 'доставлять боль'. Сюда же следует отнести п.-мо. *nöri* 'укоренная болезнь', *nöri-* 'не переставать хворать' [Kow., p. 704].

Следует отметить, что сема 'боль' с помощью доминанты *[m]* реализуется на базе звукоподражания. Так, в корне глагола пкл.-мо. *emgeni-* [Тум., p. 386], п.-мо. *emgeni-* 'страдать, мучиться; беспокоиться, тревожиться' [Kow., p. 220], мо. *эмгэнэ-* 'горевать; скорбеть; быть в трауре' можно восстановить ономотоп *em, передающий сдвоенный стон, кратный характер которого подчеркивается суффиксом *-gene*. Значение боли сохраняется в п.-мо. *emgeg* 'повреждение; боль, мучение' [Там же], мо. *эмгэг* 'болезнь; повреждение; горе, печаль', бур. *эмгэг* 'недомогание'.

Несколько приглушенные болевые ощущения могут также соотноситься с артикуляционной характеристикой *[m]* в п.-мо. *čimkii-*, мо. *чимхий-* 'отдаваться болью, болеть, стрелять (при ощущении боли)'; п.-мо. *јт*, мо. *жим жим* 'боль, вызванная щипками', *жим жим өвд* 'пульсировать', бур. *жэм-жэм шэмхэ-* 'пощипывать (о морозе)'; п.-мо. *simsire-* [Там же, p. 1506], мо. *шимирэ-*, бур. *шэмиэр-*, калм. *шимир-*, ойр. *шимишре-* 'щемить, нить, ломить; робеть' (ср. рус. *щем-ить*, *с-жим-ать*, *щип-ать*).

4.4.4. Эмоции и чувства

В данном параграфе мы сочли необходимым рассмотреть случаи языковой актуализации чувств и эмоций, поскольку результаты исследования демонстрируют способность дрожащего сонанта *[r]* активно участвовать в данном процессе. Как отмечает С. В. Воронин, «звукосимволическая номинация широко действует не только в сенсорной, но и в эмоциональной сфере. На роль «эмоциональной окраски», «аффективных моментов», «чувственного тона», «эмоциональных факторов» указывают многие исследователи» [1982, с. 84].

По мнению психологов, многогранность чувств и эмоций, их проявление на различных уровнях отражения и деятельности, способность к слиянию и сочетанию исключают возможность простой классификации. Это объясняется недостаточной изученностью самой их природы. Не останавливаясь на различиях между чувствами и эмоциями, отметим, что целям нашего лингвистического исследования подходит классификация эмоций и чувств К. Шнайдера [1999, с. 165], которая может быть представлена в виде следующего рисунка 13.

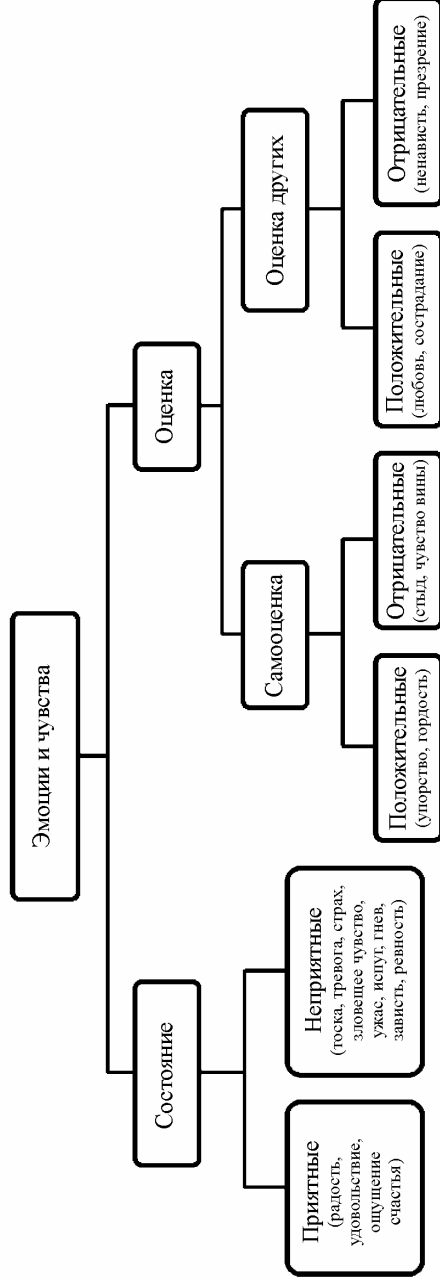

Рис. 13. Классификация эмоций и чувств

На рисунке 13 показаны примеры лишь тех эмоций и чувств, которые представлены в нашем материале. Значения большинства рассматриваемых здесь лексем выражаются средствами доминанты [r]. Широкие возможности данного согласного в области номинации чувств и эмоций становятся очевидны благодаря утверждению А. Бергсона: «практически нет страстей, желаний, радостей или печалей, которые не сопровождалась бы физическими симптомами <...>. Интенсивность острого чувства радости, печали, желания, отвращения и даже стыда коренится в автоматических реактивных движениях, производимых организмом и воспринимаемых сознанием. Любовь заставляет биться сердце, учащает дыхание, вызывает краску на лице» [1992, с. 64].

Как уже отмечалось, согласный [r] служит для вербализации как отрицательной, так и положительной ольфакторной информации (*зловонный* ↔ *ароматный, благоухающий*). Здесь с той же уверенностью можно утверждать, что данный звук сопоставим с полярными чувствами и эмоциями, выражая крайнюю степень их проявления.

Начнем с приятных чувств состояния, а именно с удовольствия, радости и счастья. Корень *ǰir* в ср.-мо. *ǰirqa-* [НУ, р. 37; SH; НУт], пкл.-мо. *ǰarya-* [Тум., р. 430], п.-мо. *ǰirya-* ‘веселиться; благоденствовать’ [Kow., р. 2366], мо. *ǰарга-*, бур. *ǰарга-*, калм. *ǰирь-*, ойр. *ǰирье-*, орд. *ǰirGa-*, даг. *ǰarga-*, *ǰirga-*, ж.-уйг. *ǰargə-*, мнгр. *ǰirGa-* [EDAL, р. 1555] ‘быть счастливым, блаженствовать’ служит для экспликации ощущения внутреннего возбуждения, радости: ср. п.-мо. *darbi-* [Kow., р. 1680], мо. *дарви-* ‘приходить в состояние радостного возбуждения (курсив наш. – Е. С.) при виде шумной толпы; кричать, орать; гудеть, шуметь (о чистом звуке)’; п.-мо. *nargi-*, мо. *нарги-* ‘веселиться, наслаждаться’; бур. *дэрбэлзэ-* ‘трепетать; быть в приподнятом настроении’, *дэрбэ-* ‘восторгаться’. Ср. тюрк. *йарсы-* ‘прийти в возбужденное состояние, быть возбужденным; разгорячиться; сильно желать; одобрять, любить’. Л. С. Левитская не исключает, что «значения ‘любить, желать’ принадлежат омонимичному глаголу» [ЭСТЯ, 1989, с. 144].

В глаголе *ǰарга-*, безусловно, исходным было значение ‘испытывать в теле возбуждение, дрожь; блаженство, удовольствие от чего-л.’ Так же, как и страх, состояние счастья в первую очередь обусловлено

телесными ощущениями: переизбыток эмоций сопровождается учащением сердцебиения и дыхания, общего ритма работы организма (*д-р-р*, *ж-р-р*). В данном случае возникают психоэмоциональные ассоциации с акустическими характеристиками согласного [*r*].

Если, по нашему предположению, счастье воспринимается в осязательной модальности, то Л. С. Левитская видит в глаголе *жарга*-результат зрительного восприятия, возводя его к имитативной основе *йар ~ *жар* ‘сверкнуть, блеснуть’ [ЭСТЯ, 1989, с.146]. Ср. также рус. *просиять от радости, сверкнуть улыбкой*. Кир. *жирга-*, каз. *жырга-*, сюг. *йырга-*, алт. *дырга-*, хак., чув. *чыргала-*, як. *сырга-* ‘наслаждаться, радоваться’ Н. Н. Поппе, В. И. Рассадин, Л. С. Левитская относят к монголизмам [ЭСТЯ, 1989, с.43]. Также лексема заимствована в сол. *Жиргā-*, ма. *Жирга-*, чж. *tih-rh-hāh-lāh* ‘наслаждаться, блаженствовать’ [ССТМЯ, 1975, с. 259], в то время как ульч. *ларги* ‘хороший, приятный’ [Там же, с. 494], эвенк. *ур.ўвсй̄-*, сол. *урун-*, эвен. *орус-*, орок. *урул.ж̄й̄ни-*, ма. *ургун.ж̄-* ‘радоваться, веселиться’; ма. *фур сэмэ* ‘вкусно, тепло, тихо’; ороц. *чаранаи* ‘веселый, жизнерадостный’; возможно, эвенк. *эрэ̄* ‘наестся, насытиться’ [Там же, 1977, с. 288, 303, 385, 466] относятся к автохтонной лексике.

Противоположное состояние в монгольских языках выражается с помощью словосочетания п.-мо. *örü ebed-* ‘душевно скорбеть, быть сердобольным, искренне сожалеть’ [Kow., р. 581], мо. *өр өвд-*, бур. *үрэбдэ-* ‘душа болит; щемит под ложечкой’, мо. *өр өмрө-* ‘сердце рвется на части’, где нас прежде всего интересует компонент пкл.-мо. *örü* [Tum., р. 125, 512], п.-мо. *örü* ‘внутренность чего-л.’ [Kow., р. 581], орд. *oro, or*, мог. *oura* ‘сердце, душа’ [EDAL, р. 1064]. В БАМРС *өр* выступает и как конкретный анатомический орган ‘подложечная область’, и как отвлеченное понятие ‘душа; сердце’. В других языках именно последние значения выходят на первый план: бур. *үрэ* ‘сердцевина; сердце’, калм. *өр* ‘грудь, душа’, ойр. *өр*, орд. *örö*, мог. *ourä* ‘душа; сочувствие’. Ср. эвенк. *урэ* ‘душа (человека)’ [ССТМЯ, 1977, с. 289]. Из предложенных в Алтайском словаре параллелей к данной интерпретации подходит Птюрк. **ō̄* ‘середина, внутренность, сущность’. Несмотря на мнение Г. Дерфера, монгольские формы не могут быть заимствованы из тюркских языков [EDAL, р. 1065].

По всей видимости, притупленное ощущение щемления под ложечкой, сопряженное с чувством тревоги, жалости и выражаемое корнем *ör, впоследствии дало основание для переноса на анатомический орган, в котором наиболее велика жизненная активность. Отсюда п.-мо. *örüče* [Less., p. 643], мо. *өрц*, бур. *үрсэ*, калм. *өрч*, ойр. *өрчи*, даг. *erēcü* [EDAL, p. 1064] ‘диафрагма, грудобрюшная преграда’. Значение сердца, души, центра перенесено на п.-мо. *ör*, мо. *өр* ‘центр пола в юрте; квадратный столик в центре юрты’, хотя здесь допустимы и другие мотивы номинации.

Чувство тревоги, «зловещее чувство» (Шнейдер) может манифестировать и корень *ir: ср.-мо. *ira* [MA, с. 242], пкл.-мо. *iru-a* [Tum., p. 419], п.-мо. *iru-a*, *irva* ‘знак, знамение’ [Kow., p. 321], мо. *ёр*, бур. *ёро*, калм. *йор*, ойр. *йор*, орд. *joro*, даг. *jor*, *jore*; ж.-уйг. *jor* [EDAL, p. 591] ‘плохое знамение, дурное предзнаменование’. В халха-монгольском языке лексема может означать и хорошее предзнаменование: *сайн ёр* ‘добрый знак’, *хуний ёр* ‘счастливая звезда’, что, очевидно, является результатом расширения исходного значения. В данном случае корень *ir обозначает внутреннее ощущение, предчувствие чего-то недоброго, плохого⁹⁴ (ср. рус. *сердце ёкнуло*). Ср. Птюрок. *ir-/*ir- ‘знамение; суеверие’, Пяп. *йрá* ‘гадание’ [EDAL, p. 591]. Интересно функционирование в нанайском языке *сиртэ* ‘екнуть (о сердце)’ [Киле, 1972, с. 156], ма. *таp сэ-* ‘вздрагивать от испуга’; эвен. *һэри-* ‘тревожиться, волноваться; предчувствовать несчастье’ [ССТМЯ, 1977, с. 189, 370].

Э. В. Севортян считает, что тюрк. *ырым* ‘знак, примета, предзнаменование (хорошее и дурное), предчувствие’ представляет собой отглагольно-именное производное с аффиксем *-м*, гомогенное с *ырык* и *ырыз/ырыс*, объединенными между собой основными значениями ‘знак, примета’. Производящей основой всех трех слов является глагол **ыр-*, представление о котором дает турк. *ыр-* ‘уговаривать, пропускать’. В. Банг и А. фон Габен глагол *ir-* отождествляли с глаголом *уар-* ‘раскалывать’, шор. *iril-* ‘образовывать трещины, рваться’, а в *irq* и *irim* видели названия древнейших принадлежностей для гадания на

⁹⁴ Хотя в данном случае, как полагают многие исследователи, возможно сопоставление со звукоподражательным глаголом п.-мо. *irüge-* ‘предсказывать’.

трещинах и щелях в обожженных лопатках барана [ЭСТЯ, 1974, с. 666]. Данная лексема, по сути, связана с интуицией, в которой в чистом виде заключено сверхчувственное восприятие и которую зачастую называют шестым органом чувств.

Дрожащий сонант [r] служит для манифестации значения 'грусть; беспокойство, тревога' в тунгусо-маньчжурских языках: ма. *йир сэмэ* 'горестно, прискорбно'; эвенк. *мэргэ-* 'унывать, грустить', эвен. *мөргө-* 'грустить; волноваться, беспокоиться о ком-л.', нег. *мэјгэ-* 'беспокоиться, тревожиться' [ССТМЯ, 1975, с. 259, 571], орок. *сурунна-* 'волноваться', эвенк. *сурэ-* 'беспокоиться, метаться'; ма. *чирга-* 'спирать (под ложечкой)' [ССТМЯ, 1977, с. 131, 399].

Большое количество корней с данным согласным в разных языках содержат семы 'страх; ужас; испуг', в связи с чем их можно отнести к категории относительных фоносемантических универсалий⁹⁵. Это, несомненно, обусловлено тем, что страх зачастую расценивается как ощущение. А. Бергсон приводит точное описание физиологических симптомов страха: «Биение сердца учащается, лицо краснеет или смертельно бледнеет, дыхание затрудняется, грудь подымается, дрожащие ноздри раздуваются, часто все тело дрожит. Голос меняется, зубы сжимаются или стучат, и мускульная система вообще доведена до крайнего возбуждения; она готова на любой неистовый, даже безумный поступок» [1992, с. 64].

Значения 'страх'⁹⁶, испуг; стыд' в монгольских языках выражаются с помощью следующих корней: *bard/pard/dar/šard/serd/qor/ür/bür/sür/kird/kirt* и др. П.-мо. *šard*, п.-мо. *шард* выражает внезапный испуг, вздрагивание от грохота обвала, п.-мо. *sirbegede-* 'не знать куда деваться от стыда' [Kow., p. 1531]; п.-мо. *dargi-*, мо. *дарги-* 'судорожно, нервно вздрагивать'; *сэрд хий-*, *эрхий-* 'замереть о сердце', *сэвэс-хий-* 'вздрогнуть, встрепенуться'; п.-мо. *süriy-e* 'страх, ужас' [Там же, p. 1435]; бур. *бард гэ-* 'вздрогнуть, внезапно испугаться', *пард гэ-* 'ёк-

---

⁹⁵ Ср. англ. *horror* 'ужас', *terror* 'страх', *risk* 'страх, риск', *tragedy* 'трагическое событие'; *fright* 'испуг'; нем. *Furcht* 'страх', *Grauen* 'ужас', *Schreck* 'испуг'; фр. *frayeur* 'страх, испуг', *frousse*, *terreur* 'страх', *effroi* 'ужас; испуг', *horreur* 'ужас' и др.

⁹⁶ Согласно М. Фасмеру, рус. *страх* с первоначальным значением 'оцепенение' сближается с лит. *stregti*, *stregiu* 'оцепенеть, превратиться в лед'.

нуть', п.-мо. *bürki-* 'прийти в замешательство, встревожиться, испугаться' [Kow., p. 1262].

Резкий, внезапный звук, в большинстве случаев передающийся корнями с фонемами *[d]* и *[s]* в ауслауте, вызывает непроизвольное содрогание, дрожание. Ср. каз. *сұр* 'вид, образ, облик; мрачный, грозный, устрашающий вид (человека, животных)'; як. *дыар* 'нервно вздрогнуть, встрепенуться'; эвенк. *курбул-* 'екнуть (о сердце)' [ССТМЯ, 1975, с. 435], ма. *шургэ-* 'дрожать, трястись (от страха, лихорадки, стужи)' [Там же, 1977, с. 430].

Ср.-мо. *hürgü-* [МА, с. 192], П.-мо. *ürge-* [Kow., p. 592], мо. *үргэ-*, бур. *үргэ-*, калм. *үрг-*, ойр. *үрге-* 'пугаться, шарахаться; броситься в сторону (о животных)'; ма. *урху-* 'пугаться, шарахаться (о лошади)' [ССТМЯ, 1977, с. 286] семантически близок п.-мо. *qorγuγu-*, мо. *хоргоо-* 'вспугивать, поднимать криком зверей на охоте'. В тюркских языках глагол *үрк-* 'испугаться; вздрогнуть' Э. В. Севортян раскладывает на *үр-* + *-(ы)қ-* ~ *ур-* + *-(ы)қ-*, где *-(ы)қ-* – показатель интенсивности действия [ЭСТЯ, 1974, с. 636].

Широко представлены в монгольских языках производные данного лексико-семантического поля, образованные от корней **kir/qor*: п.-мо. *kirü-* 'бояться' [Less., p. 473], мо. *хяр-* 'прятаться (о зверях); притаиться, замирать (от сильного страха)'; бур. *хуруу* 'застенчивый, несмелый'; п.-мо. *girbi-* [Kow., p. 2552], мо. *гирви-* 'упасть духом, сбиться с толку', *гирвэши-* 'избегать; шарахаться от кого-л.'; п.-мо. *kirtki-* [Там же, p. 2553], мо. *хирдхий-*, *хиртхий-* 'быть пораженным ужасом, страхом; вздрагивать (от испуга), трепетать': *дотор хирдхийв* 'внутри что-то оборвалось'. Ср. ма. *кири-* 'притаиться (от испуга – о птице, звере); приникнуть головой'; нан. *кирим* 'остолбенев, как вкопанный' [ССТМЯ, 1975, с. 398], орок. *сири-*, орок. *сири-*, нан. *сири-* 'прятаться, скрыться'; ма. *сорочо-* 'стыдиться, не сметь (взглянуть в глаза)'; эвенк. *тэрэүэм-* 'закрыться, укрыться (из предосторожности); остерегаться, беречься' [Там же, 1977, с. 95, 113, 240].

По аналогии с *kira-* можно трактовать как имитативный глагол бур. *хоро-* 'прятаться, укрываться', калм. *хор-* 'проявлять робость, робеть', п.-мо. *qorui-*, мо. *хор-* 'стоять, плотно прижавшись друг к другу, опустив голову вниз (об овцах в жару)'. Последнее значение в бурятском языке реализуется в глагольной форме *хурга-* 'прятать голову; прятаться', где корень **qur*, равно как и **kir/qor*, передает замира-

ние, трепет. Ср. як. *кирий-* ‘притаиться’, *кирицнэ* ‘пугливо втягивать голову в плечи’; эвенк. *чурбургэ-* ‘собраться в кучу, сгрудиться (об оленях)’ [ССТМЯ, 1977, с. 416].

Возможно, ощущение страха и напряжения отразилось в прилагательном п.-мо. *qoriy* [Less., p. 966], мо. *хориг*, калм. *хэрг* ‘чувствительный, не позволяющий дотронуться до чего-л.’: *толгойдоо хориг* ‘не позволяющий дотронуться до головы (о лошади)’. Очевидно, на основе данного признака чувствительности в дальнейшем развилось значение пкл.-мо. *qoriy* [Tum., p. 530], п.-мо. *qoriy* [Kow., p. 961], мо. *хориг*, бур. *хориг*, калм. *хэрг* ‘запрет, запрещение’. Подобное развитие значения косвенно подтверждается данными тунгусо-маньчжурских языков: нан. *сорб* ‘грех, запрет, табу; стыд, срам’, ма. *соро-* ‘считать за грех; воздерживаться от чего-л. запретного’ [ССТМЯ, 1977, с. 113].

Монголизмами являются тув. *хоргада-* ‘укрываться, скрываться, находить приют’, як. *хорго* ‘убежище, укрытие; защита, опора’, кир. *корголо-*, ккалп. *корголо-* ‘спасаться, искать защиты, укрываться’. <...>. В тюркских языках представлены *қорқ-* ~ *қоруқ-* ~ *қорқу-* ‘бояться; (ис)пугаться, страшиться; ожидать что-л. неприятное’. А. Зайончковский вслед за Г. Рамstedтом признавал идентичность первичного тюрк. **qor-* и калм. *хор-* ‘бояться, робеть’. С калм. *хор-* сопоставимы каз., ног. диал. *қорын-* ‘стесняться (*из-за своего недостатка*), бояться’ и кир. *қорун-* ‘чувствовать неловкость, приниженность; стесняться (напр., *своей бедности*), остерегаться, искать спасения’ [ЭС-ТЯ, 2000, с. 77–78].

В качестве гипотезы можно связать этимологию термина свойства ср.-мо. *beri* [SH; НУ, р. 29; LH], *berigen* [SH; IM], *berigan* [НУ, р. 28], *berigen beri* [МА, с. 118], пкл.-мо. *beri* [Tum., p. 322], п.-мо. *beri*, *bergen* [Kow., p. 1126], мо. *бэр*, *бэргэн*, бур. *бэри*, *бэригэн*, калм. *бер*, *бергн*, ойр. *бере*, *берген*, орд. *bere*, *bergen*, мог. *bëiri*, даг. *beri* (*ber*), *berigen*, дунс. *bieri*, *beGen*, бао. *vere*, мнгр. *beri*, *jeri*, *bergen* ‘невестка, сноха, жена сына’ с имитативным корнем **ber* в составе глаголов п.-мо. *berge-*, мо. *бэргэ-* ‘стесняться, робеть’; п.-мо. *berbeyi-*, мо. *бэргий-* ‘трусить, робеть’ (*бэргээр* ‘робкий’); калм. *бер-ад көдл-* ‘психоз’, *бермс-* ‘стесняться’.

Подобный мотив номинации не выглядит необоснованным с учетом зависимого положения невестки в странах Востока. От самого

термина в дальнейшем образуется глагол со схожей семантикой: п.-мо. *berile-* ‘стыдиться, мешаться от робости (о женщинах)’ [Kow., р. 1126]. Ср. эвенк. *бэрэ* ‘смирный’, *бэрэ-* ‘присмиреть, успокоиться’, орок. *бэрэми* ‘смирный’, ма. *бэрэ-* ‘онеметь, оцепенеть (от испуга)’; *гирбэ-*, ма. *гиру-*; нан. *ирэнтэ-*, ма. *јэртэ-* ‘стыдиться, стесняться’; эвенк. *кара-* ‘смутиться, сконфузиться’ [ССТМЯ, 1975, с. 127, 155, 329, 380], эвенк. *һэричэн* ‘зависимость; стеснение’ [Там же, 1977, с. 369]. Этим можно обосновать тот факт, что «сильный» с позиции звукосимволизма звук [r] фигурирует в термине свойства, номинирующем лицо женского пола.

По предположению авторов EDAL, в Птунг. **bener* ‘младший свойственник, свойственница (шурин, свояченица)’ могла произойти метатеза: **bener* < **bere-n* [р. 339]. Эвенк. *бэригэј*, ма. *бэрху* ‘невестка’ относят к монгольским заимствованиям [ССТМЯ, 1975, с. 126], однако дрожащий сонант [r] также представлен в корне нан. *орб*, ма. *урун* ‘невестка (жена сына)’ [Там же, 1977, с. 24].

Другой термин пкл.-мо. *gergei, gergen* [Tum., р. 405], п.-мо. *gergei* [Kow., р. 2518], мо. *гэргий*, бур. *гэргэй, гэргэ(н)*, калм. *гергн*, ойр. *гергээ* ‘жена, супруга’ может быть также семантически связан с п.-мо. *kiregüü* ‘боязливый’, *kirü-, kiru-* ‘быть в страхе; робеть, трусить’ [Kow., р. 2546, 2551], бур. *хирүү* ‘застенчивый, несмелый’, *харюу* ‘конфузливый, стеснительный’. Ср. як. *курус* ‘испытывающий чувство смущения, огорчения’. В ряде тюркских языков распространена форма *қырқын* ‘невольница; служанка; пленница; наложница; девушка’, которую Дж. Клосон сравнивает с *қырнақ* ‘невольница’ и *қыз* ‘девушка’ [Cl., р. 654a–b].

Сема ‘гнев’ реализуется с помощью корня **ur:* пкл.-мо. *urin* [Tum., р. 607], п.-мо. *urin* ‘гнев, неудовольствие’ [Kow., р. 439], мо. *урин* ‘гнев’; п.-мо. *örne-* ‘быть раздражену, подстрекнута’ [Там же, р. 587]; семы ‘ревность; зависть’ – с помощью корня **qar:* п.-мо. *qar*, мо. *хар* ‘ревность’; пкл.-мо. *qartai* [Tum., р. 524], п.-мо. *qaratu, qartai* [Kow., р. 834], мо. *хартай* ‘ревнивый; недоверчивый; коварный’, калм. *харта* ‘подозрительный’; п.-мо. *qarada-* [Там же], мо. *харда-* ‘ревновать; подозревать кого-л. в чем-л. дурном; завидовать, быть недоброжелательным’; п.-мо. *qaras-* ‘ненавидеть, недоброжелательст-

вовать' [Kow., p. 833], мо. *харуши*- 'подозревать'⁹⁷. Значение 'зависть' также представлено в п.-мо. *yorila*-, мо. *горило*- 'точить зубы на кого-л.; завидовать'; п.-мо. *yorida*-, мо. *горьдо*-, бур. *горидо*-, калм. *гөрд*- 'завидовать; зариться'⁹⁸.

Судя по значениям лексем с корнем *qar, понятие 'ревность' тесно связано с понятиями 'жадность', 'жалость': п.-мо. *qaram* [Там же, p. 835], мо. *харам*, бур. *харам*, калм. *харм*, ойр. *харам* 'скупость; сожаление, жалость'; п.-мо. *qarayu* [Less., p. 935], мо. *харуу*, бур. *харуу* 'жадный, прижимистый', калм. *хару* 'ревнивый, ревность; скупой'; также п.-мо. *kireg*, *kirig* 'скупой, скряга', *kire*- 'скупиться' [Kow., p. 2547]. Як. *харыс* 'бережливый', *хараный* 'жалеть'. Все рассмотренные выше обозначения чувств и эмоций, как и прежде, обусловлены интенсивной работой интероцепторов, вербализация которой происходит при непосредственном участии дрожащего сонанта [r].

Корневой согласный [m] зафиксирован лишь в обозначениях гордости, высокомерия и обиды, при этом здесь мы уже имеем дело не с внутренними ощущениями, а со зрительным восприятием лица, точнее, губ человека. Номинация в пкл.-мо. *отуу* [Тум., p. 495], п.-мо. *отуу* [Kow., p. 412], мо. *омог*, бур. *омог*, калм. *омг*, ойр. *омог* 'гордость, высокомерие', на наш взгляд, обусловлена внешним видом надменного человека, точнее, выражением его лица: человеку свойственно от важности своей хмуриться и поджимать губы⁹⁹. Здесь использование согласного [m] сопряжено с произвольным движением мышц рта, сопровождающим ощущения и эмоции.

Тот же признак номинации прослеживается в п.-мо. *tuma*, мо. *тум* 'чванство, гордость, надменность', бур. *тума яма хун* 'упрямый важный человек', а также в бур. *гом* 'жалоба, сетование, обида', калм.

---

⁹⁷ Корни *qor и *šar, которые с позиции вкусовой модальности имеют значения 'яд' и 'изжога', образуют парное слово мо. *хор шар* 'зависть, чувство досады', бур. *хоро шаран* 'злопахательство, злоба'.

⁹⁸ Рус. *заркий* 'жадный, похотливый; гневный' (*зарить* 'раздражать, возбуждать') часто рассматривается как родственное др.-инд. *hāryati* 'любит, находит удовольствие, жаждет', греч. *χαίρω* 'я радуюсь', гот. *gairns*, авест. *zara-* 'стремление, цель' [Фасмер, 1971, с. 80].

⁹⁹ Ср. англ. *to prim* 'принимать строгий, официальный вид; напускать на себя важность', *to prim (up) one's lips (mouth)* 'поджимать губы'.

һом ‘недовольство, несогласие’; бур. *һомой-* ‘жаловаться, апеллировать’. В основу глаголов п.-мо. *һомду-* [Kow., p. 1034], мо. *һомдо-*, бур. *һомдо-* ‘жаловаться; обижаться; досадовать, сожалеть; сокрушаться, убиваться’, п.-мо. *һомтиһи-*, мо. *һоморхо-*, калм. *һомрх-* ‘плакаться, дуться; ныть; обижаться’ заложен образ губ, поджатых от обиды, досады, сожаления.

Использование в корнях гласных [o/u] Ш. Балли объясняет следующим образом: «...при произнесении округлых гласных (*ou, u*) губы выпячиваются; это движение, даже вне речевой деятельности, выражает плохое настроение, насмешку, презрение: *bouder* ‘дуться’» [1955, с. 148].

В основе *dümb значение ‘равнодушный’ возникло на базе значения ‘надувший губы; молчаливый’: мо. *дуу иууһуһи дүмбий-* ‘молчать’, досл. ‘без звука надуться’. Наиболее ярко образная семантика проявляется в прилагательном п.-мо. *kimsayar*, мо. *һямсгар* ‘надменный, кичливый’. В бурятском языке кинема *һэм* функционирует в качестве междометия ‘гм...’ и образует аналитические конструкции: *һэм гэһэ баярлаха* ‘внутренне злорадствовать’ [БРС, 1973, с. 704]. Ср. каз. *томырай-* ‘надуться, накупиться’ [Кайдаров, 1986, с. 286–287], Птюрк. *ĉAm ‘упрек; обижаться; сердиться’: др.-тюрк. *ĉam*, крх.-тюрк. *ĉатуһи*, хал. *ĉattal-tur-* ‘выглядеть нервным, злым’ [EDAL, p. 414], ма. *чумчуриэ-* ‘делать почтительное лицо’ [ССТМЯ, 1977, с. 414]. Следует отметить, что нами приводились примеры, в которых значения ‘надменный, гордый’ также развились на базе внешнего вида человека: выражения его лица, походки и пр. (мо. *һртгар, һрвагар* ‘высокомерный, надменный, с кислой миной’, *бардам, бардан* ‘чванливый, кичливый’).

Таким образом, результаты данного исследования подтверждают, что экспрессивность может заключаться в самой природе звуковой субстанции. «Помимо языка, звук сам по себе способен выражать боль и радость, отвращение и желание; порожденный жизнью, он передает ее в воспринимающий его орган; подобно языку, он отражает вместе с обозначаемым объектом вызванные им ощущения и во все повторяющихся актах объединяет в себе мир человека или, иначе говоря, свою самостоятельную деятельность со своей восприимчивостью» [Гумбольдт, 1984, с. 76]. На примере рассмотренных выше лексем мы проследили, как акустико-артикуляционные характеристики

звукового облика корня соотносятся с сенсорно-эмоциональным состоянием денотата.

4.4.5. Кинестетическая чувствительность

Под кинестезией (от греч. *κινέω* ‘двигаюсь, прикасаюсь’ и *αἴσθησις* ‘чувство, восприятие’) понимается область ощущений, связанных с движениями тела, которые возникают благодаря работе проприорецепторов – рецепторов мышц, сухожилий и соединительной ткани, покрывающей внутренние органы.

Здесь нами рассмотрены такие витальные и органические ощущения, как бодрость, напряжение, ожидание, сексуальное напряжение, сила и физическое отвращение. Корень *ser передает пробуждение, оживление¹⁰⁰ (ср. рус. *встрепенуться*): ср.-мо. *seri-* [HY, p. 35; SH], *sere-* [HY, p. 33; SH; LH], *sere-*, *seri-* [MA, с. 320], *sīr-* [IM], пкл.-мо. *sere-*, *seri-* [Tum., p. 550], п.-мо. *sere-* [Kow., p. 1370], мо. *сэр-*, бур. *hэри-*, калм. *сеп-*, орд. *sere-*, мог. *сера-*, даг. *sere-*, дунс. *sieri-*, бао. *sere-*, ж.-уйг. *сeр-*, мнгр. *sari-* [EDAL, p. 1219] ‘воспрянуть, оживиться; просыпаться’.

Данный корень образует важное для нашего исследования понятие п.-мо. *serel*, *seril* ‘чувствование, ощущение (посредством 6 чувственных органов), чувствительность’ [Kow., p. 1368], мо. *сэрэл* ‘ощущение’. Для самих органов чувств используется производное п.-мо. *erketen* ‘орган чувства; способность чувствования; детородные части’ [Там же, p. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэтэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* ‘орган тела’, т. е. ‘обладающий силой’. С концентрацией сил, очевидно, связаны признаки ‘здоровый; трезвый’, реализуемые в ср.-мо. *ilaur* [MA, с. 152], *elor* [IM, p. 437], *ileur* [LH], п.-мо. *erügül* ~ *erigül* ‘трезвый, воздержный’ [Kow., p. 257], мо. *эрүүл*, бур. *элүүр*, калм. *эрүл*, ойр. *эрүүл*, орд. *erül* [EDAL, p. 515].

---

¹⁰⁰ В 2008 г. агентством «Ogilvy Johannesburg» была разработана концепция рекламы напитка «Coca-Cola» под названием «Витг-эффект», которая породила околочультурный феномен произнесения звукокомплекса «Бр-р-р!» в моменты хорошего настроения, когда эмоции и их причины невозможно выразить словами: «Бр-р-р! – это звук, который вы производите, когда касаетесь чего-то ледяного. Это непроизвольная дрожь, которую вы не можете остановить. Это взрыв энергии, который поднимает ваше настроение. Это заразная, необратимая волна душевного подъема. Это то, что происходит с вами, когда вы делаете глоток ледяной «Coca-Cola» [www.adme.ru].

Справедливо Пмонг. *seri- ‘просыпаться; замечать’ сопоставляется с Птюрк. *sEr- (~*-ē-*) ‘чувствовать, понимать, воспринимать’ [EDAL, p. 1219], возможна корреляция с Птунг. *ar- ‘делать, производить, работать; приходиться в чувство’ [Там же, p. 313]. Ср. также ма. *суру-* ‘ободриться, утешиться, развеселиться’; эвен. *həpɣəkət* ‘бодро’ [ССТМЯ, 1977, с. 130, 352, 369].

В монгольских языках можно выделить ряд образных лексем, которые можно охарактеризовать как обозначения напряжения. Несомненную ценность для этимологизирования представляет глагол п.-мо. *kürbeyi*- ‘напрягаться (о жилах)’, зафиксированный О. М. Ковалевским [Kow., p. 2646] и не упоминающийся в современных монголоязычных словарях. Согласный [r] в образном корне *kürb указывает на достаточно высокую степень напряжения сухожилий, которое, судя по субстантивам, также передается с помощью корней *qurb и **sirm/sirb*: п.-мо. *qurbasu*, мо. *хурвас* ‘жила, сухожилие’; ср.-мо. *sirmusu* [SH], *sirbusun* [HY, p. 48], *sirbüsün* [LH; IM], *sirbüsün* [MA, с. 130], пкл.-мо. *sirbüsün* [Tum., p. 565], п.-мо. *sirbusu(n)*, *sirmusu(n)* [Less., p. 716], мо. *шөрмөс(өн)*, бур. *шүрмээн*, *шүрбээн*, калм. *шүрүсэн*, ойр. *шүрвөсөн*, орд. *šorwos*, *šorwosu*; даг. *sirbes*, *sirbus*, мнгр. *šbuзэ*, *šuluзэ*, *šurbusə* [EDAL, p. 1383–1284] ‘жила; сухожилие; нервы’. Ср. эвенк. *сирэктэ* ‘сухожилие; нитка (сухожильная); волос конский’, сол. *ш’уриктэ* ‘нитка’, эвен. *сирэн* ‘волосок, нитка у самострела’ и др. [ССТМЯ, 1977, с. 97].

Тот же мотив номинации возможен и в термине ср.-мо. *borbai* [MA, с. 197], п.-мо. *borbi* [Kow., p. 1221], мо. *борви*, бур. *борьбо* ‘пяточное сухожилие, ахиллово сухожилие’, калм. *бөрв*, ойр. *бөрвө* ‘подколенные сухожилия’, в котором ранее нами был выделен признак ‘пухлый, раздутый’ (по форме голени).

В производных от корня *gür контаминируют 2 мотива: напряжение (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘вздутый, набухший (например, о кровеносных сосудах)’; пкл.-мо. *güreysi*: [Tum., p. 409], бур. *гүрды-* ‘вздуться, набухать (о кровеносных сосудах)’) и звукоподражания *гүр-гүр*, передающего пульсацию крови (п.-мо. *güreger*, мо. *гүргэр*, бур. *гүрэгэр*, орд. *gureger* ‘пульсирующий’; п.-мо. *gürege* [Kow., p. 2637], мо. *гүрээ*, бур. *гүрөө*, орд. *gurē*, даг. *gure*, ж.-уйг. *gurēn* [EDAL, p. 573] ‘переднебоковая область шеи, шейная

артерия' калм. *гүрә* 'вена'; ср.-мо. *gürü:n sudusun* 'шейная артерия' [МА, с. 172])¹⁰¹. Ср. як. *хорук* 'артерия, пульс'; эвенк. *сура* 'кровеносный сосуд, вена' [ССТМЯ, 1977, с. 129]. Выделение данного мотива номинации затрудняет предложенное в Алтайском словаре сопоставление Пмонг. *gürege* 'передняя часть горла' с Птунг. *gorgakta 'нёбо, увула' и Птюрк. *Kurgak 'нёбо' [EDAL, р. 573].

Следует отметить, что значение пульсации также передается с помощью корней **ǰir/sir*: п.-мо. *ǰirs ǰirs ki-*, мо. *ǰирс ǰирс хий-* 'пульсировать'; п.-мо. *ǰirki-*, мо. *ǰирхий-* 'пульсировать'; п.-мо. *sir sir* 'биение сердца', *sirčigine-* [Kow., р. 1532–1533], мо. *шурчигнэ-* 'биться (о сердце)'. Признак пульсации стал мотивирующим для лексемы ср.-мо. *ǰurokan* [HY], *ǰiruge(n)*, *ǰiruge* [SH], *ǰürüke* [IM], *ǰürke* [LH], *ǰürüken* [МА, с. 211], пкл.-мо. *ǰürüke(n)*, *ǰürüken* [Tum., р. 431, 438], п.-мо. *ǰürüke(n)* [Kow., р. 2363], мо. *зүрх*, бур. *зүрхэн*, калм. *зүркн*, ойр. *зүркен*, орд. *ǰüreхе*, мого. *ǰirka*, даг. *ǰirug*, *ǰirgu*, *ǰirugu*, *ǰirehe*, дунс. *ǰiGe*, *ǰiyә*, бао. *ǰirge*, ж.-уйг. *ǰirgen*, мнгр. *ǰerge*, *ǰirge* [EDAL, р. 1555] 'сердце'.

Т. А. Бертагаев, проанализировав ряд производных: мо. *ǰирвэг ǰирвэг хий-* 'вздрагивать', бур. диал. *ǰирвэг гэ-* 'делать подскоки, вздрагивать' и др., заключает, что в основе *ǰиру-хэн* лежит значение 'вздрагивать; двигаться' [1971, с. 102]. В тюркских языках повсеместно распространена форма *ǰürek 'сердце', связь которой с *ǰür* 'двигаться' имеет, по предположению А. В. Дыбо, народно-этимологический характер [СИГТЯ, 2001, с. 276]. Ср. каз. *зырқ* – подр. биению, пульсации [Кайдаров, 1986, с. 221], эвенк. *гори-*; *ǰоромна-* 'биться, стучать (о сердце)' [ССТМЯ, 1975, с. 161, 266], ма. *шургэ-* 'трепетать, биться (о сердце)' [Там же, 1977, с. 430].

Согласно утверждению С. В. Воронина, «напряжение мышц играет важнейшую роль в двигательных и иных процессах, имеющих отношение к телу человека. При общей склонности человека к подражанию, напряжение различных групп мышц тела имитируется («моделируется») напряжением мышц, относящихся к артикуляцион-

---

¹⁰¹ Также лезг. *гурп-гурп* – подражание учащенному пульсу [Тамбиева, 2003, с. 60].

ному аппарату. Анализ убеждает, что в самых различных языках является обширная группа слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения (сдавливания, судорожного сокращения, растяжения и т. д.) тех или иных мышц человеческого тела. Например, шотл. *jerk* ‘резкое движение, толчок, судорожное подергивание’, англ. *quirk* ‘двигаться резко, толчками’» [Воронин, 1982, с. 103–104].

В рассматриваемом нами материале выделена также группа глаголов с доминантой [r], передающей дифференциальное значение ‘совершать резкое, одномоментное действие’, которое, несомненно, требует напряжения мышц ног, рук, спины и др., соотносимого с акустико-артикуляционными характеристиками дрожащего сонанта [r]: п.-мо. *ǰirbayi-* ‘прыгать, скакать, играть’, *qarayi-* ‘прыгать; вскочить’ [Kow., p. 2366, 823], мо. *харай-*, бур. *харай-*; бур. *һүрэ-* ‘прыгать, скакать; подпрыгивать, спрыгивать’; п.-мо. *ǰerbe-*, мо. *цэвэ-* ‘отпрыгивать (в испуге)’; п.-мо. *derkere-*, мо. *дэрхрэ-* ‘бегать взапуски, состязаться в беге, оспаривать’.

Ср. нан. *дэрикэчи-* ‘прыгать, скакать’, ульч. *дэрин-* ‘прыгнуть’, ма. *дори-* ‘скакать; прыгать с разбега (о зайце)’; эвенк. *қурга-* ‘прыгать, скакать’; сол. *лэрбүр-лэрбүр* ‘прыг-прыг (о беспокойных движениях)’ [ССТМЯ, 1975, с. 237, 435, 518], ма. *суртэ-* ‘бежать взапуски’; эвенк. *турку-* ‘прыгать’; эвенк. *һуркуǰһин-* ‘подпрыгнуть; нырнуть’ [Там же, 1977, с. 130, 220, 353], каз. *ырғы-* ‘прыгнуть (вниз)’, *ыршы-* ‘вскочить, подскочить на месте’, *қарғы-* ‘прыгать’ [Кайдаров, 1986, с. 310]. По замечанию Д. В. Бубриха, «зрительное и осязательное восприятия могут быть переведены на «язык» изобразительных слов, представляющих звучания, в связи с тем, что в изобразительных словах очень ярко выражен традиционно-условный момент» [1948, с. 93].

Корни **lur/pur* в эвенк. *луриwэн-* ‘нырять’ [ССТМЯ, 1975, с. 512], *һур-* ‘нырять’, ульч. *нурин-* ‘нырнуть’, орок. *пуротчи-*, нан. *пурикэчи-*, ма. *фура-* ~ *фури-* ‘нырять’ [Там же, 1977, с. 352] коррелируют с русским корнем *ныр-*ять, также передающим кратковременное действие¹⁰². Кинестетическое ощущение быстрого движения рук отражается в п.-мо. *düre-* ‘всунуть (в карман, колчан, ножны), вставить, водру-

---

¹⁰² Ср. также рус. разг. *ныр-*нуть ‘[неожиданно] ударить чем-л. остроконечным’, *с-тыр-*ить ‘украсть’.

зить' [Kow., p. 1947], мо. *дур-*, бур. *дурэ-*, калм. *дур-*, ойр. *дуре-* 'оку-
нать; макать; вонзать, втыкать острием; совать'; баргуз. *һүрд гүүлэ-*
'стащить, своровать что-л.' Ср. также п.-мо. *örübki-* 'наклеивать (о
рыбе, когда ее удят)' [Там же, p. 577], мо. *өрөвхий-* 'быстрым, стреми-
тельным движением хватать добычу (о рыбе, змее)'

Напряжение мышц при давлении, сталкивании реализуется в гла-
голах: ср.-мо. *daru-* [МА, с. 138], пкл.-мо. *daru-* [Тум., p. 362], п.-мо.
daru- [Kow., p. 1671], мо. *дар-*, бур. *дара-*, калм. *дар-*, ойр. *дара-*, дунс.
дару- 'давить, жать, придавливать, прижимать'; п.-мо. *türe-*, мо. *түр-*,
бур. *түри-* 'теснить, толкать; гнать'; п.-мо. *nüre-*, мо. *нүр-*, калм. *нүр-*
'толкать друг друга, сжимать, сдавливать, прижиматься', ойр. *нүр-*
'сталкиваться, сшибаться (о животных)'; возможно, ср.-мо. *mörgü-*
[МА, с. 150], п.-мо. *mörgü-* [Kow., p. 2072], мо. *мөргө-*, бур. *мүргэ-*,
калм. *мөргэ-*, ойр. *мөрге-*, бао. *мэргэ-* 'бодать, бодаться'

Значения глаголов п.-мо. *türe-* 'толкать', *nüre-* 'сжимать, сдавли-
вать', очевидно, являются первоначениями в ср.-мо. *tore-* [SH; НҮТ],
töre- [МА, с. 354], пкл.-мо. *tore-*, *törü-* [Тум., p. 589–590], п.-мо. *törü-*
[Kow., p. 1945], мо. *төр-*, бур. *түрэ-*, калм. *төр-*, ойр. *төре-*, орд. *toro-*
, мог. *tura-*, даг. *turu-*, *ture-*, ж.-уйг. *tor*̄, мнгр. *turo-* [EDAL, p. 1462]
'рожать, производить на свет; рождаться (о человеке)¹⁰³. Такие фор-
мы, как п.-мо. *durad-* 'движение младенца в утробе перед родами'
[Kow., p. 1884], мо. *дурса-* 'начинаться (о родовых схватках)' косвен-
но свидетельствуют о том, что корни **dur/dör/tör* могли служить для
вербализации мышечного напряжения, ощущений, боли, испытывае-
мых во время родовых схваток. Ср. нан. *дэрү-* 'начаться предродовым
схваткам', ма. *дэрибушэ-* 'начинаться (о движении младенца), чувст-
воваться (о наступлении родов)' [ССТМЯ, 1975, с. 237], ма. *орсон ни-*
мэ-, *орсун нимэ-* 'болеть (о животе после родов)' [Там же, 1977, с. 25].
В EDAL Пмонг. форма **töre-* 'рождаться', сопоставляемая с Птюрк.
*türe- 'рождаться, происходить', рассматривается как заимствование
из тюркских языков [p. 1462].

---

¹⁰³ Примечательно, что рус. *рожать, рождать, роживать* также со-
держат в корне сильные [r] и [j]. У М. Фасмера также приводится глагол
разить 'испытывать тошноту', который исследователь считает новообразо-
ванием от *разить* [1971, с. 432].

Выделение данной группы глаголов заставляет вернуться к рассмотренным выше глаголам *харва-* ‘стрелять из лука’, *харма-*, *тарма-* ‘сгребать’, *цэrvэ-* ‘отдергивать руку’ и др., возникшим на основе зрительного восприятия вытянутых рук человека, ног животных. Анализ их значений позволил также выявить высокую степень напряжения мышц конечностей, например, в бур. *таргана-*, *тартагана-* ‘дергаться всем телом; корчиться, биться в припадке’. Ср. «башк. *тартыш-* ‘сводить судорогой’» [ЭСТЯ, 2000, с. 156]. Однако такие примеры, как мо. *тарай-*, *тарвай-*, *тэрий-*, бур. *тарай-* ‘раскнуться лежа’, мо. *дардай-* ‘лежать широко растянувшись’, демонстрирующие практически нулевую степень напряжения, т. е. полное расслабление мышц, позволили оставить в качестве ведущего зрительное восприятие, отведя тактильному периферийное значение.

Благодаря проприорецепторам человек может чувствовать не только положение тела, движения, но и силу. Под чувством силы понимается способность оценить мышечное усилие, прилагаемое для движения или для удержания сустава в определенном положении. Данный аспект вербализации ощущений отразился в следующих лексемах: п.-мо. *ir*, мо. *ip* ‘сила, мощь, энергия; воля, желание, охота, стремление’; п.-мо. *irt-a* ‘сила; душевное расположение, охота’ [Kow., p. 468], мо. *урам*, бур. *урма(н)*, калм. *урмд*, ойр. *урма*, орд. *урта*, дунс. *uruta* [EDAL, p. 621] ‘настроение; вдохновение; ободрение; довольство; присутствие духа; охота, желание’; п.-мо. *dorbi* [Less., p. 262], мо. *дорви* ‘мощь, сила; способность’¹⁰⁴, бур. *дорьбо* ‘физическое состояние’; п.-мо. *bir-a* ‘душа, чувство, расположение; сила, мощь’ [Kow., p. 1152], мо. *бяр*, бур. *бира*, калм. *бар* ‘сила, мощь’¹⁰⁵; п.-мо. *sür* [Там же, p. 1434]; мо. *сур*, бур. *хур*, калм. *сур*, ойр.

¹⁰⁴ Болг. *зор* ‘власть, сила’, сербохорв. *зор̂* ‘ярость, вспыльчивость’ восходят через тур. *zor* к перс. *zōr* ‘сила’, авест. *zāvar-* ‘мощь, сила’ [Фасмер, 1971, с. 81].

¹⁰⁵ Ср. каз. *берік* ‘крепкий, прочный; выносливый, сдержанный’; *диал. керт* ‘сила, мощь; возможность’ [Кайдаров, 1986, с. 193, 226]. В глаголе п.-мо. *bara-* [Kow., p. 1093], мо. *бара-*, бур. *бара-*, калм. *бар-*, ойр. *бара-* ‘заканчивать, иссякать; истребить, губить’ первичным представляется значение ‘побеждать, обладая большей силой’ → ‘истреблять’ → ‘приканчивать, завершать’. То есть бур. *баража ядаха* ‘быть не в состоянии/не обладать достаточной силой, исчерпать что-л.’ (еду, питье и пр.).

сүр ‘величие, благолепие; сила, мощь, могущество’; калм. *сүрә* ‘водушевление, вдохновение, подбадривание’.

Т. А. Бертагаев видит в лексеме *urt-a* корень *ur ‘быть поднятым; возведенным, выдающимся’, сопоставляя ее с *ургах* ‘расти’, *урагш* ‘юг, к югу’, *урьгих* ‘подниматься, клубиться (о дыме)’ и др. [1974б, с. 302]. Для Пмонг. *urta помимо Птунг. *uri ‘радоваться’ авторы Алтайского словаря приводят Птюрк. *ira ‘характер; настроение, душевное состояние, проявление чувств’ и Пяп. **ürià-* ‘веселый, радостный’, справедливо отмечая, что это «один из многочисленных общих алтайских терминов для выражения эмоций» [EDAL, р. 621–622].

Корень *ĵer в п.-мо. *ĵerlig* [Kow., р. 2326], мо. *зэрлэг*, бур. *зэрлэг*, калм. *зерлг*, ойр. *зерлег* ‘дикий, необученный (о домашних животных)’ передает неуправляемую силу, строптивость и мощь дикого, необъезженного скакуна. Образную природу корня демонстрирует баргуз. *зэрд гэ-* ‘быть наготове/начеку’ (*ошохоёо зэрд гээд байха* ‘приготовиться идти’), где корень передает максимальную степень готовности организма (< напряжения мышц) к чему-л.¹⁰⁶ Те же функции выполняет корень *ard в п.-мо. *ardaγ* [Там же, р. 161], мо. *ардаг*, бур. *ардаг*, калм. *ардг*, ойр. *ардаг* ‘дикий, неук; непокорный’. Следует отметить, что в современных монгольских языках в данной лексеме исконное значение вытеснено на периферийное положение переносными значениями: ‘неопытный; молодой, зеленый; нежный, деликатный’.

Ср.-мо. *erke* [МА, с. 164], пкл.-мо. *erke* [Тум., р. 392], п.-мо. *erke* ‘власть, могущество, сила; способность; воля’ [Kow., р. 263], мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *эрке* ‘право, полномочие, власть’, по версии Т. А. Бертагаева, развилось на основе прилагательного *эрхэ* ‘капризный, своенравный, своевольный’, пройдя следующие ступени: ‘проявлять своеволие, выказывать свое могущество’ → ‘сила, мощь и власть’ → ‘полномочие’ → ‘право’. Далее автор замечает, что «ни одно из этих значений, за исключением первичных, в западных [бурятских] говорах не встречается, так как между *эрхэ* в значении ‘каприз, своеволие’ и в значении ‘влиятельность, право’ получается резкий семантический разрыв, не восполнимый даже при самом произвольном и богатом воображении» [1951, с. 579].

---

¹⁰⁶ Хотя здесь также вероятна мотивация от *зэртэй-* ‘наострить уши’.

Первоначальным, на наш взгляд, все же было значение ‘внутренняя сила, энергия’, что подтверждает п.-мо. *yabuqu erke ügei* ‘не иметь силы, быть не в состоянии ходить’ [Kow., р. 264]; пкл.-мо. *erketen* [Tum., р. 392], п.-мо. *erketen* ‘органы чувств; способность чувствования; детородные органы’ [Kow., р. 265–266], мо. *эрхтэн*, бур. *эрхэ-тэн*, калм. *эрктн*, ойр. *эркетен* ‘органы тела’, т. е. «‘органы, которые, по представлениям монголов, являются основными, наиболее значимыми, сильными’» [Бертагаев, 1951, с. 579]. Ср. каз. *ырық* ‘воля’ [Кайдаров, 1986, с. 310]. Значение же п.-мо. *erke*, мо. *эрх*, бур. *эрхэ*, калм. *эрк*, ойр. *ерке* ‘избалованный, капризный, своенравный’ предположительно могло развиваться на основе двух признаков.

Во-первых, оно контаминирует со значениями рассмотренных выше мо. *марзгана-* ‘кривляться, дурачиться, скоморошничать; быть упрямым, капризным, противным’; ойр. *ирзээ-* ‘обнажать зубы’; п.-мо. *иртайи-* ‘разинуть, полурастворить рот’, мо. *яртгар* ‘с кислой миной’, калм. *иртң* ‘несмыкающийся (о рте, губах)’ и др., возникших на основе зрительного восприятия рта кривляющего человека. Корень *erk мог передавать выражение лица капризного ребенка, а точнее, образ его искривленного рта. Ср. «каз. *керди-*, *кержи-* ‘делать гримасу, делать недовольный вид’» [Там же, с. 226]. Во-вторых, допустима, но менее вероятна линия развития значения из звукоподражания *эрхир-* ‘рычать’ > ‘плакать’ подобно тому, как это произошло в *бархир-* ‘рычать, реветь (о животных)’ > ‘реветь, голосить, стенать, вопить (о человеке)’. Ср. «эвен. *хуркэвлэ* ‘упрямый (о ребенке), непослушный’, *хуркэвлэ-* ‘упрямиться, спорить, перечить’» [ССТМЯ, 1977, с. 353].

Лексема *erke* ‘право; полномочие’ по линии развития своей семантики может совпадать со своим твердорядным «отражением»: ср.-мо. *арга* [SH, р. 9], *арга* [МА, с. 105], п.-мо. *ару-а* [Tum., р. 314], п.-мо. *ару-а* ‘способ, средство; искусство, умение, возможность; уловка, обман; изобретательность; чувственная природа, материя; положительное, творческое начало’ [Kow., р. 158], мо. *арга*, бур. *арга*, калм. *aph*, ойр. *apha*, орд. *arGa*, даг. *arga*, *arehe*, дунс. *raG*, ж.-уйг. *arag*, мнгр. *arGa* [EDAL, р. 313], в котором, по всей видимости, исходной следует признать сему ‘внутренняя сила, способность, возможность совершить что-л.’ Ср. п.-мо. *аргау*, мо. *архаг* ‘большой, сильный, могучий’. В Алтайском словаре Пмонг. форма *arga сбли-

жается с Птюрк. *ar- ‘колдовать, заклинать; обманывать’ и Птунг. *ar- ‘делать, производить, работать; чудиться, пугать (о злом духе); вид, форма; злой дух’ [EDAL, p. 313].

На основе значения ‘сильное желание, стремление’ возникли следующие формы: ср.-мо. *ĵori-* [MA, с. 208], пкл.-мо. *ĵori-* [Tum., p. 435], п.-мо. *ĵori-* [Kow., p. 2402], мо. *зори-*, бур. *зори-* ‘стремиться; направляться, устремляться’, «эвен. *ĵурри* ‘храбрый, доблестный’» [ССТМЯ, 1975, с. 278]; п.-мо. *ermelĵe-* [Less., p. 281], мо. *эрмэлз-* ‘стремиться; сильно желать, мечтать’, бур. *эрмэлзэ-* ‘настойчиво стремиться’; п.-мо. *eremsi-* ‘надеяться’ [Less., p. 282], мо. *эрэмши-* ‘надеяться, полагаться’, мо. *эрэмцэ-* ‘быть не в состоянии отказаться от платонической любви к кому-л., чему-л.’ На основе неотступного желания возникло значение «каз. *жерік болу* ‘испытывать сильное желание к какой-л. еде (о беременной женщине)’» [Кайдаров, 1986, с. 214].

В п.-мо. *mörüged-* [Less., p. 550], мо. *мөрөөд-* ‘страстно желать, мечтать; сильно тосковать’ восстанавливается *mör, также передающий ощущение тоски. М. Базаррагчаа выделяет в глаголе *мөрөөдөх* ‘мечтать’ сему ‘круг’ (ср. *мөөр* ‘колесо’), т. е. *эрүүлж тойруулж боддох* ‘думать вокруг да около’ [1995, т. 83]. П.-мо. *γori* ‘ожидание, надежда’ [Kow., p. 1038], мо. *горь*, бур. *гори*, калм. *гөр*, орд. *Gori* ‘надежда, чаяние’ становится прозрачным в производном глаголе: п.-мо. *γorila-*, мо. *горило-* ‘стремиться, добиваться, жаждать (получения чего-л.); надеяться’; п.-мо. *γorida-*, мо. *горьдо-*, бур. *горидо-*, калм. *гөрд-* ‘надеяться, питать надежду’. Ср. як. *эрэл* ‘надежда; расчет’. Как отмечает А. Бергсон, «надежда доставляет нам большое удовольствие, но это удовольствие столь интенсивно потому, что будущее, которым мы распоряжаемся по своей воле, предстает одновременно во множестве форм, одинаково заманчивых и одинаково возможных» [1992, с. 55].

Ср.-мо. *durala-* [HYt], *duran* [LH], *dura(n)* [SH; MA, с. 145], пкл.-мо. *dura(n)* [Tum., p. 372–373], п.-мо. *dura(n)* [Kow., p. 1879], мо. *дур*, бур. *дуран*, калм. *дурн*, ойр. *дуран*, орд. *dura*, мог. *doron*, даг. *duar*, дунс. *duran*, ж.-уйг. *dura*, мнгр. *durān* [EDAL, p. 483] ‘желание, охота, стремление; любовь, симпатия’ также возникли в результате вербализации внутренних ощущений организма. В EDAL приводятся, на наш взгляд, не совсем удачные параллели: Птунг. *dora-n ‘закон’; Птюрк.

**jor-* ‘толковать (сон)’; Пяп. *dürü ‘быть разрешенным; разрешать, позволять’. Это, по словам авторов, «интересный общий алтайский корень с оригинальным значением, реконструируемым как ‘интерпретация (желаний или намерений)’ и далее ‘позволение, правило’» [EDAL, p. 483].

Как видно из примеров, на основе исходного значения ‘сила’ развился ряд переносных: ‘способ, средство’, ‘право, власть’, ‘величие’, ‘душа, настроение’ и др. На основе переносного значения ‘сильное желание, стремление’ в дальнейшем появились ‘надежда’, ‘мечта’, ‘тоска’ и ‘любовь’.

Сексуальное напряжение передается с помощью следующих лексем: пкл.-мо. *urin* [Тум., p. 607], п.-мо. *urin* [Ков., p. 439], мо. *урип* ‘пылкая страсть’; п.-мо. *miraya*, *miriy-a* ‘страсть, вожеление’; п.-мо. *sertengde-* ‘искушать, соблазнять’ [Там же, p. 2026], мо. *сэртэндэ-* ‘флиртовать; быть похотливым, пылать страстью; обольщать’; пкл.-мо. *quriča-* [Тум., p. 537], п.-мо. *quriča-* ‘страстно желать; пылать любовью, чувствовать вожеление’ [Ков., p. 956–957], мо. *хурьца-* ‘чувствовать половое влечение; заниматься любовью’, бур. *хуриса-*, калм. *хурц-* ‘вожелеть, страстно желать’, сопоставляемый с «Птунг. **xur-* ‘спариваться (об оленях); ревновать’ и Птюрк. **K#* ‘желать, завидовать, скупиться’» [EDAL, p. 828].

Физическое отвращение, сопровождаемое содроганием (< дрожанием), выражается с помощью корней **ir/jür/jar*, которые также формируют поле термальной рецепции: п.-мо. *jarayi-*, мо. *зарай-* ‘мороз по коже дерет’, калм. *ирвэтр-* ‘знобить’ и др. В связи с этим в русском языке выглядит неслучайной близость корней *мёрз-нуть* и *мерзость*, *мерз-кий*¹⁰⁷, *мур-ашки*.

Бур. *жэрхэ-* ‘чувствовать отвращение, брезговать’; мо. *зарс хий-* ‘мгновенно чувствовать неприязненность’; п.-мо. *irbeyi-*, *irbegene-*, мо. *ирвий-*, *ирвэгэнэ-* ‘ощущать прикосновение к телу насекомых, меха, волос; зудеть’ имеют тюркские параллели: *йер-* ~ *йери-* ~ *йарсы-* ‘иметь/питать отвращение; чувствовать брезгливость’ < ‘чувствовать внутреннее со-*дрог*-ание’ (рус. *брезг < *бр-р-р*). Л. С. Левитская под-

---

¹⁰⁷ Ср. также рус. *морготный* ‘неприятный, отвратительный’ [Фасмер, 1967, с. 652].

держивает версию Дж. Клосона, согласно которой *йарсы-* – глагол, образованный аффиксом *-сы* с симулятивным значением от имени *йар* ‘слюна’. «Если принять во внимание такие данные, как др.-тюрк. *jīn jar* ‘нечисть’ (букв. ‘сопли и слюны’), *jarsud-* ‘плевать; показывать отвращение’, этимология Дж. Клосона выглядит вполне реалистичной» [ЭСТЯ, 1989, с. 144]. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *Жарун* ‘гадкий, отвратительный’, *Жарунин-* ‘чувствовать отвращение’; ульч. *н'ирбасу-*, нан. *ирбасу-* ‘брезговать» [ССТМЯ, 1975, с. 253, 639].

В Алтайском словаре к Пмонг. **žirke-*, кроме Птюрк. **jer-* ‘ненавидеть, питать отвращение’ и Пяп. *(*d*)*ira-* ‘нервничать, сердиться’, приводится Птунг. форма **žeri-* ‘хвастаться’, которая «фонетически является хорошим соответствием, значение ‘хвастаться’ можно связать, если предположить каузативный характер: ‘вызывать раздражение (напр., хвастовством)’ > ‘хвастаться» [EDAL, p. 1535]. Однако также можно допустить, что данная Птунг. форма восходит непосредственно к звукоподражанию.

Перейдем к рассмотрению лексем, в которых основой номинации послужили артикуляционные характеристики доминанты [m]. Артикуляционный признак губно-губного [m], при произнесении которого происходит смычка, сжатие губ, обусловил функционирование звуко-символического корня *čim, условно воспроизводящего звук щипания пальцами: п.-мо. *čimki-* ‘щипать; срывать ногтями’ [Kow., p. 2172], *čimči-* [Less., p. 185], мо. *чимхэ-*, бур. *шэмхэ-*, калм. *чимк-*, орд. *čimke-*, даг. *čuëk*, бао. *čоңGə-*, ж.-уйг. *čimke*, мнгр. *čingī-*, *čimō-* [EDAL, p. 430] ‘щипать, пощипывать; защемлять¹⁰⁸’; п.-мо. *čöti-* ‘срывать, сжимать, сощипывать’ [Kow., p. 2226], мо. *цөм-* ‘грызть, щелкать орехи; срывать (плоды, цветы, колосья)’.

Как отмечает Б. М. Гаспаров, «мы можем также представить себе жест, со всей присущей ему кинетической экспрессивностью, без зрительного воплощения исполнителя этого жеста. Кинетическое представление играет очевидную роль в образной репрезентации выражений, смысл которых связан с физической или символической идеей движения» [1996, с. 252].

---

¹⁰⁸ В русском языке наряду с корнями **цем/жим* (*цем-ить*, *с-жим-ать*) представлен имитатив *цип, в котором в роли доминанты выступает также губно-губной [n].

Корень *čim восстанавливается в других языках алтайской общности: Птюрк. *čim*- ‘щипать, брать щипком’, Птунг. *č[i]m*- ‘хватать когтями; ковырять в зубах; брать щипком’, Пяп. *túm*- ‘срывать, хватать пальцами’, Пкор. *čim ‘кулак; горсть’ [EDAL, p. 430]. Тюрк. *йум*- ‘закрывать/зажмуривать/щурить глаза, смыкать веки, мигать¹⁰⁹’, ‘закрывать рот/смыкать губы; сжимать пальцы/руку в кулак’ М. Ряснен вслед за Г. Рамstedтом сопоставлял с мо. *ǰimüji*-, *ǰimüyi*- ‘быть закрытым (глаза, рот, кулак)’. К монгольскому источнику восходит як. *н'имий*- ‘смыкаться, сжиматься (о губах); замолчать’ [ЭСТЯ, 1989, с. 246]. Ср. также як. *кымаахтаа*- ‘щипать, щипнуть’; эвенк. *лэмбэрэ* ‘сжать, прижать’ [ССТМЯ, 1975, с. 516], эвен. *тэмбэклэ*- ‘щипать, сдавливать (до боли)’; *чимчак-чимчак* ‘моргать, мигать (глазами)’; эвенк. *чомдоколō*- ‘взять щепотку, маленький кусочек чего-л.’ [ССТМЯ, 1977, с. 233, 395, 406]. Акустические параметры согласного [m] повлияли на развитие значения в нан. *симки*- ‘носить, держать (под мышкой)’ < ‘сжимать под мышкой’; эвенк. *сōм*- ‘закрывать, затворить (дверь, окно); сомкнуть (глаза)’, эвен. *hōм*-, нег. *сōм*-, ульч. *соми*-, орок. *соми*- ‘закрывать, затворить’ [Там же, с. 87, 109].

На базе п.-мо. *ümtü*-, мо. *үмтэ*-, баргуз. *үбтээ*-, ойр. *үмтээ*- ‘щипать, отщипывать; выдергивать, вырывать’; п.-мо. *ümtüri*-, мо. *үмпрэ*-, ойр. *үмтере*- ‘выпадать, вылезать (о волосах, шерсти)’ восстанавливается древний корень *ümt, связанный с процессом выщипывания, выдергивания (волос, шерсти, травы и пр.). Близок корень *tamt в п.-мо. *tamturi*-, мо. *тамтри*- ‘выщипывать редкую траву (о скоте)’.

На истоки развития значения ср.-мо. *kimusun* [НУ, p. 46; SH], *kimul* [SH], *qimusun* [LH; IM; MA, с. 298], пкл.-мо. *kimusu* [Tum., p. 449], п.-мо. *kimusu(n)* ‘когти (у птиц и хищных зверей); ногти’ [Kow., p. 2538], мо. *хумс*, бур. *хюмһа(н)*, калм. *хумсн*, ойр. *хумсан*, орд. *хитусу*, мог. *qimsun*, *qemsun*, даг. *kimči*, *kimeči*, дунс. *Gəmusun*, *Gimusun*, бао. *Gomsoŋ*, ж.-уйг. *хэтэсэн*, мнгр. *čimuzе*, *čimusə* [EDAL, p. 819] ‘ноготь; коготь’ проливает свет субстантивная форма п.-мо. *kimsa*, мо. *хямсаа* ‘пинцет, хват, щипцы’, в которой корень *kims вполне сопоставим с рассмотренным выше *čimk. Ср. каз. *кымты*- ‘придержаться; зажать, защемить’ [Кайдаров, 1986, с. 255].

¹⁰⁹ Ср. п.-мо. *imne*- ‘мигать в знак одобрения’ [Kow., p. 311], мо. *имнэ*- ‘подмигивать, моргать’; п.-мо. *jimbaγana*-, мо. *жимбагана*- ‘играть глазами’.

В таком случае слово *kimusun* можно интерпретировать как ‘не-что, с помощью чего можно зашипнуть, выдернуть что-л.’ Тот же мотив наблюдается в бур. *шэмшэ* ‘«пальцы» у копыт быка’. Г. И. Рамстедт восстанавливает форму *kimul-sun*, в которой произошло выпадение согласного *l* перед суффиксом *-sun* [1957, с. 199]. На наш взгляд, Пмонг. **kimul-su* ошибочно сопоставляется в EDAL с Птунг. *Xülme* ‘игла’ на основе второго значения ‘коготь’ [р. 819].

Проверб п.-мо. *set*, мо. *сэм* ‘вон, наружу’ в *сэм тата-* ‘вытаскивать, выдергивать’ сопоставим с корнем **čim*, связанным с щипанием, захватом подушечками пальцев, к примеру, ниток ткани: п.-мо. *setere-*, мо. *сэмрэ-*, бур. *хэмэр-*, *хэбэр-*, калм. *сепр-*, ойр. *семеpe-*, орд. *setere-* ‘распускаться, разлезаться (о материи)’; п.-мо. *semele-* [Kow., р. 1357], мо. *сэмлэ-*, калм. *семл-*, ойр. *семел-* ‘распускать, вытаскивать нитки; делать более редким (о ткани), прореживать’. Активная работа пальцев также отражена в калм. *сепр-* ‘мешать, тасовать (напр., карты)’, п.-мо. *тому-* ‘очищать орехи (от скорлупы), облупить (овощ), снимать кожу’ [Kow., р. 1862], мо. *том-*, калм. *төм-*, ойр. *төм-* ‘очищать орехи от скорлупы’.

На основе образа разлезающейся ткани возникли образные прилагательные: п.-мо. *semger*, мо. *сэмгэр* ‘тонкий, прозрачный, ажурный’ (напр. об облаках); п.-мо. *semteger*, мо. *сэмтгэр* ‘неровный, такой из которого выдернуто (о ткани)’; ср.-мо. *emtekei* [MA, с. 155], п.-мо. *emteger* [Kow., р. 218], мо. *эмтгэр* ‘зазубренный, неровный’, а также ряд субстантивов: п.-мо. *semten*, мо. *сэмтэн* [өөш] ‘невод’, п.-мо. *samtan ögesi* ‘поплавная сеть’ [Там же, р. 1319]; п.-мо. *sembei*, *sambai* [Less., р. 667], мо. *сэмбий*, *самбай* ‘тонкий, редкий хадак’; ср.-мо. *čeme* [MA, с. 155], п.-мо. *čembe* [Kow., р. 2120], мо. *цэмбэ*, бур. *сэмбэ*, калм. *цегэн* ‘сукно’. Судя по семантике корня, сукно раньше было достаточно редкого полотняного переплетения.

В ряде образных прилагательных реализуется значение ‘щербатый’: бур. *эмсэгэр* ‘без передних зубов’; п.-мо. *emteger*, мо. *эмтгэр*, бур. *эмтэгэр* ‘щербатый, беззубый’; п.-мо. *amsayar*, *emseger*, мо. *амсгар*, *эмсгэр* ‘щербатый, имеющий неровные зубы; пустота между зубами вместо отсутствующего зуба’.

Идентичные формы зафиксированы в тунгусо-маньчжурских языках: нег. *сэмэриңу*, уд. *сэмбэл’э* ‘сетка; шумовка’, ороч. *сэмтэкэ*,

ульч. *сэм-м*, орок. *сэмтэкэ*, нан. *сэм-м бй* ‘дырявый, изрешеченный’, ма. *сэмээн*, *сэмэхун* ‘грубый, толстый, редкий (о ткани)’; нег. *тэмти*, ульч. *тэмти* ‘сеть (плавная, мешковидная для ловли кеты)’, орок. *тэмэтчи* ‘черпалка (для вынимания из воды кусков льда)’; эвенк. *умду-* ‘разорвать; повыдергать (шерсть)’, *умдурга* ‘разорванный, расползшийся’, нег. *умдус-умдус* ‘гнилой (о ткани)’, нан. *хомдоқо* ‘полотнище (берестяное сшивное для покрытия балагана)’ [ССТМЯ, 1977, с. 142, 234, 267].

Ср.-мо. *semej(n)* [MA, с. 320], п.-мо. *semji* [Kow., p. 1357], *semeje*, *semej(n)* [Less., p. 687], мо. *сэмж(ин)*, бур. *хэмжэ*, ойр. *семжн*, ойр. *семжн*, орд. *semej(n)* [EDAL, p. 1228] ‘сальник; брыжейка, жировой покров брюшины’ также отсылает к образу ‘нечто ажурное, прозрачное’, ср. *сэмжин үүл* ‘перистые облака’. У лексемы находятся параллели на алтайском уровне: Птунг. **semesik* ‘нутряной жир, сальник’; Птюрк. **semiř* ‘жирный; жир; жирнеть, тучнеть’; Пкор. **sam* ‘плацента, оболочка плода’ [EDAL, p. 1228–1229].

Воплощение в корне **nim* образа ‘нечто тонкое’, несомненно, продиктовано артикуляторными особенностями согласного [m]: сжимаемая губы, человек символически передает тонкость описываемого объекта: ср.-мо. *ningen* [HY, p. 53], *ningen* [IM; MA, с. 257], пкл.-мо. *ningen* [Tum., p. 484], п.-мо. *ningen* [Kow., p. 663], мо. *нимгэн*, бур. *нимгэн*, калм. *нимгн*, ойр. *нимген*, орд. *nemgen*, *ningen*, *nemgun*, даг. *ningen*, дунс. *ninkien*, *ninkian*, бао. *niŋgaŋ*, ж.-уйг. *nemgen*, *neŋgen*, мнгр. *neŋgen* [EDAL, p. 989] ‘тонкий (о плоских предметах)’. Прилагательное образует изоглоссу с Птунг. **nem(i)-* ‘тонкий’, которая «испытала большое влияние **net-* ‘мягкий’ и мо. *ningen* ‘тонкий’ (хотя прямое заимствование слов со значением ‘тонкий’ из монгольских языков вряд ли возможно)» [Там же].

В монгольских языках представлен ряд глаголов со значением ‘прясть’: пкл.-мо. *imer-* [Tum., p. 415], п.-мо. *imere-* [Kow., p. 311], мо. *имрэ-*, бур. *эмир-*, калм. *имр-*, ойр. *имер-*, орд. *emere-*, *emere-*, *imere-*, ж.-уйг. *xemeri-* [EDAL, p. 1134] ‘крутить между пальцами; сучить (нити); скатывать в трубочку’; п.-мо. *tama-*, мо. *там-* ‘сучить нитки, вить веревку, прясть’; ср.-мо. *doma-*, *tuta-* [MA, с. 142, 340], п.-мо. *tomu-* [Kow., p. 1862], мо. *том-*, бур. *томо-*, калм. *төм-*, ойр. *төм-*, дунс. *tomu-*, бао. *toməl-*, ж.-уйг. *tumu-*, мнгр. *tomu-* [EDAL, p. 1457]

‘прясть, сучить, вить (нитки, веревку)’. Известно, что в данном процессе активно работают пальцы, скручивающие волокна шерсти в нить.

Ср. Птунг. *tomka- ‘сучить (нитки); нитка’, Пяп. **t̃im̃i* ‘веретено; прясть’ [EDAL, p. 1457], Пкор. *kat- ‘обвивать, наматывать’ [Там же, p. 739]. А также ма. *ум’ахала*- ‘плести, вязать, вышивать’; *фамха* ‘катушка, мотовило; клубок (ниток)’; *хумбули* ‘круглый; свернутый в трубку’; эвен. *хэмър*- ‘скручиваться’, *хэмърэчи* ‘вьющийся, кудрявый (о волосах)’; эвенк. *чимб̃*- ‘опутать чем-л.’ [ССТМЯ, 1977, с. 347, 366, 394].

Глаголы п.-мо. *temtele*-, мо. *тэмтлэ*- ‘трогать рукой, шарить; идти на ощупь’, п.-мо. *temteri*- [Kow., p. 1732], мо. *тэмтрэ*-, бур. *тэмтрэ*-, калм. *темтр*-, ойр. *темтере*-, орд. *temtere*-, даг. *temilē*-, *temilē*-, дунс. *čiančialu*-, мнгр. *tendili*-, *temdälə*- [EDAL, p. 1417] ‘ощупывать; ходить ощупью’; бур. *тэмгэ яба*- ‘идти наугад’ коррелируют с эвенк. *тэми*-, эвен. *тэми*-, нег. *тэмиктэ*-, ульч. *тэмуру*-, нан. *тэмири*- ‘щупать, трогать, пробовать на ощупь’ [ССТМЯ, 1977, с. 233], ма. *домно*- ‘щупать’; *хэмки*- ‘ходить ощупью’ [Там же, 1975, с. 215, 481]. Здесь «ключом к разгадке» значения корня выступает рус. *ощупь*: т. е. ‘идти (в темноте или с закрытыми глазами), щупая руками/пальцами впереди и вокруг себя’.

Ср. движения рук в п.-мо. *temte*- [Kow., p. 1732], мо. *тэмтэ*- ‘рыть, отрывать’; п.-мо. *tamtu*-, мо. *тамта*- ‘превращать в обрывки, кромсать’; ср.-мо. *tamtul*-, *tamtuluč̣i* ‘хищник’ [МА, с. 340], пкл.-мо. *tamtul*- [Тум., p. 571], п.-мо. *tamtula*- [Kow., p. 1648], мо. *тамтла*-, калм. *тамтл*- ‘разрезать, разрубить; терзать’; ср.-мо. *tamtur*- [МА, с. 340], п.-мо. *tamtura*-, мо. *тамтра*- ‘разломаться’. Семы ‘насквозь; вдребезги’ реализуются п.-мо. *emte*, мо. *эмт* [*сэмт*] ‘сплошь выщербленный, сплошь покрытый зазубринами’, *эмт тат*-, *эмт цохи*- ‘обрывать или разрывать края чего-л.; делать выщербленным путем растягивания; надрывать’; п.-мо. *emtel*-, мо. *эмтлэ*-, ойр. *эмтел*- ‘крошить, отламывать, откалывать’, бур. *эмдэ*- ‘разламывать; разрушать’. Бур. *эмхэ хамха хадха*- ‘проткнуть насквозь’, *эмхэ хамхара сохи*- ‘откалывать, раскалывать’. Ср. эвен. *ңэмтък*-, *ңэмтк*- ‘пробивать, взламывать, проламывать’, *ңэмтъс*, *ңэмтъс* ‘быстро пробив, проломив; насквозь’ [ССТМЯ, 1975, с. 669], эвенк. *эмтиргэ*- ‘разбиться на куски; раскрошиться (о зубах)’, эвен. *эмтък*- ‘проламывать, прорубать’ [Там же, 1977, с. 267, 451].

Превербы п.-мо. *qatq-a*, мо. *хамх*, бур. *хамха*, *хамхар(a)*, калм. *хамх*, ойр. *хамха* ‘вдребезги’; п.-мо. *ketke*, мо. *хэмхэ*, бур. *хэмхэ*, ойр. *кемке*; бур. *хамна* ‘вдребезги, совсем’ при глаголах часто соответствуют приставкам *раз-*, *рас-*: *хэмх тата-* ‘разламывать, разорвать’, *хэмх уна-* ‘разбиться при падении’. Калм. *кемтл-* ‘отламывать кусок’. Ср. эвенк. *кампарн-* ‘разбиться вдребезги’ < як. *хампары-* ‘разбиваться, разламываться, разрушаться’; эвенк. *каму-* ‘разбить, сломать’; ороч. *кимбо-* ‘ломать, отрывать’ [ССТМЯ, 1975, с. 371, 394], эвенк. *хумтэ-* ‘раскошить’ [Там же, 1977, с. 347].

В ряде морфем с [т] развился признак ‘сморщенный’: п.-мо. *ġotġuŋur*, *ġotġeger*, мо. *цомцгор*, *цөмцгөр* ‘сжежившийся, сжавшийся’; бур. *сомсогор* ‘сжавшийся’; п.-мо. *ġotuŋur*, мо. *шомгор* ‘помятый, поморщенный’; п.-мо. *qutiŋar*, мо. *хумигар*, бур. *хумигар* ‘сморщенный, морщинистый’. Работа губ считается существенной: ‘морщить’ < ‘поджимать, морщить губы’. Ср. ср.-мо. *üteribe ġirayān* ‘лицо его сморщилось’ [МА, с. 380], мо. *ам хумби-* ‘поджимать рот’, но п.-мо. *ата qumbi-* ‘улыбаться’ [Ков., р. 96], п.-мо. *qumbi-* [Там же, р. 938], мо. *хумби-* ‘складывать, собирать вместе’. Бур. *хомигор* ‘узкий, приплюснутый; плоский (о копыте лошади)’ возникло на основе признака ‘сжатый с двух сторон’, ср. мо. *хомбон туурай* ‘крутые копыта’.

Процессуальное значение ‘сжежиться; согнуться’ прослеживается в глаголе п.-мо. *ġotġura-*, мо. *цомцуро-* ‘бежать, согнувшись (среди высоких трав); пригибаться’, п.-мо. *ġotġuŋi-* ‘подогнуть, поджать ноги под себя’ [Там же, р. 2208]. Ср. тюрк. *қымыр-* ‘подбирать, поджимать, прижать (парус, крылья, уши); крепко держать; ежиться, жаться; сгибать, свертывать’ [ЭСТЯ, 2000, с. 223], як. *күмүй-* ‘поджиматься, сжеживаться’; ма. *чумчу-* ‘обнимать колено обеими руками’, *чумчурэ-* ‘пригибаться (идти нагнувшись в траве, чтобы не было видно)’, *чумчуриэ-* ‘нагибаться, приподнимать плечи, сжеживаться’; эвен. *чэм-* ‘складывать крылья; поджимать хвост’, уд. *чэмугулэ-* ‘поджимать хвост’ [ССТМЯ, 1977, с. 414, 420]; эвен. *тимърън* ‘морщина (на лице, платье); морщинистый’, *тимърън-* ‘морщиться’; эвенк. *томй-* ‘смять, сжать (шкуру при выделке); разгладить’, *томо-* ‘смяться, сжаться’; эвенк. *тэмчэ* ‘сборки, собранный сборками’, нег. *тэм-* ‘делать складки, сборки (на одежде)’; эвен. *хэмър-* ‘морщиться (о коже, жилах)’ [Там же, с. 182, 196, 235].

В большом количестве лексем согласный [m] благодаря смыканию губ передает процессуальное значение стягивания, затягивания чего-л.: п.-мо. *отиуи-*, мо. *омой-* ‘стягиваться, собираться в складки (напр., о коже от ожога)’; п.-мо. *ötüger*, мо. *өмгөр*, бур. *үмэгэр*, калм. *өмгр* ‘суженный, почти закрытый, сжатый’; п.-мо. *qatki-*, мо. *хамхи-*, ойр. *хамха-* ‘смыкать, закрывать’. Процесс стягивания ярко отражен в субстантивах: п.-мо. *qotbuy-a*, мо. *хомбого* ‘мешок с отверстием, стягиваемым ремнем; портплед’; п.-мо. *qumbay-a*, мо. *хумбага* ‘саквояж’; п.-мо. *šumal* ‘мешочек, мошна’ [Kow., p. 1541], п.-мо. *sumal*, мо. *сумал* ‘небольшая войлочная сумка (для зерна)’, последний из которых сопоставим с «Птюрк. *sAmar ‘вьючный мешок; большой деревянный сосуд’» [EDAL, p. 1333].

На основе п.-мо. *ütmürüül* ‘ремень, веревочка у чемодана’ [Kow., p. 539], мо. *үмрүүл*, калм. *үмрүл* ‘ремень, шнур для стягивания отверстия мешка и т. д.’ восстанавливается зафиксированный в словаре Лессинга глагол п.-мо. *ütmürü-* ‘собирать или стягивать (когда концы чего-л. открытого собираются вместе)’ [Less., p. 1007], оставивший в современном языке форму в побудительном залоге: мо. *үмрүүл-* ‘шить крупными стежками, шить на живую нитку’ (по всей видимости, с дальнейшей целью стягивания).

Ср. нег. *сомалан*, ульч. *сумала(н-)*, нан. *сомалā*, ма. *сумала* ‘мешок, куль’; эвенк. *tāmī* ‘завязка на мягкой вьючной сумке’; эвенк. *умул* ‘пояс; подпруга’, нег. *омол*, ороч. *уму*, уд. *уму*, ульч. *омали*, орок. *умул*, нан. *омол*, ма. *имисун* ‘пояс’; эвенк. *умурӯ*, эвен. *умру*, нег. *умну*, нан. *умуру*, ма. *умури* ‘вздержка, шнур (ремень стяжной у сумок, торсуков, унтов, рукавиц, брюк)’¹¹⁰, ороч. *омоуо* ‘вздержка шнур (ремень стяжной у штанов, брюк)’, орок. *оморо*, *уморо*, *умуру* ‘вздержка шнур (ремень стяжной у обуви)’, эвенк. *умру-* ‘стянуть, затянуть’; эвенк. *чомпули* ‘мешок (из рыбьей кожи); сума’, *чэмпу* ‘сума (вьючная, мягкая)’; эвенк. *эмилгэ* ‘сумка вьючная (часть ниже завязок); вздержка (на сумке-торсуке)’ [ССТМЯ, 1977, с. 109, 159, 269, 272, 420, 450].

Такие значения тунгусо-маньчжурских лексем, как ‘пояс; вздержка, шнур (ремень стяжной у штанов, брюк)’ наталкивают на предпо-

¹¹⁰ Птунг. *(x)ütm- ‘ремешок, завязка; подпоясывать’ коррелирует с Пяп. *этри* ‘пояс, ремень’ и Пкор. **ütmī-* ‘делать складку, затягивать, закрывать’ [EDAL, p. 617].

ложение о том, что ср.-мо. *emudun* [HY, p. 23; SH], *emüdü* [IM], *ömüdü* [MA, с. 276], п.-мо. *ömüdü* [Less., p. 635], мо. *өмд*, бур. *үмдэн*, ойр. *үмде*, орд. *otodu*, мог. *undun*, дунс. *tədu*, бао. *tədoŋ*, ж.-уйг. *tudən* [EDAL, p. 617] ‘штаны, брюки, панталоны’ возникло на основе образа ‘нечто затягиваемое вокруг пояса’. На алтайском уровне лексема сопоставляется с Птюрк. **(i)öm* ‘брюки, штаны’ [Там же].

В таком случае значение ср.-мо. *emus-* [SH], *ömüs-* [MA, с. 116], пкл.-мо. *emüs-* [Tum., p. 387], п.-мо. *emüs-* [Kow., p. 217], мо. *өмс-*, бур. *үмдэ-*, калм. *өмс-*, ойр. *үмес-*, орд. *otos-*, мог. *otusu-*, даг. *emese-*, дунс. *mus+*, бао. *təsə-*, ж.-уйг. *təs-*, мнгр. *mosə-* [EDAL, p. 617] ‘надевать что-л.; одеваться’ можно интерпретировать как ‘подпоясать, затянуть пояс’. Г. Рамстедт выявляет генетическую связь между «*emüdü* ‘брюки’ и *emüs-* ‘одеваться’» [1957, с. 145].

Семантически близки производные от корней **nöm/nem:* ср.-мо. *netur-* [SH], *nembe-* [HYt], п.-мо. *netür-*, *nötür-* ‘надеть, накинуть на себя’ [Kow., p. 637, 698], п.-мо. *нөмрө-*, бур. *нэмэр-*, орд. *nötör-*, даг. *netbu-*, бао. *пəmbəʒ-*, мнгр. *nembe-*, *nəmba-* [EDAL, p. 969–970] ‘накрываться, накидывать на себя’; п.-мо. *netne-* [Less., p. 574], мо. *нэмнэ-*, бур. *нэмнэ-*, орд. *netne-*, ж.-уйг. *netle-* ‘покрывать попоной’; ср.-мо. *nətıla*, *nimla* ‘попона’ [MA, с. 238, 239], п.-мо. *netürge*, *nötürge* ‘плащ, епанча’ [Kow., p. 637, 698], мо. *нөмрөг*, мнгр. *nemberge* ‘все, что накидывается на плечи для защиты от дождя, холода; накидка, плащ; попона’. Тунгусо-маньчжурские формы: эвенк. *нэмэ-*, эвен. *нумнэ-*, ороч. *нэмэ-*, орок. *нэмбэ-* ‘покрыть, набросить’ [ССТМЯ, 1975, с. 632] относятся к заимствованиям из монгольских языков [EDAL, p. 970].

Результатом дальнейшего развития семантики в корнях стали значения: п.-мо. *nötüri* ‘укрытие; утаивание; закрытый, тайный’ [Kow., p. 698], мо. *нөмөр* ‘прикрытие, укрытие; укрытое от ветра и холода место; подветренная сторона’, бур. *нэмэри*, калм. *немр* ‘укрытие от солнца, дождя, ветра’.

П.-мо. *totu*, мо. *томго* ‘намордник’ сопоставимо с нан. *Жамбо* ‘узда; намордник (собачий)’ [ССТМЯ, 1975, с. 247], ма. *томорхан* ‘колпачок (кожаный, надеваемый на голову ястребу для закрывания глаз)’ [Там же, 1977, с. 196]. По замечанию Ш. Балли, «наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки» [1955, с. 148].

Идея собирания чего-л. воедино в центр заложена в пкл.-мо. *qatu-* [Тум. 519], п.-мо. *qatu-* ‘убрать (накопившиеся вещи)’ [Kow., р. 807], мо. *хам-*, бур. *хама-*, калм. *хам-*, ойр. *хама-* ‘загрести, захватывать все; сгребать; подбирать’; п.-мо. *qoturu-a* [Там же, р. 937], мо. *хоморгон* ‘цепь, круг, сомкнутый охотниками; облавная площадь; облава’, бур. *хомиргон* ‘ловушка; плен’; п.-мо. *tata-* ‘собирать, складывать в одно место’ [Там же, р. 1643], мо. *там-* ‘собирать разбросанное’; п.-мо. *tata-*, мо. *там-* ‘стягивать цепь облавы’, калм. *тумл-‘уст.* окружать’; п.-мо. *toturu-a*, мо. *томоо* ‘решетка, загородка вокруг чего-л.’; п.-мо. *çotu-* [Там же, р. 1403], мо. *цол-*, бур. *сомо-* ‘стоговать сено; складывать в кучу’.

Ср. каз. *қама-* ‘загонять в загон; окружать, оцеплять’, *қам* ‘окружение, возведение круговой ограды, преграды’ [Кайдаров, 1986, с. 238]; эвенк. *кама-* ‘притеснять, прижимать’, *камамāt-* ‘бороться (не разжимая рук)’, эвен. *қам-* ‘стискивать, зажимать в тисках’, ульч. *қамавли-* ‘окружать, преследовать (зверя)’; эвенк. *қумнучџ-* ‘держат в объятиях’, сол. *хумэлџ-*, эвен. *кэмнут-*, нег. *комнџ-* ‘обнять’ [ССТМЯ, 1975, с. 369, 430]; эвенк. *умџв-*, эвен. *умив-*, ороч. *уму-*, ульч. *умучи-*, орок. *умму-*, нан. *омџ-* ‘собрать, сложить (в одно место)’, *омџго* ‘стог, скирд’ [Там же, 1977, с. 268]. В Алтайском словаре к Пмонг. **çotu-* даны Птунг. **çut-* ‘собирать в кучу; поленница’ и Птюрк. *çütele ‘стог, копна’ [EDAL, р. 451].

К п.-мо. *çöt* [Kow., р. 2226], мо. *цөм*, бур. *сүм* ‘все; всё, полностью; целиком, весь’ авторы EDAL приводят Птунг. параллель *çиңни ‘весь, все, целиком’, допуская возможную реконструкцию **ç’оңте* с упрощением кластера в монгольских языках и диссимилиацией *çиңни > *çиңни в тунгусо-маньчжурских языках [р. 451]. Та же сема в пкл.-мо. *qatu* [Тум., р. 519], п.-мо. *qatu* [Kow., р. 807], мо. *хамаг*, бур. *хамаг*, калм. *хамг*, ойр. *хамаг* ‘весь, всё’, т. е. ‘весь круг, охват’ (образность лексемы прослеживается в бур. *юмээ хам-хум гэ-* ‘быстро собрать свои вещи’). В Алтайском словаре приводятся Птунг. *katur ‘вместе; собирать’, Птюрк. *KAtug ‘вместе, все’, Пяп. **kàtà-ra-* ‘устраивать’ [EDAL, р. 640]. Л. С. Левитская приводит 2 версии происхождения тюрк. *қамаг/қамуг*: одни исследователи возводят его к ср.-перс. *ham* ‘весь, целый, всё’ (< ир. *hamāka* ‘всё, весь, целый’), дру-

гие ученые объединяют в одно гнездо др.-тюрк. *qatıu* и монг. *qatug*, возводя эти именные формы к глагольной основе *qat-u* ‘собирать’. Учитывая культурно-исторические условия, в которых создавались ранние памятники уйгурского письма, надежную этимологию ср.-иранского слова, Л. С. Левитская считает первую версию более достоверной [ЭСТЯ, 1997, с. 244].

Процессуальное значение ‘сгибая, сжимать’, на наш взгляд, заложено и в п.-мо. *simala-*, мо. *шамла-*, бур. *шама-*, калм. *шамл-*, ойр. *шамла-*, орд. *simā-*, даг. *šamla-*, мнгр. *šamā; šamāli-* [EDAL, p. 1280] ‘засучивать, заворачивать’; п.-мо. *simara-*, мо. *шамра-*, бур. *шамар-* ‘засучиваться, заворачиваться, подворачиваться (о рукаве); закручиваться (о подоле)’. Ср. Птюрк. **Kum-/ *Kīm-* ‘подворачивать, подтыкать’ [Там же, p. 739], нег. *кампи-* ‘складывать, сгибать; закатывать (рукав)’, уд. *кампи-* ‘сгибать’, ульч. *кампу-* ‘связывать (в пачки)’, ма. *хэмилэ-* ‘подбирать подол платья’ [ССТМЯ, 1975, с. 371, 481], ма. *фомила-* ‘подбирать платье, подтыкать полы за пояс’ [Там же, 1977, с. 301].

Таким образом, рассмотренные в данном разделе лексемы вытекают из изобразительного потенциала [m] как губно-губного звука, передающего значения ‘сжимать’, ‘щипать’, ‘стягивать’, ‘собирать воедино’, ‘заворачивать’ и др. Здесь принципиальное значение имеет как место артикуляции – губы, так и способ артикуляции – сжатие губ, поскольку именно они послужили источником символизации признаков в процессе номинации.

Это подтверждает наблюдение А. М. Газова-Гинзберга о том, что «такие движения рта и носа, не являющиеся самостоятельными физиологическими актами, в большинстве языков не имеют специальных названий; однако эти движения нередко служат мимическими подражаниями процессам и формам внешней природы, и порождаемые такими движениями звуковые комплексы впоследствии становятся, замещая саму мимику, обозначениями изображаемых внешних процессов» [1965, с. 73]. Все это говорит о том, что физиологическое восприятие звука и соответственно его психологическая дешифровка напрямую зависят от его физических характеристик.

Как уже отмечалось, в работе рассмотрены производные от 588 корней, из которых 75 % приходится на корни с доминантой [r]. Все корни представлены в таблицах 13, 14.

Типы корней с доминантой [r]

C _{ин} /V	a	e	i	o/у	ö/ü
1	2	3	4	5	6
θ	ar, arĵ, arč, ars, arq, ark, arġ, ard, arb., arm, arn	er, erĵ, erč, ers, erk, erg, ert, erb, erm	ir, irĵ, irč, irk, irg, irt, irb, irm	or, ur, orč, urč, ors, orq, ork, org, urġ, urg, urt, urd, orb, urb, orm, urm	ōr, ūr, ūrĵ, ūrč, ōrs, ōrg, ūrk, ōrg, ūrg, ōrb, ūrb, ōrm, ūrm, ōrn, ōrl
y	yar, yarĵ, yark, yard, yarb	yer, yerĵ	–	yor, yorĵ, yorq, yord, yorb	–
Ĵ	ĵar, ĵart, ĵarm	ĵer, ĵert, ĵerm	ĵir, ĵirĵ, ĵirq, ĵirk, ĵirġ, ĵirt, ĵirb, ĵirp	ĵor, ĵorg, ĵorġ, ĵorb, ĵurb	ĵör, ĵür, ĵürĵ, ĵürč, ĵürk, ĵürm
č	čar, čarč, čark, čard, čarb, čarm	čer, čerč, čerg, čerd, čerb, čerm	čir, čirč, čirk, čird, čirt, čirm	čor, čur, čork, čurk, čorq, čorġ, čorg, čord, čorb, čurb	čür, čürĵ, čörč, čüird
š	šar, šarĵ, šarč, šark, šard, šarb, šarm, šarn	–	sir, sirĵ, sirk, sirt, sirb, sirm	šor, šur, šurĵ, šurč, šorq, šork, šord, šorb, šorn	šör, šür, šürk, šörg, šüird, šörb, šürb, šüirm
s	sar, sarĵ, sarč, sars, sarq, sar-k, sard, sart, sarb, sarm, sarn, sarġ	ser, serĵ, serk, serd, sert, serb, serġ	–	sor, sur, sorč, sors, sorġ, surġ, sort, sorb, sorn, surn, sorm	sör, sür, sürč, sürs, sürk, sörd, sürt, sürm
qġk	qar, qarĵ, qarč, qars, qarq, qard, qarb, qarm	ker, kerĵ, kerč, kers, kerk, kerb, kerm	kir, kirĵ, kirs, kirk, kirġ, kird, kirt, kirb, kirm	qor, qur, qorĵ, qorč, qurč, qurs, qorq, qork, qurq, qurk, qurġ, qurd, qorb, qurb	kör, kür, kürĵ, kürč, kürk, kürg, küird, kürb, kürm

Окончание таблицы 13

1	2	3	4	5	6
ʔ/g	<i>ʔar, ʔarʃ, ʔard, ʔarb</i>	<i>ger, geng, gerd</i>	<i>girb</i>	<i>ʔor, ʔur, ʔorʃ, ʔurʃ, ʔorq, ʔorb, ʔur, ʔord, ʔurb</i>	<i>gör, güir, güird, güirb</i>
d	<i>dar, darʃ, darč, dars, darq, dark, dard, darb, darn</i>	<i>der, derʃ, derč, ders, derk, derg, derd, derb, derm, derl</i>	—	<i>dor, dur, dorʃ, durʃ, dors, durs, dorq, dord, durd, dorb, durb, dorm</i>	<i>dör, düir, dörs, düirk, dörd, düird, dörb, düirb</i>
t	<i>tar, tarʃ, tarč, tarq, tar, tarđ, tart, tarb, tarm, tarn, tarl</i>	<i>ter, terʃ, terč, terq, terđ, tert, terb, term</i>	—	<i>tor, tur, torʃ, torč, turč, torq, torđ, torm, torn, torl</i>	<i>tör, tüir, tüirč, tüirk, tüird</i>
b	<i>bar, barʃ, barč, bars, barq, bark, bard, bart, barb, barm</i>	<i>ber, berʃ, berč, bers, berk, berg, bert, berb</i>	<i>bir, birʃ, birč, birs, birb, birt</i>	<i>bor, bur, borʃ, borč, burʃ, burč, bors, borq, burq, bork, bor, bur, bord, bort, borb</i>	<i>biir, böirʃ, biirʃ, biirs, biirk, biirb</i>
p	<i>par, parʃ, parč, pard, parb, parn</i>	<i>perk</i>	<i>pir, pirʃ, pirč, pirn</i>	<i>purč, porq, purg, porn</i>	<i>pür, pürč, püird, püirt</i>
m	<i>mar, marʃ, marq, marđ, marm, marl</i>	<i>mer, merk, merg, merb</i>	<i>mir, mirʃ, mirm</i>	<i>mur, morč, murč, mors, murs, morq, mord, morn</i>	<i>mör, mörg</i>
n	<i>nar, narč, nars, narb, narm</i>	<i>ner, nerč, nerb, nerm</i>	<i>nir, nirg</i>	<i>nur, nurk, nurn</i>	<i>nör, nüir, nüirk</i>
l	<i>larʃ, larb</i>	—	—	—	—

Итого 444 корня, из них без ауслатного согласного функционирует 13 %, в инициальной позиции выступают $[j\check{c}/\check{s}/s/y]$ – 32 %, $[t/d]$ – 16, $[q/k/\gamma/g]$ – 15, $[b/p]$ – 14, $[m/n/l]$ – 10 %. Без анлаутного согласного представлено 18 % корней, в финальной позиции наиболее активны $[j\check{c}/s]$ – 23 %, далее следуют $[q/k/\gamma/g]$ – 21, $[d/t]$ – 14, $[m/n/l]$ – 13, $[b/p]$ – 11 %.

Таблица 14

Типы корней с доминантой $[m]$

C_{un}/V	<i>a</i>	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>o/u</i>	<i>ö/ü</i>
1	2	3	4	5	6
ø	<i>am, amĵ, amč, ams, amq, amγ, amt, amb</i>	<i>em, emč, ems, emk, emt, emd</i>	<i>im</i>	<i>om, um, umb, umt, umd</i>	<i>öm, üm, ümk, ömd, ümt, ömb, ümb</i>
y	–	–	–	<i>yomb</i>	–
ĵ	<i>ĵam, ĵamb</i>	<i>emk, ĵemb</i>	<i>ĵim, ĵims, ĵimb</i>	<i>ĵomb</i>	<i>ĵümb</i>
č	<i>čam</i>	<i>čemb, čemč</i>	<i>čim, čimk, čimč</i>	<i>čom, čomč, čumč, čomb</i>	<i>čöm, čömč</i>
š	<i>šam, šamš, šamb</i>	–	–	<i>šom, šum, šomb, šumb</i>	<i>šöm, šömb</i>
s	<i>sam, samt, samb, semb, samn</i>	<i>sem, semĵ, semt</i>	<i>sim</i>	–	<i>süm</i>
q/k	<i>qam, qamš, qamq, qamk, qamb, qamp</i>	<i>kem, kemk</i>	<i>kim, kims</i>	<i>qom, qum, qumq, qomb, qumb</i>	<i>köm, küm, kümb</i>
γ/g	<i>γam, γamb</i>	<i>gem</i>	–	<i>γom</i>	<i>güm</i>
d	<i>dam, damĵ, damb</i>	<i>dem</i>	–	<i>dom, dum, domb, dumb</i>	<i>döm, dümb</i>
t	<i>tam, tamš, tamk, tamt</i>	<i>tem</i>	–	<i>tom, tum, tomb, tumb</i>	<i>töm, tüm, töms, tümb, tümp</i>

1	2	3	4	5	6
b	<i>bam, bamk, bamb</i>	<i>bemb</i>	–	<i>bomb, bumb</i>	<i>bõm, bõmb, bümb</i>
p	<i>pamb, pamp</i>	<i>pemb, petp</i>	–	<i>pomb</i>	<i>põmb, piõmp,</i>
m	–	–	–	–	–
n	<i>nam, namǰ, namq, namb</i>	<i>nem</i>	<i>nim, nimb</i>	<i>nom, num</i>	<i>nõm</i>
l	–	–	<i>limb</i>	–	–

Итого 144 корня, из них 18 % не имеет ауслатного согласного, в инициальной позиции чаще всего встречаются $[j\check{s}/s/s/y]$ – 30 %, далее – $[t/d]$ – 17, $[q/k/\gamma/g]$ – 16, $[b/p]$ – 12, $[n]$ – 7 %. 36 % корней не имеет анлаутного согласного, в финальной позиции, напротив, широко представлены $[b/p]$ – 33, менее активны $[j\check{s}/s/s]$ – 15, $[q/k/\gamma/g]$ – 9, $[t/d]$ – 6, $[n]$ – 1 %.

О соотношении анлаутных и ауслатных согласных можно судить по данным рисунков 14–17.

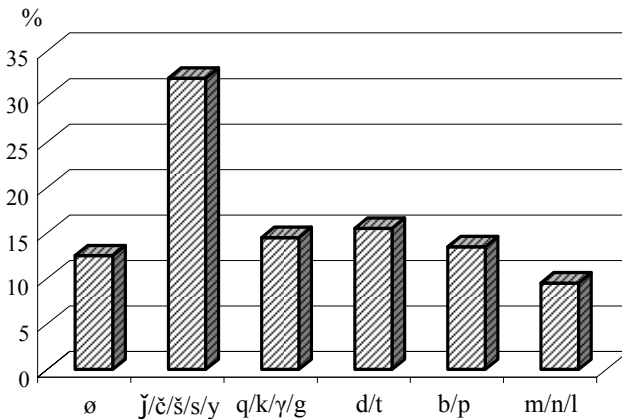

Рис. 14. $C_{ин}$ в корнях с $C_D [r]$

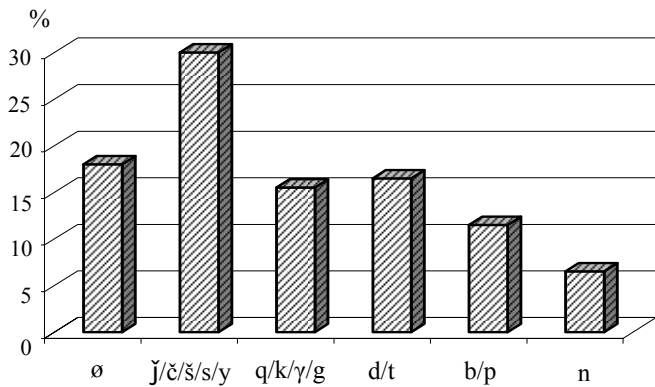

Рис. 15. C_{in} в корнях с $C_D [m]$

Как видно, позиции согласных в анлауте приблизительно одинаковы.

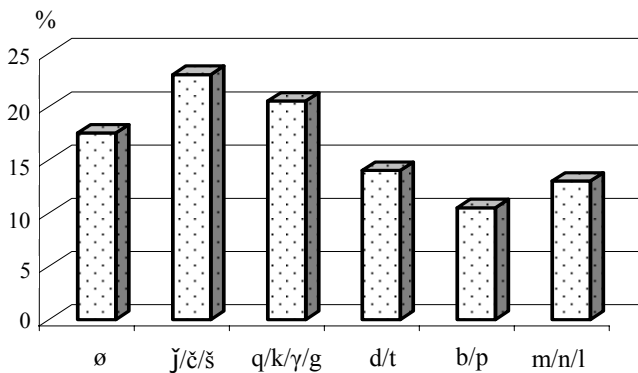

Рис. 16. C_{aus} в корнях с $C_D [r]$

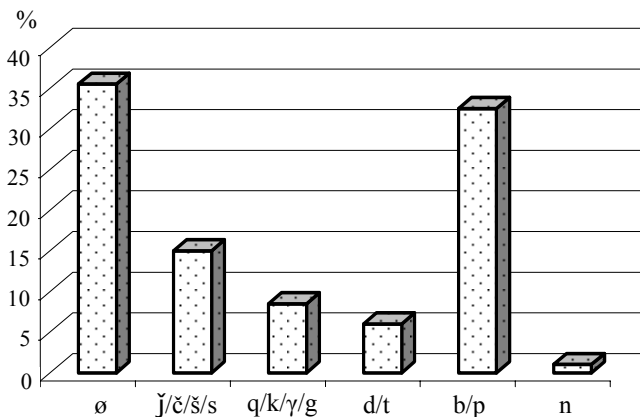

Рис. 17. C_{aus} в корнях с $C_D [m]$

В финальной позиции корней с доминантой $[r]$ активны как аффрикаты, спиранты, так и смычные согласные. Менее представлен в ауслaute блок сонантов $[m/n/l]$, доминанта $[m]$ также с ними практически не сочетается. По всей видимости, это можно объяснить тем, что сами $[r/m]$ относятся к сонорным согласным. Отмечается высокая степень сочетаемости доминанты $[m]$ со смычными $[b/p]$.

С точки зрения фоносемантики можно прийти к выводу, что «сильный» согласный $[r]$ стремится к сочетанию в ауслaute с такими же «сильными» согласными, как $[\text{ĵ}/\text{č}/\text{s}]$, $[\text{t}/\text{d}]$, которые усиливают проявление генерального признака. «Смягчающие» же семантику согласные $[b/p]$, $[m/n/l]$ занимают по отношению к ним периферийную позицию. Например, в *арзгар* ‘оскаленный’ аффриката $[\text{ĵ}]$ подчеркивает генеральный признак ‘торчащий, остроконечный’, смычный $[b]$ в *арвагар* ‘лохматый’ его смягчает. Что касается влияния смычных $[q/k/\gamma/g]$ на семантику корня, то их позицию можно признать нейтральной в связи с тем, что они наиболее органично передают финальную фазу звучания, не придавая ему оттенка резкости, внезапности.

«Мягкая» доминанта [m] также стремится к сочетанию с «мягкими» [b/p], образуя кластер [mb], встречающийся в 33 % производных. Активность «сильных» согласных ниже более чем в 2 раза, что верифицирует тенденцию к сочетанию «сильной» доминанты с «сильным» ауслутом и «мягкой» доминанты с «мягким» ауслутом. Исследование других согласных в позиции доминанты и их сочетаемость с согласными в финальной позиции в дальнейшем позволят подтвердить или опровергнуть эти выводы.

Заключение

Результаты исследования показали, что совокупность первичных основ в монгольских языках делится на группы в зависимости от способа поступления перцептивной информации, каждая из которых примыкает к определенному звуковому материалу и из него образована. Широкий спектр образных корней служит для передачи тончайших нюансов качеств, формирует богатый словарь для обозначения предметов и явлений, порой отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками.

Фоносемантический анализ лексем с корневыми согласными *[r/m]*, демонстрирующее законсервированное древнее состояние монгольских языков, позволил установить исконный корневой состав монгольских языков и в определенной степени раскрыть его номинационный потенциал. Следует признать, что не все лексем с доминантами *[r/m]* поддаются точной этимологизации, что объясняется сложностью ассоциативной линии и синкретичностью значений лексем. Но тем не менее исследование демонстрирует очевидную тенденцию полевого структурирования значений, объединенных общим элементом – звуком.

В структуре корня нами выделен согласный-доминанта, который является носителем генерального признака. Именно в нем закодирована основная информация об объекте или явлении, поступающая по одному из 5 модусов перцепции. Кроме него, в состав корня могут входить анлаутный и ауслаутный согласные, в комбинации с которыми доминанта дает наиболее полное представление о денотате. Относительно звукоподражательных корней можно утверждать, что они представляют собой последовательность дифференциальных признаков того или иного звучания, отражающих стадии его произнесения: анлаутный согласный передает начало, доминанта – развитие и, наконец, ауслаутный согласный – окончание звука.

Широкая вариативность гласных в составе изобразительных корней монгольских языков позволила нам приложить данный признак и к корням, формирующим лексику с затемненной внутренней формой. Если гласный *[a]* в ономотопах передает громкий, низкий звук, то *[i]* – звук более высокого регистра, что, как известно, продиктовано их

акустическими и артикуляторными особенностями. В образных корнях нами выявлена тенденция к обозначению с помощью гласного [a] более крупных объектов, а гласного [u] – более мелких.

36 % корней способны самостоятельно функционировать в качестве субстантивных форм, 30 % – в качестве адъективных форм. Из глагольных корней «в чистом виде» представлено 70 %. Среди первичных словообразовательных формантов выделены 3 группы суффиксов: «группа *-day*», состоящая из аффиксов, оканчивающихся на согласный [y]; «группа *-dai*», включающая форманты, оканчивающиеся на дифтонг, и прочие аффиксы. Большинство из них относится к ныне непродуктивным аффиксам, зафиксированным лишь в ограниченном количестве названий представителей флоры и фауны и демонстрирующим наиболее архаическую картину словообразовательной системы монгольских языков.

Значения производных позволили установить, что форманты «группы *-dai*», из которых в современных языках активно функционируют лишь собственно *-дай* и *-хай*, придают уменьшительно-ласкательное оттонок экспрессии. Сфера действия аффиксов *-lji(n)*, *-yana*, а также сложных формантов *-ljiyan-a*, *-ryan-a* строго ограничена названиями растений, насекомых, мелких грызунов, что свидетельствует об их гомогенности с формообразовательными глагольными формантами *-lja*, *-yana*, служащими для передачи прерывистократного действия.

Анализ ономатопеической лексики, помимо «прозрачных» идеофонов с доминантой [r], передающих звучание животных, птиц, воды, различных артефактов, позволил выявить архаический пласт глаголов говорения, ныне потерявших свою соотнесенность со звукоподражанием. Установлено, что корневой согласный [m] участвует в образовании кинем, представляющих собой обозначения звуковых и незвуковых физиологических процессов в полости рта и носа, а также служит для вербализации несвязной речи.

Среди звукоподражаний с доминантой [r] большая часть отличается громкостью, вызывающей неприятные ощущения. Согласный [m], благодаря такому артикуляционному признаку, как сжатие губ, обладает противоположной способностью передавать сему молчания, тишины. Другая «оппозиция» представлена в актуализации

вибрирующего движения. Если согласный [r] служит для передачи значений ‘колыхаться, трепетать (о флаге, одежде)’, формирующихся в результате достаточно отчетливого слухового восприятия, то согласный [m], манифестируя идентичные значения ‘колыхаться, трястись’, соотносится с незвучащими денотатами.

Важным итогом работы представляется выявление моментов семантического перехода от звукоподражания к образу, ведущих к периферийному расширению ядерных ономатопеических признаков. Среди корней с доминантой [r] нами выделено 5 ономапов, давших 5 генеральных признаков (ГП): *ar, передающий рычание диких зверей и послуживший основой для признака ‘торчащий, остроконечный’; *kir, сопровождающий процесс нарезания чего-л. на ровные части, давший ряд лексем с ведущим признаком ‘ровный, прямой’.

Посредством остальных 3 идеофонов развились семантически близкие признаки: *bur, передающий бурление, журчание воды и служащий для вербализации признака ‘круглый; курчавый’; *sar, воспроизводящий звук шумно вдыхаемого и выдыхаемого воздуха и породивший признак ‘круглый, зияющий’; а также *ter, соотносимый со звуком отпущенной туго натянутой тетивы, пружины и ставший предпосылкой для развития признака ‘надутый, пузатый’. Это подтвердило тот факт, что в процессе эволюции языка звукоподражательные значения играли не последнюю роль.

Доминанта [m] послужила для развития 2 противоположных генеральных признаков: ‘круглый’, возникший на основе образа открытого рта человека, и ‘остроконечный’, появившийся в результате вербализации образа морды приноживающегося животного. Возможно, некоторые из этих семантических сдвигов подпадают под статус универсальных направлений развития значений.

Результаты исследования показали, что корневые морфемы с доминантами [r/m] представляют собой сложные реалии, при выявлении значения которых предпочтительными становятся то одни, то другие семантические компоненты. Благодаря своим физическим характеристикам, доминанта [r] участвует в языковой интерпретации всех видов модальности. В зрительной модальности она передает резкий свет; остроконечную форму; в слуховой модальности – резкий звук; во вкусовой модальности – резкий, острый вкус. В сфере вербализации обоняния она может передавать резкий, едкий запах.

Способность корневого согласного [r] передавать ощущение холода и жары, зловония и аромата, состояние счастья и тревоги обусловлена тем, что они представляют собой крайнюю степень проявления противоположных начал. Так, глагол п.-мо. *orgi-*, мо. *орги-*, бур. *урья-* имеет общее значение 'обдавать', сочетающееся с лексемами, связанными с разными видами рецепторов: холодowymi (мо. *нуруу хүйт орги-* 'обдавать холодом в спину', бур. *һэрюу урья-* 'веять прохладой'); тепловыми (мо. *чих халуу оргиулж байна* 'уши пылают', бур. *халуу урья-* 'обдавать жаром') и обонятельными (мо. *өмхий орги-* 'отдавать зловонием'). Это свидетельствует о синкретизме семантики языковых единиц, семантических признаках, мотивирующих метафорические и метонимические переносы в интермодальные сферы, о явлении синестезии в области обозначения физических ощущений.

Итак, противопоставление [r/m] представлено в бинамах: «громкий ↔ тихий», «острый ↔ круглый», «мужской ↔ женский», «твердый ↔ мягкий», «грубый ↔ нежный», «шершавый ↔ пушистый», «кислый ↔ сладкий», которые, как архетипические для человеческого сознания, относятся к базовым оппозициям языковой картины мира. Дифференциация значений обусловлена акустико-артикуляционными характеристиками согласных: в большинстве случаев дрожание кончика языка в момент произнесения доминанты [r] ведет к внутреннему дискомфорту, поступающему извне по каналам различных сенсорных модальностей.

Для доминанты [m] значимым представляется такой артикуляционный признак, как смыкание губ при его произнесении, а также меньшая степень напряжения артикулирующих органов. Можно отметить, что все лексемы с данным корневым согласным возникли благодаря кинемике как компоненту психофизиологической основы звукосимволизма.

В результате исследования установлено, что вербализация размера объектов происходит на основе зрительного восприятия их формы. Цветообозначения, имеющие в составе корня дрожащий сонант [r], возникли на основе дискомфорта при зрительном восприятии яркого солнца (о желтом цвете) и сумерек (о темных оттенках). Также ценным представляется выявление целого ряда так называемых глаголов смотрения, актуализирующихся в языке с помощью восприятия сияющих, сверкающих глаз человека.

Полевой подход позволил провести систематизацию значений, выражаемых посредством рассматриваемых согласных. В ходе исследования выяснилось, что различные корни с большей или меньшей продуктивностью формируют одни и те же семантические поля. Анализ компонентов корней вскрыл мотивированность этих полей звуко-образительными возможностями самих звуков.

Сопоставление изобразительных слов в языках алтайской группы свидетельствует, что все они с незначительными отклонениями охватывают один и тот же диапазон звуков, отражая сходство фонематического и естественного звучания согласно своей фонетической традиции. Несомненно, дальнейшее изучение звуко-символических свойств других согласных в роли доминант позволит уточнить и, возможно, изменить некоторые проведенные в данной работе реконструкции, которые вносят определенный вклад в выявление общих генеральных линий воплощения перцептивной информации в монгольских и шире – в алтайских языках.

Литература

- Аврорин, В. А. Грамматика нанайского языка. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. В 2-х т., т. 2. / В. А. Аврорин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 294 с.
- Алатырев, В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке / В. И. Алатырев // Уч. зап. Сер. востоковедческих наук / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1947. – Вып. 2, № 105. – С. 216–232.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
- Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного исследования / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
- Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.
- Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1989. – 153 с.
- Ашмарин, Н. И. Основы чувашской мимологии (О подражательных словах в чувашском языке). – Казань: Изд. чуваш. нац. организации, 1918. – 10 с.
- Ашмарин, Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья / Н. И. Ашмарин // Изв. / Азербайджанский гос. ун-т. – Баку, 1925. – Т. 2–5.
- Ашмарин, Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань: Изд. Акад. центра ТНКИ, 1928. – 160 с.
- Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Изд. 2-е / Ш. Балли. – М.: URSS, 1955. – 416 с.
- Бальжинимаева, Ц. Ц. Словосочетания с изобразительными словами в бурятской художественной речи / Ц. Ц. Бальжинимаева // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 121–133.
- Банзаров, Д. Собр. соч. / Д. Банзаров. – М.: Наука, 1955. – 374 с.
- Барабанщиков, В. А. Системогенез чувственного восприятия. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 464 с.
- Басаева, К. Д. Традиции и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей / К. Д. Басаева // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – С. 186–193.
- Баскаков, Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1981. – 180 с.
- Бергсон, А. Сочинения в 4-х т. – Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон. – М.: Московский клуб, 1992. – 336 с.

Бертагаев, Т. А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии / Т. А. Бертагаев // Изв. АН СССР. – 1951. – Т. 10, вып. 6. – С. 573–588.

Бертагаев, Т. А. Об этимологии слов *баргуджин*, *баргут* и *тукум* / Т. А. Бертагаев // Филология и история монгольских народов. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 173–174.

Бертагаев, Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках / Т. А. Бертагаев // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 90–109.

Бертагаев Т. А. О монголизмах в русском языке / Т. А. Бертагаев // *Studia mongolica*. – Т. 1(9). – Улаанбаатар, 1973. – С. 174–179.

Бертагаев, Т. А. Космогонические представления в мифологии монгольских племен / Т. А. Бертагаев // Историко-филологические исследования. – М.: Наука, 1974а. – С. 406–418.

Бертагаев, Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков) / Т. А. Бертагаев. – М.: Наука, 1974б. – 383 с.

Брагинская, Н. В. Кто такие мирмидонцы? / Н. В. Брагинская // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М.: Изд-во РГГУ, 1993. – С. 231–256.

Бубрих, Д. В. К проблеме изобразительной речи / Д. В. Бубрих // Ученые зап. Сер. Исторические и дипломатические науки / Карело-финский ун-т. – Петрозаводск, 1948. – Т. 3, вып. 1. – С. 85–94.

Будаев, Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука, 1978. – 302 с.

Бураев, И. Д. Становление звукового строя бурятского языка / И. Д. Бураев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 185 с.

Бурыкин, А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований / А. А. Бурыкин // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 19–42.

Бурыкин, А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bci* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках / А. А. Бурыкин // Владимирцовские чтения-4: докл. и тез. Всерос. науч. конф., 15 февр. 2000 г. – М., 2000. – С. 16–20.

Бурыкин, А. А. Об одной группе исключений из закона Рамстедта-Пелльо в монгольских языках / А. А. Бурыкин // Сравнительно-историческое исследование языков: состояние и перспективы: тез. докл. междунар. науч. конф., 22–24 янв. 2003 г., Москва. – М., 2003. – С. 31–33.

Бухаева, О. Д. Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в русском и бурятском языках / О. Д. Бухаева. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. – 132 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Владимирцов, Б. Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам / Б. Я. Владимирцов // Докл. АН СССР. – Л., 1929. – № 16. – С. 289–296.

Владимирцов, Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцов. – М.; Л.: Изд. Ленингр. вост. ин-та, 1929. – 435 с.

Владимирцов, Б. Я. Арабские слова в монгольском / Б. Я. Владимирцов // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Т. V. – С. 73–82.

Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 224 с.

Воронин, С. В. Фоносемантика и этимология / С. В. Воронин // Диахроническая германистика: межвуз. сб. ст. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. – С. 131–171.

Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 244 с.

Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой / К. Вульф. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – 280 с.

Вундт, В. Основания физиологической психологии / В. Вундт. – М.: Изд-во Н. А. Абрикосова, 1880. – 1038 с.

Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней) / А. М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 183 с.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: общие вопросы / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.

Галданова, Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1987. – 116 с.

Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 1328 с.

Гаффарова, Ф. Ф. Этимология и деривация слова *арпа* в контексте алтайской общности / Ф. Ф. Гаффарова // II междунар. бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. 11–13 дек. 2003 г., Казань: тр. и мат-лы: В 2-х т., т. 2 / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 130–132.

Гаффарова, Ф. Ф. Семантико-этимологическая реконструкция земледельческой лексики алтайских языков (на примере основы *таp-*) // Евразий-

ская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: мат-лы I междунар. науч. конф., 11–13 нояб. 2009 г. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2009. – С. 83–86.

Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.

Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – М.: Наука, 1975. – 418 с.

Грунтов, И. А. Развитие прамонгольского гортанного спиранта **h-* в начальной позиции в языке памятника монгольского языка XIV века словаря Мукаддимат ал-адаб [электронный ресурс] / И. А. Грунтов // Режим доступа: www.altai.ru.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Гурулев, С. А. Реки Байкала: происхождение названий / С. А. Гурулев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 112 с.

Дампилова, Л. С. Символы художественного пространства Востока и Запада в поэзии Баира Дугарова / Л. С. Дампилова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2005. – № 3. – С. 104–110.

Дашиева, Н. Б. Календарь в народной культуре бурят (опыт историко-этнографического культурно-исторического исследования) / Н. Б. Дашиева. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. – 299 с.

Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

Дмитриев, Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 607 с.

Дмитриева, Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках / Л. В. Дмитриева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 135–191.

Дмитриева, Л. В. Этимология географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках / Л. В. Дмитриева // Алтайские этимологии. – Л., 1984. – С. 130–177.

Дондуков, У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1964. – 165 с.

Дондуков, У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж. Ш. Дондуков. – Улан-Удэ: Изд-во БГПИ им. Д. Банзарова, 1993. – 230 с.

Дугаров, Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств / Б. С. Дугаров. – Улан-Удэ, 2005. – 298 с.

Дугаров, Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д. С. Дугаров. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Дыбо, А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (Плечевой пояс) / А. В. Дыбо. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 389 с.

Дыбо, А. В. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре / А. В. Дыбо // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения: сб. науч. ст. – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2005. – С. 42–64.

Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период / А. В. Дыбо. – М.: Вост. лит., 2007. – 223 с.

Дыбо, А. В. К проблеме происхождения имитативных слов [электронный ресурс] / А. В. Дыбо // Режим доступа: www.altaiqa.ru.

Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. – 355 с.

Жамбалова, С. Г. Охота / С. Г. Жамбалова // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – С. 105–114.

Жуковская, Н. Л. Пища и кулинарные традиции / Н. Л. Жуковская // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – С. 166–180.

Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.

Журавлев, А. П. Звук и смысл / А. П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Зиндер, Л. Р. Общая фонетика: уч. пос. / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.

Знак: иконы, индексы, символы: тез. докл. междунар. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения С. В. Воронина / Под ред. А. В. Зеленщикова, О. И. Бродович. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 81 с.

Зомонов, М. Д. Словарь бурятского шаманизма / М. Д. Зомонов, И. А. Манжигеев. – Улан-Удэ: Буряад Үнэн, 1998. – 148 с.

Зориктуев, Б. Р. О происхождении и семантике этнического названия *монгол* / Б. Р. Зориктуев // Вест. БГУ. – Сер. Филология., вып. 10. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – С. 125–131.

Илиуф, Х.-М. Опыт выявления архетипов слов и их этимонов [электронный ресурс] / Х.-М. Илиуф // Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php>.

Иллич-Свитыч, В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, карт-

вельский, семитохамитский) / В. М. Иллич-Свитыч // Этимология. – М., 1967. – С. 321–373.

Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). В 3-х т., т. 1 / В. М. Иллич-Свитыч. – М.: Наука, 1971. – 369 с.

Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). В 3-х т., т. 2 / В. М. Иллич-Свитыч. – М., 1976. – 572 с.

Исхаков, А. И. О подражательных словах в казахском языке / А. И. Исхаков // Тюркологический сборник. – М.; Л., 1951. – С. 103–111.

Казакевич, В. А. Современная монгольская топонимика / В. А. Казакевич. – Л.: АН СССР, 1934. – 30 с.

Кайдаров, А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке / А. Т. Кайдаров. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 326 с.

Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.

Киле, Н. Б. Образные слова нанайского языка / Н. Б. Киле. – Л.: Наука, 1973. – 189 с.

Клоусон, Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории / Дж. Клоусон // Вопросы языкознания. – 1959. – № 5. – С. 22–41.

Кобозева, И. М. Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов [электронный ресурс] / И. М. Кобозева // Тр. междунар. сем. «Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». Т. 1. – Протвино, 2000. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials>.

Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С. А. Козин. – М.; Л., 1941. – 605 с.

Кононов, А. Н. Семантика цветообозначения в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник-1975. – М., 1978. – С. 159–179.

Котвич, В. Исследование по алтайским языкам / В. Котвич. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 371 с.

Кравков, С. В. Взаимодействие органов чувств / С. В. Кравков. – М.; Л., 1948. – 128 с.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Кудайбергенев, С. Подражательные слова в киргизском языке / С. Кудайбергенев. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1957. – 108 с.

Левицкий, В. В. Семантика и фонетика / В. В. Левицкий. – Черновцы: Изд-во Черновицкого ун-та, 1973. – 103 с.

Левицкий, В. В. Начальные сочетания фонем в английском языке / В. В. Левицкий // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. – Киев, 1983. – С. 8–17.

Левицкий, В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков / В. В. Левицкий. – Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1997. – 276 с.

Левицкий, В. В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря / В. В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 232 с.

Лиджиев, А. Б. Глаголы мышления в монгольских языках: сравнительно-исторический анализ / А. Б. Лиджиев // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф. – Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009. – С. 258–262.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. – М.: Наука, 1973. – 440 с.

Маковский, М. М. Лингвистическая комбинаторика (опыт стратификации языковых структур) / М. М. Маковский. – М.: КомКнига, 2007. – 232 с.

Маковский, М. М. Индоевропейская этимология. Предмет – методы – практика // М. М. Маковский. – М.: Либроком, 2009. – 354 с.

Манджикова, Б. Б. К особенностям фонетической структуры звукоподражательных слов и их значений в калмыцком языке / Б. Б. Манджикова // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М., 1976. – С. 65–77.

Манджикова, Б. Б. Изобразительные слова в современном калмыцком языке: дис. ... канд. филол. наук / Б. Б. Манджикова. – М., 1983. – 163 с.

Маркова, Е. М. Праславянские названия деревьев как отражение фрагмента языковой картины мира славян / Е. М. Маркова // Acta Linguistica. – 2008. – Vol. 2.1. – С. 37–45.

Мельников, Г. П. Орфонимия и мотивированность знака / Г. П. Мельников // Проблемы мотивированности языкового знака / Под ред. А. П. Журавлева. – Калининград: Изд-во Калинин. ун-та, 1976. – С. 3–10.

Мельхеев, М. Н. Географические названия Восточной Сибири / М. Н. Мельхеев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969а. – 120 с.

Мельхеев, М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969б. – 186 с.

Митрошкина, А. Г. Личные имена бурят / А. Г. Митрошкина. – Иркутск: Изд-во Иркут. госун-та, 1995. – 377 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т., т. 1. А–К / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 671 с.

Михайлов, Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.) / Т. М. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.

Михалев, А. Б. Теория фоносемантического поля / А. Б. Михалев. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.

Михалев, А. Б. Языковая картина мира как полиструктурная деталь / А. Б. Михалев // Язык. Этнос. Сознание: мат-лы междунар. науч. конф., 24–25 апр. 2003 г. – Т. 1. – Майкоп: Ред.-изд. отдел АГУ, 2003. – С. 23–30.

Михалев, А. Б. Фоносемантические универсалии / А. Б. Михалев // Университетские чтения-2006: мат-лы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Ч. 1. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – С. 42–46.

Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов (на бурятском, русском языках) / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга; пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 318 с.

Мудрак, О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков / О. А. Мудрак. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 284 с.

Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Нерознак, В. П. Праязык: реконструкт или реальность? / В. А. Нерознак // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. – М., 1988. – С. 26–43.

Новикова, К. А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках / К. А. Новикова // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 53–134.

Номинханов, Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка / Ц. Д. Номинханов. – М.: Наука, 1975. – 327 с.

Орловская, М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке / М. Н. Орловская. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 115 с.

Петрова, Т. И. Образные слова в нанайском языке / Т. И. Петрова // Изв. Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – 1948. – Т. VII, вып. 6. – С. 522–537.

Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 360 с.

Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм / Л. П. Потапов // АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.

Пюрбеев, Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания / Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Наука, 1993. – 304 с.

Рамстедт, Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г. Рамстедт. – М.: Изд-во иност. лит., 1957. – 254 с.

Рассадин, В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 256 с.

Рассадин, В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В. И. Рассадин. – М.: Наука, 1980. – 114 с.

Рассадин, В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – М.: Наука, 1982. – 198 с.

Рассадин, В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков / В. И. Рассадин // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 120–131.

Рассадин, В. И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка / В. И. Рассадин // VII междунар. конгресс монголоведов: докл. российской делегации. – Улаанбаатар, 1997. – С. 55–60.

Рассадин, В. И. Сложение группы непроемных субстантивов в бурятском языке / В. И. Рассадин // История развития бурятского языка: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 3–16.

Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности – Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. – 165 с.

Рассадин, В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – 234 с.

Рассадин, В. И. Комплекс лексики кочевничества монгольских языков в свете тюрко-монгольских языковых связей / В. И. Рассадин // Вопросы филологии. Сер. Урало-алтайские исследования. – 2010. – № 1. – С. 32–38.

Рашид-ад-Дин, Д. Сборник летописей. – Т. 1, кн. 1 / Д. Рашид-ад-Дин. – М.; Л., 1952. – 387 с.

Рубинштейн, Г. А. О концептуализации отрезков времени в русском языке [электронный ресурс] / Г. А. Рубинштейн // Режим доступа: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/2/rubinstein.pdf>.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

Рузин, И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.

Рыкин, П. О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке / П. О. Рыкин // Вопросы филологии. Сер. Урало-алтайские исследования. – 2009. – № 1/УА (1). – С. 80–91.

Санжина, Д. Д. Язык бурятских исторических романов / Д. Д. Санжина. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1991. – 132 с.

Санжина, Д. Д. Изобразительные слова в бурятском художественном тексте / Д. Д. Санжина // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина. 11–13 нояб., 2009 г. – Элиста, 2009. – С. 174–175.

Севортян, Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования / Э. В. Севортян. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 643 с.

Севортян, Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1966. – 437 с.

Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семенов. – М.: Юнвес, 2003. – 704 с.

Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Пер. с англ. А. М. Сухотина / Э. Сепир. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 224 с.

Скрынникова, Т. Д. Символы солнца в традиционной культуре тюркомонгольских народов Сибири / Т. Д. Скрынникова // Этническая история и этническая культура. – М.; Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. – С. 3–23.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 280 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Кн. 3: Морфология / АН СССР. Ин-т языкознания / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Столяренко, Л. Д. Основы психологии. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 672 с.

Сыромятников, Н. А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках / Н. А. Сыромятников // Проблемы общности алтайских языков. – Л., 1971. – С. 51–64.

Тамбиева, Ж. М. Межъязыковая фоносемантическая характеристика гутуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков): дис. ... канд. филол. наук / Ж. М. Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 169 с.

Тенишев, Э. Р. Строй саларского языка / Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1976. – 575 с.

Теплов, Б. М. Психология / Б. М. Теплов. – М.: Учпедгиз, 1953. – 288 с.

Тодаева, Б. Х. Дунсянский язык / Б. Х. Тодаева. – М.: ИВЛ, 1961. – 152 с.

Тодаева, Б. Х. Баоаньский язык / Б. Х. Тодаева. – М.: Наука, 1964. – 158 с.

Тодаева, Б. Х. Монгорский язык: исследование, тексты, словарь / Б. Х. Тодаева. – М.: Наука, 1973. – 391 с.

Тодаева, Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / Б. Х. Тодаева. – Элиста, 1976. – 530 с.

Тодаева, Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: очерк диалектов / Б. Х. Тодаева. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1985. – 133 с.

Тодаева, Б. Х. Дагурский язык / Б. Х. Тодаева. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1986. – 187 с.

Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. Сер. «Из лингвистического наследия Н. И. Толстого». – Изд. 2-е. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.

Топоров, В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа / В. О. Топоров // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 44–59.

Хангалов, М. Н. Собр. соч. В 3-х т., т. 2 / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – 443 с.

Хангалов, М. Н. Собр. соч. В 3-х т., т. 1 / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – 508 с.

Харитонов, Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1943. – 84 с.

Харитонов, Л. Н. Современный якутский язык: фонетика и морфология. Ч. 1 / Л. Н. Харитонов. – Якутск, 1947. – 304 с.

Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – 312 с.

Харькова, С. С. К этимологии наименований убранства дома [электронный ресурс] / С. С. Харькова // Режим доступа: www.altai.ca.ru.

Цинциус, В. И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 3–16.

Цинциус, В. И. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках / В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 19–52.

Цинциус, В. И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губно-губным *n* и заднеязычным *k* // Алтайские этимологии: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1984. – С. 17–129.

Цыдендамбаев, Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке / Ц. Б. Цыдендамбаев // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 136–151.

Цыдендамбаев, Ц. Б. Изобразительные слова в монгольских языках / Ц. Б. Цыдендамбаев // XXV междунар. конгресс востоковедов: докл. делегации СССР. – М., 1960. – С. 60–71.

Цымбурский, В. Л. «Друг» и «дрожь»: к этимологии нескольких слов с затемненной внутренней формой [электронный ресурс] / В. Л. Цымбурский // Режим доступа: <http://russ.ru/academ>.

Цымбурский, В. Л. Праславянское *ostrovъ: к пересмотру этимологии / В. Л. Цымбурский // Славяноведение. – 1999. – № 4. – С. 50–57.

Чагдуров, С. Ш. Происхождение Гэсэриады / С. Ш. Чагдуров. – Новосибирск: Наука, 1980. – 271 с.

Чимитдоржиева, Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ, 2003. – 22 с.

Чиронов, С. В. Ономастопозитические слова в современном японском языке: проблемы функционирования: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Чиронов. – М., 2004. – 221 с.

Шагдаров, Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке / Л. Д. Шагдаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 149 с.

Шайхулов, А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайской цивилизации (аспекты общей теории корневых слов) / А. Г. Шайхулов // Проблемы монголоведных и алтаистических исследований: мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина, 11–13 нояб. 2009 г. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. – С. 229–230.

Шаховский, В. И. Звуковой символизм и коннотация: новое осмысление старых проблем / В. И. Шаховский // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: мат-лы междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 16. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – 276 с.

Шилков, Ю. М. Психосоматические структуры сознания // Метафизические исследования. Вып. 6. Сознание. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. – СПб., 1998. – С. 76–98.

Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику / С. С. Шляхова. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – 218 с.

Шнайдер, К. Клиническая психопатология / К. Шнайдер. – Киев: Сфера, 1999. – 236 с.

Шулунова, Л. В. Ономастика Прибайкалья / Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 1995. – 204 с.

Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных / А. М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – С. 82–172.

Щербак, А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

Щербак, А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.) / А. М. Щербак. – СПб.: Наука, 1997. – 292 с.

На монгольском языке

Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь – I боть / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1992. – 183 т.

Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь – II боть / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1992. – Т. 184–393.

Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь – III боть / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1995. – 221 т.

Базаррагчаа, М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь – IV боть / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 1995. – Т. 222–468.

Базаррагчаа, М. Эртний монгол хэлний үгийн бүтэц түүний зарим онцлог / М. Базаррагчаа. – Улаанбаатар, 2006. – 540 т.

Базаррагчаа, М. Дүрслэх үгс бие даасан ай болох нь / М. Базаррагчаа // Монгол судлал. – 2007. – XXVII боть, III дэвтэр. – Т. 23–41.

Болд, Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар / Л. Болд. – Улаанбаатар, 1986. – 126 т.

Болд, Л. Түрэг-монгол хэлний үндсэн тооны нэрийн гарлын болон бүтцийн харьцуулсан судалгаа / Л. Болд // Nomadic Studies. – Bulletin № 8. – Улаанбаатар, 2004. – Т. 94–116-р.

Болд Л. Түрэг, монгол хэлний тооны нэр / Л. Болд. – Улаанбаатар: ШУА-гийн хэвлэл, 2005. – 122 т.

Дулам, С. Монгол бэлгэдэл зүй / С. Дулам. – IV дэвтэр: Зүүд, зөн совингийн бэлгэдэл зүй, Цагийн бэлгэдэл зүй. – Улаанбаатар, 2002.

Монголын нууц товчоо: хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол бичгийн хэлээр Ц. Дамдинсүрэн орчуулав. – Улаанбаатар, 1990. – 255 т.

Отгонбаатар, О. «Ёс мэдэхгүй хүнд ёр халдахгүй» хэмээхийг мөшгө, хорио цээрийн учрыг танихуй / О. Отгонбаатар // Монгол судлал өөрчлөгдөн буй ертөнцөд: хөгжлийн хэтийн төлөв: ОХУ-ын нэрт Монголч эрдэмтэн Н. О. Шаракшиновагийн мэндэлсний 95 жилийн ойд зориулагдсан олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2010. – Т. 276–254-р.

Өнөрбаян, Ц. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй / Ц. Өнөрбаян. – Улаанбаатар, 1994. – 217 т.

Төмөртогоо, Д. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй / Д. Төмөртогоо. – I дэвтэр. – Улаанбаатар, 1992.

Төмөртогоо, Д. Монгол хэл шинжлэлийн онол, түүхийн асуудлууд / Д. Төмөртогоо. – Улаанбаатар, 2002. – 237 т.

Хасбаатар, Ц. Монгол хэлний үгийн эхний эгшиг гээгдэх тухай / Ц. Хасбаатар // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 84–91.

На других языках

- Benedetti, G. *Psyche und Biologie* / G. Benedetti. – Stuttgart, 1973. – 222 p.
- Bently, M. An accessory study of phonetic symbolism / M. Bently, E. Varon. – Amer. J. Psychol. – 1959.
- Brown, R. *Words and things* / R. Brown. – New York: The Free Press., 1958. – 398 p.
- Brown, R. *Psycholinguistics* / R. Brown // First Free Press Paperback Edition. – 1972. – 382 p.
- Castren, M. A. *Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Worterverzeichniss* / M. A. Castren. – SPb., 1857.
- Clauson, G. *Turkish and Mongolian studies*. – London: The Royal Asiatic Society, 1962.
- Gombocz, Z. *Az altaji nyelvek hangtörténetéhez* / Z. Gombocz. – NyK, XXXV, 1905.
- Doerfer, G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen – I* / G. Doerfer. – Wiesbaden, 1963.
- Doerfer, G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen – III* / G. Doerfer. – Wiesbaden, 1967.
- Doerfer, G. *Mongolo-Tungusica* / G. Doerfer. – Wiesbaden otto-Harrassowits, 1985. – Bd. 3. – 307 p.
- Dulam, S. *Reading on the system of the system and quality of the Mongol Symbolism* / S. Dulam // *Study of Mongolian Symbolism: Quest and Perspectives*. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 14–37.
- Helmholtz, H. von. *A treatise on psychological optics* / H. von Helmholtz. – New York: Dover, 1962. – 593 p.
- Householder, F. W. *On the problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme* / F. W. Householder. – 1931. – Word 2. – P. 517–538.
- Kainz, F. *Psychologie der Sprache* / F. Kainz. – Berlin, 1960.
- Khabtagaeva, B. *Colour names and their suffixes* / B. Khabtagaeva // *Acta Orientalia: Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2001. – Vol. 54. – № 1. – P. 85–163.
- Kotwicz, W. *Les elements turcs lans la langue mandchoue* / W. Kotwicz. – Ro, t. XIV (1938). – Lwow, 1939.
- Kuribayashi, H. *Comparative Basic Vocabularies for Mongolian (Chakhar), Dagur, Shera-Yugur, Monguor, Bao-an and Dungshang. Studies of Linguistic and Cultural Contacts* / H. Kuribayashi. – Tokyo, 1989.
- Lakoff, G. *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Perseus Books, 1999. – 624 p.
- Ligeti, L. *Le lexique moghol de R. Leech* / L. Ligeti // *AOH IV*. – 1954.

Marchand, H. *Phonetic Symbolism in English Word-Formation* / H. Marchand // *Indogermanische Forschungen*. – Bd. 64, 1959. – H. 2. – P. 146–168.

Magnus, M. *What's in a word? Evidence for phonosemantics* / M. Magnus. – Trondheim, Norway: University of Trondheim dissertation, 2000. – 390 p.

Nuckolls, J. B. *The Case for Sound Symbolism* / Janis B. Nuckolls // *Annu. Rev. Anthropol.* – 1999. – P. 225–252.

Peivio, A. *Mental Representations. A dual coding approach* / A. Peivio. – Oxford (Mass.): Oxford University Press, 1986.

Pelliot, P. *Les mots à h-initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol de XIII-e et XIV-e siècles* / P. Pelliot // *JA*. – 1925. – P. 193–263.

Poppe, N. *The Turkic loan-words in Middle-Mongolian* / N. Poppe // *CAJ*, 1955.

Poppe, N. *Vergleichende Grammatik der altaischen sprachen* / N. Poppe. – Viesbaden, 1960.

Poppe, N. *On some suffixes of plant names in Mongolian* / N. Poppe // *Zentralasiatische Studien* 15. – Sonderdruck, 1981. – P. 383–390.

Ramstedt, G. J. *Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Urprache* / G. J. Ramstedt. – *JSFOu*. – 1916. – Bd. 32. – H. 2.8. – P. 1–10.

Ramstedt, G. J. *Kalmukisches Wörterbuch* / G. J. Ramstedt. – Helsinki, 1935.

Ramstedt, G. J. *Studies in Korean etymology* / G. J. Ramstedt. – Helsinki, 1949.

Ramstedt, G. *Über onomatopoeische Wörter in den altaischen Sprachen* / G. Ramstedt. – *JSFOu*, 55. – 1955. – P. 106–112.

Sečenčoytu, Š. *Mongyul üges-ün ijayur-un toli* / Š. Sečenčoytu. – Köke-Qota, 1988.

Smedt, A. de. *Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental* / A de Smedt, A. Mostaert. – *Pei-p'ing*, 1933. – III partie: *Dictionnaire monguor-français*.

Smithers, G. V. *Some English Ideophones* / G. V. Smithers // *Archivum linguisticum*. – 1954. – Vol. 6. – № 2. – P. 73–111.

Vambéry, H. *Cagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Woerterbuch der cagataischen Sprache* / H. Vambéry. – Lpz., 1867.

Wandruszka, M. *Ausdruckswerte der Sprachläute* / M. Wandrushka // *Germanisch-Romanische Monatschrift*, 35. – 1954. – P. 231–240.

Wierzbicka, A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Languages* / A. Wierzbicka. – Sidney, New York, Toronto, San Francisco: Acad. Press, 1980. – 367 p.

Wescott, R. W. Holesthes or phonestemes twice over / R. W. Wescott // *General Linguistics*. – 1987. – Vol. 27. – № 2. – Pennsylvania State University Press, University Park in London. – P. 67–72.

Whorf, B. L. Language: Plan and conception of arrangement / B. L. Whorf // *Language, thought and reality*. – London, 1956. – P. 125–133.

Источники

БАМРС, I – Большой академический монгольско-русский словарь. – Т. 1. А–Г / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 520 с.

БАМРС, II – Большой академический монгольско-русский словарь. – Т. 2. Д–О / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 536 с.

БАМРС, III – Большой академический монгольско-русский словарь. – Т. 3. Ё–Ф / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 440 с.

БАМРС, IV – Большой академический монгольско-русский словарь. – Т. 4. Х–Я / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2002. – 532 с.

БРС, 1973 – Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 803 с.

Захаров, 1875 – Захаров, И. Полный маньчжурско-русский словарь / И. Захаров. – СПб.: Типография императорской Акад. наук, 1875. – 1129 с.

КРС, 1977 – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. – 765 с.

МА – Поппе, Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. – Ч. I–II // Тр. Института востоковедения [АН СССР], XIV / Н. Н. Поппе. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 453 с.

МХТТТ – Цэвэл, Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь / Я. Цэвэл. – Улаанбаатар, 1966. – 911 т.

ОМТ, 1982 – Дамдинсүрэн, Ц. Орос-монгол толь / Ц. Дамдинсүрэн, А. Лувсандэндэв. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. – 840 т.

ССТМЯ, 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т. I. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.

ССТМЯ, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т. II. – Л.: Наука, 1977. – 471 с.

Татаринцев, 2000 – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Т. I. А, Б / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2000. – 440 с.

Татаринцев, 2002 – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Т. IV. Д, Ё, И, Й / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2002. – 440 с.

Татаринцев, 2004 – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Т. IV. К, Л / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с.

Татаринцев, 2008 – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. – Т. IV. М, Н, О, Ө, П / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с.

Тодаева, 2001 – Тодаева, Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / Б. Х. Тодаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 493 с.

Фасмер, 1964 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., т. 1 / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1964. – 562 с.

Фасмер, 1967 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., т. 2 / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1967. – 671 с.

Фасмер, 1971 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., т. 3 / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1971. – 827 с.

Фасмер, 1973 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., т. 4 / М. Фасмер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1973. – 855 с.

Шагдаров, 2006 – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т., т. I. А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – 636 с.

Шагдаров, 2008 – Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь. В 2-х т., т. II. О–Я. / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с.

ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Авт. сл. ст. Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

ЭСТЯ, 1978 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Авт. сл. ст. Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

ЭСТЯ, 1980 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «В», «Г», «Д» / Авт. сл. ст. Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 392 с.

ЭСТЯ, 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. ст. Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. ст. Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.

ЭСТЯ, 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Қ». – М., 2000. – 476 с.

ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – 443 с.

Cl. – Clauson, G. An etymological dictionary of pre-thirteen-century Turkish / G. Clauson. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p.

EDAL – Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages – Part I. A–K; Part II. L–Z; Part III. Indices. / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston: Brill, 2003. – 2096 p.

HY (Houa-yi yi-yu) – Lewicki, M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389 / L. Lewicki. – Wrocław, 1949. – 249 p.

HYt – тексты из HY.

IM – 1) Battal Aptullah. Ibnü-Mühenna lûgati. – Istanbul, 1934. 2) Мелиоранский П. М. Араб-филолог о турецком языке. – СПб., 1900. 3) Малов С. Е. Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. – Л., 1928. – Т. III, вып. 2.

Kow. – Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français / J. E. Kowalewski. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – Vol. I–III. – 2690 p.

Less. – Lessing, F. D. Mongolian-English dictionary / F. D. Lessing. – Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1960. – 1217 p.

LH – Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // ИАН СССР. Сер. VI. – 1927. – XXI. – № 15–17.

Lig. VMI – Ligeti L. Un vocabulaire mongol d'Istanbul // АОН. Budapest, 1962. – Т. XIV, fasc. 1–2.

MD – Martin, S. E. Dagur Mongolian. Grammar, texts and lexicon / S. E. Martin. – Bloomington, 1961. – 341 p.

Räs. – Räsänen, M. Versuch eines etymogolisches Wörterbuchs der Türk-sprachen / M. Räsänen. – Helsinki, 1969.

SH – Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaa (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen / E. Haenisch. – Leipzig, 1939.

Tum. – Tumurtogoo D. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics / D. Tumurtogoo, G. Cecegdari. – Taipei, Taiwan, 2006. – 726 p. (Language and Linguistics Monographs Series A 11.)

Электронные ресурсы

www.adme.ru.

<http://chita.rfn.ru/region>.

<http://dic.academic.ru>.

<http://ru.wikipedia.org>.

<http://www.3planet.ru>.

www.zoomet.ru.

Названия языков и говоров

<p>авест. – авестийский аг. – агинский говор бурятского языка аз. – азербайджанский алт. – алтайский англ. – английский афган. – афганский бао. – баоаньский бараб. – барабинский диалект татарского языка баргуз. – баргузинский говор бурятского языка башк. – башкирский бел. – белорусский бирм. – бирманский болг. – болгарский бохан. – боханский говор бу- рятского языка бур. – бурятский язык венг. – венгерский в.-луж. – верхнелужицкий гаг. – гагаузский гот. – готский греч. – греческий даг. – дагурский диал. – диалект дравид. – дравидийские языки др.-англ. – древнеанглийский др.-греч. – древнегреческий др.-инд. – древнеиндийский др.-исл. – древнеисландский др.-польск. – древнепольский др.-прусск. – древнепруссский др.-рус. – древнерусский др.-тюрк. – древнетюркский дунс. – дунсянский ж.-уйг. – язык желтых уйгуров</p>	<p>зап.-бур. – говоры западных бурят индоевр. – индоевропейские языки индонез. – индонезийский ир. – иранские языки исп. – испанский итал. – итальянский каз. – казахский калм. – калмыцкий кбалк. – карачаево-балкарский кир. – киргизский кит. – китайский ккалп. – каракалпакский кор. – корейский крх.-тюрк. – караханидско- тюркский ктат. – крымскотатарский кум. – кумыкский куманд. – кумандинский диа- лект алтайского языка кыз. – кызыльский диалект ха- касского языка кяхт. – кяхтинский говор бу- рятского языка латышск. – латышский леб. – язык лебединских татар лезг. – лезгинский литовск. – литовский ма. – маньчжурский манс. – мансийский мо. – халха-монгольский мог. – могольский мор. – моравский диалект чеш- ского языка мнгр. – монгорский нан. – нанайский нганас. – нганасанский</p>
---	---

нег. – негидальский
нем. – немецкий
нен. – ненецкий
нид. – нидерландский
н.-луж. – нижнелужицкий
ног. – ногайский
ойр. – язык ойратов Синьцзяна
орд. – ордосский
орок. – орокский
ороч. – ороцкий
осетин. – осетинский
перс. – персидский
праиндоевр. – праиндоевропей-
ский
пкл.-мо. – преклассический
монгольский
Пкор. – протокорейский
п.-мо. – старописьменный мон-
гольский
Пмонг. – протомонгольские
языки
польск. – польский
праслав. – праславянский
Птунг. – прототунгусо-
маньчжурские языки
Птюрк. – прототюркские языки
Пяп. – протояпонский
рус. – русский
саам. – саамский
саг. – сагайский диалект хакас-
ского языка
самод. – самодийские языки
сел. – селенгинский говор бу-
рятского языка
селькуп. – селькупский
сем.-хам. – семито-хамитские
языки
сербохорв. – сербохорватский
слав. – славянские языки
словацк. – словацкий

словенск. – словенский
сой. – сойонский язык
сол. – солонский
ср.-мо. – среднемонгольский
язык
ср.-перс. – среднеперсидский
ст.-слав. – старославянский
сюг. – сарыг-югурский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
тел. – телеутский диалект ал-
тайского языка
тиб. – тибетский
т.-ма. – тунгусо-маньчжурские
языки
тодж. – тоджинский диалект
тувинского языка
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
тюрк. – тюркские языки
уд. – удэгейский
удм. – удмуртский
уйг. – уйгурский
узб. – узбекский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
унг. – унгинский говор бурят-
ского языка
уральск. – уральские языки
фин. – финский
фр. – французский
хак. – хакасский
хорин. – хоринский говор бу-
рятского языка
чаг. – чагатайский
чешск. – чешский
чж. – чжурчженский
чув. – чувашский

чул.-тюрк. – чулымско-
тюркский

шведск. – шведский

шор. – шорский

эвен. – эвенский

эвенк. – эвенкийский

энецк. – энецкий

эст. – эстонский

эхир. – эхирит-булагатский го-
вор бурятского языка

як. – якутский

яп. – японский

Указатель анализируемых в работе слов

- aman* 'рот' 83, 167
amar 'спокойствие' 81
amara- 'отдыхать' 82
amayaı 'свисток' 167
amba 'большой, крупный' 178
ambarai 'ягнячьи почки' 174
ami(n) 'дыхание' 84
amisa- 'дышать' 82
amsay 'жабры' 83
amsar 'отверстие' 168
amtan 'вкус' 237
amıyulang 'покой' 81
aray '128'
araĉa- 'спорить' 39
arajā 'крепкий кумыс' 234
araki, ariki 'водка' 233
aral 'остров' 132
aral 'оглобли' 136
aral 'пряжка' 136
aral 'телосложение' 128
araljı 'липарит' 252
aram 'копье' 133
aran 'человек' 206
arangı-a 'помост' 148
araya 'клык' 98
arbai 'ячмень' 143
arban 'десять' 114
arbayaljı 'паук' 143
arbayaljıyan-a 'стрекоза' 211
arĉay 'можжевельник' 111
arĉi 'можжевельник' 111
ardaı 'дикий, неук' 281
arı-a 'способ' 282
arıal 'кизяк' 142
arıalı 'дикий баран' 105
arıatay 'скакун' 127
arıatjı 'веревка' 147
arisu 'кожа, шкура' 140
arjāyan-a 'кузиния' 111
arkilang 'муравьиный лев' 99
arqaljı 'привязь' 147
arqay 'сильный' 282
arslan 'лев' 99
aru 'спина' 127
aruy 'корзина' 148
bambai 'валерьяна' 255
bambai 'войлочный хомут' 255
bambai 'щит' 171
bambar 'тигренок' 255
bambursı 'медвежонок' 255
*amki 'охотничья обувь' 255
bara- 'иссякать' 280
baray-a 'очертание' 198
baray-a 'товар' 199
baray-a 'свита' 206
barbad 'резуха' 253
barbadai 'большой палец' 115
barbaqai 'большой палец' 115
barda 'хомяк' 163
bardai 'суслик' 163
bardam 'чванливый' 162
bari- 'держать' 125
barımay 'воловик' 253
barjāng 'руст' 252
barluı 'слуга, раб' 206
barmadai 'тигровый питон' 100
bars 'тигр' 99
barta □-а 'валуны' 140
barıı 'сумерки' 197
beltereg 'волчонок' 100
bembeı 'тесто' 255
berge- 'стесняться' 271
bergen 'невестка' 271
beri 'невестка' 271
beriy-e 'посох' 136

- berimüg* ‘воловик’ 253
berke ‘искусный’ 229
bertegčün ‘волчонок’ 101
bir-a ‘мощь’ 280
birjǵüü ‘воловик’ 253
bombursi ‘шерстяная ткань’ 255
borbi ‘сухожилие’ 163, 276
borča ‘вяленое мясо’ 253
bordu- ‘откармливать’ 162
boručıy ‘шишка’ 252
borulǵı ‘шест’ 136
borıyusu ‘мошкара’ 217
borgıy-a ‘быстрина’ 51
borgıy-a ‘рыхлая почва’ 252
borjın ‘гранит’ 252
borjıng ‘солончак’ 252
borq-a ‘бурундучок’ 163
bortıyı ‘деревянное ведро’ 163
boru ‘серый’ 200
borıy ‘каменная стель’ 252
borıya ‘дождь’ 201
borulǵın ‘береза-ерник’ 155
borulǵı ‘аяния’ 155
borulǵıyan-a ‘курильский чай’ 155
bömbüge ‘мяч’ 171
bömbüi ‘мизинец ноги’ 171
bömbükei ‘пузырчатка’ 171
bömbülig ‘шар’ 171
börtü ‘пестрый’ 200
bımbay-a ‘пузырь’ 171
buray ‘ивняк’ 155
burçayai ‘стручок’ 219
burçayan-a ‘соя (желтая)’ 219
burçay ‘семя, плод’ 219
burıyan-a ‘вид акации’ 155
burıyasu ‘ива’ 155
burıyı ‘сверло’ 68
burıulǵın ‘крючок’ 155
buri ‘плесень’ 239
burıy ‘грязь’ 239
bümbe ‘медный кувшин’ 171
büri ‘каждый’ 206
bürilgene ‘калина’ 218
bürilǵene ‘калина’ 218
bürıy-e ‘труба’ 68
bürkü- ‘накрывать’ 198
čamang ‘пресыщенный’ 73
čar ‘верхний слой снега’ 32
čaray ‘след, черта’ 63
čarbang ‘попынь’ 145
čarbayı ‘запятье’ 113
čarča ‘саранча’ 32
čarčaqaı ‘саранча’ 32
čarču ‘стеарин’ 251
čargı ‘затвердевшая дорога’ 62
čargıl ‘кастаньеты’ 63
čarıy ‘колея’ 63
čembe ‘сукно’ 286
čer ‘мокроты’ 35
čerbe- ‘отдергивать’ 122
čerbegüü ‘далекий’ 122
čerge ‘коновязь’ 134
čerig ‘войско’ 204
čerme- ‘выбивать корм’ 123
čimala- ‘хотеть большего’ 43
čimeg ‘украшение’ 174
čimege ‘шум, гул’ 81
čimki- ‘щипать’ 285
čimüge(n) ‘мозг (в костях)’ 74
čınu-a ‘волк’ 243
čirai ‘лицо’ 221
čire- ‘тащить’ 61
čırıy ‘сани’ 62
čırıyay ‘тесный’ 162
čırıyayı ‘тугой’ 162
čotčırıy-a ‘пригибаться’ 290
čotčıy ‘купол’ 182
čotı ‘кубок’ 183
čotı- ‘стоговать сено’ 293

čomuγ-a ‘кружка’ 183
čorbu ‘верхняя губа’ 161
čorbudai ‘славка рыжая’ 161
čordu ‘щука’ 108
čordung ‘небольшая труба’ 135
čoryu ‘перегоночная труба’ 135
čorgi- ‘прижигать’ 259
čori ‘единственный’ 131
čorkiruu ‘рябчик’ 30
čorui ‘перепонка’ 254
čōt ‘насквозь’ 88
čōt ‘полностью’ 293
čōt-e ‘косточка; ядро’ 174
čōtü- ‘сжимать’ 285
čōmüleng ‘яблоко’ 174
čutčasu ‘выступ’ 182
čurba ‘птенец’ 97
čurbang ‘птенец’ 97
čury-a ‘щуренок’ 108
čuruqai ‘щука’ 108
čümčisü ‘горка’ 182
damay-a ‘табак’ 75
damur ‘пустой (о речи)’ 78
darabči ‘шпора’ 116
darasu(n) ‘вино’ 232
darbalγa ‘парус’ 58
darčuy ‘флажок’ 58
dargil ‘быстрина’ 51
darki ‘бурелом’ 147
daru- ‘давить’ 279
derebči ‘шпоры’ 116
deresü(n) ‘ковыль’ 146
deresügen-e ‘соломинка’ 146
dergel ‘высокогорный тур’ 105
*dermen ‘папоротник’ 146
dot ‘заговор’ 78
dombu ‘чайник’ 176
dombura ‘домра’ 177
domuy ‘легенда’ 78
dorbi ‘настроение’ 280

*dorbu ‘торба’ 161
dorbung ‘курильница’ 161
dorbuyu ‘котелок’ 161
doryu ‘барсук’ 64
*dorjuqai ‘воробей’ 32
doruna ‘восток’ 194
dörbeljin ‘квадрат’ 119
dörben ‘четыре’ 119
dörsü ‘шелуха’ 254
dura(n) ‘воля; любовь’ 283
durad- ‘упоминать’ 48
duranbai ‘подзорная труба’ 202
durang ‘бинокль’ 202
duras- ‘вспоминать’ 48
durba- ‘пылать’ 260
durbaliγ ‘тимофеевка’ 161
durusu(n) ‘кора’ 252
dürbe- ‘бросаться наутек’ 59
düre- ‘всунуть, вставить’ 277
düri ‘вид, образ’ 228
dürsü(n) ‘форма’ 228
et ‘лекарство’ 78
ete ‘женщина’ 169
emegčün ‘самка’ 170
emege(n) ‘бабушка’ 170
emegel ‘седло’ 180
emgeni- ‘стонать’ 264
emkü- ‘куснуть’ 76
emte ‘сплошь щербатый’ 289
emüs- ‘надевать’ 292
erbegči ‘бабочка’ 211
erbei ‘маховая сажень’ 122
erbekei ‘бабочка’ 211
ere- ‘воспалиться’ 262
ere ‘мужчина’ 125
ere ‘стая рыб’ 210
eregčün ‘самец’ 125
eregüü ‘мука, пытка’ 262
erekei ‘большой палец’ 116
eremdeg ‘одноглазый’ 226

eremsi- ‘надеяться’ 283
ergel ‘горный баран’ 105
ergi- ‘кружиться’ 207
ergi ‘берег’ 152
ergü- ‘поднимать’ 153
eri- ‘просить’ 41
erike ‘четки’ 221
eriyen ‘пестрый’ 207
erj̄in ‘перламутр’ 252
erke ‘власть, сила’ 281
erke ‘избалованный’ 282
erkere- ‘саднить’ 262
erketen ‘органы чувств’ 282
erme ‘полынь’ 145
ermelje- ‘стремиться’ 283
ersleng ‘львица’ 99
erslig ‘единорог’ 106
erte(n) ‘рано’ 192
erügül ‘трезвый’ 275
erüke ‘дымник’ 153
γamar ‘цинкенил’ 256
γamba ‘мимоза’ 255
γar ‘рука’ 113
γarangu-a ‘лишние зубы’ 99
γomdu- ‘обижаться’ 274
γori ‘надежда’ 283
γorila- ‘просить’ 40
γoruqa ‘ручей’ 51
γura ‘гуран’ 104
γurbalj̄i ‘камыш’ 146
γurbalj̄in ‘треугольник’ 117
γurban ‘три’ 116
□uri ‘гречиха’ 146
γurmasun ‘толстая веревка’ 118
γuryaldai ‘соловей’ 31
γuryuul ‘фазан’ 31
ger ‘юрта’ 157
ger-e ‘расписка’ 40
ger-e ‘слабый свет’ 196
gereči ‘свидетель’ 40
gerel ‘свет’ 196
gergei ‘жена’ 272
gergen ‘жена’ 272
geriyes ‘завещание’ 40
girbi- ‘упасть духом’ 270
görügesü(n) ‘антилопа’ 104
gür ‘клевета’ 41
gür, gür-e ‘орава’ 205
gürbel ‘ящерица’ 214
gürege ‘шейная артерия’ 276
güreljegen-e ‘сверчок’ 212
im ‘клеймо’ 175
im ‘тишина’ 80
im ‘анат. яйцо, яички’ 171
imaγa(n) ‘коза’ 244
imere- ‘сучить (нити)’ 288
imne- ‘подмигивать’ 286
ir ‘лезвие, острие’ 133
ir ‘сила’ 280
ira- ‘резать’ 65
iraγu ‘благозвучный’ 42
iraγui ‘анемон’ 217
irbeg ‘богородская трава’ 218
irbis ‘леопард’ 102
irγa- ‘спорить’ 43
irγai ‘горбуша’ 210
irγai ‘кизил’ 218
irge ‘легченый баран’ 106
irgen ‘гражданин’ 205
irme- ‘моргать’ 60
irmeg ‘грань’ 152
iru-a ‘знак, знамение’ 268
irüge- ‘благословлять’ 42
irügeči ‘прорицатель’ 44
jayirang ‘шаман’ 45
jamal ‘водная чечевица’ 86
jamay ‘водоросли’ 85
jamba ‘проскурник’ 174
jambayan-a ‘болотноцветник’ 86
jamγar ‘роза коричневая’ 174

- ǰatur* ‘ягоды шиповника’ 173
ǰar ‘приказ’ 37
ǰaray ‘кулик’ 107
ǰaraya ‘ёж’ 109
ǰarɣu ‘жалоба’ 38
ǰari- ‘врать’ 38
ǰari ‘дикий олень’ 105
ǰarliɣ ‘приказ’ 37
ǰarm-a ‘мальки’ 209
ǰarm-a ‘мелкая крупа’ 220
ǰaru- ‘нанимать’ 38
ǰaru- ‘продавать’ 38
ǰembege ‘душистое дерево’ 174
ǰemle- ‘журить’ 77
ǰer ‘оружие’ 133
ǰerge ‘ряд’ 204
ǰergelge ‘мираж’ 194
*ǰergene ‘хвойник’ 112
ǰerlig ‘дикий’ 281
ǰerme- ‘сдирать’ 64
ǰerm-e ‘травы’ 218
ǰim ‘тишина’ 80
ǰimbür ‘свирель’ 167
ǰimir ‘тишина’ 80
ǰimis ‘ягоды’ 172
ǰimisgen-e ‘ягоды’ 172
ǰir ‘лезвие, острие’ 133
ǰir ‘стружки’ 64
ǰirad ‘лейб-гвардия’ 204
ǰirayaqai ‘мальки’ 209
ǰirege ‘полоса’ 63
ǰirɣa- ‘благоенствовать’ 266
ǰirɣa- ‘гаснуть’ 194
ǰirɣa ‘нельма’ 210
ǰirɣuɣan ‘шесть’ 118
ǰirgemer ‘жаворонок’ 32
ǰirgen-e ‘ревень’ 64
ǰirke- ‘брезговать’ 284
ǰirke ‘бурундук’ 64
ǰirkirege ‘цикада’ 32
ǰirmaɣai ‘рыбья икра’ 209
ǰiru- ‘рисовать’ 63
ǰiruq-a ‘барсук’ 64
ǰiruq-a ‘метательный снаряд’ 133
ǰiruqai ‘черта, линия’ 63
ǰiruu ‘бороздоплодник’ 64
ǰiruɣa ‘иноходь’ 214
ǰirüke(n) ‘сердце’ 277
ǰirükebc̣i ‘бурундук’ 64
ǰoryul ‘лосенок’ 105
ǰorči- ‘шествовать’ 215
ǰori- ‘стремиться’ 283
ǰoru- ‘строгать’ 64
ǰörildü- ‘перекататься’ 40
ǰörü- ‘перемещаться’ 215
ǰümbüü ‘вострец лесистый’ 182
ǰür ‘дикая коза’ 105
ǰürči ‘гранатовое яблоко’ 237
ǰürǰilig ‘апельсин’ 237
ǰürküi ‘ломоноос сибирский’ 237
ǰürm-e ‘тонкие обрезки’ 64
ǰürmedeg ‘тонкие обрезки’ 64
ǰürükebc̣i ‘бурундук’ 64
kemi ‘костный мозг’ 74
kemke ‘вдребезги’ 290
*kemneg ‘утроба’ 169
engsig ‘приятный запах’
kengsigün ‘запах гари’ 242
kerčegei ‘жестокий’ 224
kerči- ‘резать’ 66
kerdeg ‘карниз’ 150
kereg ‘дело’ 38

- keregčün* ‘самка косули’ 104
kerelde- ‘сориться’ 40
kereljēgene ‘полевая мышь’ 29
kerem ‘крепость’ 156
keremü ‘белка’ 29
keresge ‘решетка’ 157
keriy-e ‘ворона’ 30
kerkinēg ‘анат. сетка’ 159
kers ‘единогор’ 104
kerseng ‘грудинка’ 150
kimsa ‘крылья носа’ 83
kimsa ‘пинцет’ 286
kimusu(n) ‘когти; ногти’ 286
kira- ‘крошить’ 66
kiram ‘эпидемия’ 67
kiray-a ‘сумерки’ 197
kirayui ‘кречет’ 224
kiraqai ‘зоркий’ 223
kirbasun ‘опаленная шерсть’ 238
kirbi ‘осетр’ 109
kiryuul ‘фазан’ 31
kire- ‘скупиться’ 273
kireg ‘скупой’ 273
kirya- ‘резать’ 66
kirmay ‘пороша’ 67
kirsa ‘степная лисица’ 102
kirte- ‘затмеваться’ 197
kiruyučai ‘маленький ястреб’ 224
kiruyun ‘иней’ 67
kirü- ‘бояться’ 270, 272
kirüge ‘пила’ 66
kirümčay ‘ливер’ 67
kira ‘низменный горный хребет’ 151
körbe- ‘перевертываться’ 145
köre- ‘остывать’ 67
körjēng ‘спрессованный навоз’ 251
körmeg ‘куча листьев’ 67
körüg ‘изображение, образ’ 228
körüngge ‘закваска’ 159
körüsü ‘кожица’ 254
körüsü ‘почва’ 67
kümel ‘полевой лук’ 172
kür ‘гололедица’ 67
kür ‘шелковица’ 214
kürbedeg ‘овчина’ 141
kürem-e ‘куртка’ 253
küren(g) ‘коричневый’ 200
küriye(n) ‘ограда; кружок’ 156
kürke ‘кузнечные меха’ 159
kürkir-e ‘водопад’ 51
kürmeli ‘осока’ 146
kürmeng ‘базальт’ 200
larji ‘мускус’ 238
larjiy-a ‘важность’ 162
limbu ‘флейта’ 167
mar-a ‘солончак’ 217
maral ‘лань’ 209
maraljin ‘ковер’ 209
marčiryan-a ‘постенница’ 209
maryasi ‘завтра’ 196
maryu- ‘спорить’ 41
marja ‘соленая почва’ 209
marjımay ‘чечевица’ 219
megeji ‘самка кабана’ 170
merbegekei ‘перговая моль’ 211
merge ‘ворожба’ 43
mergen ‘меткий’ 228
mergen ‘мудрый’ 43
mıraya ‘страсть’ 284
mıriyen ‘разноцветный’ 208
morin ‘лошадь’ 216
mör ‘след’ 204
mörgü- ‘молиться’ 130
mörgü- ‘бодать’ 276
mörgü ‘карп’ 109
mörüged- ‘мечтать’ 283
müren ‘река’ 208
nat ‘тихий’ 80
namasu(n) ‘лишай на лице’ 175

namaya 'листва' 86
namira- 'реять' 85
namq-a 'полынь' 86
namuγ-a 'роса' 86
namuγ 'болото' 85
naran 'солнце' 191
narasu 'сосна' 112
nargi- 'веселиться' 266
narmai 'просторный' 153
netür- 'накинуть на себя' 292
nerbe- 'притеснять' 263
nere- 'перегонять, курить' 154
nere 'имя' 46
neremjï 'имя' 46
nersü 'голубика' 218
nimbeg 'лимон' 172
nimgen 'тонкий' 288
niruγu(n) 'спина' 128
notuqup 'спокойный' 80
noqai 'собака' 243
nötmüri 'укрытие' 292
nöri 'укоренелая болезнь' 264
nöri- 'хворать' 264
nörige 'рябины на лице' 221
nutu(n) 'лук' 180
nura- 'обрушаться' 55
nurm-a 'горячий пепел' 260
nurm-a 'ссоры' 46
nümjig 'жир' 240
nür 'черника' 218
nüre- 'толкать друг друга' 279
*omuγ 'анат. соколок' 178
omuγ 'гордость' 273
oturuu 'ключица' 178
orbulyu 'филин' 140
*orbunay 'влагалище коровы' 145
orbung 'корень, стебель' 144
oryudai 'женьшень' 144
oryui 'шлем' 105
oryuibçi 'шлем' 105

orgil 'пик' 130
ori 'одинокий' 131
orim 'род налима' 210
orui 'поздно' 192
orui 'вершина' 130
oruγ 'серый' 193
orumjï 'хижина' 131
orun 'олень' 105
orungya 'хоругвь' 58
orungyu 'вид антилопы' 105
ömbü 'айва' 172
ö мүдү 'штаны' 292
örbelge 'перья' 140
örbi 'аист' 140
örgen 'широкий' 153
örgesün 'шип' 107
örlüge 'утро; завтра' 192
örm-e 'пенка' 160
örmüge 'рогожа' 253
örni- 'пылать' 259
örtege 'почтовая станция' 204
örü 'внутренность чего-л.' 267
örü- 'идти против чего-л.' 258
örü- 'ставить в ряд' 204
örüče 'диафрагма' 268
örügel 'один из пары' 131
örügesun 'один из пары' 131
örün-e 'запад' 194
qatar 'гулявник' 255
qatar 'нос' 83
qatayu 'лишай' 175
qamba 'ромашка' 255
qambil 'крупка' 255
qatγar 'черемша' 172
qatıyal 'тучный' 178
qamki- 'прикрывать' 75
qatq-a 'вдребезги' 290
qatqay 'желтая полынь' 255
qatquul 'перекати-поле' 256
qatu- 'загрести' 293

- qatıy* ‘весь’ 293
qar ‘ревность’ 272
qara- ‘смотреть’ 226
qara- ‘строгать’ 66
qara ‘черный’ 199
qaraǰı ‘отмель’ 51
qaraǰı ‘бекас’ 107
qarayana ‘карагана’ 111
qarayı ‘жадный’ 273
qaram ‘скупость’ 273
qarasu ‘баклан-рыболов’ 107
qarbay-a ‘малец’ 209
qarbu- ‘стрелять из лука’ 123
qarçayai ‘ястреб’ 224
qargı ‘быстрина’ 51
qariya- ‘ругать’ 39
qariyaçai ‘ласточка’ 107
qarkira ‘серая цапля’ 30
qarma- ‘сгребать’ 123
qarmay ‘селитрянка Шобера’ 111
qarqa ‘крыса’ 29
qarçai ‘лиственница’ 112
qot ‘жир в верблюжьем горбу’ 180
qomburai ‘род игры в бабки’ 171
qombu-y-a ‘мешок’ 291
qotqai ‘жадный’ 75
qotqurui ‘шелуха’ 241
qotquruus ‘перхоть’ 241
qotul ‘лошадиный помет’ 174
qotur-y-a ‘круг охотников’ 293
qongsıyar ‘морда, рыло’ 242
qorçal ‘помет’ 220
qorçulǰın ‘свинец’ 221
qorçusun ‘помет’ 220
qorçuyı- ‘вспугивать’ 270
qoriy ‘запрет’ 271
qoriy ‘чувствительный’ 271
qorkınay ‘горошек’ 220
qormui ‘подол’ 156
qorsu- ‘саднить’ 262
qoru- ‘прятаться’ 270
qoruça ‘ограда’ 156
qoruçai ‘водка’ 235
qoruçai ‘насекомое; червь’ 213
qorıu ‘бельмо’ 225
qosi□u ‘морда’ 242
qour-a ‘яд’ 235
qumaki ‘песчинка’ 241
qumba-y-a ‘сакволяж’ 291
qur ‘тетерев’ 30
qura ‘дождь’ 54
qura- ‘собираться’ 47
quray-a ‘ягненок’ 120
qurbasu ‘сухожилие’ 276
qurça ‘острый’ 103
qurçangyu ‘сыпь’ 262
qurçalǰı ‘полевица малая’ 146
qurdun ‘быстрый’ 59
qurıç-a- ‘страстно желать’ 284
qurım ‘пир’ 47
qurısay-a ‘ягнячья шкурка’ 141
qursi- ‘горкнуть’ 235
qursu ‘побег’ 146
quru-yu(n) ‘палец’ 114
samay ‘жабры’ 83
samai ‘бабушка’ 170
samayan ‘старуха; женщина’ 170
samalda-y ‘ноздри’ 83
sambai ‘усы, борода’ 255
samba-y-a ‘сила’ 84
samsa ‘крылья носа’ 83
samur ‘орех’ 174
samura- ‘плыть’ 86
sar ‘лунь’ 225
sara ‘луна’ 189
sarabçı ‘сетка для глаз’ 189
saraya ‘крепкий напиток’ 235
sarayçın ‘столбик’ 134
sarayul ‘светлый’ 189
saralǰın ‘бекас’ 107

- saraljın* 'решетка' 134
sarana 'сарана' 236
saranay 'мошонка' 142
sarbači 'головной убор' 145
*sarbai 'трефы' 145
sarbaljı 'дикое просо' 145
*sarbasun 'брыжейка' 254
sarbay-a 'жеребенок' 120
sarbayčın 'обезьяна' 121
sarbayu 'часть руки' 113
sariday 'голец' 131
sarimsay 'чеснок' 236
sarisu 'сыромятная кожа' 141
sarisun 'перепонка' 254
sarkınay 'анат. книжка' 58
sarkınay 'соты пчелиные' 159
sarkıyan-a 'полевка' 29
sarkıy-a 'горная цепь' 158
sarkıyay 'рыжик' 158
sarlay 'як' 106
sarmai 'летний сухой помет' 143
sarmai 'овечья шкура' 141
sarmıday 'летний сухой помет' 143
sarmuy 'репа полевая' 236
sarnai 'роза' 111
sarqud 'крепкие напитки' 235
sem 'вон, наружу' 286
sem 'тихо, крадучись' 81
sembei 'тонкий хадак' 286
semele- 'распускать' 286
semere- 'распускаться' 286
semjı 'брыжейка' 288
semten 'невод' 286
serbe 'мутовка' 134
serbečın 'обезьяна' 121
*serbege 'хвост ласточки' 107
serbege 'спинной плавник' 109
sere- 'просыпаться' 275
serege 'вилка' 134
seregeljı 'вилка для плодов' 134
serigün 'прохладный' 257
serjım 'подношение' 52
serke 'козел' 106
serkegene 'люцерна' 218
serkelge 'патриния сибирская' 236
serleg 'багульник' 146
serteg 'галения' 111
serteng 'позвоночный отросток' 102
serü 'носорог' 106
serege 'вилка' 134
simala- 'засучивать' 294
simarsu 'копеечник' 86
sime- 'высасывать' 73
sim-e 'сок' 73
simuyul 'насекомое' 88
sira- 'жарить' 61
sira- 'печь (о солнце)' 195
sira 'желтый' 195
sir-a 'изжога' 234
siračay 'высокий девясил' 146
siraĵa 'четверной спирт' 234
siraljı 'бурьян' 145
sirayıqa 'рысенок' 101
sirba- 'махать' 123
sirbusu(n) 'жила' 276
sirdeg 'стеганный тюфяк' 253
sire- 'тащить' 61
sireg 'трава, луг' 218
siremün 'чугун' 259
sirengi 'роща' 146
siryuljı(n) 'муравей' 212
sirge- 'испаряться' 61
siri(n) 'кожа, шкура' 141
sirke 'вошь скота' 213
sirke 'уксус' 234
sirkeg 'штука' 204
sirkeg 'щетина (свиная)' 141
sirq-a 'рана' 262
siru 'коралл' 221
sirui 'земля, песок' 62

- sor* ‘ость (меха)’ 141
sorbi ‘трость’ 134
sorbu ‘вейник’ 146
sori- ‘испытывать; гадать’ 47
sorisu ‘головка лука’ 236
sormusu(n) ‘ресницы’ 141
sornu ‘серобородник’ 146
sornui ‘зубровка’ 146
sorsun ‘зимняя шкура косули’ 141
soru- ‘сосать’ 35
soruy ‘короткий’ 115
sömesü(n) ‘пища’ 73
sörü- ‘идти против чего-л.’ 258
sumun ‘стрела’ 87
sur ‘ворожба’ 47
sura- ‘спрашивать’ 47
suray ‘весть’ 47
surbaljı ‘головка стрелы’ 135
suray ‘жердь’ 135
sümbü ‘шомпол’ 88
süme ‘храм’ 183
sür ‘величие’ 280
süre- ‘торговать’ 47
sürel ‘солома’ 143
süriy-e ‘блеск’ 189
süriy-e ‘туберкулез’ 35
süriy-e ‘ужас’ 269
sürsü ‘длиннохвостая антилопа’ 105
*sürtebei ‘penis’ 126
sürüg ‘стадо’ 206
şambai ‘крепкий’ 178
şar ‘вол’ 106
şarγa- ‘спорить’ 41
şargınay ‘побрякушки’ 63
şarki ‘унты’ 62
şorbuy ‘соленый’ 235
şornui ‘лебеда’ 146
şoru ‘вертел; шпага’ 133
şoru ‘одинокая вершина’ 132
şoru ‘соленый на вкус’ 235
şorung ‘частокол’ 134
şörge ‘ерш’ 109
şörge ‘намордник для телят’ 110
şörge- ‘тереться’ 61
şumal ‘мешочек’ 291
şumba- ‘нырять’ 86
*şuray ‘бусы’ 221
şuray ‘скала, мыс’ 132
şürkei ‘чирок’ 32
şürüü ‘таймень’ 108
tama- ‘вить веревку’ 288
tama- ‘собирать’ 293
tamaki ‘табак’ 75
tamγ-a ‘печать’ 175
tamir ‘сила’ 84
tamsiya- ‘чавкать’ 75, 237
tamsuy ‘удовольствие’ 237
tamtu- ‘кромсать’ 289
tar ‘ось на меху’ 141
taray ‘тарак’ 232
tarbaljı ‘ястреб’ 225
tarbay-a ‘тарбаган’ 161
tarča ‘саранча’ 32
tarči ‘самка тарбагана’ 161
tarçıγ ‘неурожайный’ 252
tarγan ‘жирный, тучный’ 160
targil ‘быстрина’ 51
tari- ‘сеять’ 124
*tarjıday ‘пигмей’ 161
tarlay ‘кислец’ 146
tarmu- ‘сгребать’ 123
tarnu ‘горец’ 146
tarqanay ‘гильза’ 161
tarqančay ‘карапуз’ 161
temdeg ‘метка’ 175
temege(n) ‘верблюды’ 179
temeljıgene ‘стрекоза’ 179
temte- ‘отрывать’ 289
temtele- ‘ощупывать’ 289
tereljı ‘багульник’ 146

terem ‘вербейник’ 146
tergen ‘телега’ 137
tomu ‘большой’ 177
tomu- ‘очищать орехи’ 286
tomu- ‘прясть’ 288
tomu-a ‘решетка’ 293
tomuyu ‘намордник’ 292
torq-a ‘кадка, бочка’ 161
torui ‘поросенок’ 161
tömüge ‘алебарда’ 88
tömüsü(n) ‘картофель’ 171
törü- ‘родить’ 279
tuma ‘чванство’ 273
tumbai ‘трехлетняя корова’ 179
tura- ‘худеть’ 129
turay ‘большой’ 203
turlaki ‘галка’ 202
tursay-a ‘шкура павшего скота’ 142
tümelji ‘спаржа клубеньковая’ 172
türbelji ‘орел’ 225
türe- ‘подхватывать песню’ 49
türe- ‘толкать’ 49
türgen ‘быстрый’ 59
türisü(n) ‘икра’ 210
türki- ‘смазывать’ 61
türügüü ‘передовой’ 59
umaday ‘лобковая кость’ 178
umai ‘утроба’ 168
umasi ‘зерна пороха’ 174
umba- ‘плыть’ 86
umçay ‘влагалище’ 169
umda(n) ‘питье’ 77
umta- ‘спать’ 82
ungyai ‘падаль’ 240
uniyar ‘туман’ 242
urba- ‘поворачиваться’ 145
urya ‘укрюк’ 136
urgi- ‘клубиться’ 153
uri- ‘дуть против’ 258
uri- ‘приглашать’ 46
urin ‘гнев’ 272
urin ‘пылкая страсть’ 284
urm-a ‘настроение’ 280
urm-a ‘манок’ 106
urtu ‘длинный’ 129
urtuci ‘глиняный сосуд’ 129
uru- ‘рвать’ 65
uruça ‘шалаш’ 131
urus- ‘течь’ 52
usun ‘вода’ 77
ümdegen ‘яйцо’ 171
ümkü- ‘откусывать’ 76
ümtü- ‘шипать, вырывать’ 286
ümtüri- ‘выпадать (о волосах)’ 286
ümükei ‘зловонный’ 240
ümüki ‘вонючий’ 240
ümürü- ‘стягивать’ 291
ümürüül ‘ремень, веревочка’ 291
ünegen ‘лиса’ 244
ünür ‘запах’ 241
ünüs- ‘целовать; нюхать’ 182, 241
ür ‘рассвет’ 191
ürbel ‘ящеренок’ 214
ür-e ‘плод’ 220
üre- ‘тереть’ 65
ürge- ‘пугаться’ 270
ürgene ‘терн, терновник’ 111
ürmesün ‘попынь’ 145
üsün ‘волосы’ 142
yara ‘рана’ 261
yarya ‘бойня’ 67
yari- ‘говорить’ 37
yerend ‘прострел японский’ 217
yerü ‘обыкновенный’ 206
yerüngkei ‘общий’ 206
yorgi- ‘хвастаться’ 37
yoruqai ‘пяденица’ 214

Summary

Sounds and images: phonosemantic research of words with root consonants [r/m]

The book is devoted to the problem of the connection between sounds and semantics which attracted scientists' attention since ancient times. The research is based on the language system of figurative words presented by onomatopoeic and sound symbolic subtypes which form an extensive layer of the Altaic language lexicon. In the book we try to apply semantics of figurative words to the meanings of so called basic words of obscure etymology, such as names of natural phenomena, plants and animals, parts of the body, first ten numerals etc. Such approach gives research perspectives in etymology, psycholinguistics and semantics of the Mongolian languages. The problem concerns not only the origin of present lexical meanings, but also defines the systemic organization of the lexicon.

The book examines the words derived from stems with dominant consonants [r/m]. The choice of these consonants is caused by their ability to form such fundamental oppositional pairs as «male ↔ female» (*er-e ↔ eme*), «loud ↔ silent», «sharp ↔ round», «bright ↔ dim», «sour ↔ sweet», «rough ↔ fluffy», «firm ↔ soft», «gross ↔ gentle» in the Mongolian languages.

The research is conducted according to the complex approach to the language and directly connected with a developing linguistic discipline – phonosemantics which has appeared at the joint of phonetics, semantics and lexicology. There are two bases of sound symbolism: synesthesia and kinemics. The first one is a neurologically-based condition in which stimulation of one sensory leads to automatic, involuntary experience in a second sensory. Kinemes are mime movements designating physiological processes in mouth and nasal cavities, mimetic imitations of non acoustic objects, etc.

The research data is classified according to the types of perceptual channel or five senses: hearing, eye-sight, smell, taste, and touch. The book consists of four chapters. Chapter I considers a morphological structure of the Mongolian lexicon with root consonants [r/m], a phonetic structure of primary root morphemes, discovering the word-formation types which functioned at early stages of the Mongolian languages' evolution.

The research work considers stems of four types. They are:

1. V+C_D (*ar-a-l, er-e, or-u-ngγa, um-ai*);
2. C_{un}+V+C_D (*ber-e-ge, süir-e-g, nam*);
3. V+C_D+C_{aus} (*örb-e-lge, ert-e-ger, amč-i-γar*);
4. C_{un}+V+C_D+C_{aus} (*sorm-u-su, sarb-a-lǰi, bamb-ai*)¹.

They can be constituted by one, two or three consonants.

1) a dominating consonant (C_D) is a main bearer of semantics. In onomatopoeic words it reflects the main character of the sounding. In sound symbolic words the denoting consonant contains the basic information about the object, its form, size, color, peculiarities of the surface, psychological and other characteristics etc. It can occupy either an auslaut (types 1 and 2) or inlaut position (types 3 and 4);

2) an umlaute consonant (C_{un}) in onomatopoeic words indicates the initial phase of phonation. In figurative words it could either soften or sharpen the degree of the main feature;

3) an auslaut consonant (C_{aus}) in onomatops reproduces the final phase of phonation, the consonants [s], [d] point to the momentary character of the action. It brings an additional shade to the semantic structure of a figurative root. For example, the consonants [b], [l], [m], [n] bring a shade of the feature's softening, [č], [ǰ], [s] a shade of roughness.

Thus the primary figurative meanings are composed of semantic potential of maximum three consonant. It is obvious that the positions of umlaute and (non-dominant) auslaut are less significant, than a position of the dominant. The examination of the vocal combinations in figurative words proves that they can not change the semantics which was set by stem consonants. As it is known, in the Mongolian languages, as well as in other languages of the world, not all sound combinations are possible at the joint of morphemes. In some cases epenthetic vowels appear inside the stem (*emüis-* 'to cloth (in)', *parib-a-γar* 'thick, rough') or between the stem and the suffix. Paragogic vowels (*em-e* 'woman') are also not considered as parts of the stem.

Three groups of primary word-formative suffixes were outlined: 1) "group -*daγ*" includes affixes with the final consonant [γ] (-*γ(a)*, -*daγ*, -*naγ/ngγ-a*, *laγ/-lγ-a*, -*čaγ*, -*maγ*, -*saγ/-sγ-a*, -*raγ/-rγ-a*); 2) "group -*daï*"

---

¹ There are other types of stems in the Mongolian languages, such as stems with diphthongs and long vowels.

contains formants ending on diphthongs (-*ai*, -*qai*, -*γai*, -*dai*, -*čai*, -*mai*, -*rai*, -*nai*, -*bai*, -*lai*); 3) other suffixes (-*γ-a/-y-a/-γu*; -*sun*, -*r*, -*l*, -*lǰi(n)*, -*γana*, -*lǰiγan-a*, -*γči(n)*, -*mǰi*, -*lang*, -*bči*, etc.).

Chapter II is devoted to onomatopoeic words with the dominants [*r/m*]. There are “transparent” onomatops which can be associated with some real sounds and onomatops which have lost connections with the onomatopoeic lexicon and now only allow etymologic reconstruction. It concerns the verbs of speaking with the dominant [*r*] and words with dominant [*m*] forming the specific field of zero phonation. Words with meanings ‘silence, calmness’ are sound symbolic words. It is conditional to refer them to onomatopoeia. It could be explained by their bordering character. Such acoustic and articulatory characteristics of bilabial [*m*] as the joint of lips conditioned the development of the meaning ‘silence’ (*em ĵim*, *im čim*, *im ĵim*, *nam güm*). Onomatops with the dominant [*r*] have such distinctive features as loudness, harshness, and roughness, which cause unpleasant sensations.

In Chapter III the key moments of the transition from pure acoustic characteristics to characteristics of visual perception of an object’s form are revealed. It is known that the sound repetition causes the appearance of a figurative response because the sound, due to its association in contiguity, contacts a situation when it happens. So here we deal with the synesthetic confusion from hearing to vision.

Among onomatopoeic words with the dominant [*r*] we discovered 5 onomatops, which developed 5 basic meanings. They gave a start to wide semantic correlations with non acoustic words:

1) onomatop *ar, initially referring the growling of wild animals, began to generate an image of sharp, sticking out teeth in the consciousness of recipients and formed a basis for a feature ‘sticking out, peaked’;

2) onomatop *kir, accompanying a process of cutting smth. in flat, even parts (by a knife, an axe, scissors, a saw) gave a number of lexemes with a leading feature ‘plain’;

3) onomatop *bur, reflecting water’s seething, boiling, gradually began to serve for expressing the feature ‘round; curly’;

4) onomatop *sar, correlating to the act of snorting, inhaling and exhaling air, is referred to the figurative meaning ‘round, yawing’;

5) onomatop **ter*, designating the sound of a released bowstring or a spring became the precondition for the meaning ‘swollen, big-bellied’.

The development of the meaning ‘round’ in words with the dominant [m] became possible due to the image of an open mouth. The sound of noise smelling in stem **šüm* through the image of the animal’s snout engendered the second meaning ‘pointed’.

Chapter IV regards the figurative words the semantics of which is directly linked to acoustic and articulatory characteristics of dominants [r/m]. Aspects of language expressing visual perception of light phenomena, tactile, gustatory and olfactory perception are analyzed. It was revealed that in Mongolian languages the consonant [r] as well as in other languages of the world is associated with inner discomfort. Unpleasant sensations caused by bright light, diversity of colors, glimpse, soar, piquant taste, acrid smell, stink, roughness, cold and hot temperature, pain, fear, horror are associated with the sound *r-r-r*. Besides, this consonant reveals meanings of ‘happiness’, ‘power’, ‘aspiration’, ‘passion’ because they are connected with excited state of a body. The dominant [m] due to lip junction transfers meanings ‘to compress’, ‘to pinch, nip’, ‘to tighten’, ‘thin’, etc.

There is no doubt that further research of sound symbolic features of other consonants in a dominant position will help to reconstruct the whole system of the language interpretation of sense perception in Mongolian and Altaic languages.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Морфологическая структура первичного лексического ядра с корневыми согласными [r/m]	6
Глава II. Вербализация слухового восприятия	25
2.1. Звукоподражательные возможности согласного [r].....	27
2.2. Участие доминанты [m] в формировании звуковой сферы.....	72
Глава III. Интерпретация зрительного восприятия формы объектов	93
3.1. Образные лексемы с доминантой [r].....	94
3.1.1. ГП ‘Нечто торчащее’.....	95
3.1.1.1. ‘Нечто остроконечное’.....	95
3.1.1.2. ‘Нечто растопыренное, лохматое’.....	138
3.1.2. ГП ‘Нечто ровное’.....	150
3.1.3. ГП ‘Нечто округлое, курчавое’.....	152
3.1.4. ГП ‘Нечто круглое, зияющее’.....	157
3.1.5. ГП ‘Нечто надутое, пузатое’.....	160
3.2. Образные лексемы с доминантой [m].....	165
3.2.1. ГП ‘Нечто круглое’.....	167
3.2.1.1. ‘Нечто округлое, небольшое (об отверстиях)’.....	167
3.2.1.2. ‘Нечто круглое, мелкое’.....	170
3.2.2. ГП ‘Нечто остроконечное’.....	182
Глава IV. Манифестация ощущений с помощью акустико-артикуляционных характеристик согласных [r/m]	187
4.1. Актуализация зрительного восприятия световых явлений.....	187
4.2. Актуализация вкусового восприятия.....	231
4.3. Актуализация обонятельного восприятия.....	238
4.4. Языковая интерпретация осязательного восприятия.....	245
4.4.1. Механорецепция.....	247
4.4.2. Терморецепция.....	256
4.4.3. Болевая чувствительность.....	261
4.4.4. Эмоции и чувства.....	264
4.4.5. Кинестетическая чувствительность.....	275
Заключение	302
Литература	307
Названия языков и говоров	325
Указатель анализируемых в работе слов	328
Summary	339

Екатерина Владимировна Сундуева

Звуки и образы:

фоносемантическое исследование лексем
с корневыми согласными [r/m]
в монгольских языках

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом ИМБТ СО РАН

Редактор *Г. В. Кашина*
Художник *Д. Т. Олов*
Верстка, макет *Т. Н. Вахрушкина*

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 300. Заказ № 29.

РИО Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

